

■ Вадим Щукин ■

ПОЛКОВОДЦЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

*Маршалы Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев и А.М. Василевский,
генералы И.Д. Черняховский и Н.Ф. Ватутин...*

*Им и другим прославленным полководцам Великой Победы
посвящается эта книга.*

Вадим
Щукин

■ Вадим Шукин ■

ПОЛКОВОДЦЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 94(47)(092)
ББК 63.3(2)-8
Щ 70

Щукин, В. Т.

Щ 70 Полководцы Великой Победы / Вадим Щукин. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 508, [4] с.: ил.

ISBN 978-5-17-067139-7 (АСТ)

ISBN 978-5-271-27803-7 (Астрель)

Новая книга современного писателя-историка В. Щукина посвящена маршалам Г. К. Жукову, А. М. Василевскому, К. К. Рокоссовскому и другим прославленным полководцам Великой Победы.

УДК 94(47)(092)

ББК 63.3(2)-8

Подписано в печать 10.04.2010. Формат 84×108¹/32.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,8

Тираж 3000 экз. Заказ № 962

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009 г.

ОТ АВТОРА

История знает примеры поражений крупных, подготовленных, хорошо вооруженных армий лишь потому, что во главе их стояли не соответствующие высоте задач личности. Но бывало и так, что благодаря оказавшемуся в час испытаний во главе войск удавалось одерживать победы над куда более сильным противником. Вот почему образ полководца, концентрирующего в себе чувство патриотизма и любви к Родине, у любого народа является величиной национально-исторического значения.

Чем отличается военачальник от полководца?

Высокие посты в вооруженных силах достигаются и в мирное время, причем не всегда благодаря талантам и способностям. Подчас здесь играют роль и политическая конъюнктура, и личные связи, и банальная коррупция, и, не в последнюю очередь, то, что требования, предъявляемые к офицеру в мирное время, значительно отличаются от военных. Право же называться полководцем можно заслужить лишь на полях сражений, доказав умение руководить крупными воинскими объединениями и показав высокие образцы военного искусства.

В годы Великой Отечественной войны роль командующих войсками фронтов, ведущих оперативно-стратегических объединений, являлась исключительно важной. Более 40 военачальников побывали в этой должности, но участниками Парада Победы стали только 10 из них.

Талант полководцев начал раскрываться в самое тяжелое время, когда враг, благодаря искусно проведенной дезинформационной игре¹ добившись внезапности

нападения, сумел быстро продвинуться на расстояние до 600 километров и создать реальную угрозу уничтожения страны.

Гитлер и его генералы считали войну практически выигранной, но более организованным и упорным стало сопротивление, больше уверенности и опыта приобретали советские военачальники, чьи первые победы стали предвестниками полного краха замыслов врага. Они одержали верх над профессионалами высочайшего класса, фельдмаршалами и генералами рейха, а воинскую славу Отечества подняли на небывалую высоту.

Им, полководцам Великой победы, и посвящается данная книга. Вошедшие в ее состав документально-художественные повествования опираются на точный фактологический материал. Каждое произведение рассказывает о судьбе одного героя, раскрывает полную картину той великой и грозной эпохи.

Книга содержит ряд ранее неизвестных и малоизвестных фактов, но вовсе не с целью ошеломить читателя какими-либо фантастическими версиями. Зачем? Их, вышедших из-под пера чаще всего имеющих весьма смутное представление о военном деле авторов, ныне и без того предостаточно, правда же куда более интересна, значительна и удивительна, чем любой вымысел.

Повествования о полководцах размещены в том же порядке, в котором располагались вверенные им войска на линии боевого соприкосновения с севера на юг; именно так проследовали они и на Параде Победы. Генералы армии Н. Ф. Ватутин и И. Д. Черняховский, несомненно, тоже были бы в этом строю, но, к сожалению, их жизнь оборвалась раньше, чем наступил счастливый день.

Важное место в ряду полководцев занимают также военачальники, возглавлявшие в годы войны артиллерию, Военно-воздушные силы, Военно-морской флот и тыл советской армии. Их заслуги бесценны, имена же – увы – в наши дни известны немногим.

Книгу завершает рассказ о маршале А. М. Василевском. Этому человеку, щедро наделенному подлинно

стратегическим даром и державшему в своих руках нити управления действиями всех фронтов, вскоре после знаменитого парада предстояло встать во главе крупнейшей группировки войск, авиации и флота, с блеском провести Дальневосточную кампанию и поставить точку в Великой Отечественной войне советского народа.

Маршал Советского Союза К. А. Мерецков

Допрос был жестким. Следователи Шварцман, Зименков и Сорокин сил не жалели, так что обратно в камеру узника пришлось вести под руки.

Невыносимая, мутившая рассудок боль понемногу отступала. Память возвращалась спасительными картинами прошлого. Опушка леса, зеленые луга, покосившийся домик — отчий край, деревня Назарьево Зарайского уезда, где он, Кирилл Афанасьевич Мерецков, родился в 1897 году. Тощая лошаденка, теплая земля под босыми ногами — приобщаться к труду пришлось с раннего детства. Москва, куда Кирилл в 15 лет уехал на заработки, освоил там слесарное дело, закончил городские вечерние классы и познакомился с революционерами-подпольщиками. Среди них были такие известные люди, как Л. Я. Карпов², Б. И. Збарский³, Я. В. Снегирев.

Они-то и спасли молодого человека от ареста за участие в забастовке, помогли перебраться в Судогду, где Кирилл Мерецков вначале создал партийную ячейку, а после революции — как самый грамотный — был назначен начальником штаба отряда Красной гвардии. Настоящая военная карьера началась позже, летом 1918 года, в боях под Казанью. Бывший офицер царской армии Говорков не только преподавал своему комиссару первые уроки тактики, но раскрывал глаза на значение профессии защитника Родины. Под влиянием друга растаяло юношеское желание стать инженером-химиком, зато появились мечты о полноценном военном образовании.

Говорков умел не только рассказать, но и показать. В атаку он шел первым, ведя за собой людей. Даже гибель его была примером: командир, сраженный пулей, пал под знаменем. Отряд возглавил комиссар. Рукопашная схватка, ранение, санитарный поезд, возвращение в Судогду... А там — неожиданное решение уездного комитета РСДРП(б) направить Кирилла Мерецкова для учебы во вновь созданную академию Генерального штаба.

Занятия прерывались командировками в войска, теория проверялась практикой. Так, в 1920 году довелось исполнять обязанности помощника начальника штаба дивизии в 1-й Конной армии, сражавшейся против белополяков. Здесь состоялось знакомство с С. К. Тимошенко, С. М. Буденным, К. Е. Ворошиловым и самим И. В. Сталиным. Ожесточенные бои сменялись лекциями и семинарами в академии.

Учеба под руководством таких наставников, как А. А. Свечин и В. Ф. Новицкий, увлекала, но старая рана заставила взять отпуск по болезни и уехать в Судогду. Здесь-то наконец и состоялась свадьба с любимой девушкой, за которой Кирилл ухаживал целых пять лет!

Свадьба была веселой, хотя и очень скромной. Сам жених был в потертой гимнастерке, оттого, видно, и сложили сестры невесты частушку: «Наша Дуня словно роза, а пошла за водовоза!»

Отпуск пролетел быстро, как и последний год учебы в академии. Выпускные экзамены были сданы успешно, вот только дипломная работа получила оценку «хорошо», а не «отлично»: профессор В. Ф. Новицкий обнаружил в ней опечатку и долго выговаривал смущенному слушателю, сколь недопустимо это для офицера Генерального штаба. Но получить «четверку» у самого Новицкого — да этим гордиться можно!

А дальше — служба в общевойсковых штабах, ярые споры о военной реформе. В них сторонники и массовых армий, и небольших, но профессиональных формирований искренне обвиняли друг друга в отходе от марксизма. Дискуссии завершились принятием системы, в которой наряду с ограниченным количеством регулярных частей существовали и территориально-ми-

лиционные части, где призывники должны были проходить военную подготовку. Численность же всех Вооруженных сил составляла всего лишь 369 тысяч человек. Хорошо это было или плохо? Просто содержать массовую армию страна, лежавшая в разлуке, не могла. В этих условиях роль мобилизации приобретала особое значение. Молодой красный командир как раз и был назначен начальником мобилизационного отдела штаба Московского военного округа.

— Николай Константинович, — как-то спросил Мерецков Н. К. Горбатова, старого военного специалиста, служившего в мобилизационном отделе еще до революции, — мне говорили, что перед Первой мировой войной у вас было всего два помощника и два писаря. Но когда началась война, Московский округ отобилизовался без единой задержки. Так это или нет?

— Одна задержка все же была, — засмеялся Горбатов. — Видите ли, вот объявили мобилизацию, и стал я сейф открывать. А ключ возьми да сломайся. Пришлось слесаря вызывать, целых десять минут потеряли!

— А теперь у меня в аппарате девяносто человек, но мобилизационного плана нет! — вздохнул Мерецков.

Горбатов обещал свою поддержку. Тщательно разработанные предложения по реорганизации отдела были одобрены командующим МВО К. Е. Ворошиловым и председателем Реввоенсовета М. В. Фрунзе. Вскоре им представили и готовый мобилизационный план.

— Сколько времени ушло на это? — спросил Фрунзе, внимательно изучив документ.

— Пять человек работали полгода! — отрапортовал Мерецков.

Михаил Васильевич утвердил план и приказал отправить всех разработчиков на полтора месяца в санаторий на отдых.

Стремительно меняла облик, превращаясь в могучую индустриальную державу, страна. Менялись, насыщаясь современной боевой техникой, Вооруженные силы, в жарких спорах и дискуссиях рождались передовые военные теории, тут же проверявшиеся в ходе учений и маневров. Кирилл Афанасьевич участвовал

в их подготовке и проведении вместе с В. К. Триандафилловым, автором теории глубокого наступательного боя и операции. Пришлось поработать в ту пору также и с И. П. Уборевичем, поизучать службу штабов Германии. В 1932 году Мерецков возглавил штаб Белорусского военного округа, а три года спустя — Особой дальневосточной краснознаменной армии. Правда, здесь он пробыл недолго: получил приказ во главе советской военной делегации отправиться в Чехословакию.

Укомплектованная современной боевой техникой, обученная и организованная Чехословацкая армия произвела хорошее впечатление. Она вполне могла дать любому агрессору достойный отпор.

В 1936 году у Мерецкова новая зарубежная командировка, на этот раз в объятую гражданской войной Испанию. Нелегальный переход франко-испанской границы, поезд (в нем советский военный советник ехал, выдавая себя за торговца апельсинами), работа с легендарным Энрике Листером, формирование республиканских частей, орден Красного Знамени за оборону Мадрида. По возвращении назначение заместителем начальника Генерального штаба. Вскоре И. В. Сталин, лично следивший за прохождением службы талантливыми военачальниками, как-то сказал Мерецкову: мол, пора пройти должность командующего войсками округа.

Большая война между тем приближалась, и это многие чувствовали. Суровые законы военной науки требовали улучшения стратегического положения страны. Когда-то, в предвидении войны с наполеоновской Францией, русский царь Александр I решал подобную задачу, добываясь от Швеции присоединения Финляндии к России. Тогда же царь включил в состав нового княжества и Карельский перешеек, неотъемлемую часть империи еще со времен Петра Великого. После октября 1917 года Финляндия получила независимость и вышла из состава России вместе с царским «подарком», Карельским перешейком, прихватив, таким образом, часть исконно российской территории. В конце 30-х годов XX века речь пошла не только о восстановлении ис-

торической справедливости. На другой стороне линии Маннергейма все чаще слышались речи о «великой Финляндии», до Ильменя и Белого моря. Помочь создать ее должны были Великобритания и Франция или... фашистская Германия.

В советском правительстве хорошо понимали необходимость переноса границы на север и предлагали Финляндии обмен на территории гораздо большие, но та отказалась.

Задача по разработке плана предстоящей войны командующему Ленинградским военным округом генералу Мерецкову была поставлена лично Сталиным. Разработка велась в глубокой тайне, никто, кроме А. А. Жданова, первого секретаря обкома и горкома ВКП(б), не был в нее посвящен. Как выяснилось позже, одновременно работали еще несколько исполнителей, причем каждый над своим вариантом. Результаты войны показали, что лучшим был план маршала Шапошникова, но тогда Сталин предпочел разработку генерала Мерецкова.

К концу лета 1939 года финские войска были отобилизованы и заняли укрепленные районы. Напряжение в отношениях между двумя странами нарастало. Когда 26 ноября поступило донесение об обстреле финнами советских границ, в Москве было решено принять ответные меры. Сложности возникли сразу же: глубокая полоса обеспечения на труднодоступной местности была надежно прикрыта заграждениями и долговременными огневыми точками. И едва ли не главную опасность представляли мины. Противопехотные и противотанковые, установленные сплошными полями и отдельными группами, мощные фугасы и ловушки-«сюрпризы» в виде брошенных велосипедов, забытых портсигаров или карманных часов. Не было ни средств разминирования, ни методов преодоления подобных заграждений. По указанию А. А. Жданова учеными Ленинграда был сконструирован и запущен в серийное производство первый индукционный миноискатель. Причем всего лишь за одни сутки!

Между тем в Западной Европе уже шла Вторая мировая война. Англо-французские войска стояли против

немецких и обменивались с ними не столько выстрелами, сколько любезностями. И те, и другие радовались первым неудачам советской армии, не желая замечать, что эта, по сути дела, находящаяся в стадии формирования армия с необыкновенной быстротой извлекает нужные уроки и настойчиво учится решать сложные задачи там, где западноевропейские генералы сочли бы дело вообще безнадежным.

12 декабря полоса обеспечения была пройдена. Более 800 дотов и дзотов, десятки километров противотанковых рвов, 100 километров гранитных надолбов и столько же лесных завалов, более 200 километров проволочных заграждений и почти 400 километров минных полей! Какова же была главная линия, состоящая из трех полос мощных долговременных фортификационных сооружений?

Попытка прорвать ее с ходу не удалась. Финские войска перешли было к проведению контратак, но понесли большие потери и решили снова положиться на неприступные крепости и тщательно организованную систему огня.

Тем временем советские разведчики по приказу Мерцкова проникли в глубину обороны противника, подорвали дот и принесли куски бетона. Сделанный в Москве анализ показал: бетон изготовлен из цемента марки 600. Вот почему советские снаряды оказались малоэффективны против сооружений линии Маннергейма!

Выводы были сделаны, и необходимые меры были предприняты в кратчайшие сроки. 11 февраля 1940 года начался решительный штурм. Через 20 дней советские войска, преодолев две полосы мощных укреплений и насыщенные огневыми точками межпозиционные пространства, стояли перед Выборгом.

Город был прикрыт еще одним укрепленным районом глубиной в две полосы и рассчитанным на круговую оборону. Сталин в телефонном разговоре объяснил, почему нельзя медлить со штурмом: оказывается, англичане и французы намерены помочь финскому правительству высадкой экспедиционного корпуса и бомбардировкой нефтепромыслов Баку. После этого разговора

советские войска пошли в атаку, и вскоре над Выборгом взвился алый флаг. Дорога на Хельсинки была открыта, и финское правительство было вынуждено пойти на мирные переговоры.

Молодая советская армия показала хорошие потенциальные возможности, оценить которые будущему противнику помешала только слабость гитлеровских аналитиков. Что же касается потерь, то при прорыве подобных линий обороны они обычно бывают намного больше...

Полученный опыт требовалось использовать в строительстве Вооруженных сил, и Сталин предложил Мерецкову возглавить Генеральный штаб — временно, пока не будет найдена другая кандидатура. Вождь сдержал слово: несколько месяцев спустя Кирилл Афанасьевич передал должность Г. К. Жукову, а сам занялся вопросами боевой подготовки в качестве заместителя народного комиссара обороны. Работы было много: советская армия, хотя и увеличилась за последние годы в два с половиной раза, количественно и, главное, качественно все еще сильно уступала германской. Следовало спешить.

Между тем обстановка на западных границах становилась все более напряженной.

— Возможно, на днях начнется война! — сказал Мерецкову вечером 21 июня Тимошенко. — Вам надлежит быть в качестве представителя Главного командования в Ленинградском военном округе.

Весть о нападении фашистской Германии застала Мерецкова в поезде. Первая половина дня ушла на работу в штабе округа, затем пришла срочная телеграмма — вызов в Москву. В 19.15 он уже был на столичном аэродроме, а в 19.30 — в своем служебном кабинете, где лежал приказ: немедленно явиться в Кремль.

Мерецков открыл сейф, чтобы запереть в него служебные документы, и машинально положил туда же пистолет, положенный на стол адъютантом. Помнится, тот говорил о распоряжении наркома: раз война, то за пределами здания все должны ходить с оружием. Через 15 минут, уже в Кремле, Мерецкову объявили об аресте

и стали обыскивать. Искали тот самый пистолет. Тогда бы обвинение в подготовке покушения на И. В. Сталина звучало куда более весомо.

Не найдя оружия, сотрудники НКВД затолкали Мерецкова в машину и отвезли на Лубянку. Оказывается, дело о военном заговоре, связанном с именем маршала Тухачевского, все это время шло своим чередом и один из арестованных, не выдержав пыток, оговорил генерала Мерецкова. И теперь следователи припоминали ему совместную службу с И. П. Уборевичем, В. К. Блюхером, А. И. Корком...

Тяжелые шаги в коридоре, лязг засова. Неужели снова допрос? К удивлению узника, на этот раз его ждал свежееотутюженный комплект генеральской формы. Вот только алые петлицы были пришиты черными нитками: видно, очень торопились. Черная машина быстро доставила недавнего заключенного в Кремль.

— Здравствуйте, товарищ Мерецков. Как вы себя чувствуете? — встретил его Верховный главнокомандующий.

— Здравствуйте, товарищ Сталин! Чувствую себя хорошо.

— Тяжело там было? — спросил, помолчав, хозяин кабинета.

— Не будем об этом, товарищ Сталин. Прошу объяснить боевое задание!..

Повидав жену и сына, Кирилл Афанасьевич вылетел на Онежский перешеек, где 7-я армия Карельского фронта отступала под натиском четырехкратно превосходивших сил противника. Задача состояла в том, чтобы не допустить их выхода к Волхову и соединения финских войск с германскими.

Решение советского военачальника было необычным: чтобы остановить противника, нужно... отступить — но только к заранее намеченному и подготовленному рубежу. Так и было сделано. В конце октября фронт стабилизировался, как планировалось, вдоль реки Свирь, где и простоял без изменений до 1944 года.

Гораздо хуже было положение южного соседа, 4-й армии. Там 450 фашистских танков стремились захва-

тить Тихвин и перерезать железную дорогу, соединявшую Ленинград с Большой землей. Штаб 4-й армии попал под удар, потерял управление войсками и не смог предотвратить их неорганизованный отход.

Кирилл Афанасьевич немедленно доложил об этом в Москву и получил приказ принять командование 4-й армией, сохранив за собой и 7-ю. Пока шли переговоры, противник успел захватить Тихвин и двинулся к Волге.

Генерал Мерецков срочно выехал на опасное направление, приказав всем своим скромным резервам двигаться туда же. Леса были полны толпами отходивших вооруженных людей. Но как их собрать? А при помощи полевых кухонь! На дым труб массово потянулись отступавшие бойцы; они получали горячую пищу, теплое обмундирование, боеприпасы, их формировали в подразделения и направляли в бой.

Сопrotивление врагу становилось упорным и организованным. А тем временем командующий, собрав в небольшой, но крепкий кулак подошедшие резервы, нанес удар западнее Тихвина, отрезая группировку противника от главных сил. Такой дерзости фашисты не ожидали. Они прекратили наступление, отошли к городу и начали строить круговую оборону. Затем, дождавшись подкреплений и значительно увеличив силы, приступили к активному ведению контратак.

Но тут на помощь советским войскам пришла авиация. Зимой легкие бомбардировщики По-2 и штурмовики оказались особенно эффективны: их налеты заставляли противника подолгу лежать в снегу, вследствие чего вражеские госпитали переполняли больные и обмороженные.

Генерал Мерецков часто появлялся в цепи бойцов, личным примером увлекая их в атаку. Однажды он попал под внезапный огонь вражеского пулемета. В последний момент капитан Борода и ефрейтор Селютин успели закрыть командующего своими телами. Отважные воины получили ранения, но Кирилл Афанасьевич был спасен.

Советские войска постепенно овладевали вражескими коммуникациями. Наконец у тихвинской группи-

ровки «осталась» всего лишь одна грунтовая дорога на запад, и противник был вынужден перебросить для ее защиты часть сил из самого города. Тогда генерал Мерецков направил две дивизии на штурм Тихвина с фронта. Фашисты отступили. Кирилл Афанасьевич быстро организовал преследование, посадив пехоту десантом на танки, тягачи и даже тракторы. Одновременно восстанавливалась железная дорога: в городе еще шли бои, а на Ладогу уже отправился первый продовольственный поезд.

В время операции под Тихвином, 12 декабря, генерал Мерецков был назначен командующим войсками вновь созданного Волховского фронта. Ставка Верховного главнокомандующего требовала наступать, чтобы лишить гитлеровское командование возможности перебрасывать резервы под Москву и облегчить положение ленинградцев.

Наступление началось 13 января. Войска были плохо обеспечены боеприпасами, недавно сформированные подразделения мало обучены. Противник же обладал господством в воздухе и ждал удара на хорошо подготовленных позициях. Тем не менее 2-я ударная армия под командованием генерала Клыкова сумела прорвать оборону немцев и развить успех. В начале марта ее передовые части находились всего лишь в 15 километрах от Любани и в 13 — от шедших навстречу соединений Ленинградского фронта.

Разъяренный Гитлер сместил с поста командующего группой армий «Север» генерал-полковника фон Лееба и назначил генерал-полковника фон Кюхлера, перебросив в его распоряжение 6 дивизий из Западной Европы. Последовал мощный удар в четырех километрах западнее Мясного Бора. 2-я ударная армия была окружена.

Генерал Мерецков собрал в кулак все, что мог, ликвидировал угрозу окружения и организовал снабжение армии. Он не считал положение критическим, так как сумел из поступивших от Ставки ВГК сил сформировать 6-й гвардейский корпус, по боевому составу даже превосходивший общевойсковую армию. Кирилл Афанасьевич рассчитывал вводом этого корпуса в сражение деблокировать осажденный Ленинград.

О планах командующего знал его заместитель, генерал Власов, вызвавшийся заменить тяжело заболевшего генерала Клыкова. Карьера Власова складывалась более чем удачно: всего лишь несколько месяцев назад он был командиром дивизии. От подобного взлета у многих людей голова кружилась. В то же время Власов понимал, что должность заместителя командующего фронтом не совсем самостоятельна и в тени талантливого Мерецкова в этом качестве можно остаться до самого конца войны. Получив же под свое начало 2-ю ударную армию, усиленную 6-м гвардейским корпусом, он имел бы все шансы прорвать блокаду Ленинграда, оказаться в особой милости у Верховного главнокомандующего и в недалеком будущем возглавить войска фронта.

Однако 23 апреля на командном пункте Мерецкова появился командующий Ленинградским фронтом генерал Хозин. Он был в прекрасном настроении, так как сумел добиться в Ставке ВГК решения о преобразовании Волховского фронта в оперативную группу с передачей под его, Хозина, подчинение, сам же Мерецков назначался заместителем Жукова на западном направлении.

Кирилл Афанасьевич пытался убедить Хозина сохранить 6-й гвардейский корпус для 2-й ударной армии. Безрезультатно. Мощное, с таким трудом созданное соединение было передано Северо-Западному фронту.

Не прошло и двух месяцев, как генерала Мерецкова вызвали в Москву. Оказалось, что его преемник не выполнил указаний Ставки об отводе войск 2-й ударной армии, и, пока разбирался в обстановке, решая, то ли наступать, то ли отступить, противник закрыл горловины прорыва, окружив 7 дивизий и 6 бригад.

— Езжайте туда с Василевским, — с горечью сказал Сталин. — Во что бы то ни стало спасите людей, пусть без тяжелой техники и вооружения...

3 июня генерал Хозин был отстранен от должности. Командующим Ленинградским фронтом стал Л. А. Говоров, а 8 июня Ставка восстановила Волховский фронт.

Положение было крайне тяжелым. 2-я ударная армия вела бои почти без боеприпасов и продовольствия.

Вдобавок генерал Власов, поняв, что о лаврах спасителя Ленинграда больше мечтать не приходится, растерялся и потерял управление войсками.

Мерецков смог высвободить лишь небольшие силы фронта, собрать их в ударную группу и пробить вдоль железной дороги узкий коридор шириной всего в 300–400 метров. В ночь на 24 июня войска 2-й ударной армии пришли в движение. Командующий фронтом помогал им встречными атаками пехоты и танков. Фашистская артиллерия открыла ураганный огонь, в небе висели ночные бомбардировщики противника. С началом атак связь со штабом 2-й ударной армии прервалась и больше не восстанавливалась.

К утру показались первые группы выходивших из окружения бойцов. Они были предельно измождены. Всего под жестоким огнем, ударами авиации и непрерывными атаками противника удалось вывести 16 тысяч человек. 6 тысяч погибли при выходе, 8 тысяч пропали без вести, в том числе и генерал Власов. Кирилл Афанасьевич направил на его поиски пять танков с десантом пехоты, привлек три группы партизан — все напрасно. Лишь позже стало известно, что бывший командарм встал на путь предательства. Сама же 2-я армия, во главе которой после выздоровления встал генерал Клыков, получила пополнение, восстановила силы и в последующем сыграла важную роль в прорыве блокады Ленинграда.

Лето 1942 года выдалось особенно тяжелым: Гитлер перебросил под Ленинград 11-ю армию генерал-фельдмаршала фон Манштейна, имевшую опыт штурма приморского города Севастополя. Но замысел противника был сорван. Лучший военачальник фюрера метался со своими дивизиями между попеременно наносившими удары войсками Ленинградского и Волховского фронтов. Когда в ротах фон Манштейна осталось не более чем по 20 человек, он заявил, что теперь о штурме Ленинграда не может быть и речи. Советские войска в ходе этих боев создали предпосылки для прорыва кольца осады.

Кирилл Афанасьевич тщательно изучил оборону противника: глубока, развита в инженерном отноше-

нии, насыщена минными полями и другими заграждениями, плотность живой силы превышает требования германских уставов в два раза! Значит, огневое поражение должно быть спланировано безупречно, а взаимодействие между различными родами войск необходимо довести до высочайшего уровня. Масштабная подготовка к прорыву блокады, включавшая и многочисленные учения, была проведена в глубочайшей тайне.

Утром 12 января советская авиация нанесла массивный удар по целям в глубине обороны противника, а артиллерия обрушила на его передний край тонны снарядов. Через два часа двинулись вперед армейские дивизии.

Фашисты сопротивлялись до последнего, в плен почти не сдавались, но ход операции изменить уже не могли. Воины генерала Мерецкова уверенно шли навстречу воинам Ленинградского фронта. Когда ширина разделявшего их коридора сократилась всего до двух километров, противник бросил в бой секретные танки «тигр», проходившие здесь испытания. Но и это не помогло. Более того, одна машина была захвачена в исправном состоянии, отправлена в Москву, изучена, и к началу битвы под Курском советские войска получили надежные средства борьбы с подобной техникой.

Те, кто находился на окраине Рабочего поселка № 1 в 9 часов 30 минут 18 января 1943 года, сохранили на всю жизнь как самое яркое воспоминание встречу воинов Ленинградского и Волховского фронтов. Блокада была прорвана! Москва салютовала победителям 20 залпами из 224 орудий.

Теперь следовало расширить прорыв к югу и наступать в направлении Мги, где противник создавал ударную группировку для восстановления блокады Ленинграда. В разгар жестоких боев прибыл Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Он вместе с командующим фронтом находился в одной из передовых дивизий, когда контратакующие пехота и самоходные установки противника вышли к командному пункту. Кирилл Афанасьевич позвонил в ближайшую 7-ю танковую бригаду, и ее командир срочно выслал помощь.

Противник наседал, штабные офицеры из последних сил держали круговую оборону. Тут подошли два советских танка. Они легко превратили вражеские самоходки в груды металлолома, смяли и отбросили пехоту.

Когда бой закончился, в блиндаж вошел покрытый копотью танкист и доложил:

— Товарищ генерал армии, ваше приказание выполнено. Прорвавшийся противник разгромлен!

— Кирилл Афанасьевич, да ведь это твой сын! — воскликнул маршал Ворошилов, взглядевшись в 18-летнего лейтенанта.

— Здесь все мои дети! — с гордостью ответил генерал Мерецков.

Весной и летом 1943 года командующий Волховским фронтом провел остроумную разведывательно-огневую операцию «Мельница», в ходе которой советская артиллерия и авиация уничтожили сотни орудий, десятки самолетов, тысячи солдат и офицеров противника, а затем упреждающим ударом сорвали планы фашистского командования по восстановлению блокады Ленинграда. 10 дивизий фон Кюхлера были разгромлены, еще 11, переброшенных с других направлений, понесли тяжелые потери. Остальные были надежно прикованы к зонам Волховского и Ленинградского фронтов, так что отправить их под Курск, где решалась судьба войны, гитлеровское командование не могло.

Ныне, зная дальнейший ход событий, трудно поверить в планы фашистского руководства о проведении крупных наступательных операций с целью захвата стратегической инициативы в 1944 году. Но тем не менее они существовали, и относиться к этим планам, при всей их авантюристичности, следовало весьма серьезно. Одна лишь группа армий «Север» насчитывала 740 тысяч солдат и офицеров, располагала значительным опытом и опиралась на сильные позиции, оборудованные железобетонными сооружениями, циклопическими заграждениями и минными полями. Верховный главнокомандующий, решив сыграть на упреждение, приказал Волховскому фронту расколоть эту группировку ударом в направлении Луги.

Огромная организационная работа была проделана в кратчайшие сроки. Были выявлены, нанесены на карты и пронумерованы тысячи огневых точек противника, сняты и обезврежены 7 тысяч его мин, тайно проделаны 150 проходов в заграждениях, проведены сложные перегруппировки войск. На труднопроходимом обходящем направлении для врага были приготовлены «сюрпризы» — аэросанные батальоны, броневые автомобили, легкие самоходно-артиллерийские установки.

Успешная атака главных сил началась в 10.30 14 января. На следующий день железная дорога Новгород — Чудово была уже перерезана. Уверенно шла через лед Ильмень-озера и южная обходящая группировка: напрасно фон Кюхлер пытался сдержать ее, перебрасывая дивизии с других участков фронта.

Утром 20 января северная и южная обходящие группировки сомкнули кольцо вокруг Новгорода, и к вечеру алое знамя взвилось над кремлем древнего русского города.

Взаимодействие с соседом — Ленинградским фронтом, — так же как и с партизанскими отрядами, было очень четким. Одно за другим приходили сообщения: освобождены Мга, Тосно. Хотя на тактическом уровне противник был еще силен, сопротивлялся он умело и стойко. Был случай, когда ему удалось отсечь наступающие советские дивизии от главных сил. Вот только разгромить их враг уже не мог: не те времена.

Вечером 12 февраля соединения Волховского и Ленинградского фронтов, преодолев за сутки 30 километров, ворвались в Лугу. Швеция, оценив действия советских войск, пересмотрела свои отношения с фашистской Германией, а Финляндия задумалась о поисках путей к перемирию.

Вызов в Москву и приказ о назначении командующим войсками другого фронта, Карельского, чьи армии растянулись на 1000 километров от Баренцева моря до Ладожского озера, был внезапен. Кирилл Афанасьевич мечтал о решающих схватках с врагом именно на западном направлении, а потому в беседе с Верховным главнокомандующим не смог скрыть своего разочарования.

— Вы приобрели опыт ведения наступательных операций в сложных условиях лесисто-болотистой местности, — объяснил причину своего решения Сталин, — всякому другому пришлось бы переучиваться. На это ушло бы много времени. А его-то у нас как раз и нет!

Последующие события лишь подтвердили целесообразность решения Ставки. Весь свой недюжинный талант полководца и весь богатый опыт вложил генерал Мерецков в подготовку наступательной операции, начавшейся 22 июня 1944 года. Три с половиной часа грохотала советская артиллерия и наносила удары авиация. Пауза — и от занятого советскими войсками берега реки Свирь отчаливает множество плотов. Началось форсирование.

Противник оставил укрытия и открыл ураганный огонь из всех средств. Но советские войска не пострадали, ибо на плотам плыли... чучела. Зато новые огневые точки были выявлены и уничтожены, после чего подразделение первого броска на 200 автомобилях-амфибиях ровно за 5 минут форсировали реку и захватили плацдарм на противоположном берегу.

К вечеру уже действовали мосты и паромы, на помощь пехоте шли артиллерия и танки.

Линия фронта удалялась на север и северо-запад; в конце июля за плечами войск наступающего фронта было 800 освобожденных населенных пунктов, в том числе Петрозаводск. Чем ближе к финской границе под грохот победных московских салютов подходили закаленные в боях дивизии, тем упорнее становилось сопротивление противника, умудрявшегося в самой непроходимой местности строить железобетонные огневые точки с плотностью до 12 единиц на километр!

Вскоре советские войска достигли границ Финляндии, и настроение в этой стране резко переменялось. Правительство Тьюти ушло в отставку, начались переговоры о мире. 5 сентября боевые действия на южном участке Карельского фронта были прекращены.

Финляндия в соответствии с условиями перемирия предложила гитлеровским войскам покинуть территорию страны. Те ответили огнем. Финны, увидев вчераш-

него союзника в подлинном свете, перешли в наступление, медленно тесня фашистскую группировку. Советская разведка докладывала, что противник намерен до конца удерживать базы в Норвегии и стратегически важные никелевые рудники в Северной Финляндии. Возможности оборонявшейся петсамо-киркинесской группировки действительно были высоки. Она насчитывала до 53 тысяч человек, укрытых превращенными в гранитные крепости скалами. С моря ее поддерживал огонь 200 боевых кораблей, а с воздуха прикрывали 160 самолетов.

Командующий Карельским фронтом, готовя знаменитую Петсамо-Киркинесскую операцию, решил на глубокий фланговый обход главных сил противника, отсечение их от портов Норвегии и последующий разгром в районе Печенги. Гитлеровский генерал Фогель, заметив обход, предпринял множество контратак, бросая в бой даже батальоны аэродромного обслуживания, но куда было им до опытной пехоты советской армии!

15 октября над Печенгой взвился красный флаг. Вскоре Кирилл Афанасьевич позвонил Верховному главнокомандующему и спросил, можно ли переходить границу Норвегии.

— Нужно! — ответил Сталин.

Войска фронта упорно шли вперед сквозь огонь, через реки, болота, скользкие скалы. 25 октября они освободили разрушенный Киркинес. На следующий день указом Верховного Совета СССР К. А. Мерецкову было присвоено звание Маршала Советского Союза. Развивая наступление, победоносные дивизии изгнали врага еще из 15 населенных пунктов Норвегии, прежде чем получили приказ остановиться: бойцы норвежского Сопротивления сами успешно добивали дезорганизованного врага, да и полярная ночь приближалась.

Командующий фронтом, доложив об окончании операции, получил приказ немедленно вылететь в Москву. Его опыт в организации и ведении наступления в условиях труднодоступной местности срочно требовался на другом театре военных действий.

Преодолев 10 тысяч километров, маршал Мерецков принял командование 1-м Дальневосточным фронтом

и немедленно приступил к подготовке масштабной и сложной операции. Напряженная работа имела только один перерыв — для участия в Параде Победы, когда Кирилл Афанасьевич торжественным маршем провел по Красной площади сводный полк Карельского фронта.

Ночью 9 августа, в ливень, без какой-либо огневой подготовки штурмовые группы 1-го Дальневосточного фронта приблизились к фортам, вполне достойным линии Маннергейма. Стремительная атака — и дорога сквозь линию мощных укреплений была открыта!

Натиск войск маршала Мерецкова походил на ураган. Всего лишь за два дня они преодолели 75 километров по сопкам и глухой тайге, отрезая пути отхода противника, преодолевая отчаянное сопротивление смертников, шедших в атаку с миной на боку. Харбин, Гирин, Чанчунь — мелькали в сводках названия городов. Наконец — Сеул. Правда, этот город в соответствии с соглашениями был передан союзникам.

К исходу августа разоружение Квантунской армии завершилось. В жизни и службе маршала Мерецкова наступил новый этап — бесценный опыт требовалось превратить в передовую военную науку, а последнюю внедрить в практику обучения офицерских кадров и подготовки войск. Этим и занимался Кирилл Афанасьевич, командуя округом и возглавляя курсы «Выстрел», будучи помощником министра обороны СССР по военным учебным заведениям.

Сердце одного из лучших полководцев России остановилось 30 декабря 1968 года...

«Лис пустыни» — так уважительно звали солдаты и офицеры немецкого Африканского корпуса своего командующего, фельдмаршала Роммеля.

«Северный лис» — так звали советские солдаты и офицеры маршала Мерецкова за его способность в любых условиях переиграть противника на поле сражения. И, в отличие от «Африканского», «Северный лис» не знал поражений.

Маршал Советского Союза Л. А. Говоров

Рабочий день в Смольном (если четыре часа утра можно было считать днем) то ли заканчивался, то ли начинался. Впрочем, для руководящих работников осажденного Ленинграда дни и ночи давно уже слились в одно непрерывное время. Первый секретарь городского и областного комитета партии А. А. Жданов сидел в своем кабинете, размышляя о недавнем разговоре с Верховным главнокомандующим.

Вчера, 22 апреля 1942 года, командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант М. С. Хозин наконец-то добился осуществления своей мечты — ликвидации Волховского фронта, чьи войска находились в нескольких десятках километров к востоку от осажденного города, и передачи сил расформированного объединения в его, Хозина, подчинение. Такая мера, по замыслу автора идеи, должна была обеспечить централизацию руководства и способствовать прорыву блокады. Теперь Хозин оставил город и вылетел за кольцо осады, в Малую Вишеру, на командный пункт бывшего Волховского фронта.

Жданов хоть и был настоящим хозяином города, но в вопросы командования не вмешивался: Сталин категорически запретил. Да и не всякий военный специалист с ходу ответил бы, является ли реорганизация следствием оперативной необходимости или плодом блестяще проведенной штабной интриги. Но первый секретарь хорошо понимал, что без крепкого военачальника в осажденном городе нельзя, и Сталин с ним соглашался.

Ждать пришлось недолго: вскоре Верховный главнокомандующий сообщил, что в осажденный город вылетел генерал-лейтенант Говоров. Это было хорошо: Жданов помнил Леонида Александровича еще по боевым действиям на Карельском перешейке. Тогда преподаватель Военной артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского был прикомандирован к штабу 7-й армии, чтобы помочь в прорыве линии Маннергейма. Именно ему принадлежала идея разрушения неприступных дотов огнем тяжелых орудий с предельно близких дистанций, а также разработка плана артиллерийского обеспечения прорыва.

Влиятельный член политбюро тогда считал нужным приглядеться к талантливому офицеру. Происхождение подозрений не вызывало — родился Говоров 22 февраля 1897 года в селе Бутырки Витебской области в бедной крестьянской семье. Окончил в Елабуге реальное училище — в них, в отличие от гимназий, уделяли больше внимания естественным и техническим наукам, — в 1916 году поступил на кораблестроительный факультет Петербургского политехнического института. В связи с Первой мировой войной был переведен в Константиновское артиллерийское училище.

Юнкер, затем офицер царской, а потом — белой армии! Осенью 1919 года вместе с личным составом своей батареи Говоров перешел на сторону красных. Вскоре он отличился в бою против войск барона Врангеля у хутора Терны, когда противник двинул вперед невиданные прежде стальные чудовища — английские танки. Пехота дрогнула и побежала. Говоров же спокойно подпустил грозные машины к своей батарее и хладнокровно, у всех на глазах, расстрелял их с предельно близкой дистанции.

Леонид Говоров был награжден орденом Красного Знамени, командовал артиллерийским полком, в 1932 году заочно окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, годом позже сдал экзамены на переводчика с немецкого языка. Знания пополнял непрерывно — стал слушателем первого набора академии Генерального штаба, учился в одной группе с А. М. Василев-

ским, А. И. Антоновым, И. Х. Баграмяном, Н. Ф. Ватутиным, Г. К. Маландиным, позже и сам преподавал тактику в Артиллерийской академии имени Дзержинского.

Отличался высокой требовательностью по службе, проявления неряшливости в любой форме не терпел, казался сухим и сдержанным, не любил бытовых разговоров, но преображался, едва беседа касалась тем военных. На трибуне, перед аудиторией, он и вовсе становился другим человеком. Недаром слушать лекции доцента Говорова приходили многие преподаватели академии!

Теория успешно прошла испытания на Карельском перешейке, и комбриг Говоров был назначен заместителем генерального инспектора артиллерии с одновременным присвоением звания генерал-майора. В мае 1941 года он стал начальником Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского. Правда, пробыл в этой должности недолго...

В начале Великой Отечественной войны генерал Говоров по решению Ставки Верховного главнокомандования возглавил артиллерию сначала западного направления, а в битве под Москвой — Западного фронта. Исполняя приказ Г. К. Жукова, он прибыл на Бородинское поле, чтобы оказать помощь командованию 5-й армии в организации огневого поражения противника.

Задача была выполнена блестяще: горели танки с черными крестами, падали, скошенные заградительным огнем, цепи пехоты. Тогда немецкие фашисты бросили в атаку своих союзников — французских фашистов. Воодушевленные речью генерала Хеппнера, сравнившего их с солдатами Наполеона, те с жаром бросились в бой, но их постигла судьба прежних завоевателей.

В разгар сражения командующий 5-й армией генерал Лелюшенко был ранен. Тогда Г. К. Жуков приказал возглавить армию Говорову. Последующие события показали, насколько верным оказался выбор командующего фронтом. Везде, где бы ни пытались фашистские

войска осуществить прорыв, их встречали танковые засады, минные поля, а за ними — эшелонированные в глубину группировки артиллерии.

Так было и 1 декабря 1941 года, когда противник ударом сотен танков в стык между 5-й и соседней 33-й армиями пытался выйти на автостраду Минск — Москва. Генерал Говоров немедленно выехал к деревне Акулово, где положение было наиболее критическим. Затем быстро перебросил туда части пехоты, саперов, противотанковую артиллерию. Фашистские танкисты отчаянно рвались вперед — им казалось, что победа близка. Ожесточение достигло такого накала, что в боях с оружием в руках приняли участие даже сопровождавшие генерала Говорова офицеры штаба.

Именно тогда Г. К. Жуков по достоинству оценил стойкость командующего 5-й армией. «Упрись, как Говоров», — говорил он командирам, требуя упорно оборонять занимаемые рубежи.

Двое суток кипели яростные схватки близ Акулово. Ничего не добившись, фашистские генералы решили 4 декабря попытать счастья у деревни Голицыно. Результат был тот же, а на следующий день началось контрнаступление советских войск под Москвой.

Двинулась вперед и 5-я армия, несмотря на то что противник превосходил ее по численности артиллерии в полтора, а личного состава — в два раза. К утру 20 января войска генерала Говорова освободили Можайск, продолжая наступление, вышли к Гжатску и там перешли к обороне. Два ордена Ленина за битву под Москвой — подобных наград удостаивался далеко не каждый военачальник.

«Можайскую и Звенигородскую оборонительные операции провел успешно, — Жданов читал строки аттестации, написанной решительным почерком генерала армии Жукова. — Хорошо ведет наступательную операцию по разгрому можайской группировки противника...»

Дальнейшее знакомство с документами было прервано — оказывается, новый заместитель командующего уже прибыл. Вскоре он, заметно прихрамывая, вошел в кабинет.

— Аппендицит, — тихо произнес Говоров, словно стесняясь, что не из-за боевого ранения вынужден опираться на трость.

— Знаю, знаю. Товарищ Сталин предупредил, что вы недавно перенесли операцию, и наказал вас подлечить. — Жданов улыбнулся. — Не беспокойтесь, врачи в Ленинграде хорошие.

Генерал-лейтенант Говоров приступил к работе немедленно. Он хорошо помнил три задачи, поставленные ему лично Верховным главнокомандующим: во-первых, не допустить разрушения Ленинграда осадной артиллерией противника; во-вторых, превратить осажденный город в неприступную крепость; в-третьих, накопить внутри блокадного кольца силы, необходимые для будущего наступления.

Леонид Александрович скрупулезно, вплоть до каждого батальона, изучал расположение фашистских войск, внимательно отслеживал служебные перемещения командиров противника, пытаясь постичь их смысл. Никогда, ни при каких обстоятельствах вверенные ему войска не должны оказаться перед неожиданностью. Гитлеровская артиллерия превосходит советскую числом, калибром и дальностью стрельбы орудий? Но именно поэтому Верховный главнокомандующий послал в осажденный город его, ученого-артиллериста!

Генерал Говоров сумел дать врагу асимметричный, как стали называть подобные приемы позже, но весьма эффективный ответ. Он централизовал управление всей тяжелой артиллерией, включая морскую, добился увеличения поставок снарядов и получения двух эскадрилий самолетов-корректировщиков, что позволило взять под контроль каждую батарею противника. Заметно возросло и качество подготовки огня, особенно 305-мм и 180-мм железнодорожных установок. Следует сказать, что ни одно из этих орудий особой мощности, причинивших гитлеровским войскам немалый урон, не было потеряно за все время блокады.

Начались долгие и упорные артиллерийские дуэли. Они шли неделя за неделей и закончились победой за-

щитников Ленинграда — количество обстрелов города сократилось в три раза.

Тем временем в Ставке Верховного главнокомандования поняли, что решение об объединении Ленинградского и Волховского фронтов, которого так упорно добивался генерал Хозин, было ошибочным. По сути, они по-прежнему оставались двумя самостоятельными группировками, руководить которыми было гораздо удобнее из Москвы, чем из Малой Вишеры. Не удался также и обещанный Хозиным прорыв блокады извне; более того, к началу лета он обернулся окружением 2-й ударной армии, для спасения которой Сталин направил генералов Василевского и Мерецкова.

Благодаря их энергичным действиям полной катастрофы удалось избежать.

Генерал Хозин от командования был отстранен. 8 июня последовало решение о восстановлении Волховского фронта, который возглавил генерал Мерецков. В командование Ленинградским решением Ставки вступил генерал Говоров.

Новый командующий не терпел поверхностности ни в мышлении, ни в знаниях, ни в действиях. Суждения и оценки высказывал резко, в лицо, зато слушать умел внимательно, вникая в мельчайшие детали, так что у каждого складывалось впечатление: его-то проблема и есть самая важная, от которой зависит успех обороны города. А проблем в пережившем блокадную зиму Ленинграде имелось превеликое множество. Одно только обеспечение горючим чего стоило!

Решение нашли по тем временам уникальное: проложить трубопровод по дну Ладожского озера. Для превращения в жизнь дерзкого проекта привлекли инженерно-технические силы нефтяной промышленности, наркомата строительства и Экспедиции подводных работ особого назначения. Правительственный контроль осуществлял уполномоченный Государственного комитета обороны по Ленинграду А. Н. Косыгин.

Пятьдесят дней трудового подвига — и бензин по подводным трубам пошел в осажденный город.

Отличительной чертой Говорова было глубокое по-

нимание роли инженерного обеспечения обороны в условиях позиционной борьбы. Состояние же ее оптимизма не вызывало.

Передний край, расположенный в низинах, оказался залитым водой, траншей явно не хватало, а те, что были, отличались малой глубиной, минные поля, уставленные осенью и зимой, затонули. Инженерные части, зачастую сражавшиеся в минувшем году как пехота, понесли тяжелые потери и еще не успели их восполнить. Да и люди, ослабевшие от недоедания, просто физически не могли выполнять тяжелую работу. Но требовательность и настойчивость командующего делали свое дело.

Главная полоса обороны покрывалась густой сетью траншей, насыщалась броневыми и железобетонными огневыми точками и надежными убежищами. При этом генерал Говоров приказывал развивать систему траншей не только в тыл, но и вперед, на максимальное сближение с противником, эффективность огня которого благодаря принятым мерам заметно снизилась.

Леонид Александрович предусмотрел и возможность прорыва гитлеровцев в осажденный город, для чего в нем были построены тысячи оборонительных сооружений, объединенных в 110 узлов обороны. Ленинград превратился в гигантский укрепленный район, как бы воспроизводивший на новом уровне структуру старинных русских крепостей. Ход работ командующий контролировал лично.

— Умница, — говорили о Говорове в войсках. — Рука тяжелая, а голова светлая.

Позже те, кому довелось, попав под тяжелую руку командующего, услышать его суровое: «Бездельники», с удивлением узнали, что никто из подчиненных генерала Говорова не был отстранен от должности или подвергнут более тяжелым, но во время войны обычным наказаниям.

Значительно снизив эффективность огня артиллерии противника, создав неприступную оборону, генерал Говоров решил две из поставленных Верховным главнокомандующим задач. Но как в кольце блокады нако-

пить силы для наступления, если совсем недавно их не хватало для отражения ударов фашистских войск? Неординарное решение было найдено и здесь.

Командующий фронтом постарался заменить стрелковые полки равными им по огневой мощи, хотя и неспособными к наступлению, пулеметно-артиллерийскими батальонами. Это позволило выводить в тыл целые соединения и готовить их там к активным действиям. А действия эти предусматривали не только отражение нового, весьма возможного штурма города. Разгром противника в районе Мга — Синявино и прорыв кольца блокады — вот что планировал Ленинградский фронт на лето 1942 года. Генерал Говоров работал напряженно, не тратя даром ни одной минуты, и лишь в предрассветный час оставался один.

Но короткий сон редко бывал спокойным: вот звонит начальник штаба, докладывает, что, по данным разведки, к Гатчине проследовал железнодорожный состав из 47 платформ с тяжелыми орудиями. Что бы это значило? И снова за карту...

Всего лишь 15 километров разделяют войска Ленинградского и Волховского фронтов. Всего лишь 15 километров нужно пройти навстречу друг другу, и блокада будет снята. Но именно здесь, где пространство между двумя советскими группировками минимальное, противник ждет удара. Он хорошо подготовился, а значит, каждый шаг будет стоить немалой крови.

Наступление Ленинградского фронта началось утром 19 августа 1942 года. Внезапность, а также хорошо организованное взаимодействие с авиацией, артиллерией и речными десантами обеспечили успешное продвижение в направлении Усть — Тосно, но вскоре бои приняли характер тяжелый и затяжной. Противник бешено контратаковал, обрушивал на советскую пехоту шквал огня тяжелой артиллерии. Откуда у врага такие силы?

Ответ дал немецкий антифашист, перешедший к советским войскам: оказалось, что к осажденному городу с берегов Черного моря подошла 11-я полевая армия противника. Командовал ею один из лучших военачальников Гитлера, 60-летний генерал-фельдмаршал Эрих

фон Манштейн. Ему, только что получившему опыт штурма приморской крепости Севастополь, теперь было поручено провести операцию «Волшебный огонь», целью которой являлся захват Ленинграда.

Разгромить врага во встречном сражении? Даже и думать нечего. Зато можно сковать противника, заставить его развернуть как можно больше сил и тем самым создать выгодные условия для удара соседнего, Волховского фронта.

Семь суток продолжались тяжелые бои. Разведка докладывала о подходе все новых и новых соединений противника, в том числе «Голубой дивизии» испанских фашистов. Эрех фон Манштейн, находясь в районе Пушкино, уже рассматривал в бинокль подлежащий штурму город, но наступление 27 августа войск Волховского фронта в тыл его ударной группировки спутало все планы гитлеровского фельдмаршала. Прошло еще немного времени, и в ставке фюрера забили тревогу: там поняли, что настала пора думать не о захвате Ленинграда, а о спасении своих войск от разгрома.

Фон Манштейн лично отдавал приказы дивизиям, разворачивал их на 180 градусов и вводил в сражение против соединений генерала Мерецкова. Вскоре вся тяжесть атак обрушилась на Волховский фронт, и пришел черед ленинградцев помогать соседям.

Генерал Говоров решил немедленно нанести удар силами трех-четырех дивизий в районе Невской Дубровки. Предстояла сложная операция с форсированием широкой быстрой реки, атакой хорошо укрепленных позиций противника на крутом берегу и штурмом корпуса 8-й ГЭС, так тщательно подготовленного к обороне, что его сравнивали с Измаилом. Выручить могла разве что внезапность, но и ее достичь не удалось — разведка врага не дремала.

Первая попытка форсирования, предпринятая 9 сентября, закончилась неудачей, но именно тогда генерал Говоров проявил такое ценное качество полководца, как способность быстро реагировать на изменения обстановки и вносить коррективы в ранее принятые планы. Он прекратил бесполезные атаки и на следующий

день представил в Ставку новый план операции, подписанный также А. А. Ждановым. Верховный главнокомандующий план утвердил и дал целых пять суток на подготовку, хотя начавшееся наступление фашистских войск под Сталинградом требовало максимальной активности на других фронтах.

Разведка противника внимательно следила за всеми передвижениями советских войск, поэтому внезапность, как и прежде, исключалась. Но командующий Ленинградским фронтом компенсировал ее более тщательной организацией управления и удвоением количества привлекаемой артиллерии — теперь огонь по врагу должны были вести 600 орудий. И на этот раз советским войскам под покровом темноты удалось форсировать реку шириной в 500 метров!

Противоположный берег Невы озарялся разрывами снарядов, а в траншеях шел ночной бой. Здесь все решалось выстрелом в упор, уколом штыка да ударом малой пехотной лопатки...

Фон Манштейн был вынужден прекратить натиск на Волховский фронт и, вновь развернув три свои дивизии на 180 градусов, бросить их против захваченного ленинградцами плацдарма. Жестокие бои шли и на земле, и в воздухе. Вражеские атаки следовали одна за другой, иногда фашисты прорывались даже к командным пунктам двух противостоявших им ослабленных дивизий, и тогда в схватку вступали офицеры штабов. Враг откатывался, но таяли и ряды защитников плацдарма.

Генерал Говоров, постоянно изучая обстановку, пришел к выводу, что войска противника, предназначенные для захвата Ленинграда, обескровлены и измотаны. Штурм города невозможен, и плацдарм — «пятачок», как средство сковывания сил фон Манштейна, теряет смысл. Следовательно, большую часть войск отсюда необходимо эвакуировать.

План отхода был детально разработан и в ночь на 8 октября осуществлен столь четко, скрытно и быстро, что противник так и не успел заметить семь сотен лодок, плотов и понтонов, совершавших рейсы через Неву буквально у него под носом. В то же время эвакуация войск

не означала оставление плацдарма: политый кровью «пяточок» земли был тщательно прикрыт минными заграждениями и огнем с исходного берега, а для обороны его осталось подразделение автоматчиков...

Летние сражения 1942 года окончательно изменили соотношение сил под Ленинградом в пользу советских войск. Но свежая память о былых победах мешала фашистским генералам верно оценить обстановку, и они все еще не оставляли надежду овладеть городом. Правда, теперь на смену идее решительного штурма им пришла мысль задушить город блокадой. Для этого следовало всего лишь перерезать единственную транспортную артерию, питавшую город, — «Дорогу жизни» через Ладожское озеро.

Объектом удара был выбран небольшой гранитный остров Сухо, где располагался маяк; гитлеровские штабисты поняли, что тот, кто владеет островом, контролирует путь через Ладогу. С этой целью в северо-западной части озера началось формирование флотилии из десантных барж с 88-мм пушками, десантных, торпедных и сторожевых катеров. Командиром флотилии был назначен подполковник Зибель.

Но генерал Говоров, предугадав замысел противника, распорядился установить на острове батарею 100-мм пушек под командованием старшего лейтенанта Гусева.

В ночь на 22 октября подполковник Зибель повел свою флотилию в составе 30 кораблей с десантом на борту к острову Сухо. Однако наблюдатели советских дозорных катеров помешали ему достичь внезапности: в 7 часов утра они обнаружили силы противника, уже шедшие в боевом порядке. И хотя радиостанция защитников острова была разбита первым же вражеским снарядом, корабли и самолеты получили приказ идти туда, где начался ожесточенный бой.

Советские артиллеристы попали в катер и десантную баржу, затем повредили еще одну, а две загнали на рифы. В схватку вступили и два крохотных советских дозорных катера — им удалось потопить одно судно противника. Но силы были слишком неравны, а плотность вражеского огня столь велика, что большинство

из защитников острова получили ранения в первые же минуты боя. А тут еще фашистское командование бросило на помощь своей флотилии авиацию, после ударов которой началась высадка десанта. Полетели гранаты, на крохотном пятачке суши начались яростные рукопашные схватки.

Отдельные группы фашистов смогли пробиться к орудиям и заложить под них заряды, но контратакой советских бойцов во главе с инженером Мельницким они были уничтожены. Тем временем другой части защитников острова во главе со старшим лейтенантом Гусевым и сержантом Мартыновым удалось оттеснить противника к западному берегу острова. В 9.00 советская авиация нанесла удар по кораблям Зибеля, и фашисты поняли, что их замысел окончательно провалился.

Остатки десанта бросились к своим катерам, и вся флотилия стала полным ходом отходить на северо-запад. Но на ее перехват уже устремились советские катера и канонерские лодки. Лишь 13 поврежденным кораблям противника кое-как удалось доползти до своих баз.

Больше фашисты попыток овладеть «Дорогой жизни» не делали, а командующий Ленинградским фронтом приступил к подготовке операции по прорыву блокады города. Скрупулезно оценивал он каждую деталь обстановки. Сколько нужно времени, чтобы добежать по льду до вражеского берега? Семь минут? Это с автоматом, а с ручным пулеметом? Сколько потребуется веревок с крючьями, штурмовых лестниц, ботинок с шипами, чтобы атакующая волна без задержек преодолела крутые высокие склоны?

Разведчики, подбравшись чуть ли не вплотную к переднему краю противника, выпиливали куски льда, а инженеры изучали его структуру, определяли порядок переправы тяжелой техники. Командующий проводил дни на учениях, боевых стрельбах, испытаниях ледовых переправ, а ночи — за картами, расчетами и разведывательными донесениями. Операция «Искра», призванная сокрушить кольцо блокады, должна была быть подготовлена безупречно...

Войска занимали исходное положение на берегу Невы под покровом тьмы. «Перейти в решительное наступление, разгромить противостоящую группировку противника, выйти на соединение с войсками Волховского фронта и тем самым разбить осаду города Ленинграда. В бой, в беспощадный бой с врагом, мужественные воины!» — таковы были слова зачитанного перед выдвижением приказа.

Два часа и двадцать минут вели ураганный огонь две тысячи орудий. Советские артиллеристы блестяще справились с задачей, подавив огневые точки противника, но при этом не повредив лед Невы, а затем пехота четырех стрелковых дивизий одновременно бросилась в атаку на фронте в 13 километров. В самом центре массы атакующих, на замерзшей Неве, под пулями противника играл военный оркестр, воодушевляя воинов музыкой в лучших традициях русской армии.

С ходу взят крутой, достигавший 12 метров в высоту берег; но впереди — прекрасно подготовленная в фортификационном отношении оборона. Фашисты, засевшие в железобетонных коробках, отстреливаются до последнего патрона.

Двое суток кипели бои близ Невы. Немецкий командующий генерал Линдемман сопротивлялся умело, расчетливо и, даже будучи поставлен в тяжелые условия, ухитрялся создавать ударные группировки и бросать их в жестокие контратаки.

Командующий Ленинградским фронтом внимательно прислушивался к пульсу операции, успевая подбодрить словом одного командира, помочь ударами авиации другому, вывести из боя залегшую под огнем противника дивизию и снова ввести ее в сражение из-за фланга успешно наступающего соседа. По-прежнему отчаянно сопротивлялся враг, но уже были проложены по льду Невы деревянные настилы и спешили на помощь пехоте могучие танки, тяжелые гаубицы, батареи «катюш». Вот уже окружен Шлиссельбург, там идет штурм превращенных в крепости зданий.

Медленно, но неуклонно сокращалось расстояние между войсками Ленинградского и Волховского фрон-

тов. Вот между ними четыре, два, всего лишь один километр! Генерал Линдеман бросил в бой свой последний резерв — два полка пехоты при поддержке танков, — но и они были разгромлены дивизией генерала Симоняка...

15 января 1943 года, когда операция «Искра» была в разгаре, Л. А. Говорову было присвоено воинское звание «генерал-полковник», а три дня спустя, в 9.30 18 января, на восточной окраине Рабочего поселка № 1 обнялись воины Ленинградского и Волховского фронтов. Шестнадцатимесячная блокада была прорвана!

Жители Ленинграда, все, кто мог, вышли на улицы; они улыбались и плакали — впервые за долгое время слезами радости. Побитые осколками, почерневшие от пожаров стены зданий украсились алыми флагами, символами грядущей победы и возрождения. А командующие Ленинградским и Волховским фронтами уже определяли порядок дальнейшего наступления.

Великие Луки, Любань, Красный Бор, Синявино... Непрерывные бои местного значения, цель которых — мертвой хваткой держать дивизии группы армий «Север», не выпустить ни одной из них на поля под Курском. Противник занимал господствующие над местностью Синявинские высоты, а войска Ленинградского фронта наступали через болота, способные засосать любую технику на глубину в четыре метра. Зловонные испарения, торфяная гарь вызывали тошноту, солдатская гимнастерка прела и расползалась всего за одну неделю, но люди держались. Командующий фронтом был верен себе: не только общая картина, но каждая тактическая деталь была в центре его внимания.

...В начале августа к Говорову в землянку вошел офицер и представился:

— Командир инженерного батальона майор Соломахин!

Долго и внимательно рассматривал генерал-полковник артиллерии план, согласно которому 106-й инженерно-штурмовой батальон, предназначенный для боя в подземных галереях и казематах долговременных оборонительных сооружений противника, должен был овладеть одной из ключевых высот. После утверждения

плана были организованы ночные тренировки, и после подготовки батальона начался штурм.

Это была жестокая рукопашная схватка в темноте узких траншей, «лисыих нор», блиндажей. Три часа полз батальон по болоту к высоте, зато сама атака заняла 20 минут. Одна рота фашистов была полностью уничтожена без единого выстрела, лишь малыми пехотными лопатками и ножами, другая сдалась в плен. В тот же день почти все участники штурма удостоились государственных наград, а майор Соломахин стал кавалером ордена Суворова 3-й степени...

Бои в районе Синявино завершились мощным ударом, после чего уже советские войска, закрепившись на господствующих высотах, смотрели на противника сверху вниз.

Задача, поставленная Ставкой, была выполнена блестяще: в ходе весенне-летней кампании войска Ленинградского фронта перемололи и обескровили 10 дивизий противника — ни одна из них не сумела уйти на главное направление того периода войны — орловско-курское. Личные заслуги командующего были отмечены присвоением ему 17 ноября 1943 года воинского звания «генерал армии».

Гитлеровское командование стремилось теперь перевести борьбу в позиционную фазу, но очередная наступательная операция Ленинградского фронта, задуманная как одна из крупнейших в плане кампании 1944 года, должна была сокрушить эти замыслы.

Особая сложность подготовки наступления состояла в том, что 2-й ударной армии предстояло действовать с по-прежнему изолированного Ораниенбаумского плацдарма, для чего ее следовало перебросить туда морем. Корабли Балтийского флота осуществили сложнейшую перевозку так, что противник даже не понял, доставляет ли советское командование войска на плацдарм, или, наоборот, снимает их оттуда и перебрасывает на другое направление.

Внезапный удар авиации в ночь на 14 января 1944 года возвестил о начале краха всего северного крыла Восточного фронта фашистской Германии. Навстречу

дивизиям, наносившим удар с Ораниенбаумского плацдарма, сквозь сети траншей и линии дотов двинулись войска со стороны Пулковских высот.

Четверо суток отчаянно сопротивлялись фашисты, и лишь под угрозой неизбежного окружения начался их отход. Но было поздно! Генерал Линдеман так и не успел вывести свои войска из ловушки. К полудню 19 января бой в районе Красного Села закончился полным уничтожением противника, а в 21. 00 близ Русско-Высоцкого встретились передовые части 2-й ударной и 42-й армий.

Москва приветствовала победу 20 залпами из 224 орудий. Днем позже был дан салют в честь соседнего, Волховского фронта, освободившего Новгород.

Фашистское командование, вопреки категорическому требованию фюрера «стоять насмерть», пыталось отвести свои войска, прикрываясь обороной таких городов, как Пушкин, Павловск, Слуцк, Гатчина, но и они были взяты штурмом с различных направлений. В Москве гремели победные салюты, а 27 января залпами из 224 орудий чествовал своих защитников Ленинград. Все жители Северной столицы в тот день вышли на улицы, никто не хотел оставаться дома.

Гитлер поспешно менял командующих на ленинградском направлении: фон Кюхлер уступил место Моделю, тот — Линдемону, затем последовали Фриснер, Шернер...

Генерал Говоров и подчиненные ему штабы демонстрировали высочайший уровень оперативного искусства, а войска — тактического мастерства даже в том случае, когда приходилось вести операции на разрозненных направлениях, например, освобождать Эстонию и громить противника на Карельском перешейке. Здесь командующий Ленинградским фронтом вновь показал свое умение скрытно перебрасывать огромные массы войск с одного направления на другое. Три тысячи артиллерийских орудий, почти 12 стрелковых дивизий совершили маневр от Нарвы к знакомой с 1940 года линии Маннергейма столь тайно, что противник, несмотря на белые ночи, так и не догадался о подготовке операции. Более

того, часть солдат была даже отпущена в отпуск на сельскохозяйственные работы!

Однако штурм системы укреплений Карельского перешейка, восстановленной и развитой противником с учетом опыта нескольких лет войны, представлял собой задачу более чем сложную. Рассвет по-прежнему заставал Говорова над схемами и картами, так что Жданов, заметив у генерала признаки гипертонической болезни, посоветовал начальнику штаба в полночь незаметно переключать всю связь на себя, чтобы командующий мог немного отдохнуть. Вскоре совет Жданова был подкреплён и соответствующим распоряжением Генерального штаба.

— Если б можно было отключить мозг! — вздохнул Леонид Александрович, узнав о приказе...

Три месяца советские войска прорывали укрепления линии Маннергейма в 1940 году и всего лишь 10 дней — в 1944-м. Впервые в истории войн такая мощная оборона, представлявшая собой, по сути дела, единую крепость, преодолевалась с темпом наступления 10–12 километров в сутки. Блестяще действовали гвардейские дивизии генералов Путилова, Щеглова, Романцова, а маневр тяжелой артиллерии вдоль фронта был так стремителен и внезапен, что фон Маннергейму оставалось только отводить войска к Выборгу, который был взят 20 июня.

Операция еще шла, но Верховный главнокомандующий уже предвидел ее победное завершение. 16 июня Л. А. Говорову было присвоено воинское звание «Маршал Советского Союза».

Вскоре внимание командующего Ленинградским фронтом переключилось на другое, нарвское направление. Дерзкий замысел марш-маневра 2-й ударной армии с переправой через трехкилометровую протоку Теплого озера для удара по Таллину и окружения всей нарвской группировки противника был тщательно продуман и четко исполнен. Наступление началось 17 сентября, а через 10 дней над столицей Эстонии взвилось алое знамя.

Исход войны был уже предрешен, но потребовалось еще 7 месяцев упорных боев с остатками группы армий

«Север», прежде чем Л. А. Говоров принял капитуляцию окруженных на Курляндском полуострове войск противника. Он лично опрашивал пленных генералов, как бы проверяя собственные сведения и выводы. Немецкие генералы были поражены тем, насколько глубоко знал советский командующий состав, задачи, планы и даже замыслы бывшего противника.

24 июня 1945 года Маршал Советского Союза Л. А. Говоров торжественно провел сводный полк Ленинградского фронта по брусчатке Красной площади. После Парада Победы он продолжал служить Родине, передавая свои знания и опыт новым поколениям защитников Отечества. Особенно много сил отдал маршал становлению войск ПВО, главнокомандующим которых был в течение 5 лет.

Имя Говорова связано с бурным развитием этого нового вида Вооруженных сил, его техническим перевооружением, подготовкой командных и инженерно-технических кадров, работой научно-исследовательских институтов. Полководец отдавал делу всего себя, но подорванное войной здоровье все чаще напоминало о том, что возможности человеческого организма не беспредельны.

1955 год Леонид Александрович встретил в подмосковном санатории «Барвиха». Из окон палаты виднелись запорошенные снегом березы; именно здесь осенью и зимой 1941 года располагался его командный пункт. Рядом с постелью лежали книги по философии, журналы с последними материалами по зарубежной ракетной технике — уговаривать маршала не читать было бесполезно.

19 марта состояние Леонида Александровича резко ухудшилось.

— Я должен был сделать больше, но сделал только то, что успел, — это были последние слова полководца...

Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян

Рассвет едва наступил. Красная площадь была еще безлюдна, и двое мужчин в штатском, но с военной выправкой сразу же привлекли внимание часового. Они шли в ногу, быстро приближаясь к Кремлевской стене, но вдруг остановились и... сели прямо на брусчатку возле Спасских ворот. Часовой, продолжая следить за странной парой, нажал кнопку звонка...

Народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов только головой качал, читая докладную записку: да, поступок отчаянный. Сидели на Красной площади, чтобы добиться встречи с ним, наркомом? Надо же придумать такое! Да еще в дни, когда он сам, в песнях воспетый маршал, не знает, что будет с ним через час-другой. Посмотрим, кто же эти смельчаки. И Климент Ефремович раскрыл одну из лежавших перед ним папок.

Баграмян Иван Христофорович. Родился в армянском селе Чардохлу 2 декабря 1897 года. Из семьи рабочих. Закончил Тифлисское техническое училище в 1915 году. Как железнодорожник, призыву на военную службу не подлежал, но вдруг сам, добровольно, вступил в русскую армию.

Ворошилов припомнил события тех лет. Именно тогда по приказу турецкого правительства начались массовые убийства проживавших в Турции армян. Несчастных вырезали целыми семьями, целыми деревнями. Вот и решил молодой человек взять в руки винтовку, чтобы вместе с русскими солдатами сражаться за свободу своего народа.

Воевал он хорошо, в составе экспедиционного корпуса генерала Баратова дошел до Багдада — нужно было выручать попавшие в трудное положение английские войска. Но союзники, испугавшись присутствия русских в нефтеносном краю больше чем противника, капитулировали перед турками.

Баграмян в боях у стен древнего города отличился и был направлен в школу прапорщиков. Офицерские погоны получил уже после Февральской революции, а потому и службу продолжил не в русской, а в наскоро созданной армянской армии. Только она на всем Кавказе и смогла преградить путь турецким дивизиям, когда те, оправившись от поражений, рванулись к бакинской нефти.

В тяжелой битве при Сардарапате врага удалось остановить, но правительство националистов-дашнаков не сумело воспользоваться победой и заключило с Турцией позорный мир. Молодой офицер, как и многие другие, выражал свое недовольство подобной политикой слишком громко, а потому и оказался в тюрьме.

Первая мировая война закончилась. Место турок заняли англичане, чьим интересам на Кавказе мешал сам факт существования советской России. А почему бы вновь не использовать Турцию? Пусть ее отношения с северным соседом обострятся до предела, для этого можно использовать приманку надежную, проверенную и безотказную — бакинскую нефть.

Снова зашагали по земле Армении вражеские дивизии, оставляя за собой пепелища и трупы. 200 тысяч мирных жителей были физически истреблены, еще 60 тысяч угнаны на чужбину. Спасти могла лишь помощь России, но армянское правительство от нее отказалось, и тогда народ сверг власть националистов. В тот же день, 2 декабря 1920 года, советская Россия признала независимость Армении и взяла на себя обязательства по ее вооруженной защите.

Турецкие войска поспешили ретироваться. Армения вскоре вошла в состав СССР, а молодой офицер Иван Баграмян вступил в ряды Красной армии. Командовал эскадронам, кавалерийским полком. Окончил Высшие

кавалерийские курсы, академию имени М. В. Фрунзе и академию Генерального штаба, где и преподавал до тех пор, пока не был арестован его брат.

Полковник Баграмян всячески защищал родственника, говорил, что допущена ошибка, в итоге его уволили из армии. Вот интересная справка: в настоящее время средств к существованию не имеет, когда ходил получать паспорт, был вынужден надеть пальто жены. Просил аудиенции у наркома, но получил отказ. Потому и надумал вместе с еще одним отчисленным из армии командиром напомнить о себе таким странным образом.

Что ж, пожалуй, стоит принять. Заслужили. Отчаянный шаг мог обойтись им очень дорого.

Иван Христофорович в итоге был восстановлен в рядах РККА и продолжил службу в академии. Но пытался перевестись в войска, ибо чувствовал — война не за горами. Командование не отпускало: в ту пору специалистов с таким, как у него, образованием было крайне мало. Тогда Баграмян написал письмо командующему Киевским особым военным округом генералу армии Г. К. Жукову: может быть, тот вспомнит товарища по учебе на Высших кавалерийских курсах и посодействует переводу?

Время шло, ответ не приходил, надежда таяла. Но вдруг поступила короткая телеграмма: Жуков сообщил, что просьба удовлетворена, и предписывал немедленно выехать в Киев.

Иван Христофорович медлить не стал и уже через день входил в кабинет командующего округом. Сначала полковник Баграмян держался так, как того требовала субординация, но официальный тон скоро исчез, и старые знакомые перешли к воспоминаниям. Наконец Иван Христофорович попросил разрешения выехать в расположение армии, начальником оперативного отдела которой был назначен.

— Э, нет, — возразил Жуков. — Придется повременить. В декабре состоится совещание высшего командного состава с участием товарища Сталина. Мне поручено сделать доклад о характере современной наступательной операции. Ты провел четыре года в стенах академии. Поможешь в составлении доклада.

Иван Христофорович взялся за дело. Доклад произвел благоприятное впечатление как на участников совещания, так и на самого Сталина: теперь он видел в Жукове не только практика, но и теоретика военного дела.

Вскоре последовали кадровые перестановки. Г. К. Жуков был назначен начальником Генерального штаба, а Киевский округ возглавил генерал М. П. Кирпонос, годом ранее проявивший себя как способный командир дивизии. Не был забыт и полковник Баграмян: он стал начальником оперативного отдела штаба округа, сразу же с головой погрузившись в работу. О свободном времени пришлось забыть. Приближение войны ощущалось все явственнее, и страна готовилась к отпору. За два года армия выросла более чем в два с половиной раза, формировались новые части и соединения, но для того, чтобы сделать их боеспособными, требовалось время.

Не хватало технических специалистов, автотранспорта, радиостанций, зенитной артиллерии. Новая техника поступала, однако для ее освоения нужны были месяцы. Приказ о создании фронтового управления и сосредоточении его в районе Тернополя был получен 19 июня 1941 года.

Полковник Баграмян выехал из столицы Украины поздним вечером 21 июня. Рассвет застал штабные машины под Бродами.

«Жаркий будет день, — думал Иван Христофорович, глядя на ясное небо. — Надо же, такая рань, воскресенье, а летчики занятия проводят», — удивился он, заметив приближающийся с запада строй крылатых машин и вспомнив о расположенной здесь авиачасти. Но вдруг три самолета отделились от остальных и с душераздирающим воем устремились к незащитной колонне. Воздух!

Рев моторов, грохот скорострельных пушек, разрывы бомб, черные кресты на крыльях... Так для полковника Баграмяна началась война.

К счастью, вражеские летчики не стали тратить время и боеприпасы на какие-то машины: их куда больше интересовали советские истребители, плотно, крылом

к крылу, стоявшие на ближайшем аэродроме. Колонна благополучно достигла командного пункта, и полковник Баграмян немедленно приступил к сбору данных обстановки. Лишь к вечеру стала проясняться картина происходящего, и была она безрадостной.

Войска Юго-Западного фронта не успели развернуться по штатам военного времени. Они были застигнуты врасплох вдали от районов боевого предназначения, а потому не могли остановить врага, полностью использовавшего преимущества внезапности, обладавшего высокой боевой выучкой, подавляющим превосходством в силах на важнейших направлениях и сумевшего сразу же захватить господство в воздухе. Лишь к началу августа ценой немалых жертв и невероятных усилий удалось добиться относительной стабилизации линии фронта, проходившей в опасной близости от столицы Украины.

Полковник Баграмян успевал справляться с потоком штабной работы и организовывать действия войск на опасных направлениях; именно в те скупые на благодарности и награды дни ему было присвоено звание генерал-майора.

Через некоторое время положение улучшилось, генерал Кирпонос подумывал даже о проведении контр-удара... Но в это время гитлеровским войскам удалось форсировать Днепр в полосе соседа справа — Центрального фронта — и вклиниться далеко на восток. Затем 2-я танковая группа генерала Гудериана резко повернула на юг и во взаимодействии со 2-й полевой армией двинулась в глубокий тыл Юго-Западного фронта.

Вскоре другой танкист, генерал фон Клейст, сумел скрытно переправить через Днепр значительные силы у Кременчуга и прорвать оборону советских войск, после чего его бронированная лавина устремилась навстречу танкам Гудериана. Угроза окружения стала реальной. Оставалась единственная возможность избежать разгрома — отойти на новые рубежи.

Штаб фронта обратился в Ставку с просьбой разрешить отход, но получил отказ. У Сталина были свои достаточно веские причины во что бы то ни стало удерживать столицу Украины.

Совсем недавно, 30 и 31 июля, он дважды встречался с Гарри Гопкинсом, представителем и личным другом президента США Рузвельта. Цель у важного американского гостя была одна: узнать, как долго продержатся русские. От его мнения зависело решение о начале поставок заокеанской военной техники по ленд-лизу. Кто же захочет отправлять оружие армиям, которые будут разбиты прежде, чем ценный груз достигнет порта назначения?

На прямой вопрос: «Где будет проходить линия фронта к 1942 году?» — советский Верховный главнокомандующий уверенно ответил: «Западнее Ленинграда, Москвы, Киева...» Сдать столицу Украины значит нарушить обещание, поставить под угрозу получение танков, самолетов, автомашин именно тогда, когда вследствие эвакуации промышленности нужда в них крайне обострилась.

Военачальники не были посвящены в тайны большой политики, зато отчетливо видели признаки надвигающейся катастрофы. Мнение штаба фронта разделял и командующий юго-западным направлением маршал С. М. Буденный. Он сумел убедить начальника Генерального штаба в необходимости оставить Киев, а Сталина отправил телеграмму с подробным обоснованием причин отвода войск на новые рубежи.

Возражать против доводов Буденного было трудно, и Сталин, вопреки своему желанию, позвонил командующему Юго-Западным фронтом, чтобы дать указания о порядке отвода войск. Завершая разговор, Верховный главнокомандующий не без раздражения заметил: «Перестаньте, наконец, заниматься поисками рубежей для отступления; надо искать пути для сопротивления».

И тут генерал Кирпонос вдруг отказался от собственного предложения и заявил, что у него даже мыслей об отходе не было, и просил всего лишь усиления резервами. Начальник штаба фронта генерал Тупиков схватился за голову: судьба стратегического объединения была предрешена. Кроме того, теперь получилось, что Буденный и Жуков ратовали за оставление Киева вопреки же-

ланию как самой Ставки, так и командующего фронтом. Потому оба они лишились своих постов.

Новый командующий юго-западным направлением, маршал С. К. Тимошенко, быстро разобрался в обстановке и понял, что его предшественник был прав. Войска нужно отводить, причем как можно быстрее. Он доложил об этом в Ставку, но время было упущено. Не отход, а выход из окружения предстоял как раздробленным, лишенным связи с командованием армиям, так и самому штабу фронта.

В районе села Городищи генерал Баграмян получил приказ взять роту НКВД, уничтожить прорвавшихся к штабу мотоциклистов противника, а потом двигаться на Сенчу. Иван Христофорович лично возглавил атаку, одержал полную победу в коротком, но жарком бою и, собрав по пути разрозненные группы красноармейцев, вышел к указанному месту. Но колонны штаба он так и не дождался. Как выяснилось позже, генерал Кирпос послал его в демонстративную атаку с целью отвлечь внимание противника, а сам пошел в другую сторону.

Судьба распорядилась так. На рассвете 20 сентября штаб фронта был окружен фашистами и принял неравный бой. Командующий и начальник штаба генерал Тупиков пали смертью храбрых...

Гитлеровские надежды на победу не оправдались: маршал С. К. Тимошенко сумел в кратчайшие сроки возродить Юго-Западный фронт, оперативный отдел штаба которого возглавил генерал Баграмян. Общая обстановка требовала вновь отводить войска; на этот раз отход был тщательно подготовлен и проведен организованно и планомерно. Более того, теперь любые дерзкие действия противника заканчивались для него неудачей.

Отход завершился на рубеже Тим — Изюм — Ямполь, где была создана глубокая, прочная оборона. 5 ноября гитлеровцы попытались прорвать ее ударом в обход Ростова с севера. Маршал Тимошенко в соответствии с разработанным генералом Баграмяном предложением ответил мощным ударом по коммуникациям противника. Иван Христофорович с удивлением наблюдал, как опытней-

ший фон Клейст лезет в ловушку, не обращая внимания на заходящий ему в тыл кавалерийский корпус.

В чем дело? Снова какая-нибудь хитрость? Позже выяснили, что все было гораздо проще: успехи первых месяцев войны вскружили противнику голову и лишили его осторожности. Та же причина мешала врагу поверить в силу советской армии и возросшее боевое мастерство ее командиров, а потому озлобленное упрямство все больше сказывалось на его оперативных замыслах.

Дивизиям фон Клейста все же удалось захватить Ростов, но ненадолго: меч контрудара уже был занесен. Два дня бешено сопротивлялись фашисты, а затем начали отход, превратившийся в паническое бегство.

Войска Юго-Западного фронта продолжили наступление специально сформированной оперативной группой, штаб которой в течение одной ночи создал и возглавил генерал Баграмян.

Победа радостной вестью разнеслась по всей стране и вызвала скандал в гитлеровском стане. Фюрер в ярости осыпал бранью главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала фон Рундштедта, пытаясь сорвать с него Железный крест, а еще нескольких генералов сместил со своих постов.

Первые успехи вызвали у командования юго-западного направления желание провести летом 1942 года ряд наступательных операций с целью освобождения Харькова и Донбасса. В последней декаде марта Иван Христофорович вылетел в Москву, куда вскоре прибыли Тимошенко и член Военного совета Н. С. Хрущев. Они-то и решили, что докладывать предложения к плану летней кампании Сталину будет генерал Баграмян: сам их разрабатывал, ему и карты в руки.

Доклад состоялся вечером 22 марта. Верховный главнокомандующий слушал внимательно, иногда задавая вопросы, по ним опытный штабист понял, что Сталин проверяет, насколько он, генерал Баграмян, подготовлен к своей должности. Поразило автора предложений то, насколько глубоко знал Сталин особенности применения различных родов войск, особенно артиллерии.

В ходе обсуждения доклада Верховный главноко-

мандующий сообщил, что летом ожидается новое крупное наступление противника на Москву, разъяснил положение на других фронтах, ситуацию с резервами, боевой техникой, вооружением и тактично подвел командование направления к выводу: задачи на лето придется ограничить лишь освобождением Харькова. Замысел операции предстояло разработать немедленно.

Иван Христофорович работал всю ночь напролет. Предложения по освобождению Харькова были приняты, но ни Ставка, ни командование фронтов, ни сам Баграмян не знали, что подготовка противником очередного наступления на Москву всего лишь ловкая имитация в рамках гигантской стратегической дезинформационной операции «Кремль». Подлинные направления главных ударов вели к Сталинграду и Кавказскому хребту. Поэтому войска Юго-Западного фронта, успешно начавшие было Харьковскую операцию 12 мая 1942 года, вскоре столкнулись с упорным, все возрастающим сопротивлением противника. Жестокие бои шли на земле и в воздухе, где советские летчики пока еще тщетно пытались положить конец господству фашистской авиации.

17 мая противник нанес мощный удар в полосе соседнего, Южного фронта и начал продвигаться на север, в тыл харьковской группировки. Иван Христофорович просил маршала Тимошенко прекратить наступление. Тщетно: ведь цель так близка, может быть, удар противника удастся отразить лишь частью сил, а остальные использовать для освобождения Харькова? Но 22 мая последовал еще один удар, на этот раз с севера.

Окружение стало реальностью. Лишь 22 тысячи бойцов и командиров смогли выйти из смертельного кольца. Юго-Западный фронт переходил к обороне, но, ослабленный поражением, он уже не мог предотвратить начавшееся вскоре наступление гитлеровцев на Сталинград и Кавказ. На этот раз суровых наказаний не было — возможно, потому, что Верховный главнокомандующий ощущал собственную вину за стратегический просчет. Но ведь кто-то должен ответить за неудачу? Так пусть это будет генерал Баграмян. Напрасно Тимошенко и Хрущев, сами будучи в нелегком положении,

уверяли, что начальник штаба в сложных условиях сделал все для сохранения управления войсками.

— Кого-то ведь нужно снимать, — ответил Сталин и, помолчав, добавил: — Вообще-то это нас с вами нужно снимать. Но мы товарища Баграмяна не забудем...

29 июня наказанный понижением в должности на две ступени генерал приступил к исполнению обязанностей заместителя командующего 61-й армией Западного фронта, который возглавлял в ту пору Г. К. Жуков. Он и предложил Ивану Христофоровичу руководство прославленной в битве под Москвой 16-й армией: детище только что получившего фронт Рокоссовского должно было быть передано в надежные руки.

Вскоре развернулось ожесточенное Ржевское сражение, в котором советское командование стремилось воспретить противнику маневр резервами с центрального направления на сталинградское, а также овладение территориями к северу от Волги. Гитлеровское командование сдавать выгодные позиции не желало, пассивной обороной не ограничивалось и отвечало дерзкими, сильными, хорошо подготовленными контрударами. Один из них пришелся по левому флангу 16-й армии.

Сотни фашистских танков, охватывая советские дивизии, рвались к реке Жиздра. Но генерал Баграмян, искусно сочетая отход, твердое удержание ключевых рубежей и решительные контратаки, умело выводил свои войска из-под угрозы окружения. Противник же, с боем захватывая каждый метр земли, не мог даже представить, что идет именно туда, куда нужно советскому военачальнику.

19 августа на подступах к деревне Алешинки ловушка захлопнулась. Противник был накрыт заранее подготовленным огнем тяжелой артиллерии, а затем сметен стремительными контратаками армейских резервов. Победа была убедительной, чистой и красивой...

В феврале 1943 года генерал Баграмян доказал умение побеждать не только в обороне, но и в наступлении: враг был отброшен на 160 километров, а 16-я армия переименована в 11-ю гвардейскую.

Весна выдалась ранняя, с распутицей. Наступившее затишье предвещало бурю. Где грянет она будущим летом? Высокие штабы хранили свои соображения в глубокой тайне, но стратеги батальонного и даже ротного звена, глядя на карту, уверенно показывали на причудливый выступ линии фронта в районе Курска: «Здесь!»

Войска внутри Курского выступа готовились к обороне, а расположенная севернее 11-я гвардейская армия — к наступлению. Надлежало прорвать оборону гитлеровцев южнее Козельска и, нанося удар строго на юг, выйти во фланг и тыл орловской группировке противника. Иван Христофорович ночи напролет проводил над картой, оценивал обстановку, прикидывал варианты, вспоминая горечь прошлогоднего урока под Харьковом. Тогда войска Юго-Западного фронта тоже двинулись на изготовившегося к наступлению противника с глубокими целями, а что получилось?

Вот и сейчас все больше убеждался генерал Баграмян: количество выделенных сил глубине поставленных задач не соответствует. А значит, неудача лета 1942 года может повториться.

Он подготовил собственные предложения, подкрепил их расчетами, доложил командующему фронтом, но понимания не встретил. Генеральный штаб также отклонил его вариант действий.

Вскоре после этого план Орловской операции был рассмотрен на совещании у Верховного главнокомандующего. Обсуждение заканчивалось, и военачальники сворачивали карты, но тут генерал Баграмян попросил разрешения высказаться. Сталин выслушал, внимательно изучил карту и произнес:

— А ведь Баграмян дело говорит. По-моему, с его предложениями следует согласиться.

Подготовка операции завершалась уже в ходе Курской битвы и была проведена столь умело, что враг до самого последнего момента так и не заметил сосредоточения мощной ударной группировки буквально у себя под боком. Рано утром 12 июня тысячи советских орудий возвестили о начале наступления. Успех первого дня превзошел все ожидания: уже к 15.30 главная поло-

са обороны противника была прорвана на всю глубину, а потери фашистов только от огня артиллерии достигли половины первоначального состава.

Опомнившись, фашистские войска начали ожесточенно сопротивляться: память о прежних успехах мешала признать, что перед ними армия не 41-го и даже не 42-го года.

Иван Христофорович радовался малым потерям и тому, как искусно, избегая фронтальных схваток, управляют боем командиры, обрушивал на узлы обороны противника шквальный огонь артиллерии, блокировал выдвижение его резервов ударами авиации, наращивал успех вводом вторых эшелонов. В штабе врага воцарилось смятение: фашистские стратеги начали понимать, что их летним планам пришел конец.

Взбешенный Гитлер стал искать козла отпущения и в конце концов назначил таковым командующего 2-й танковой армией генерала Шмидта Но положение от этого лучше не стало. Общее наступление советских войск успешно развивалось.

Шла вперед и 11-я гвардейская армия. К началу осени за ее плечами было 227 пройденных с боями километров, более 800 освобожденных населенных пунктов, 10 наголову разгромленных вражеских дивизий.

Успех заметил и Сталин. В начале ноября Иван Христофорович был вызван в Москву.

— В Ставке обсуждался вопрос о смене командующего 1-м Прибалтийским фронтом, — сказал ему Верховный главнокомандующий. — Принято решение назначить вас на этот ответственный пост. Как вы к этому относитесь, товарищ Баграмян?

Иван Христофорович заверил Сталина, что он приложит все силы для оправдания высокого доверия. В тот же день был подготовлен проект постановления Совета народных комиссаров о присвоении Баграмяну воинского звания «генерал армии».

19 ноября новый командующий прибыл на командный пункт фронта, чтобы принять должность у своего товарища по Высшим кавалерийским курсам А. И. Еременко. Андрей Иванович причину своих неудач объяс-

нял просто: раскисшие дороги даже боеприпасы подвезти не позволяли, в то время как противник, используя преимущества в сообщениях, стянул против главной ударной группировки фронта все, что мог.

Вскоре генерал Баграмян убедился в правоте своего предшественника. Лишь в начале зимы, когда морозы покончили с бездорожьем, удалось завершить подготовку наступления с целью ликвидации занятого гитлеровскими войсками опасного выступа с Витебском в основании и Городком в центре.

Гитлеровское командование, как всегда, умело использовало сложную, изобилующую реками и озерами местность, тщательно подготовило оборону в инженерном отношении. Иван Христофорович понимал, что внимание Ставки сейчас приковано к освобождению Правобережной Украины и окончательной ликвидации блокады Ленинграда, а потому рассчитывал только на доблесть и выучку войск, качество советского оружия да на свое мастерство полководца. Последнее в этой операции развернулось в полной мере.

Не было ни одной возможности, которую бы не использовал генерал Баграмян, чтобы добиться победы. Специалисты могли оценить по достоинству тщательно организованное огневое поражение противника, мощные, дробящие удары, глубокие обходы, искусное выманивание резервов противника из подготовленных районов с целью их блокирования и уничтожения, внезапные ночные атаки и скорейшее, нежели у гитлеровцев, восстановление поврежденной боевой техники. Недаром эту относительно небольшую операцию Иван Христофорович считал одной из сложнейших за всю войну!

Враг потерял без малого 70 тысяч солдат и офицеров. Но главным итогом наступления стало создание благоприятных предпосылок для проведения Белорусской стратегической операции, в рамках которой 1-му Прибалтийскому фронту предстояло освободить Витебск, Полоцк, а затем выйти к границам Литвы и юго-восточной Латвии.

Рассвет 22 июня 1944 года генерал Баграмян встретил на наблюдательном пункте. Войска, завершив

сложную перегруппировку, застыли в ожидании первых залпов. Они раздались ровно в 5.00 утра, а к вечеру глубина прорыва достигала уже 18 километров!

Впереди — Западная Двина; нельзя позволить противнику закрепиться на ней, построить систему огня. Командующий фронтом обрушил на врага всю мощь своей артиллерии и авиации, чтобы облегчить задачу пехоте, и достиг цели: следующим утром передовые отряды форсировали крупную водную преграду и захватили плацдармы на противоположном берегу.

Фашистское командование, заметив угрозу окружения, обратилось к Гитлеру с просьбой отвести войска. Но не Гитлер, а советская армия решала судьбу витебской группировки. 25 июня войска 1-го и 3-го Прибалтийских фронтов замкнули кольцо западнее города. В «котле» оказалось более 50 тысяч солдат и офицеров противника.

Москва салютовала освободителям Витебска, а 1-й Прибалтийский фронт продолжал неудержимо продвигаться вперед — командующему приходилось часто перемещать командный пункт. Неизгладимое впечатление на него произвел участок дороги от города Камень до Лепеля: весь он был забит уничтоженной техникой противника, а по обочинам лежали убитые солдаты и офицеры. Тысячи и тысячи. Всякое повидавшим солдатом был Иван Христофорович, но тут ему стало не по себе...

Очистив от фашистов город Лепель, советские солдаты обнаружили концлагерь, а в нем — более 40 тысяч полузамученных людей. Ярость бойцов была так велика, что противник не смог их остановить даже на прикрывавшей Полоцк мощной оборонительной линии «Тигр», искусно вписанной в систему озер и болот.

Сам город был тщательно подготовлен к круговой обороне шестью засевшими в нем фашистскими дивизиями. Генерал Баграмян решил начать штурм со всех сторон одновременно, предотвратив попытку противника вывести войска из города. Дружная атака началась утром 7 июня.

Фашисты выводили спрятанные в укрытиях танки и бросались в яростные контратаки. Но огромные поте-

ри заставили их отказаться от активных действий и за-
сесть в укреплениях. Каждый дом приходилось брать,
словно крепость, но 3 июля в боях наступил решитель-
ный перелом, а на следующий день Полоцк был полно-
стью освобожден. Шесть гитлеровских дивизий нашли
здесь свою смерть, а войска фронта и его командующий
получили бесценный опыт по овладению укрепленным
городом, что вскоре пригодилось на земле Прибалтики.

Мастер короткой осады и решительного штурма не
забывал и о других способах действий, безошибочно вы-
бирая именно тот, который был оправдан в данной об-
становке. Так было с городом Тукумс, освобожденным
решительным броском танкистов генерала В. Т. Обухо-
ва. Противник не успел парировать молниеносный
удар, и гитлеровская группа армий «Север» оказалась
в кольце советских войск. За спиной ее были только
волны Балтики.

Гитлер собрал с других участков фронта все, что бы-
ло возможно, и бросил на деблокирование группировки
800 танков. Но генерал Баграмян предвидел такой пово-
рот событий и приказал войскам перейти к обороне еще
за двое суток до контрудара противника. Этого оказа-
лось достаточно, чтобы фашисты, оставив на полях сра-
жений сотни сгоревших машин и тысячи убитых, оста-
новились.

Правда, ценой жизни еще 15 тысяч солдат и офице-
ров гитлеровскому командованию все же удалось про-
бить узкий коридор вдоль побережья, но меч для нового,
еще более грозного удара по группе армий «Север» уже
был занесен. Ставка Верховного главнокомандования
планировала очередную стратегическую операцию, во-
шедшую в историю под названием «Прибалтийская».
Войскам генерала Баграмяна в ходе ее предстояло выйти
к устью Даугавы и во взаимодействии с соседними фрон-
тами разгромить рижскую группировку противника.

И опять Иван Христофорович провёл ночи над
картой в решении сложных оперативных головоломок:
неожиданностей быть не должно, а на каждый возмож-
ный ход противника заранее следует подготовить сокру-
шительный ответ.

Фашистские генералы возлагали особые надежды на заградительные свойства рек Лиелупе и Мемеле, но к полудню 13 сентября уровень воды в них вдруг упал до 30 сантиметров. Грянули артиллерийские раскаты, и через обмелевшее русло бросилась в атаку советская пехота. Ошеломленный противник даже не контратаковал, а генерал Баграмян мысленно благодарил своих саперов, перекрывших верхние течения рек плотинами.

Две позиции были прорваны с ходу, и лишь на третьей враг оказал упорное сопротивление. Генерал фон Шернер, известный своей беспощадностью, в том числе и к собственным войскам (в поездках его сопровождал автобус с членами полевого суда и расстрельной командой), погнал пехоту и танки в бессмысленные контратаки.

Но дивизии 1-го Прибалтийского фронта неумолимо продвигались к Риге. До города оставалось всего лишь 16 километров, когда Ставка приказала изменить направление наступления на более выгодное, мемельское.

Иван Христофорович готовил очередную операцию в ходе предыдущей, а перегруппировку огромного количества войск и грузов провел так, что мощный удар, нанесенный утром 5 октября, застал противника врасплох. Осознав просчеты, фон Шернер превзошел самого себя в количестве контратак — до 20 в сутки, — одновременно пытаясь вывести войска из-под Риги узким коридором вдоль берега моря в Восточную Пруссию. Но генерал Баграмян пресек его попытки решительным броском 5-й танковой армии к Паланге.

— Высылаем вам фляжку балтийской воды в подарок, — радостно сообщили командующему фронтом танкисты.

— Спасибо, но фляжки маловато, — ответил Иван Христофорович. — Все море подавай!

— Приезжайте, товарищ командующий, оно в вашем распоряжении!

— А как на это посмотрит Шернер?

— Это от него уже не зависит...

Так 300-тысячная группа армий «Север» во второй раз была отсечена от Германии и теперь уже окончательно.

Она оказалась выключена из вооруженной борьбы и больше не могла влиять на ход войны. Советское командование перенесло усилия в Восточную Пруссию, где на долю 1-го Прибалтийского фронта выпало уничтожение земландской группировки фашистских войск и штурм города-крепости Кенигсберг.

Впрочем, крепостью была вся Восточная Пруссия с ее прочными, подготовленными к обороне зданиями, перекрытая линиями заграждений и долговременных огневых точек.

Началась привычная работа по подготовке операции, напряженная, тяжелая, но в то же время творческая, захватывающая поиском нестандартных решений. 18 февраля Иван Христофорович получил скорбное известие: шальной осколок прервал боевой путь его фронтового друга и соседа генерала И. Д. Черняховского. Вскоре последовали организационные изменения. 1-й Прибалтийский фронт упразднился, а его войска передавались в состав 3-го Белорусского, в командование которым вступил маршал А. М. Василевский. Генерал Баграмян назначался его заместителем и одновременно командующим земландской группировкой советских войск. Задача оставалась прежней: освобождение Кенигсберга и разгром его 130-тысячного гарнизона.

Ровно сутки оценивал обстановку Иван Христофорович, вырабатывая замысел штурма. Но это была лишь основа для проведения огромного числа подготовительных мероприятий. Чего стоило только лишь обеспечение аэродромами группировки авиации, насчитывающей 2444 самолета!

Немало забот требовала и артиллерия: прокладывать дорогу наступающим должны были 5 тысяч орудий и почти четыре сотни «катюш». А для разрушения прочных укреплений Кенигсберга адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов прислал 15 особо мощных береговых орудий, способных вести огонь снарядами весом в 350 кг на дальность до 34 километров.

Огневое поражение противника должно было обеспечить успех в уличных боях 26 штурмовым отрядам

и 104 штурмовым группам, состоявшим из стрелковых, артиллерийских, саперных и огнеметных подразделений. Наиболее сложные задачи предстояло решать «кротам» — так называли бойцов инженерно-штурмовых бригад. Облаченные в бронежилеты, напоминавшие средневековые доспехи, вооруженные автоматами, пистолетами и острыми, как бритва, малыми пехотными лопатами, они были мастерами боя в крошечной тьме замкнутых пространств казематов и подземных галерей.

История учит, что самую большую угрозу для войска, осадившего вражескую крепость, представляет деблокирующая группировка. Не всякому полководцу удавалось отразить внешний удар! Иван Христофорович предусмотрел и это: наступление 39-й армии в сторону Пиллау должно было предотвратить попытки противника помочь гарнизону Кенигсберга.

2 апреля прибыл маршал А. М. Василевский, чтобы, согласно решению Ставки, лично возглавить штурм. Все было готово, но погода мешала использовать авиацию. Ждать денек-другой, пока рассеется туман, было нельзя: действия фронта тесно увязаны с операциями советской армии на других направлениях.

Утром 5 апреля Иван Христофорович был на командном пункте 43-й армии генерала А. П. Белобородова. Ровно в 9.00 от раскатов артиллерийского грома задрожала земля, а спустя два часа на скрытый пеленой разрывов передний край обороны противника ринулась пехота.

Вскоре последовали доклады об уверенном продвижении вперед. Но вдруг мощный взрыв отбросил генерала Баграмяна в угол комнаты: вражеский снаряд угодил точно в здание, где располагался командный пункт. Несколько мгновений спустя Иван Христофорович пришел в себя. Голова болела, уши заложило, но...

— Кажется, обошлось, — сказал А. П. Белобородов, также по счастливой случайности избежавший ранений.

Тем временем операция шла по плану: штурмовые группы прорывались в промежутки между фортами, ве-

ли за собой войска, а те методично уничтожали гарнизоны многочисленных укреплений.

Ожесточенные бои продолжались и ночью, а 7 апреля волна за волной к городу потянулись советские бомбардировщики.

— Последний день Помпеи, — произнес один из генералов, глядя на их работу.

После ударов авиации оборона Кенигсберга распалась на отдельные части. Но прочные железобетонные сооружения все еще давали противнику возможность упорно сопротивляться.

Саперы во взаимодействии с артиллерией подбирались к фортам, проламывали стены направленными взрывами, затем в бреши устремлялись штурмовые группы. Некоторое время спустя на командный пункт поступало очередное победное донесение.

«Да, без специальной подготовки и оснащения не легко бы пришлось в этом железобетонном лабиринте», — думал Иван Христофорович, любясь четкой работой воинов. Размышления его прервал доклад о переходе земландской группы фашистских войск в контрнаступление с целью помочь гарнизону Кенигсберга.

Генерал Баграмян лишь кивнул головой — это событие ждали и были к нему хорошо подготовлены. Восемнадцать раз бросались гитлеровцы в контратаки, и все напрасно! А в середине дня советские войска и вовсе отсекли гарнизон Кенигсберга от группы «Земланд». Теперь у противника оставалось два выхода: или попытаться ближайшей ночью прорваться к своим, или, опираясь на проходящий вокруг центра города укрепленный рубеж, отчаянным сопротивлением продлить свое существование еще на несколько дней.

Маршал Василевский предложил осажденному гарнизону капитулировать, но фашистское командование предпочло иное. Два удара, в которые были вложены все оставшиеся силы, были нанесены ровно в полночь: со стороны Земландского полуострова двинулись крупные силы пехоты и танков, а навстречу им с отчаянием обреченных рванулся осажденный гарнизон.

Жестокие бои шли до самого утра, а затем противник вновь «уполз» в железобетонные укрытия и подвалы. К западу же от Кенигсберга земля дрожала весь день — это советская авиация обрушивала на деблокирующую группировку шквал огня с неба.

Кольцо советских войск неумолимо сжималось вокруг центра города. 9 апреля штурмовые группы пробили бреши в стенах королевского замка и ворвались внутрь, завязав рукопашные схватки с офицерскими батальонами, оборонявшими старинную твердыню. Исход последних боев предвидеть было нетрудно, и тогда комендант города генерал Отто Лаш отдал приказ о капитуляции.

— Никак нельзя было ожидать, — с горечью и изумлением сказал он, — что такая крепость, как Кенигсберг, падет так быстро...

Взбешенный фюрер объявил генерала предателем и велел арестовать его семью.

Утром 10 апреля тысячи солдат и офицеров противника начали сдавать оружие, а вечером того же дня Москва салютовала героям штурма Кенигсберга. Теперь настал черед группы «Земланд».

Гитлеровские войска полагались на многочисленные фортификационные сооружения, инженерные заграждения и населенные пункты, каждый дом был превращен в крепость. Но оказалось, что в 1945 году не только остановить, но даже нанести существенный урон умелым, прекрасно вооруженным частям советской армии — дело чрезвычайно трудное.

Положение фашистов вскоре осложнил десант, высаженный в их тылу Балтийским флотом. Гитлеровское командование бросило на него последний резерв — офицерский полк, но тот весь полег в бесплодных контратаках.

Наконец остатки группы «Земланд» укрылись за 5 оборонительными рубежами на узком Пиллаусском полуострове, южную часть которого защищала старинная крепость со стенами пятиметровой толщины. Сам город Пиллау был превращен в мощный укрепленный район.

— Кенигсберг в миниатюре, — сказал Иван Христович, изучив разведывательные данные. Заболочен-

ная местность исключала маневр, оставляя лишь один способ действий — лобовой удар. Но искусство полководца в том и состоит, чтобы даже в подобном случае решить задачу, избежав лишних потерь.

Вновь пошли вперед героические саперы. Они подвели под укрепления противника мощные заряды, взрывали их, а броски пехоты закрепляли успех. 24 апреля враг был надежно окружен в своем последнем пристанище — Пиллау.

Гитлеровские генералы стянули сюда всю оставшуюся на полуострове зенитную артиллерию, но советские самолеты превратили город-крепость в извергающийся вулкан. Утром 25 апреля город вновь скрылся в дыму и пламени разрывов, затем в атаку пошла гвардейская пехота, и к полудню над центром вражеского сопротивления взвился алый флаг.

Гитлеровцы бросились спасаться на узкую косу Фришес-Нерунг. Здесь, на полоске земли шириной всего в полтора километра, их скопилось до 40 тысяч. Утром следующего дня началась и к полудню закончилась заключительная фаза операции. В плен сдались всего лишь 8 тысяч солдат и офицеров противника...

В это время маршал Василевский был вызван в Москву. Уезжая, он сдал фронт генералу Баграмяну и поставил задачу завершить разгром ушедшей в плавни Вислы группировки фашистских войск, насчитывавшей несколько десятков тысяч человек. Потери должны быть минимальными. Впрочем, об этом Иван Христофорович и сам никогда не забывал.

9 мая, в день, когда во всех городах и селах победившей страны царило ликование, бойцы генерала Баграмяна нанесли последний удар по врагу. Из плавней вышли, складывая оружие, 30 тысяч солдат и офицеров противника во главе с тремя генералами. Вскоре полководец убыл в Москву, чтобы на Параде Победы провести по Красной площади сводный полк 1-го Прибалтийского фронта.

Прошагав мимо Мавзолея, Баграмян застыл в положении «смирно» у его подножья, а затем по приглашению Сталина поднялся на трибуну. Многие были за пле-

чами военачальника, и многое было впереди. Он будет командовать войсками округа, возглавит академию Генерального штаба, станет Маршалом и дважды Героем Советского Союза, отдаст целых 10 лет труда на посту заместителя министра обороны — начальника тыла Вооруженных сил СССР.

Но кому дано знать будущее? А тогда, 24 июня 1945 года, Иван Христофорович смотрел на поверженные знамена врага, на колонны танков и артиллерийских орудий, чьи жерла, казалось, еще хранили пороховой запах победных залпов, на лица воинов-победителей и по праву гордился великой армией, великим народом, великой страной.

Генерал армии И. Д. Черняховский

Лето 1941 года в Латвии выдалось погожим, теплым. И утром 22 июня, когда полковник Черняховский, командир расположенной неподалеку от Шауляя танковой дивизии, закончил неотложные дела и решил немного отдохнуть, ничто, казалось бы, не предвещало грозы. Но раздавшиеся в отдалении грохот разрывов и вой sireн заставили забыть об усталости. Иван Данилович не колеблясь объявил частям тревогу и попытался связаться по радио с командиром 12-го механизированного корпуса генералом Н. М. Шестопаловым. Бесплезно: эфир был забит сотнями работающих немецких радиостанций. Лишь к 7 часам окончательно стало ясно то, во что не хотелось верить: началась война.

В соответствии с полученным приказом полковник Черняховский стал готовить дивизию к решительному контрудару на шауляйском направлении. Советское командование еще не знало, что именно здесь наступал мощнейший танковый таран из 8 дивизий под командованием генерал-полковника фон Гепнера. В составе группировки действовал и 41-й моторизованный корпус генерала Рейнгардта, вооруженный новыми танками Т-IV. С ним-то и столкнулись полки Черняховского близ Калтиненай.

Бои с самого начала развернулись ожесточенные. Советские танкисты мужественно сражались, продолжая разить врага даже из горящих машин так, как командир полка майор Борис Петрович Попов, павший смертью храбрых на второй день войны и посмертно

удостоенный звания Героя Советского Союза. Черняховский, руководивший боем из танка, под разрывами снарядов устремился к нему на помощь, но не успел...

В схватке с его 28-й дивизией враг терял пехоту целыми ротами, артиллерию — батареями, но силы были слишком неравны. Гитлеровская авиация господствовала в воздухе, а танки Т-26 и БТ уступали новым немецким машинам и в толщине брони, и в калибре пушки. Возможности дивизии иссякали, противник, нанеся поражение соседям, обходил обнаженные фланги. Героически погиб, сражаясь на своем командном пункте, командир корпуса генерал Шестопалов. Боевой техники почти не осталось, и 4 июля командование Северо-Западного фронта решило отвести полки Черняховского в глубокий тыл для доукомплектования.

Действия молодого командира соединения в те дни отличались академизмом в лучшем смысле этого слова: несмотря на сложные условия начала войны, отсутствие достоверных данных о противнике и царившую в вышестоящих штабах неразбериху, выдвижение и вступление в бой 28-й танковой дивизии было организовано в полном соответствии с требованиями военной науки. Разведка, передовой отряд, походное охранение, главные силы, удаление и построение которых позволяло реагировать на любое неожиданное изменение обстановки. Сам Иван Данилович показал высокое личное мужество и способность ни при каких обстоятельствах не терять управления войсками.

Опытный, прекрасно вооруженный, превосходивший числом противник так и не смог ни окружить, ни разгромить его дивизию.

Советские части расположились в лесах восточнее Новгорода. Новые танки ожидали с нетерпением, но получить их так и не удалось: 12 августа враг прорвал оборону у Шимска и спешенные танкисты встали на защиту древнего русского города. Они отражали атаки фашистов на ближних подступах, на уличных баррикадах, в самом кремле.

В разгар битвы за Новгород в дивизию прибыл новый начальник штаба фронта генерал Н. Ф. Ватутин,

сразу обративший внимание на энергию и мастерство молодого полковника. Опытный штабист уже знал его биографию: Иван Данилович Черняховский родился 29 июня 1907 года в селе Оксанино Уманского уезда Киевской губернии в семье батрака. Детство и юность прошли в селе Вербово близ станции Вапнярка. Родителей лишился рано — их унес тиф. С 12 лет сам зарабатывал себе на кусок хлеба, по вечерам учился на шофера, много читал.

В 1924 году поступил в Одесскую пехотную школу, но заканчивал уже Киевскую артиллерийскую. Успешно командовал взводом, батареей, получил высшее военное образование в академии механизации и моторизации — отсюда глубокие знания в тактике различных родов войск и умение организовать взаимодействие между ними.

В Киевском военном округе был известен как отличный командир танкового батальона, в Белорусском — как командир лучшего танкового полка, в Прибалтийском был выдвинут на должность командира дивизии с досрочным присвоением звания «полковник» всего лишь за три месяца до начала войны...

А бои за Новгород продолжались. Остаткам полков Черняховского приходилось отражать атаки трех гитлеровских дивизий под непрерывными ударами авиации. Когда соединение заняло оборону на озере Селигер, в строю оставалось всего лишь 552 человека. Боевые машины так и не поступили, и дивизию, пополнив людьми, переформировали в стрелковую. В январе — феврале 1942 года она вела тяжелые, но уже наступательные бои по окружению демянской группировки противника.

Полковник Черняховский прошел многие десятки километров, его видели в штабах, в атакующих цепях, среди саперов и артиллеристов. Он проявил себя как незаурядный знаток боя пехоты, но не переставал мечтать о танках.

Мечта сбылась в июне, когда уже генерал-майор Черняховский был назначен на должность командира 18-го танкового корпуса. В штабе Воронежского фронта, в состав которого входил корпус, его встретил новый

командующий стратегическим объединением; им был не кто иной, как хорошо знакомый по обороне Новгорода генерал Ватутин.

Восемь дней спустя, во время заседания Военного совета 60-й армии, которой оперативно подчинялся его корпус, Черняховский был внезапно приглашен к аппарату ВЧ.

— Ватутин попросил назначить вас командующим 60-й армией, — прозвучал неторопливый голос с кавказским акцентом. — Мы не возражаем. А вы как сами смотрите на это?

— Как прикажете, товарищ Сталин. Ваше высокое доверие постараюсь оправдать всей своей жизнью, — взволнованно ответил Черняховский.

— Вот и хорошо. Принимайте армию, — произнес Верховный главнокомандующий.

Задача объединения была непростой. Противник оборонял Воронеж упорно и умело, а главное, крупными силами. Затяжные бои, которые развернула армия под руководством молодого командующего на подступах к городу, закончились безрезультатно, и к исходу августа наступило затишье.

Потянулись однообразные фронтовые будни, но каждый солдат чувствовал, что бурные события не за горами. Командарм готовился особенно тщательно, изучал опыт предыдущих боев, пристально всматривался в оперативную карту, измерял, прикидывал, взвешивал, сопоставлял...

Долгожданное наступление началось в январе 1943 года. Всего за четыре дня штаб армии под руководством генерала Черняховского скрытно осуществил крупную перегруппировку и подготовку войск, а за пять первых дней его дивизии уничтожили и пленили более 15 тысяч солдат и офицеров противника. Это была первая победа 60-й армии и ее командующего.

Утром 8 февраля соединения Черняховского завязали сражение за Курск и уже к исходу дня полностью овладели городом. Вторая крупная победа!

Возобновив наступление, генерал Черняховский 11 марта вывел армию к реке Сейм, где та и закрепилась,

образовав вершину Курского выступа. Пройдено было с боями более 300 километров, освобождены Курск, Щигры, Льгов, свыше тысячи сел и деревень. Но несколькими днями ранее противник обрушил сильнейший удар на 3-ю танковую армию генерала Рыбалко, захватил Харьков, а за ним Белгород. Дальнейшее продвижение врага было остановлено войсками Воронежского фронта. Так образовалась знаменитая Курская дуга.

В ходе Воронежско-Касторненской и Курской наступательных операций проявились характерные черты полководческого искусства генерала Черняховского; развиваясь от сражения к сражению, они принесут ему славу одного из самых ярких военачальников советской армии.

Прежде всего это умение предвидеть развитие событий, основанное на непрерывной оценке обстановки. Это позволяло Ивану Даниловичу быстро принимать решение, определять и ставить боевые задачи войскам, предоставляя им больше времени для подготовки к боевым действиям. Так, получив оперативную директиву, командующий отвел себе и своему штабу всего одну ночь, а уже утром командирам соединений были отданы приказы на перегруппировку.

Заслуживает внимания и умелое сосредоточение сил в направлении главного удара: на фронте в 25 километров наступали четыре стрелковые дивизии и одна бригада, в то время как в остальной 75-километровой полосе действовали всего лишь две дивизии и несколько учебных батальонов. С началом операции Иван Данилович упорно добивался поставленных целей, четко ощущая пульс наступления, молниеносно использовал каждую ошибку противника, перенося усилия в глубину его обороны.

В развернувшейся тем же летом гигантской битве 60-я армия, включенная в состав Центрального фронта, непосредственного участия не принимала. Главные сражения шли в 100 километрах от ее флангов. Каждое утро и вечер Иван Данилович докладывал о состоянии обороны командующему фронтом генерал-полковнику Рокоссовскому, получал от него информацию о боях, тщательно изучал свежий опыт.

— Все идет хорошо, врага не пропустим, — спокойно говорил Рокоссовский молодому командарму и добавлял, сдерживая его порыв: — Не торопитесь, всему свое время.

Решающий час настал с переходом войск Центрального фронта в наступление. За 5 дней генерал Черняховский осуществил всестороннюю подготовку армейской операции, провел штабные игры и тренировки. При общем равенстве с противником в силах и средствах Иван Данилович сумел обеспечить на направлении главного удара превосходство по пехоте в три, а по артиллерии — в девять раз! Осмыслив опыт предыдущего, зимнего наступления, немало внимания уделил он также и внезапности.

26 августа, в 9.30 утра, ударная группировка 60-й армии атаковала противника с рубежа Обжи — Романовка. Справа перешла в наступление 65-я армия генерала Батова — именно ей по плану фронта отводилась главная роль, — но продвижение там развивалось медленно.

Иначе было у Черняховского: высокая концентрация сил на участке прорыва, взвешенно определенные задачи соединений и тщательно организованное взаимодействие позволили его войскам продвинуться в глубину на 60 километров при ширине фронта в 100 километров!

Развивая успех, Иван Данилович приказал посадить пехоту на собранные со всей армии автомобили. Он шел на разумный риск, делая выбор между поддержанием высоких темпов наступления и бесперебойным снабжением, но риск этот блестяще оправдался.

Оценив обстановку, Рокоссовский немедленно перенес усилия в направлении наступления 60-й армии, войска которой вскоре перешли к преследованию противника по всему фронту, нанося удар на Конопотоп — Бахмач.

Соединения второго эшелона совершали марш только ночью, днем они наносили удары там, где враг их не ждал.

15 сентября был взят город Нежин. Впереди были Днепр и Днепровский вал, о неприступности которого

трубила геббельсовская пропаганда. Но заблаговременная подготовка, осуществленная командующим армией еще в ходе преследования противника, позволила его войскам приступить к форсированию водной преграды с ходу.

Вкус победы окрылял, усиливая наступательный порыв. Героизм солдат был массовым. Трое суток подряд, без сна и отдыха, под жестоким огнем переправлял пехоту на противоположный берег Днепра понтонер старший сержант Василий Альбинский, обеспечив захват плацдарма. В рукопашной схватке 13 фашистов уничтожил ефрейтор Александр Артеменко. Сержант Александр Аксенов, захватив с небольшой группой солдат плацдарм западнее Окуниново, отстоял его ценой жизни. Чудеса отваги показывали целые подразделения и части, которыми командовали лейтенант В. Я. Кондаков, полковник М. С. Борисов, генералы Н. И. Кирюхин, П. М. Козлов, И. П. Корчагин.

31 сентября Москва чествовала войска генерала Черняховского артиллерийским салютом, а сам он, как и 306 воинов его армии, был удостоен звания Героя Советского Союза...

14 апреля 1944 года Иван Данилович Черняховский, уже генерал-полковник, получил распоряжение сдать командование и прибыть в Москву.

— Боевые действия 60-й армии и ее командующего Ставка оценивает положительно, — при встрече произнес Верховный главнокомандующий. — Теперь мы решили назначить вас командующим 3-м Белорусским фронтом. Надеемся, что и на этом посту вы также успешно справитесь со своими задачами.

А задачи на лето 1944 года были поставлены сложные. Предстояло, разгромив создавшего глубокоэшелонированную оборону врага, выйти к границе СССР на всем ее протяжении, приступить к освобождению Польши, Чехословакии и других европейских государств.

Войскам трех Белорусских фронтов противостояла группа армий «Центр», оборонявшая тысячекилометровый рубеж. Наиболее укрепленными были районы Витебска и Орши; именно там во взаимодействии с со-

седним стратегическим объединением должны были пройти войска 3-го Белорусского фронта, чтобы достичь берегов реки Березина.

Никогда еще под командованием Черняховского не было такого количества людей и техники: 39-я армия генерала И. И. Людникова, 5-я армия генерала Н. И. Крылова, 31-я армия генерала В. В. Глаголева, 11-я гвардейская армия генерала К. Н. Галицкого, 2-й гвардейский танковый корпус генерала А. С. Бурдейного, 3-й гвардейский механизированный корпус генерала В. Т. Обухова, 3-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Н. С. Осликовского; сосредоточивалась и славная победой под Прохоровкой 5-я гвардейская танковая армия маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова. С воздуха действия обеспечивала 1-я воздушная армия под командованием знаменитого летчика М. М. Громова, которого позже сменил генерал Т. Т. Хрюкин. Подтягивались соединения артиллерии резерва Главного командования. Закаленные войска под командованием известных военачальников, хорошо подготовленный, слаженный штаб...

Ни одну операцию И. Д. Черняховский не готовил так тщательно, как эту. Он повторил здесь нанесение глубоких рассекающих ударов, но в масштабах куда более значительных, чем в наступлении 60-й армии летом 1943 года. Превосходство по пехоте и артиллерии на участках прорыва было на этот раз шестикратным, а в танках — десятикратным!..

Вечером 20 июня И. Д. Черняховский побывал на передовом командно-наблюдательном пункте фронта. Тремя днями позже, после мощной артиллерийской подготовки, ровно в 9 часов советские войска атаковали противника. Командующий внимательно следил за ходом операции. Как только на правом крыле, в районе Богушевска, наметился успех, немедленно направил туда конно-механизированную группу генерала Осликовского.

26 июня сопротивление противника было сломлено по всему фронту. Конно-механизированная группа, пройдя за день с боями более 30 километров, овладела

Сенно, следом за ней выдвигалась 5-я танковая армия. Северное крыло группы «Центр» раскалывалось на части. Тогда же во взаимодействии с войсками генерала Баграмяна был освобожден Витебск.

Эта новость сразу же стала известна Сталину, и уже в 14 часов Черняховский получил поздравительную телеграмму в связи с присвоением ему воинского звания «генерал армии».

Тем временем конно-механизированная группа Осликовского продвинулась еще на 30 километров, создав благоприятные условия для ввода в сражение 5-й танковой армии. Атаковав противника утром 27-го, к вечеру гвардейцы Ротмистрова прошли уже 75 километров, овладев Славенами и Толочином. В тот же день войсками 11-й и 31-й армий была взята Орша, а танковый корпус Бурдейного уже сражался с противником в 20 километрах западнее ее.

Фельдмаршал Буш бросил в сражение последние резервы — 5-ю танковую дивизию. Советский командующий немедленно направил ей навстречу противотанковую артиллерию, саперов с минами, поднял штурмовую авиацию.

Сообщения поступали непрерывным потоком: вот генерал Людников доложил о капитуляции фашистских войск к западу от Витебска. В числе 19 тысяч пленных оказался и старый знакомый Ивана Даниловича.

«В 1942 году у Воронежа молодой генерал Черняховский сражался против немолодого генерала Гольвитцера, — писал Илья Эренбург. — Черняховский учился воевать. Этим летом у Витебска к генералу Черняховскому привели пленного генерала Гольвитцера. Черняховский научился побеждать».

Войска фронта двигались неудержимой лавиной. 28 июня они с ходу форсировали Березину, в то время как гвардейцы Ротмистрова завершали разгром упорно сопротивлявшейся 5-й танковой дивизии вдоль Минского шоссе.

Гитлер в гневе снял фельдмаршала Буша с должности командующего группой «Центр», заменив его фельдмаршалом Моделем. Досталось и генералу Хейнрици,

командующему 4-й армией. Его сменил генерал Типпельскирх. Новый командующий армией пытался организованно вывести ее остатки из-под угрозы окружения, но все коммуникации были парализованы партизанами.

Наступление войск 3-го Белорусского фронта развивалось по-прежнему стремительно. К утру 3 июля передовые отряды 5-й танковой армии уже вели бои на северо-восточных окраинах Минска. Одновременно в город с востока ворвались танкисты генерала Бурдейного, моторизованные передовые части 11-й и 31-й армий. Четырьмя часами позже подошел и 1-й гвардейский корпус 1-го Белорусского фронта. Окружение 4-й армии противника было завершено.

В «котле» оказалось более 100 тысяч немецко-фашистских войск. Столица приветствовала победы 1-го и 3-го Белорусских фронтов залпами из 324 орудий.

В центре германского фронта образовалась огромная брешь, быстро закрыть которую фашистское командование не могло. Не могло оно и остановить победоносные войска советского полководца.

Между тем Ставка уже готовила фронту новые задачи: освободить Вильнюс, Лиду, выйти к Неману и занять плацдармы на его западном берегу. Поворот огромной военной машины был осуществлен точно и в срок. 9 июля 3-й кавалерийский корпус, совершив блестящий фланговый марш-маневр, внезапной атакой захватил город Лиду. Через несколько дней после упорных уличных боев капитулировал гарнизон Вильнюса, а в середине месяца советские войска форсировали Неман в районе Алитус. В числе отличившихся в этих боях частей, получивших почетное наименование «неманских», был и французский истребительный авиаполк «Нормандия».

Впереди лежала Восточная Пруссия. Наступление в этой области, представлявшей собой, по сути, единый огромный укрепленный район, наполненный долговременными оборонительными сооружениями, разумеется, не могло быть столь стремительным, как на земле Белоруссии. Кроме того, войска 3-го Белорусского

фронта вышли к Неману ослабленными, нуждаясь в отдыхе, пополнении людьми и техникой, подтягивании отставших тылов.

В феврале 1945 года Ставка Верховного главнокомандования приказала войскам фронта завершить разгром 23 дивизий противника, занимавших обширный плацдарм к югу от Кенигсберга. Всего лишь сутки понадобились генералу Черняховскому для постановки задач объединениям, организации взаимодействия между пехотой, артиллерией, танкистами, летчиками, саперами, и 10-го числа войска возобновили наступление.

Противник упорно сопротивлялся, используя все возможности долговременной фортификации. Продвижение на отдельных участках составляло всего лишь полтора-два километра в сутки. И все же почти сразу удалось взять штурмом город Прейс-Эйлау, а затем города Вормдйтт и Мельзак...

Весь этот день командующий фронтом был на трудных участках, вникал в детали обстановки, помогал на месте разрешать трудные вопросы. С утра Иван Данилович оставил свой командный пункт в Лаутерне и отправился в 5-ю армию к генералу Крылову. Оттуда он решил поехать в 3-ю армию генерала Горбатова. У развилки дорог, что в 700 метрах восточнее Мельзака, громыхнул один-единственный разрыв снаряда. И в машину командующего попал осколок — тоже один-единственный. Роковой...

20 февраля над вильнюсской площадью Ожешкенес прогремели залпы прощального салюта. Скорбела страна, скорбела армия, скорбели заполнившие площадь и прилегающие улицы жители Вильнюса. Но никто не мог в тот день предположить, что пройдет несколько десятилетий, и правительство независимой Литвы потребует ликвидировать захоронение освободителя своей столицы. Прах полководца будет доставлен в Москву и 19 ноября 1991 года с почестями предан земле Новодевичьего кладбища.

Генерал армии Н. Ф. Ватутин

«Только тот из вас, кто будет чувствовать постоянное недовольство самим собой, неполноту своего научного багажа, кто будет стремиться к расширению своего кругозора, — только тот не отстанет в военном деле, будет идти вперед и, быть может, поведет за собой десятки и сотни других людей», — так напутствовал выпускников Полтавского пехотного училища Михаил Васильевич Фрунзе.

В этот день, 11 октября 1922 года, он лично вручал вчерашним курсантам удостоверения командиров Красной армии. Среди тех, кто в торжественном строю стоял на том самом поле, где солдаты Петра Великого прославили русское оружие, был и отличник учебы Николай Ватутин. Слова прославленного военачальника гражданской войны стали для него девизом жизни. Молодой воин всегда тянулся к знаниям, словно железо к магниту. Недаром учитель сельской школы уговорил родителей не отдавать талантливого мальчика в подпаски, а предоставить ему возможность продолжить образование, выхлопотал казенную стипендию и определил в коммерческое училище в городе Уразово.

Незаметно пролетели четыре года. Потом выплата стипендии прекратилась, а над страной закружились вихри гражданской войны. В земли Воронежской губернии пришли дивизии кайзера Вильгельма, потом их сменили гайдамаки и махновцы.

Николай понял, что лишь силой можно изгнать эту нечисть, а если так, то путь один — в Красную армию.

Молодой солдат в первом же бою проявил такую отвагу, хладнокровие и находчивость, что был направлен командованием в Полтавскую пехотную школу. Там и открыл для себя, что военное дело, оказывается, наука интересная и многогранная. Учился жадно, подкрепляя теорию практикой: курсантов часто направляли на ликвидацию ближайших банд.

В то время был у воронежских крестьян и другой страшный враг — голод. Он-то и убил мучительной смертью младшего брата отца и деда будущего полководца. С тех пор Николай Федорович не мог переносить вида брошенной на землю корки хлеба. А тем командирам, кто плохо заботился о питании личного состава, рассчитывать на его снисхождение не приходилось.

Способности молодого офицера и его стремление постоянно увеличивать багаж своих знаний привлекли внимание руководства. В первой половине XX века этим качествам придавалось немалое значение. Прошло всего лишь 16 лет после памятного дня на поле Полтавской битвы, и генерал Ватутин возглавил штаб Киевского особого военного округа. Позади командование взводом и ротой, работа в штабах соединений и объединений, учеба в двух военных академиях — имени М. В. Фрунзе и Генерального штаба. Высокое назначение было крайне ответственным: грозные события неминуемо надвигались.

Вскоре в Европе запылало пламя Второй мировой войны. Советское правительство стало предпринимать меры по улучшению стратегического положения страны.

Войскам Киевского особого военного округа предстояло войти в Западную Украину, отодвинуть границы подальше от жизненно важных центров СССР и восстановить историческое единство искусственно разделенного народа.

Важная геополитическая задача была успешно решена во многом благодаря именно тому, что начавшаяся 17 сентября 1939 года операция, разработанная Ватутиным, прошла быстро и четко. Сам он показал пример организации работы штаба и управления крупными массами войск. Выдвижение на должность начальника

Главного оперативного управления Генерального штаба было закономерным.

Приближение большой войны ощущалось все явственнее. Николай Федорович часто сутками не покидал служебный кабинет. Жалел он при этом лишь о том, что в сутках всего лишь 24 часа, слишком мало для работы небывалых масштабов, да еще ведущейся невиданными прежде темпами.

Оперативное оборудование театров военных действий, развертывание аэродромной сети, формирование механизированных соединений, перемещение крупных войсковых объединений из внутренних округов в приграничные — и все это на фоне проведения военной реформы, превращавшей немногочисленные милиционные территориальные формирования в массовую армию.

Выдержка и хладнокровие Ватутина сочетались с решительностью, а трезвый расчет — с быстротой претворения намеченных планов. Эти качества высоко ценил его непосредственный начальник, генерал армии Г. К. Жуков, возглавлявший в ту пору Генеральный штаб. И нет ничего удивительного в том, что вечером 21 июня 1941 года вместе с Жуковым и народным комиссаром обороны маршалом Тимошенко вошел Ватутин в кабинет Сталина, чтобы добиться решения о приведении войск в полную боевую готовность.

Разведывательные данные о возможном в самое ближайшее время нападении фашистской Германии были весьма убедительными, и все же Сталин колебался.

— Такую директиву сейчас давать преждевременно, — сказал он, когда Жуков зачитал проект документа, — может быть, вопрос еще удастся решить мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей...

Генерал Ватутин вслед за начальником Генерального штаба вышел в соседний кабинет. Они быстро составили новый проект. Именно рукой Николая Федоровича был написан этот ставший историческим документ.

Текст утвердили в присутствии членов политбюро; затем начальник Главного оперативного управления по-

спешил в Генеральный штаб для передачи директивы в войска. Управления военных округов были оповещены в 0.30 22 июня. Но слишком поздно. Война началась по планам гитлеровских стратегов...

Прошла неделя. Николай Федорович простился с женой Татьяной Романовной, сыном Виктором, младшей дочуркой Леночкой и выехал на Северо-Западный фронт, штаб которого ему предстояло возглавить. Вскоре почти полностью утраченное здесь управление войсками было восстановлено, а к исходу августа удалось остановить продвижение фашистских войск под Новгородом и стабилизировать оборону по реке Волховец (линия фронта здесь оставалась неизменной вплоть до наступления советских армий в 1944 году).

Верховный главнокомандующий, внимательно следивший за деятельностью фронтовых управлений, окончательно убедился в таланте молодого военачальника. Поэтому, когда с целью улучшения руководства войсками в междуречье Волги и Дона был создан новый, Воронежский фронт, его командующим стал генерал Ватутин. Всего лишь чуть больше трех месяцев пробыл он на этом ответственном участке, но фашистским дивизиям пришлось и здесь прекратить наступление. А в октябре того же 1942 года следует новое назначение — Юго-Западный фронт.

В ходе тяжелых сражений зимы 1942-го и весны 1943 года мастерство зрелого военачальника проявилось уже в полной мере. Блестящий знаток службы общевойсковых штабов, Николай Федорович хорошо понимал, что планирование масштабной, крупной, современной операции под силу только коллективу квалифицированных специалистов, он как никто другой умел собрать такой коллектив, сплотить его и нацелить на решение важнейших задач. Прекрасно развитый аналитический ум позволял генералу Ватутину не допускать промахов в оценке обстановки. А если такое все же случалось, то он умел критически осмыслить опыт и извлечь полезные уроки на будущее.

Серьезный, задумчивый, молчаливый, Николай Федорович был в то же время человеком добрым, внима-

тельным, приветливым, готовым проявить участие к тем, кто нуждался в его помощи, неизменно располагая к себе людей. Своих заслуг он никогда не выпячивал, относя все успехи на счет вверенных ему войск. Чванство и зазнайство генерал Ватутин терпеть не мог, комфорт презирал, умел довольствоваться малым. Личная скромность лишь усиливала симпатии и уважение подчиненных.

Мнение Ставки Верховного главнокомандования о полководце было высоким. Сомнений по поводу того, кому доверить оборону южного крыла Курской дуги в предстоящей летней кампании, не возникало.

Гитлеровское командование готовилось взять реванш за поражение под Сталинградом и за другие неудачи, последовавшие вскоре после битвы на Волге. Операция «Цитадель» в планах вермахта имела решающее значение. Успех под Курском, по замыслу гитлеровских стратегов, должен был поднять утраченный престиж армии, вернуть былую инициативу, предотвратить наметившийся раскол внутри фашистского блока и укрепить пошатнувшуюся веру в победу внутри самой Германии.

Подготовку к наступлению противник вел основательно. Для удара на Курск с юга сосредоточились 19 полностью укомплектованных дивизий, в том числе 8 танковых и одна моторизованная, две с половиной тысячи артиллерийских орудий и минометов, полторы тысячи танков и самоходных установок при поддержке 1860 самолетов, в том числе и новейших истребителей «фокке-вульф-190». Особые надежды возлагались на тяжелые танки «тигр» и «пантера», а также на самоходные орудия «фердинанд», только что принятые на вооружение. Благодаря этим машинам противник получил превосходство над советскими войсками в качестве бронетанковой техники, так как 76-мм пушки Т-34 и КВ могли бороться с этими монстрами только в ближнем бою. Группировка чудовищной силы должна была нанести сокрушительный удар на фронте протяженностью всего лишь 40 километров.

Но на этот раз планы фашистского командования не остались тайной для советских военачальников. Еще

21 апреля генерал Ватутин, угадав замысел противника, докладывал Верховному главнокомандующему свои выводы и предложения из оценки обстановки:

«Летом 1943 года немецко-фашистские войска будут стремиться двумя ударами по основанию Курского выступа в общем направлении на Курск уничтожить обороняющиеся там советские войска. Для срыва этого замысла предлагаю измотать наступающего противника, заставить его обломать зубы на рубежах заранее подготовленной обороны, а затем, выбрав благоприятный момент, перейти в контрнаступление и окончательно разгромить его».

Командующий соседнего, Центрального фронта генерал армии Рокоссовский выступил с таким же предложением. К точно таким же выводам, причем совершенно независимо, пришли маршалы Василевский и Жуков. И лишь тогда, учтя мнение опытных военачальников, Верховный главнокомандующий принял окончательное решение: оборона!

В отличие от предыдущих кампаний, на этот раз переход к обороне осуществлялся не вынужденно, а преднамеренно. Ширина полосы вверенного генералу Ватутину фронта достигала 240 километров. Здесь развернулись пять общевойсковых, одна танковая и одна воздушная армии, два отдельных танковых и один стрелковый корпус.

Затишье, наступившее в майские дни на линии боевого соприкосновения, лишь казалось таковым; на самом деле невидимая подготовка к гигантскому сражению шла напряженно. Оценивая возможный характер действий противника, Николай Федорович определил четыре вероятных направления его ударов и, соответственно, предусмотрел четыре варианта ответных действий. По каждому из них был разработан подробный план.

Мероприятия, тщательно просчитанные штабными специалистами, неуклонно проводились в жизнь: врага ждали минные поля с плотностью до 1500 мин на один километр фронта, проволочные заграждения, густая сеть траншей, дерево-земляные и долговременные же-

лезобетонные огневые точки, замаскированные огневые рубежи противотанковых подразделений, хитроумное сплетение блокирующих и отсечных позиций. Глубина подготовленной обороны на важнейших направлениях достигала 150 километров.

Командующий фронтом лично проверял качество инженерного оборудования и маскировки с воздуха, осматривал полосу обороны с борта самолета, на земле прошел по траншеям не один десяток километров. Он сам допрашивал пленных, стараясь установить день и час начала наступления фашистских войск. Получив необходимые сведения, Николай Федорович решился на крайне рискованный, но в случае удачи чрезвычайно эффективный шаг — проведение артиллерийской контрподготовки.

А тем временем командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн завершал последние приготовления к наступлению. Именно с ним, лучшим военачальником Гитлера, и предстояло скрестить оружие русскому генералу Ватутину.

В ночь с 5 на 6 июля передний край фашистских войск пришел в движение. Пехотные части первого эшелона скрытно заполняли траншеи, выдвигались на исходные позиции танки, снимали чехлы с замков орудий артиллеристы. Саперы приступили к проделыванию проходов в минных полях, а ротные фельдфебели — к раздаче шнапса. И тут ночное небо прочертили трассы реактивных снарядов «катюш», а земля задрожала от залпов советской артиллерии.

Передний край противника вздыбился стеной разрывов, окутался пламенем и дымом, а огненный град продолжал осыпаться плотно заполнивших траншеи гитлеровских солдат и офицеров. Потери оказались настолько чувствительными, что фон Манштейн отложил начало атаки, чтобы заменить утратившие боеспособность части и восстановить управление.

Огонь советских войск был интенсивен и точен, стойко сражалась пехота, умело управляли боем общевойсковые командиры. Но тем не менее в первый день наступления на белгородско-обоянском направлении

фашистским дивизиям удалось вклиниться на глубину до 10 километров. Первоначально замысел советского полководца предусматривал в подобном случае нанесение мощного контрудара силами второго эшелона фронта — 1-й танковой армии, но скоро стало ясно, что «тигры» и «пантеры» во встречном бою слишком опасны. Генерал Ватутин изменил первоначальное решение, и 1-я танковая армия, закопав ночью свои машины в землю, превратилась в стальную крепость.

Утром противник попытался возобновить наступление, чтобы пробиться к Обояни со стороны Томаровки, но лишь понес крупные потери, ничего ровным счетом не достигнув. Тогда фон Манштейн, меняя на ходу свои планы, начал перегруппировку сил к основанию Курского выступа, чтобы нанести удар в направлении Лучки — Озеровский — Прохоровка. О скрытности маневра думать было уже некогда, и ночное перемещение танковых колонн вдоль линии фронта было обнаружено советской разведкой.

В свою очередь, как позже выяснилось, гитлеровский военачальник имел весьма смутное представление о силах и возможностях противоположной стороны и упорно отказывался верить в то, что военная удача от него отвернулась. Он вложил в очередной удар все свои силы, сосредоточив их на узком участке фронта, это позволило ему к 11 июля добиться продвижения до 35 километров. Но к полю сражения уже подходила 5-я гвардейская танковая армия под командованием генерал-полковника П. А. Ротмистрова, имевшая в своем составе 850 боевых машин.

Фон Манштейн заканчивал очередную перегруппировку, собрав в единый кулак до 1000 танков, чтобы утром 12 июля продолжить наступление. Советский командующий решил встретить его контрударом. Так началось величайшее танковое сражение Второй мировой войны.

С лязгом и грохотом в череде охватов и обходов, стремительных лобовых атак и обороны сошлись под Прохоровкой почти две тысячи боевых машин. Со своего командного пункта в Обояни командующий Воронежским фронтом внимательно следил за ходом сраже-

ния. Исход его был предрешен, ибо в 20 километрах юго-западнее, в районе Пена, стоял успевший покрыть себя славой 4-й гвардейский Кантемировский танковый корпус под командованием старейшего танкиста России генерала П. П. Полубоярова. Он был готов немедленно нанести удар при неблагоприятном ходе событий, но на этот раз до «стального спецназа Верховного главнокомандующего» дело не дошло: к вечеру победа на поле сражения, в котором противник потерял до 400 боевых машин, осталась за 5-й танковой армией.

Фон Манштейн не хотел мириться с поражением. Он рассчитывал выпросить у Гитлера 24-й танковый корпус, расположенный западнее Харькова, и продолжить наступление, но фюрер, зная обстановку на северном крыле Курской дуги, уже понял, что операция «Цитадель» потерпела крах. Его приказ о прекращении наступления спас дивизии фон Манштейна от окончательной гибели.

16 июля начался отход фашистских войск на исходные рубежи. Величайшее сражение, в ходе которого танковым войскам вермахта был нанесен невосполнимый урон, закончилось полной победой советского оружия. Отныне гитлеровское командование уже думать не могло о стратегическом наступлении. Зато утром 3 августа неудержимым валом двинулись вперед войска генерала Ватутина.

Быстрая подготовка операции объяснялась тем, что планирование ее велось командующим Воронежским фронтом заблаговременно и не прекращалось даже в самые напряженные дни оборонительного сражения. Противник преувеличивал потери советских войск и считал, что к скорому переходу в наступление они неспособны. Кроме того, он был введен в заблуждение относительно направления главного удара.

Первая позиция обороны фашистских войск продержалась всего лишь несколько часов. 1-я и 5-я танковые армии устремились на оперативный простор, увлекая за собой стрелковые корпуса. Впереди был Днепр!

Темп наступления достигал 30 километров в сутки, так как генерал Ватутин, используя принцип непрерыв-

ности боевых действий, не позволял противнику пополнять обескровленные соединения. На четвертый день глубина прорыва уже превышала 100 километров! Успех был полный.

Лишь к 12 августа противник, опомнившись, принял отчаянную попытку остановить наступление фронта ударом на Богодухов. Но тщетно! Генерал Ватутин умело громил контратакующие соединения врага только частью сил, в то время как главная группировка продолжала безостановочное движение туда, где за широкой лентой реки стояла древняя столица, мать городов русских.

Вскоре гитлеровское командование, поняв бесплодность своих усилий, принялось поспешно отводить измотанные в боях части на западный берег Днепра, чтобы до подхода советских войск пополнить их людьми, техникой, вооружением и, прикрываясь крупной водной преградой, создать неприступную оборону.

Фон Манштейн прекрасно понимал, как важно в этих условиях выиграть время. Спротивление арьергардов на промежуточных рубежах он организовал хорошо, но тем не менее 21 сентября 3-я танковая армия генерала П. С. Рыбалко, всего лишь за двое суток преодолев с боями 190 километров, вышла к Днепру в районе Переяслав-Хмельницкий. Правда, форсировать реку и закрепиться на противоположном берегу смогли всего два мотострелковых батальона, действовавших вместе с танкистами: для переправы боевых машин и артиллерии были нужны паромы и понтонные парки, а они безнадежно отстали в ходе стремительного наступления.

Командующий фронтом приложил все усилия, чтобы использовать успех передовых отрядов. На плацдарм, получивший название Букринского, начали переправляться подоспевшие пехотинцы генералов К. С. Москаленко и С. Г. Трофименко (Сталин позаботился о том, чтобы освобождением Киева руководили генералы с украинскими фамилиями). Но без танков и артиллерии они могли лишь отражать атаки противника, закрепляя и в лучшем случае понемногу расширяя плацдарм, а понтонных парков все не было.

Противник тем временем не дремал: разведка доносила о колоннах войск, движущихся к Букринскому плацдарму. Если их не задержать, то пятачок земли, занятый советской пехотой, будет окружен...

Ночью 24 сентября в небе над Днепром раздался гул сотен авиационных моторов. Транспортные самолеты с планерами на буксире потянулись за реку, чтобы высадить в тылу противника две воздушно-десантные бригады и воспрепятствовать подходу его резервов.

Дерзкий и красивый замысел новаторской по тому времени операции, горячим сторонником которой был представитель Ставки Верховного главнокомандования маршал Жуков, позволял рассчитывать на успех. Ведь еще вчера, по данным разведки 40-й армии, крупных сил противника в районах предстоящей высадки еще не было. Но вдруг ночная тьма над западным берегом взорвалась огненными трассами, лучами мощных прожекторов и разрывами зенитных снарядов.

Обстановка за минувшие сутки резко изменилась: противник успел подтянуть к Букринскому плацдарму до 5 дивизий и, судя по всему, десант ждал. Лишь немногим самолетам удалось выйти точно к указанным координатам. Остальные, лишившись опытных командиров — лидеров, промахнулись на 10, 15 и даже 70 километров!

Десантники, и без того понеся немалые потери в воздухе, оказались разбросанными на огромной площади. Некоторым из них, таким, как лейтенант Григорий Чухрай, в будущем великий советский кинорежиссер, удалось пробиться сквозь боевые порядки фашистских войск и выйти к своим на Букринский плацдарм. Кому-то удалось пристать к партизанам, остальные, объединившись в мелкие группы, начали боевые действия в тылу врага, но оказать решающее влияние на ход событий в районе плацдарма они уже не могли.

Вскоре пятачок земли, занятый советскими войсками был опоясан траншеями, опутан колючей проволокой, обложен минными полями. Теперь прорыв здесь стал делом настолько трудным, что даже 3-я танковая армия, переправившаяся с подходом понтонных парков через Днепр, не смогла исправить положение.

Генерал Ватутин тяжело переживал неудачу: ведь он всегда учил подчиненных добиваться победы при минимальных потерях, обыгрывать противника в стремительном, точно рассчитанном маневре. Верховный главнокомандующий упрекал организаторов Букринской воздушно-десантной операции. Что ж, справедливо...

Между тем оперативная пауза грозила превратиться в затяжную. Нужен был ход неординарный, масштабный, дерзкий. Командующий искал его, внимательно анализируя данные разведки, результаты боев, мнения специалистов штаба. Нет, не были напрасными ни упорные атаки, ни даже неудачный днепровский десант. Ведь именно они заставили противника сосредоточить здесь целых 10 дивизий и ослабить оборону других участков фронта. Благодаря этому севернее Киева, в районе Лютежа, также удалось захватить небольшой плацдарм.

Решение командующего было неожиданным для противника. В течение двух ночей, 26 и 27 октября, он вывел 3-ю танковую армию обратно на восточный берег и перебросил ее на 140 километров к северу. Гвардейцам генерала Рыбалко пришлось еще раз переправляться через Днепр — теперь на Лютежский плацдарм.

Маневр был проведен так умело, что противник его даже не заметил: немецкая служба радиоперехвата слышала на Букринском плацдарме работу тех же радиостанций, авиация наблюдала скопления танков и орудий в тех же районах, пытаясь их бомбить, так же как и ложные переправы. Отличить деревянные макеты от настоящей боевой техники с воздуха было трудно.

Тем временем танковые и стрелковые корпуса на Лютежском плацдарме завершили подготовку к битве за столицу Украины. Первый удар был все же нанесен с Букринского — пусть фон Манштейн до самого последнего момента думает, что именно это направление является главным. И только убедившись, что противник надежно скован здесь боями, командующий 1-м Украинским фронтом — так теперь назывался бывший Воронежский — сказал генералу Рыбалко:

— Настал твой час, Павел Семенович. Кулак у тебя мощный. Громыхни им так, чтобы у противника все тылы затрещали!

Танкисты исполнили приказ буквально: обогнав наступающую пехоту, они уже к исходу первого дня наступления вышли на подступы к Святишино, а затем провели знаменитую ночную атаку с включенными сиренами и зажженными фарами. Эффект превзошел все ожидания!

Враг в панике заметался и, как только Житомирское шоссе оказалось перерезанным советскими войсками, начал поспешно отступать на юго-запад...

Утром 6 ноября над столицей Украины взвился красный флаг. Вскоре на пустые улицы освобожденного города въехал открытый автомобиль генерала Ватутина. Он медленно двигался по разрушенному Крещатику, останавливался на площадях. Тогда к машине подходили люди, со слезами на глазах рассказывали об оккупации, спрашивали, не вернутся ли фашисты.

— Не вернутся! — отвечал Николай Федорович. — Будем гнать дальше, пока гром победы над Берлином не грянет!

Кто-то узнал в генерале бывшего начальника штаба Киевского особого военного округа, и сам собой возник стихийный митинг. Горожане благодарили полководца за спасение Киева, а он, смущенно улыбаясь, показывал рукой на своих солдат: вот главные герои, творцы победы.

Победа в битве за «мать городов русских» открыла возможность освобождения всей Правобережной Украины. Несмотря на распутицу, умелое применение командующим подвижных соединений помогало поддерживать высокий темп наступления, и здесь снова покрыл себя славой 4-й гвардейский Кантемировский танковый корпус. Прорвав оборону противника, «стальной спецназ» под командованием генерала Полубоярова стремительно вышел к Тарнополю и к утру 4 февраля после жаркого боя овладел этим важным узлом коммуникаций.

Фашистское командование, понимая значение происходящего, бросило в контрудар свою лучшую танко-

вую дивизию — «Дас Райх», но кантемировцы не осрамили своего имени. Все попытки противника восстановить утраченное положение оказались тщетными. Тем временем командующий фронтом создал новую ударную группировку и возобновил наступление.

...29 февраля 1944 года генерал Ватутин, как обычно, сделал утреннюю гимнастику и облился ледяной водой из колодца. День выдался напряженный: проведя совещание в штабе 13-й армии, Николай Федорович выехал на командный пункт 60-й. Ею командовал генерал Черняховский, чей талант военачальника поразил Ватутина еще в 1941 году под Новгородом.

— А зачем нам делать крюк по шоссе? — спросил Ватутин, заметив проселочную дорогу. — Черняховский, наверное, заждался. Давайте свернем напрямик и не будем делать объезд через Новоград-Волынский.

Дорога петляла по лощинам и буеракам. Стрельба раздалась неожиданно и близко. Машина охранения, достигшая окраины села Милятин, остановилась, а потом начала пятиться.

— Там засада! — крикнул порученец командующего. — Бандиты обстреляли машину и теперь наступают на нас!

— К бою! — Генерал Ватутин первым лег в солдатскую цепь.

В это время из-за строений показались бандиты. Их было немало, а отделение охраны насчитывало всего 10 человек! Кто-то посоветовал командующему, взяв портфель с документами, выйти из боя. Но Ватутин отверг предложение, заявив, что никогда не бросит своих солдат. Спасать документы он приказал одному из офицеров штаба. Тот отказался.

— Выполняйте приказ! — сурово велел командующий.

В ходе боя Николай Федорович был тяжело ранен. С большим трудом подчиненным удалось вынести его из зоны обстрела и доставить в Ровно, где в полевом госпитале была сделана первая операция. Затем раненого эвакуировали в Киев. Член Военного совета фронта доложил о случившемся Верховному главнокомандующему.

— В вашем распоряжении такая огромная масса войск, а вы не взяли даже надежной охраны, — возмутился Сталин. Он распорядился привлечь к лечению полководца лучшие медицинские силы страны.

Тем временем Николай Федорович пришел в себя. Прежде всего он спросил, все ли люди целы, справился о сохранности штабных документов, приказал представить бойцов к награде.

— Обидно, — жалел раненый, — ведь я знаю натуру бандитов. Помню, еще красноармейцем гонялся за шайками Махно и Беленького. Но ничего, недельки три полежу на госпитальной койке, а там снова на фронт. Хочется увидеть своими глазами нашу великую победу...

Казалось, все так и будет. Но вдруг, несмотря на старания врачей, состояние Николая Федоровича резко ухудшилось. Солдаты и офицеры 1-го Украинского фронта ждали возвращения своего командующего, но вместо этого пришла скорбная весть: 15 апреля 1944 года сердце генерала армии Ватутина остановилось.

Два дня жители Киева непрерывным потоком шли к Дворцу пионеров, чтобы проститься с полководцем-освободителем. Траурную вахту несли прославленные командиры партизанских соединений — С. А. Ковпак, А. Ф. Федоров, А. Н. Сабуров. Были и дети Николая Федоровича, и его жена, Татьяна Романовна, и сломленная горем мать, Вера Ефимовна. Совсем недавно, в феврале, она получила известие, что ее старший сын, Афанасий, скончался от полученных ран, месяц спустя погиб младший, Федор, и вот сейчас — третий сын, гордость семьи и всей страны...

Генерал армии Николай Федорович Ватутин был похоронен над величественными водами Днепра, в земле Киева, города, освободителем которого он стал. А его солдаты пошли дальше, к Берлину, и каждый из них нес в душе память о любимом полководце.

Маршал Советского Союза И. С. Конев

Председатель комиссии Государственного комитета обороны В. М. Молотов был настроен сурово:

— Отвечайте, почему четыре армии вверенного вам Западного фронта оказались в окружении?

Генерал-полковник Конев докладывал, скрупулезно раскрывая обстановку, ссылаясь на документы. Стройный, подтянутый — о таких говорят: «военная косточка», — он рассуждал логично и здраво, хотя с 4 октября 1941 года был практически лишен отдыха. Шесть суток без сна, с тех самых пор, как фашистским войскам удалось прорвать оборону соседнего резервного фронта и начать обход подчиненных ему, Коневу, 19, 24, 20 и 32-й армий. Единственной возможностью их спасти был своевременный отход, но его можно предпринять только с разрешения вышестоящей инстанции, о чем он и запросил Ставку Верховного главнокомандования, а потом Генеральный штаб.

В ожидании ответа, который, кстати, так и не поступил, были срочно проведены контрмеры по обходящим группировкам врага, но, поскольку тот обладал более чем двукратным превосходством в живой силе и технике, успеха они не имели. Поэтому целых четыре армии оказались в «котле» западнее Вязьмы, откуда их следовало выводить как можно скорее.

На что рассчитывал генерал-полковник Конев, пытаясь объяснить причину трагедии? Может быть, на заступничество присутствующего здесь маршала Ворошилова? Ведь это он в 1925 году, будучи командующим

Московским военным округом, рекомендовал молодому начальнику политотдела стрелковой дивизии Ивану Коневу перейти на командную работу. Или на объективность Молотова? Председатель комиссии должен учесть тревожные донесения и просьбы, поступавшие от командующего Западным фронтом.

Напрасные надежды: высокая комиссия прибыла сюда не за тем, чтобы разобраться в причинах очередной неудачи. Следовало найти или, вернее, назначить виновных. Спасти от немедленного расстрела самого Конева, а также офицеров его штаба могло только чудо.

Чудо свершилось: распахнулась дверь, и в комнату стремительно вошел генерал армии Жуков.

— Я назначен командующим Западным фронтом. Генерал Конев будет моим заместителем, — сообщил он членам комиссии и добавил, пресекая возможные возражения Молотова: — Вопрос согласован с Верховным главнокомандующим.

Решение Жукова было вполне логичным. Вряд ли кто-то знает обстановку на московском направлении так, как его предшественник, чьи качества были ему хорошо известны...

Иван Степанович Конев родился 28 декабря 1897 года в селе Лодейно Вятской губернии в крестьянской семье. Окончил земское училище, работал на лесосплаве, в Первую мировую войну в звании унтер-офицера артиллерии сражался на Юго-Западном фронте. В Красную армию вступил добровольно, прошел путь от комиссара бронепоезда до комиссара штаба армии Дальневосточной республики, участвовал, как делегат 5-го всероссийского съезда Советов, в подавлении мятежа левых эсеров в Москве, в 1921 году, будучи делегатом X съезда РКП(б), сражался против мятежных матросов Кронштадта.

Четыре года спустя перешел с политической работы на командную, принял стрелковый полк. Фундаментальное военное образование получил в академии имени М. В. Фрунзе и до 1941 года последовательно прошел все должностные ступени вплоть до командующего Северо-Кавказским военным округом.

Мыслящий оригинально, творчески, он славился как большой знаток тактики и методист боевой подготовки, обладал особым умением видеть в военном деле новое, терпеть не мог шаблонных подходов — тут даже дружеские отношения не могли защитить от его острой, подчас язвительной критики. Деятельный, энергичный, прямолинейный, не любил тратить время попусту. Если выпадали свободные минуты, проводил их в обществе книг, до чтения был превеликий охотник.

Войну встретил в должности командующего 19-й армией, отличился в Смоленском сражении — сам Сталин обратил внимание на его умелые действия. 11 сентября Конев получил приказ о присвоении ему звания «генерал-полковник», а 12-го — о назначении командующим Западным фронтом и скорее всего, если бы получил разрешение на отход, то оставался бы на этом посту и впредь...

Молотов понял, что вопрос исчерпан, и выехал в Москву. А генерал Конев по приказу своего начальника — к Торжку (обстановка там до крайности обострилась) и в течение нескольких дней разгромил прорвавшуюся группировку противника. Жуков убедился в безошибочности своего кадрового выбора, Верховный главнокомандующий сменил гнев на милость, и уже 17 октября Иван Степанович возглавил недавно созданный Калининский фронт.

Гроза, уже вторая за несколько последних месяцев, прошла стороной. Впрочем, о первой генерал Конев не ведал, ибо тучи, сгущавшиеся над его головой, были невидимы.

В те самые дни, когда он сражался под Смоленском, на стол Сталина легла справка от 16 июля 1941 года, подписанная майором госбезопасности Михеевым. Из нее следовало, что генерал Конев является выходцем не из бедной крестьянской семьи, а из весьма зажиточной, его отец — кулак, и факт этот он в своей биографии всячески скрывал. Будучи командиром 57-го особого корпуса в Монгольской народной республике, генерал Конев не только никакого рвеня в борьбе

с вредителями не проявлял, но всеми мерами препятствовал привлечению к ответственности целого ряда командиров, от младшего лейтенанта Ильина до начальника штаба корпуса Малышева. Более того, именно при его, генерала Конева, прямом попустительстве начальник артиллерии 38-й дивизии, которому грозил арест, сумел бежать на служебной машине за границу в Маньчжурию.

Подобная бумага могла в любой момент превратиться в смертельную пулю, но... Сейчас каждый хороший командир дороже золота, а Конев воюет под Смоленском умело, стойко, показывает высокое мастерство, личную храбрость и безусловную преданность Отечеству. Вот, например, при внезапном появлении вражеских танков занял пустовавшее место наводчика 45-мм пушки, вступил в неравный бой и метким выстрелом подбил один танк. Генерал Еременко видел разрывы снарядов противника вблизи орудия и сообщил в штаб 19-й армии о гибели ее командующего. К счастью, ошибся.

Верховный главнокомандующий не стал давать хода документу. Грозная справка была спрятана. Иван Степанович Конев никогда о ней не узнал...

Попытки врага выйти к Москве с севера были успешно отражены. 5 декабря войска Калининского фронта перешли в наступление и менее чем за месяц отбросили гитлеровцев на 120 километров. Иван Степанович успешно решил сложнейшую задачу военного искусства — ведение наступления на превосходящего в силах и средствах противника, — а также обнаружил «ахиллесову пяту» фашистских войск: как оказалось, они, всегда стремившиеся вести операции на окружение, панически боялись «котлов» и «клещей».

В августе 1942 года Конев был вновь назначен командующим Западным фронтом и проводил операции с целью воспрепятствовать переброске войск противника под Сталинград. Задача требовала осторожности, враг по-прежнему держал здесь 30 полнокровных дивизий и при первой благоприятной возможности мог повторить широкое наступление на столицу.

Благодаря умелым действиям войск Западного фронта фашистское командование не посмело использовать в битве на Волге ни одну из действовавших против него частей. Тем не менее доказавший свой талант военачальник был опять отстранен от должности.

Успехи противника на этот раз были неважны — постарались «свои» интриганы. Отношения командующего и члена Военного совета фронта Булганина складывались непросто: последний явно выходил за рамки своих полномочий и даже пытался руководить военными операциями. Иван Степанович счел необходимым пресечь эти поползновения, ибо последствия от вмешательства некомпетентного лица в управление боевыми действиями бывали слишком тяжелыми.

Разговор состоялся серьезный, после чего обиженный член Военного совета разразился потоком клеветнических донесений о своем командующем. В конце концов бумаги и устные доклады свое дело сделали.

Зимой 1943 года Иван Степанович Конев приехал в Москву. На душе было тяжело. Три дня он не выходил из дома, а потом отправился в Генеральный штаб — познакомиться со стратегической обстановкой. Там-то и произошла встреча с командующим Волховским фронтом Мерецковым, прибывшим в Москву для разговора со Сталиным.

— Что ты тут делаешь? — спросил Мерецков.

— Ничего. Я сейчас свободен. Сняли с фронта. — Конев признался, что готов ехать куда угодно, лишь бы сражаться.

Генерал Мерецков обещал напомнить о нем Верховному главнокомандующему и слово свое сдержал. Сталин же, судя по всему, сожалел о случившемся и решил использовать талант полководца на должностях, соответствующих его масштабу.

Летом того же года фельдмаршал фон Манштейн, только что потерпевший жестокое поражение в Курской битве, получил категорический приказ фюрера во что бы то ни стало удержать Харьков. Но командующий Степным фронтом генерал армии Конев, тщательно изучив обстановку, приказал своим войскам охватить го-

род так, чтобы в распоряжении противника остались только одна шоссе́нная и одна железная дороги — будто по недосмотру советского командования.

Расчет оказался верным. Враг начал поспешно покидать Харьков, а Конев вечером 22 августа отдал приказ на ночной штурм, чтобы предотвратить намеченные фашистами разрушения. К 12 часам следующего дня над городом взвился красный флаг.

Иногда почти окруженному противнику умышленно оставляли единственный путь к отступлению. Прием этот в военном искусстве не нов и называется «золотой мост», но советский полководец довел его до совершенства в эпоху машинных войн. Кроме того, преднамеренно оставленные им пути отхода «золотыми» отнюдь не являлись. Оказавшись в чистом поле, вражеские группировки подвергались ударам авиации, преследовались танковыми и кавалерийскими частями, в результате чего быстро теряли боеспособность. О выполнении задачи генерал Конев хотел доложить Верховному главнокомандующему лично.

— Товарищ Сталин отдыхает, — ответили на кремлевском узле связи.

— Соединяйте. За последствия отвечаю, — потребовал Иван Степанович.

Наконец раздался знакомый усталый, чуть хриплый голос:

— Слушаю.

— Докладываю, товарищ Сталин: войска Степного фронта сегодня освободили город Харьков.

— Поздравляю. Салютовать будем по первому разряду.

Вечером над столицей прогремели 20 залпов из 224 орудий. В самом Харькове прошел торжественный митинг; огромная площадь была заполнена до отказа плакавшими от счастья людьми.

Фашистское командование, пытаясь отомстить за поражение, направило на город лавину бомбардировщиков. Но летчики и зенитчики Степного фронта, выполняя приказ командующего, усеяли подступы к городу обломками вражеских самолетов. Ни одна бомба не упала в тот день на Харьков!

А перед генералом армии Коневым стояла новая задача — выход к Днепру и захват плацдармов на его противоположном берегу. Решение следовало принимать без промедления, но вот досада: военно-географического описания реки в штабе не оказалось. И тут командующий показал себя достойным учеником академии.

— Когда Карл XII вместе с Мазепой бежали после разгрома под Полтавой, где они переправлялись через Днепр? — задал он вопрос по телефону начальнику инженерных войск Красной армии Воробьеву.

— У Переволочной, что севернее Днепропетровска.

Генерал Воробьев распорядился отправить Коневу не только необходимую литературу, но и новейший понтонный мост. Громоздкая конструкция была немедленно отгружена на Дальнем Востоке и двинулась через всю страну к берегам Днепра.

Кстати, и реку Ворсклу Иван Степанович решил преодолевать там, где некогда переправлялись войска Петра I накануне Полтавской битвы. Сам город был освобожден 23 сентября 1943 года, и в тот же вечер Москва салютовала войскам Степного фронта. Шесть дней спустя в их честь снова прозвучали торжественные залпы — на этот раз за освобождение Кременчуга.

По мере приближения к Днепру сопротивление гитлеровских войск становилось все более ожесточенным. В их действиях не было ни растерянности, ни паники. Но Иван Степанович постоянно переигрывал штабных мыслителей противника, а советские солдаты громили их на поле боя. Вот и Переволочная. Конев вышел на берег Днепра и лично убедился, что организованная оборона на противоположной стороне пока еще отсутствует. Однако ширина реки здесь достигает 800 метров, местность вокруг степная, ни одного деревца.

Командующий нашел выход: он приказал собрать в ближайших населенных пунктах все, что можно использовать для строительства плавсредств. Вскоре его войска, преодолев широкую водную преграду, уже отбивали бешеные контратаки противника на западном берегу. Вот подошли тяжелые понтонные парки, и на помощь пехоте двинулись артиллерия и танки.

Решительный удар — и снова вперед, на Кривой Рог. Темпы наступления были настолько высокими, что для доставки горючего в танковые части пришлось использовать легкие самолеты По-2.

В разгар наступления — был конец октября — на командный пункт Конева вдруг прибыли член Государственного комитета обороны А. И. Микоян и начальник тыла Красной армии генерал А. И. Хрулев. Путь в 12 километров от ближайшей станции они проделали пешком, так как машины по глубокой грязи идти не могли.

Дело в том, что урожай в Харьковской, Полтавской и Днепропетровской областях в тот год выдался на редкость богатым, но гитлеровцы не успели его уничтожить. Командующий Степным фронтом не мог спокойно смотреть, как гибнет зерно, в котором так нуждалась страна. Проявив хозяйскую сметку и организаторский талант, он сумел наладить уборку урожая непосредственно в ходе наступательной операции.

Решением Ставки Верховного главнокомандования продовольствие было отправлено в деблокированный Ленинград и Москву.

Стремясь избежать разрушений Кривого Рога, Днепропетровска и других городов Правобережной Украины, Иван Степанович успешно применил свой излюбленный прием, ставший характерным признаком его оперативного стиля, — «золотой мост». Но при необходимости он умел и окружить противника мертвой хваткой. Так было при проведении знаменитой Корсунь-Шевченковской операции, когда войска 2-го Украинского фронта во взаимодействии с 1-м Украинским фронтом генерала Ватутина замкнули в кольце более чем 80-тысячную группировку врага.

Гитлер приказал окруженным держаться до последнего патрона, обещал помощь. Действительно, генерал-фельдмаршал фон Манштейн, не сумевший ранее вызвать фашистские войска из сталинградского «котла», приложил все усилия, чтобы восстановить свой престиж.

11 февраля 1944 года его танковые дивизии нанесли сильнейший удар по внешнему кольцу окружения. На-

встречу им в отчаянной попытке вырваться бросились тысячи окруженных. Они шли колоннами на узком фронте, не считаясь с потерями. Место для атаки было выбрано удачно — в стык войск генералов Конева и Ватутина. Сильная метель также способствовала прорыву, но Иван Степанович, предвидя очередной ход противника, заранее перебросил на это направление 5-ю танковую армию и 5-й кавалерийский корпус. Свою задачу они выполнили успешно. Враг так и не смог преодолеть 12 километров, отделявших окруженные войска от дивизий Манштейна.

17 февраля операция завершилась. Потери противника составили 75 тысяч убитыми (своих раненых фашисты добивали), 18 тысяч пленными, а также сотни танков, артиллерийских орудий, самолетов. Но важнейшим следствием корсунь-шевченковской победы стало создание благоприятных условий для наступления к Южному Бугу и Днестру.

...Доложив об итогах операции, Конев отправился на командный пункт 5-й гвардейской танковой армии, расположенный в деревне Моринцы, родине Т. Г. Шевченко. Там-то и услышал он по радио голос Левитана, оглашавший указ Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Маршала Советского Союза. У командующего 5-й танковой армией Ротмистрова, которому тем же указом было присвоено звание маршала бронетанковых войск, нашлась бутылка вина, и радостное событие отметили тут же.

Передышка была короткой. Верховный главнокомандующий пришел к выводу, что в условиях весенней распутицы противник менее всего ждет очередного удара, и решил возобновить наступление всех трех Украинских фронтов.

Расчет оправдался. Войска маршала Конева успешно прорвали вражескую оборону и только за первые три дня продвинулись по непролазной грязи на 50 километров.

Иван Степанович круглосуточно руководил наступлением, не упуская ни малейшей детали, словно передавая свою энергию штабам, пехотинцам, артиллеристам,

танкистам, саперам — последние, работая в ледяной воде, лишь через реку Горный Тикич возвели 11 мостов!

Особое внимание командующий уделял подвозу боеприпасов и других материальных средств, без чего высокие темпы наступления были невозможны. Но раскисший чернозем, как назло, словно засасывал машины и подводы, да и людям каждый шаг давался с трудом. Разве можно в таких условиях организовать бесперебойное снабжение войск?

Иван Степанович и здесь нашел смелое, необычное решение. Вскоре у железнодорожной станции Поташ, где фашистское командование сосредоточило огромную массу грузов, сошлись в напряженных боях сотни танков. Поле сражения осталось за советскими воинами.

Трофеями стали вагоны и склады, полные различного военного имущества, боеприпасов, артиллерийских орудий плюс две сотни совершенно исправных танков. На их башни тут же нанесли красные звезды, а за рычаги сели советские танкисты. Особенно впечатляло количество захваченных автомобилей: если к началу операции на всем 2-м Украинском фронте насчитывалось всего полторы тысячи грузовиков, то теперь их стало более 10 тысяч!

Получив такую подпитку, наступление разгорелось с новой силой, противник же, потеряв тяжелое вооружение, технику и боеприпасы, бежал к Южному Бугу. Скорее уйти за водную преграду, организовать оборону и, используя разлившуюся реку, остановить советские войска!

Но маршал Конев разрушил эти замыслы: созданные им передовые отряды из танков, кавалерии, пехоты на автомобилях преследовали отходящие фашистские части по параллельным маршрутам и обходили их, отсекая от водной преграды. 11 марта 1944 года наступающие армии вышли к Южному Бугу. На фронте более чем в 100 километров с ходу форсировали реку, неожиданно применив переправу танков под водой, прорвали оборону противника на противоположном берегу и в вихрях снежных буранов устремились к Днестру.

В ночь на 19-е пехотинцы 2-го Украинского фронта на 110 самодельных плотках форсировали очередную

водную преграду, а днем здесь уже работали саперы. Меньше чем за неделю через быструю реку шириной в 300 метров они построили 6 мостов.

Напрасно генерал-фельдмаршал фон Манштейн бросал в пекло сражений все, что было под рукой, вплоть до учебных батальонов; маршал Конев твердо держал инициативу в своих руках и демонстрировал более высокий, чем у гитлеровского командующего, уровень военного искусства.

25 марта войска маршала Конева вышли к государственной границе СССР на реке Прут, форсировали ее с ходу и к середине мая достигли Карпат. Здесь Иван Степанович простился с боевыми товарищами, так как был назначен командующим соседнего, 1-го Украинского фронта вместо отозванного в Москву Маршала Советского Союза Г. К. Жукова.

Легко ли доказать свою способность руководить крупнейшим объединением не хуже знаменитого предшественника? Но Коневу удалось и это: начавшаяся 13 июня Львовско-Сандомирская операция завершилась блестящей победой и по праву заняла почетное место в учебниках истории военного искусства. А 29 июня указом президиума Верховного Совета СССР Маршалу Советского Союза И. С. Коневу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Не менее удачной была и следующая, Карпатско-Дуклинская операция, проведенная в сложнейших условиях горной местности.

«Мы счастливы, что под Вашим командованием первыми из состава чешской заграничной армии вступили на родную землю», — писал в те дни Ивану Степановичу генерал Людвиг Свобода, будущий президент Чехословакии.

...Победоносный 1944 год подходил к концу, и Верховный главнокомандующий определял задачи на новый, 1945-й. Указав на карте Силезский промышленный район, он глянул на маршала и многозначительно произнес:

— Золото.

Командующий 1-м Украинским фронтом в объяснениях не нуждался. Ясно, нужно не только разбить про-

тивника, но и сохранить от разрушения заводы, фабрики и города для польского народа.

Путь в Силезию закрывает Краков, город памятников старины. Нельзя допустить, чтобы фашисты превратили его в руины. Маршал Конев решил применить свой излюбленный прием — «золотой мост».

По его приказу танкисты генерала Полубоярова стремительно вышли в тыл вражеской группировке, угрожая ей смертельным ударом с запада. С севера нажимала советская пехота. Оставался единственный путь отхода — на юг. Туда-то и устремился со своими войсками клюнувший на приманку фельдмаршал Шернер. И как обычно, стоило фашистам оказаться в чистом поле, на них обрушился шквал артиллерийских снарядов и авиационных бомб.

19 января советские войска вступили в город. Иван Степанович не скрывал радости от того, что древнюю столицу Польши удалось спасти от разрушений. А вскоре и вся Силезия была освобождена от оккупантов. Теперь — на Берлин!

2 апреля 1945 года Конев представил Верховному главнокомандующему свои соображения по штурму столицы рейха. Сталин провел по карте разграничительную линию между 1-м Украинским и соседним, 1-м Белорусским фронтом маршала Жукова, но вдруг оборвал ее километрах в шестидесяти от города.

— Кто первым ворвется, тот пусть и берет Берлин! — сказал он, объявив таким образом невиданное соревнование между стратегическими объединениями.

Оборона Берлина отличалась как тщательностью инженерного оборудования, так и фанатично-упорным сопротивлением лучших гитлеровских дивизий. Но удар войск 1-го Украинского фронта оказался поистине всесокрушающим. 23 апреля 4-й гвардейский танковый корпус генерала Полубоярова вышел к Эльбе в районе Торгау, разделив территорию фашистской Германии надвое. Два дня спустя армии обоих фронтов соединились западнее Берлина, завершив окружение вражеской группировки. Начались уличные бои.

К этому времени «недовод» разграничительной ли-

нии уже вносил изрядную путаницу в управление войсками, и Сталин, чтобы устранить ее, окончательно определил зоны ответственности фронтов. К явному огорчению Конева: не его солдатам было суждено водрузить Знамя Победы над Рейхстагом! Тогда Верховный главнокомандующий, словно успокаивая военачальника, задал риторический вопрос: «Как вы думаете, кто будет брать Прагу?»

В столице Чехословакии полыхало восстание. Войска фельдмаршала Шернера пытались залить его кровью и превратить оккупированную страну в последний бастион бессмысленного сопротивления.

Поворот более чем миллионной группировки войск с десятками тысяч единиц техники был осуществлен молниеносно, но лишь знатоки могли оценить красоту сложного маневра.

9 мая 1945 года ликующие жители Праги цветами встречали своих освободителей. Война в Европе закончилась и увенчалась Великой победой. Выдающиеся заслуги маршала Конева в ее достижении были отмечены второй Золотой Звездой Героя Советского Союза.

24 июня 1945 года Иван Степанович торжественным маршем провел сводный полк 1-го Украинского фронта по брусчатке Красной площади. А затем еще долго работал, передавая следующим поколениям защитников Родины знания и опыт одного из лучших полководцев XX века.

Маршал Советского Союза А. И. Еременко

Мотор биплана заглох внезапно. Небольшой самолет круто спланировал, вонзился колесами шасси в картофельное поле и перевернулся, выбросив из кабины раненого генерала.

Крестьяне деревни Пилюшино, что в Тульской области, нашли его лежавшим без сознания на тронутой октябрьским холодом земле. К опасным ранениям добавились еще и травмы, полученные при падении. Раздобыть машину и отправить в Москву чудом уцелевшего человека удалось не сразу. Зато в операционной Центрального военного клинического госпиталя он попал в умелые руки самого профессора Когана...

Ночью Андрею Ивановичу не спалось из-за боли, потому он и услышал звук осторожных шагов в коридоре. Ночной обход? Странно. Дверь открылась, и в палату, стараясь ступать неслышно, вошел Сталин.

— Не спите, товарищ Еременко? — Верховный главнокомандующий присел у койки. Он расспрашивал о делах на фронте, об обстоятельствах ранения, пожурил, что генерал себя не берег. И ни слова упрека за то, что командующий Брянским фронтом и во второй своей встрече с гитлеровским «танковым богом» Гудерианом не смог одержать верх.

Первая встреча состоялась совсем недавно, в августе 1941 года, когда 2-я танковая группа генерала Гудериана внезапно повернула на юг и двинулась в тыл советскому Юго-Западному фронту. Для ликвидации угрозы окружения войск, оборонявших Украину, Ставка при-

няла решение о создании нового, Брянского фронта, командующим которого был назначен генерал А. И. Еременко. Он был известен тем, что никакую ситуацию не считал безнадежной, а задачу — невыполнимой. На приеме у Сталина новый командующий заявил, что в самое ближайшее время разобьет «этого подлеца Гудериана», правда исполнить обещание оказалось не так-то легко.

Сначала натиск советской пехоты, осуществленный в условиях господства авиации противника в воздухе, действительно создал угрозу флангу 2-й танковой группы, но та, получив своевременную помощь, все же прорвалась на юг. Причины неудачи внимательно исследовались в Ставке Верховного главнокомандования. Вывод специалистов был однозначным: генерал Еременко сделал все, что мог.

Обратный путь с Левобережной Украины Гудериан держал на Тулу, и снова его танковым корпусам пришлось схватиться с войсками Брянского фронта. Мощными ударами по флангам противник прорвал их оборону и замкнул большую часть фронта в кольцо. 3 октября фашистские танки были в Орле, 6-го — в Карачеве и Брянске, но генерал Еременко решительным ударом отбил у противника Мценск и организовал прорыв окруженных войск на восток.

Дело шло к стабилизации линии фронта, однако тяжелое ранение надолго вывело Андрея Ивановича из строя. Далее — полет в Москву на У-2, злополучная посадка на картофельное поле, госпитальная койка...

Впервые он оказался в лазарете еще в 1914 году, когда после жаркой рукопашной схватки близ Львова товарищи извлекли его, потерявшего сознание от ран, из-под груды мертвых тел. В тот день рядовой Еременко штыком уничтожил 11 солдат противника и сам лишь чудом остался в живых.

Раненый вспомнил свою вторую встречу с военными врачами: вот курьезный случай! В 1924 году молодой красный командир Еременко был отправлен в Ленинград для учебы в Высшей кавалерийской школе РККА. Товарищи по группе — Г. К. Жуков, К. К. Рокоссов-

ский, И. Х. Баграмян — были прекрасными наездниками, и требовалось приложить немало стараний, чтобы выглядеть достойно рядом с ними.

Однажды на занятиях по рубке лозы конь Андрея Ивановича при звуке обнажаемой пашки «вспомнил» Гражданскую войну, рванул вперед, не разбирая пути, перемахнул через ограждение и рухнул на ряды скамеек.

Тогда оба, и конь, и всадник, получили травмы. Что ж, еще легко отделались. Но все же не этим запомнился Ленинград.

Впервые за свои 30 лет увидел там красный командир поистине бесценные сокровища культуры и, соприкоснувшись с ними, навсегда стал поклонником театра, живописи и скульптуры. Позже, во время учебы в академии имени М. В. Фрунзе, Андрей Иванович старался найти время, чтобы не пропустить театральную премьеру или посетить картинную галерею...

Благодаря искусству врачей и природной крепости организма выздоровление шло быстро. Уже в декабре генерал Еременко готовил войска вверенной ему 4-й армии к Торопецко-Холмской наступательной операции. Занятия с войсками шли непрерывно в лесу и в поле, днем и ночью при температуре, падавшей до -40°C , в течение 10 дней.

Напряженная подготовка окупилась сторицей: наступление, начавшееся 9 января 1942 года, развивалось успешно, несмотря на мороз, яростное сопротивление противника. «Мы не успевали поворачиваться под стремительным натиском русских», — скажет потом пленный майор вермахта.

Андрей Иванович был там, где сражались передовые батальоны — кабинетный стиль руководства был ему чужд, — деля опасность со своими солдатами. Вой пикирующих бомбардировщиков, вздыбившаяся земля и... новое тяжелое ранение. И опять в ногу!

Приговор врачей был суров: немедленная ампутация, затем отправка в тыловой госпиталь. Командующий решительно отказался и от того и от другого. Превозмогая мучительную боль, презирая опасность гангрены, он целых 23 дня продолжал руководить операцией

с носилок и лишь 15 февраля, когда жизнь, казалось, уже покидала его, почти в бессознательном состоянии был отправлен в Москву.

Еременко приходил в себя и снова впадал в забытие, но двери приемного покоя долго оставались закрытыми перед раненым генералом. Начальник госпиталя Вольпер и его заместитель Лившиц отдыхали, приказав их не тревожить. Задержка могла стать роковой, но спасла настойчивость сопровождавших офицеров.

Операцию Андрею Ивановичу делал старый знакомый, знаменитый хирург Коган, сумевший буквально по кусочкам собрать перебитую ногу. Что же касается Вольпера и Лившица, то они оказались впоследствии причастными к крупным хищениям и понесли заслуженное наказание.

Генерал Еременко не мог бездействовать даже в госпитале: он изучал английский язык, принимал в своей палате государственных и военных деятелей, позировал своим друзьям — художнику С. В. Герасимову и скульптору М. Г. Манизеру.

В середине июля, не выдержав, Андрей Иванович позвонил самому Верховному главнокомандующему, заявил, что готов продолжать службу, а врачи его удерживают насильно.

— По имеющимся у меня данным, ходить без костылей вы пока еще не можете, — сказал Сталин. — Поэтому вам нужно окрепнуть, больше выходить на воздух. Отдыхайте, набирайтесь сил, ибо предстоит большая работа.

Оказывается, Верховному главнокомандующему ежедневно докладывали о состоянии здоровья Еременко.

Телефонный звонок прозвучал в полночь 2 августа и был, несмотря на ожидание, внезапным. Быстрые, по тревоге, сборы, прямо из госпитальной палаты — в Кремль. На следующий день генерал-полковник Еременко уже был там, где определялся весь дальнейший ход Второй мировой войны, — в Сталинграде. Так вот какую «большую работу» приберегал для него Верховный!

Обстановка была крайне тяжелой и динамичной. Противник обладал явным преимуществом в силах, средствах, маневренности, ударных возможностях.

Солдаты, офицеры и генералы вермахта, выйдя на подступы к Сталинграду, в победе не сомневались.

Генерал-полковник Еременко действовал, как всегда, энергично: менее чем за неделю он сумел собрать свои небольшие резервы в кулак и решительным контрударом предотвратил попытку фашистов прорваться в город с юго-запада. Влиять на события, происходившие севернее, Андрей Иванович не мог, так как сам Сталинград находился в полосе войск его соседа справа, генерала В. Н. Гордова.

Хотя положение там складывалось критическое: 23 августа гитлеровская авиация, совершив 2000 самолетов-вылетов, превратила город в руины. Одновременно танки и пехота противника вышли к Волге у поселка Рынок, что севернее Сталинграда, и отсекли 62-ю армию соседнего фронта от главных сил. Тогда Ставка приняла решение переподчинить ее генералу Еременко, командующему Сталинградским фронтом. Теперь оборона города была полностью в его руках!

Разрушенные здания превращались в крепости, солдаты готовились к уличным боям. Упорное сопротивление на подступах к Сталинграду позволило выиграть драгоценное время.

12 сентября Гитлер вызвал командующего 6-й полевой армией генерал-полковника фон Паулюса и приказал во что бы то ни стало овладеть городом. К этому времени фашистское командование перебросило в район битвы еще 9 дивизий, а численность прежних соединений была доведена до штатной.

Почти тогда же — 13 сентября — советский Верховный главнокомандующий подчеркнул, что главная задача сейчас — удержать Сталинград, и дал указания по подготовке будущего контрнаступления. Но именно в этот день фашистские войска двинулись на штурм волжской твердыни.

Генерал-полковник Еременко был готов к этому: по его приказу вся артиллерия фронта, включая орудия речных кораблей, сосредоточила огонь на передовых группировках противника, но те, обладая чудовищной ударной силой, все же продвигались вперед.

Пламя гигантской схватки полыхало днем и ночью. Волга кипела от разрывов снарядов, и лишь считанные сотни, а где-то и десятки метров отделяли пехоту противника от ее берегов. Казалось, для защитников города наступили последние часы. Но командующий Сталинградским фронтом безошибочно уловил критический момент в сражении и 16 сентября переломил ситуацию внезапным контрударом 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора А. И. Родимцева. Гвардейцы под жестоким огнем переправились через Волгу и решительной контратакой заставили гитлеровские передовые части прекратить продвижение. Наступила так называемая «позиционная пауза».

Общий штурм был отбит, но зато разгорелось множество боев местного значения, в ходе которых противник по-прежнему стремился преодолеть узкую полосу прибрежной земли, занятую советскими войсками, и выйти к Волге. Одновременно генерал-полковник фон Паулюс, пополняя свои дивизии, готовил новый штурм, который начался 27 сентября.

Положение защитников города еще более ухудшилось: теперь противник держал под обстрелом воду и подкрепления несли тяжелые потери еще на переправе, до вступления в бой. Повторить знаменитую атаку гвардейцев генерала Родимцева в этих условиях было невозможно, а значит, требовался новый ход, неожиданный и нестандартный. И Еременко нашел его.

Ночью 29 сентября сводные отряды Сталинградского фронта нанесли внезапный удар в 75 километрах южнее осажденного города, продвинулись на 18 километров и захватили важное для подготовки решающего наступления межозерное дефиле. Противник начал повсеместно переходить к обороне и только в самом Сталинграде продолжал упорный натиск, ибо расстаться с идеей захвата волжской артерии Гитлер не мог. Только в октябре фюрер отправил в 6-ю полевую армию 250 тысяч солдат и офицеров, а также тысячу артиллерийских орудий. Получив пополнение, фон Паулюс предпринял последний натиск. Ценой огромных потерь его войскам удалось на отдельных участ-

ках выйти к Волге, после чего немецкое наступление прекратилось.

11 ноября войска 62-й армии, непосредственно оборонявшей город, под командованием генерала В. И. Чуйкова успешно отразили последнюю атаку фашистов. Враг своей цели не достиг. Величайшее оборонительное сражение было выиграно!

Эти испытания потребовали от генерала Еременко огромного напряжения сил. Если и удавалось ему найти в сутки хотя бы три часа для сна, то далеко не всегда. За гигантской схваткой с величайшим вниманием следила вся страна, союзники и конечно же Верховный главнокомандующий — Андрей Иванович ежедневно в деталях докладывал об изменениях обстановки и о своих решениях.

Однажды, когда обсуждение оперативных вопросов закончилось, Сталин вдруг завел речь о члене Военного совета Сталинградского фронта Н. С. Хрущеве:

— Гоните его, что вы держите его у себя?

— Это не мое дело, он ведь член политбюро ЦК! — удивленно ответил Андрей Иванович.

— Это и ваше дело. Гоните его от себя! — настойчиво повторил Верховный главнокомандующий и повесил трубку.

Андрей Иванович понимал, его рапорт должен стать первым камнем лавины, готовой обрушиться на голову Хрущева. Кто-то не колеблясь тут же исполнил бы руководящее указание, кто-то, испугавшись, прикинул, как быть: ведь если Хрущев сумеет избежать опасности, то непременно жестоко отомстит. Но не таков был генерал Еременко! (По-настоящему он испытал страх всего лишь один раз в жизни, будучи юношей — заводилой деревенской молодежи. Тогда ему, возвращавшемуся ночью домой, встретилась ведьма — в окрестностях многие занимались колдовством. Психический удар был столь силен, что Андрей заболел, три дня не вставал с постели. Жуткое воспоминание от той встречи осталось на всю жизнь.)

Командующий решил поступить так, как велит советь. «Сроду ни на кого не кляузничал и теперь не бу-

ду», — сказал он себе, оставляя указание Верховного без ответа.

Сталин к этому вопросу больше не возвращался. Хрущев сохранил свой пост. Более того, вскоре он снова вошел в доверие главы государства.

Впрочем, хитросплетения интриг меньше всего волновали генерала. Его внимание было занято подготовкой грядущего контрнаступления. Ударная группировка, тайно созданная им в районе Сарпинских озер, вдвое превосходила противника в личном составе, а в танках и артиллерии — в пять раз!

Наступление войск Сталинградского фронта началось 20 сентября. Удар был столь грозным и внезапным, что противник в панике бежал, бросая тяжелую технику и вооружение. Гитлеровское командование быстро оценило масштабы нависшей катастрофы, но было поздно: 24 ноября танкисты Сталинградского и Юго-Западного фронтов встретились в районе Калач и замкнули в кольце 22 фашистские дивизии, а также более 160 отдельных частей.

Генерал Еременко не торопился праздновать победу. Он предвидел деблокирующий удар противника и сразу приступил к созданию внешнего кольца окружения.

Оперативное чутье не подвело: 12 декабря специально созданная Гитлером группировка под командованием одного из лучших военачальников рейха Эриха фон Манштейна двинулась на выручку дивизиям 6-й полевой армии.

Сила удара была громадной, но в критический момент сражения на внешнем фронте к степной речке Мышкова подросла 2-я гвардейская армия под командованием генерал-полковника Р. Я. Малиновского. Она то и остановила танки Манштейна, окончательно закрепив «великий перелом» в ходе Второй мировой войны.

Противник еще рвался к Сталинграду, а генерал Еременко уже разрабатывал план нового наступления, которое началось 24 декабря. Всего лишь за одну неделю его войска освободили 130 населенных пунктов и увеличили расстояние между внешним и внутренним кольцами окружения до 250 километров.

Положение группировки фон Паулюса стало безнадежным, и Еременко готовился принять капитуляцию противника. Но эта высокая честь досталась другому прославленному полководцу Великой Отечественной войны — К. К. Рокоссовскому. Именно ему поручил Верховный главнокомандующий окончательную ликвидацию окруженной в Сталинграде группировки, а генерал Еременко 30 декабря был назначен командующим войсками вновь созданного Южного фронта и получил задачу наступать на Ростов.

Андрей Иванович перенес тяжелый удар. Никогда его переживания не были столь глубокими и болезненно острыми, как в канун нового, 1943 года. Вверенные ему войска отразили 800 атак противника, в невероятно трудных условиях отстояли город на Волге, окружили врага, разрушили «воздушный мост» рейхсмаршала Геринга, по которому тот пытался наладить снабжение замкнутой в кольцо группировки, и, наконец, отразили деблокирующий удар фон Манштейна. Слава победы, безусловно, принадлежит солдатам Сталинградского фронта и их командующему, так почему же ее отняли? Не месть ли это за негласный отказ писать рапорт на Хрущева?

Правительственная награда лишь усилила обиду — орденом Суворова 1-й степени отмечались успехи последних наступательных операций, а героической обороны Сталинграда словно и не было...

Боль душевная породила боль физическую. Старые раны дали о себе знать, будто по команде. Впервые за долгую службу генерал Еременко сам попросил предоставить ему отпуск для лечения.

Он вернулся в строй в апреле 1943 года, командовал крупными оперативно-стратегическими объединениями, провел немало успешных операций, стал Героем Советского Союза. Верховный главнокомандующий по-прежнему доверял ему, но былого тепла в отношениях уже не было.

24 июня 1945 года генерал армии Еременко провел торжественным маршем сводный полк 4-го Украинского фронта по брусчатке Красной площади. Погоны Мар-

шала Советского Союза украсили его плечи лишь спустя 10 лет, когда у руля страны находился другой участник битвы на Волге — Никита Сергеевич Хрущев.

После войны Андрей Иванович командовал войсками ряда военных округов, был депутатом Верховного Совета СССР. Свой жизненный путь он закончил 19 ноября 1970 года, когда Н. С. Хрущев уже был отправлен соратниками на пенсию.

Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский

Знаменитый республиканский генерал Энрике Листер и его военный советник, только что прибывший из советской России, беседовали, прогуливаясь по аллее, так спокойно, словно рядом порхали бабочки, а не свистели пули. Но вот одна из них, пролетев совсем близко, распоролла гостю рукав.

— Полковник Малино! — воскликнул генерал, довольный тем, что на лице его собеседника не дрогнул ни один мускул. — Мы же еще не отметили нашу встречу бутылкой хорошего испанского вина!

Полковник Родион Яковлевич Малиновский браваду не любил, но испытание на храбрость перенес спокойно. К этому времени за его плечами было уже столько всего, что позавидовал бы любой искатель приключений. А все началось с потрепанной книги в дешевом бумажном переплете...

Тусклый свет керосиновой лампы, жалкая чердачная каморка. Шелестят страницы, худенький темноволосый подросток читает, и перед ним, словно живые, встают фельдмаршал Кутузов, генералы Багратион, Барклай-де-Толли, Ермолов, Коновницын...

Герои 1812 года. Яркие, сильные, благородные, красивые люди! Как непохожи они на тех, кто окружает его сейчас: хозяин галантерейного магазина, думающий только о наживе, приказчики, чьи мечты не идут дальше франтовского жилета с блестящей цепочкой по животу и шляпы-канотье, погруженные в мелочные повседневные заботы одесские обыватели. Иные считают,

что мальчику повезло: ведь совсем недавно он батрачил всего за 15 копеек в день на помещика в деревне Сутиски, а теперь, глядишь, в люди выбьется. А со временем сам уподобится приказчикам, которые зовут его Мухобоем и гоняют в соседнюю лавку за папиросами.

Стать одним из них? Ну нет! Кроме этого мирка, маленького и затхлого, существует другой, сверкающий мир, грозный и прекрасный. Попасть в него можно, если броситься навстречу испытаниям смело, очертя голову...

Что ж, он, Родион Малиновский, готов!

Темной августовской ночью 1914 года 16-летний юноша тайком пробрался в воинский эшелон и, спрятавшись, поехал на фронт Первой мировой войны. Ему удалось добиться зачисления в действующую армию, и уже осенью молодой пулеметчик Елизаветградского полка принял боевое крещение в ходе форсирования Немана.

Гулко гремели выстрелы, вода бурлила от пуль, на соседних плотках стонали раненые. Пулеметчики, стремительно выскочив на берег, открыли огонь, подерживая наступающие цепи. Атака, позиция противника прорвана! Первый бой и первая победа...

Родион Малиновский быстро мужал, упорно овладевая азбукой боевого мастерства, отменно владел пулеметом, был отважен, вынослив, находчив. За доблесть в боях у Кавальвари он получил награду — Георгиевский крест 4-й степени и звание ефрейтора, но вскоре тяжелое ранение уложило его на госпитальную койку.

Выздоровление, а затем долгий путь вокруг Азии через два океана, Красное и Средиземное моря. Он увидел Гонконг, Сингапур, Коломбо и сошел на землю в марсельском порту, чтобы в составе русского корпуса во Франции сражаться против общего врага.

Тяжелые бои в районе Реймса, Сюлери, форта Бримон на местности, перепаханной снарядами так, что ее прозвали «лунный ландшафт». Французский Военный крест — награда за мужество, первые встречи с новыми тогда видами оружия: танками, авиацией, ядовитыми газами.

«Отбросим противника за Рейн и тем поможем России!» — таков был девиз русских солдат в апрельском наступлении 1917 года. Через траншеи и воронки, сквозь огонь и колючую проволоку, вперед!

Вдруг удар в левую руку, льется кровь. Ефрейтор Малиновский сам перевязал свою рану и не вышел из боя, пока не была подавлена последняя огневая точка врага.

После октябрьских событий 1917 года русская армия перестала существовать. Пришлось расстаться с оружием и стать разнорабочим — иным путем раздобыть денег для возвращения на Родину было нельзя. Когда же германские дивизии оккупировали Украину, Родион Малиновский вступил в ряды Иностранного легиона и продолжил сражаться против войск кайзера.

И снова битвы на полях Пикардии, газовые и танковые атаки. Еще одна французская награда украсила его грудь. Лишь в 1919 году ступил он на родную землю во Владивостоке, но в районе Омска попал в руки разведывательного разезда красных.

Чужеземные награды, документы на незнакомом языке вызвали подозрение. А не расстрелять ли задержанного? К счастью, красноармейцы передумали и отвели его в штаб полка. Там быстро поняли, что опытному воину цены нет, и предложили стать инструктором пулеметного дела.

Малиновский опять в боях — теперь за Омск, Ново-Николаев, Мариинск. Четыре года спустя он уже командир батальона; вышестоящие начальники отмечают его умение работать с людьми, явный военный талант при отсутствии военного образования. Этот недостаток Родион Яковлевич исправил в 1930 году, окончив по первому разряду академию имени М. В. Фрунзе.

Время было бурное, облик армии стремительно менялся. Войска получали еще недавно казавшуюся фантастической технику, рождались новые теории ведения боя и операции. Не пропуская ни единого слова, слушал будущий полководец лекции А. А. Свечина, вдумчиво изучал труды В. К. Триандафиллова, А. Н. Лапчинского, К. Б. Калининского и других новаторов военного дела.

Недаром те, кто позже встречал выпускника академии на штабной работе в Северо-Кавказском и Белорусском военных округах, обращали внимание на его широкий кругозор, глубокие знания и незаурядные способности, послужившие в 1937 году основанием для командировки в объятую пламенем гражданской войны Испанию.

Заслуги в сражениях при Гвадалахаре, Сеговии, Барселоне были отмечены орденами Ленина и Красного Знамени.

Вернувшись на Родину, полковник Малиновский получает назначение на должность преподавателя Военной академии имени М. В. Фрунзе, где обобщает опыт ведения боевых действий с применением современных средств вооруженной борьбы в диссертации. В марте 1941 года Родион Яковлевич, простившись с академической аудиторией, принял только что сформированный 48-й стрелковый корпус.

Великую Отечественную войну корпус встретил во всеоружии, долго держал оборону по берегу реки Прут и начал отход только по приказу, ввиду общего ухудшения стратегической обстановки.

Отход — самый трудный вид маневра, но Родион Яковлевич осуществил его мастерски, боем разомкнул вражеские клещи и вывел корпус к своим войскам.

В августе 1941 года генерал Малиновский возглавил 6-ю армию, стойко отразившую под его командованием все попытки противника форсировать Днепр в районе Днепропетровска. Следующий год талантливый военачальник встретил уже в должности командующего Южным фронтом.

Противник, готовясь к летней кампании, провел масштабную дезинформационную операцию «Кремль» и сумел убедить советское Верховное командование в том, что главной целью Гитлера, как и в прошедшем году, остается московское направление. Туда-то и были стянуты резервы Ставки. Результатом неверной оценки стратегической обстановки явилось тяжелое поражение войск Юго-Западного и Южного фронтов, а также последовавший за ними прорыв фашистских дивизий к Волге и Северному Кавказу.

Верховный главнокомандующий, несомненно, ощущал и собственную вину за летние неудачи, иначе бы не ограничился только понижением генерала Малиновского в должности. Но вскоре звезда полководца вновь возшла.

В ходе контрнаступления советских войск под Сталинградом 300-тысячная группировка противника была полностью окружена. Тогда Гитлер направил ей на выручку группу армий «Дон» во главе с самым способным командующим рейха генерал-фельдмаршалом фон Манштейном.

2-я гвардейская армия под командованием Р. Я. Малиновского, в сильный мороз совершив тяжелый марш-маневр, упредила противника в захвате выгодного рубежа и встретила его организованной обороной на замерзшей реке Мышкова. К этому времени расстояние между окруженной и деблокирующей группировками составляло всего 50–80 километров.

21 декабря 1942 года гулкой удар тысяч орудий сотряс морозный воздух. Сражение началось. Генерал Малиновский находился в самом важном пункте, у Громоулавки, где каждый советский полк атаковали более сотни фашистских танков. Пришлось стянуть сюда все резервы; теперь, если противник все же прорвется, остановить его будет нечем. Правда, позади стоит целый танковый корпус второго эшелона, но в баках машин почти нет горючего.

Немецкие войска проявляли редкое упорство. Советские — героическую стойкость. К вечеру вражеская атака захлебнулась.

Родион Яковлевич успехом не обольщался. Фон Манштейн обязательно повторит натиск, не зря разведка доносит о сосредоточении 9 колонн, в каждой из которых десятки танков. Что противопоставить этому чудовищному тарану? По приказу генерала Малиновского танки корпуса, стоявшего в глубине, на последних каплях горючего были выведены из укрытий и также построены в колонны.

Разведка противника тоже делала свое дело, и вскоре в Берлин полетели тревожные донесения: «У русских

огромное количество танков!» Пока фон Манштейн ждал указаний, подвезли горючее, и танковый корпус действительно стал грозной силой.

Кризис миновал. Войска 2-й гвардейской армии перешли в наступление и уверенно двинулись вперед.

Недооценить значение этой победы было трудно, и в начале февраля 1943 года Родион Яковлевич принял командование Южным фронтом — одновременно с производством в звание генерал-полковника. Всего лишь два месяца спустя он узнал о присвоении ему звания «генерал армии» за изгнание оккупантов из Ростова-на-Дону.

Далее следует целая череда блестящих операций войск уже Юго-Западного фронта, и в каждой из них виден почерк зрелого, масштабного полководца. Освобождены Донецк, Мариуполь, Днепропетровск, Никополь, Херсон, проведен беспрецедентный в новейшей истории по количеству участвовавших сил и средств ночной штурм такого крупного, тщательно укрепленного города, как Запорожье, завершившийся полным разгромом противника и изоляцией фашистских войск в Крыму.

В мае 1944 года генерал Малиновский принял у маршала Конева войска 2-го Украинского фронта, вышедшие к реке Прут. Теперь им предстояло принять участие в крупнейшей наступательной операции стратегического масштаба, вошедшей в академические учебники как Яско-Кишиневская.

Долгие часы просиживал над картой усталый, медлительный на вид генерал в поисках лучшего решения сложной задачи. И оно пришло.

Противник так и не смог обнаружить подготовку к броске 6 общевойсковых, танковой и воздушной армий, а также нескольких корпусов. Лишь перед самым началом наступления гитлеровцы почуяли неладное, но было поздно.

Утром 20 мая 1944 года залпы четырех тысяч орудий, гул моторов сотен бомбардировщиков и штурмовиков возвестили о начале операции. Удар советских дивизий был столь сокрушительным, что гитлеровское командование только на вторые сутки смогло опомниться

от шока, осознать угрозу, нависшую над всей группой армий «Южная Украина», и начать поспешный отвод своих войск.

Но танковые соединения 2-го Украинского фронта продвигались быстрее. Утром 23 августа кишиневская группировка противника в составе 18 дивизий была полностью окружена. В тот же день восставший народ Румынии сверг режим фашистского диктатора Антонеску.

Гитлеровские войска отступали, попадали в окружение, сдавались в плен или пытались вырваться. Последнее удавалось немногим. Полный разгром 18 немецких, капитуляция 22 румынских дивизий, освобождение Молдавии и выход из вражеской коалиции Румынии — таков итог Яско-Кишиневской операции.

13 сентября Р. Я. Малиновский был вызван в Москву для подписания перемирия с Румынией; тогда же председатель Верховного Совета СССР М. И. Калинин вручил ему звезду Маршала Советского Союза.

А впереди были упорные бои за Будапешт и освобождение Вены — здесь наступающим пришлось действовать методами поистине хирургическими, чтобы сохранить историческое своеобразие и архитектуру города, — радость Великой победы и торжественный марш во главе колонны сводного полка 2-го Украинского фронта по брусчатке Красной площади...

Всенародный праздник продолжался, а Родион Яковлевич в обстановке строгой секретности уже выехал на Дальний Восток. Войскам Забайкальского фронта предстояло нанести глубокий удар через хребет Хинган и разгромить противостоящую группировку японской Квантунской армии, поставив точку во Второй мировой войне.

Весь свой недюжинный талант и огромный военный опыт, все силы и энергию вложил полководец в эту операцию, с одной стороны, вобравшую лучшие достижения прошлого, а с другой — во многом предопределившую дальнейшее развитие военного искусства.

Эффект оказался поистине сокрушительным: войска Забайкальского фронта в первые же сутки прорвали оборону противника, преодолели лесистые склоны гор-

ного хребта и развили наступление с темпом до 100 километров в сутки — танковые соединения приходилось снабжать топливом по воздуху. Вскоре растерянный генерал Ямада, командующий японской Квантунской армией, уже давал показания в качестве военнопленного.

Выдающиеся заслуги полководца в заключительной кампании Второй мировой войны были отмечены званием Героя Советского Союза. Он еще долго оставался на Дальнем Востоке, возглавляя расположенные там советские войска.

В октябре 1957 года Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский был назначен на должность министра обороны. За 10 лет он вывел Вооруженные силы на новый качественный уровень. В центре внимания этого искреннего, спокойного, рассудительного человека были оснащение армии и флота новейшими видами оружия, овладение современными методами ведения боя и операции, развитие военной науки, повседневные нужды и быт солдат и офицеров.

Четыре войны, ранения и долгий ратный труд подорвали его железное здоровье, но маршал продолжал работать по-прежнему напряженно. Ни сослуживцы, ни даже близкие не догадывались о тяжелом недуге.

Весной 1957 года, предчувствуя кончину, Родион Яковлевич распорядился отвезти его в Центральный военный клинический госпиталь имени Н. Н. Бурденко, чтобы умереть среди солдат. И никто не слышал от него ни стонов, ни жалоб.

Маршал ушел так же, как жил, — с достоинством воина.

Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин

Транспортный самолет, натужно гудя моторами, медленно поднимался в ночное небо. Грузовой отсек был затемнен: ни к чему привлекать внимание асов барона фон Рихтгофена. Тьма царила и на Керченском полуострове, лежавшем под крылом: армейский комиссар 1-го ранга Мехлис любил проверять режим светомаскировки и в нарушителей стрелял сразу, без предупреждения...

Пассажир, казавшийся из-за полноты несколько старше своих 47 лет, оторвал взгляд от прямоугольного иллюминатора. В глазах — усталость. Отстранен от должности.

А как удачно все складывалось еще совсем недавно. В самом конце 1941 года войска Закавказского фронта, штаб которого он, Федор Иванович Толбухин, возглавлял, во взаимодействии с Черноморским флотом начали крупнейшую в отечественной военной истории морскую десантную операцию! Более 40 тысяч человек, артиллерийские орудия, 43 танка, несмотря на штормовую погоду, были переброшены морем и высадились на занятое противником побережье в районе Керчи и Феодосии.

Три дня спустя, 29 декабря, Феодосия была освобождена и фашистские войска начали отход. В гневе Гитлер приказал отправить генерала графа Шпонека, не сумевшего предотвратить высадку советского морского десанта, в тюрьму. Другому генералу, фон Манштейну, осаждавшему в это время Севастополь, пришлось прекратить штурм города и развернуть главные силы своей 11-й армии против успешно наступавших войск Крым-

ского фронта — так теперь стала называться созданная для освобождения полуострова группировка. В конце концов ему удалось удержаться на рубеже Киет — Коктебель, прорвать который с ходу не удалось.

Начальник штаба фронта предлагал временно перейти к обороне, чтобы тщательно подготовить следующий этап наступления, но первые удачные результаты многим вскружили голову. Сталин требовал возобновить натиск, полагая, что командованию фронта недостает лишь решительности, а потому направил в Крым человека, наделенного этим качеством в избытке.

Представитель Ставки Верховного главнокомандования, начальник Главного политического управления РККА Л. З. Мехлис не стал вникать в оперативную обстановку, ибо для этого требовались специальные знания и опыт, но с энергией, достойной лучшего применения, занялся поиском виновных и раскрытием мнимых заговоров. Грозный комиссар в этом деле был настоящим мастером: недаром он умудрялся находить «заговорщиков» даже в Ансамбле песни и пляски Красной армии!

Спокойный, неторопливый, рассудительный генерал Толбухин сразу не понравился порывистому, склонному к скоропалительным решениям представителю Ставки. Соображения военного специалиста о переходе к обороне с целью закрепления первоначального успеха, отражения возможных контрударов противника и подготовки к дальнейшему наступлению лишь усиливали инстинктивную неприязнь и обостряли подозрительность комиссара.

В центр полетели доносы, и вот результат: 3 марта 1942 года в Ставке Верховного главнокомандования было принято решение — генерал-лейтенанта Толбухина от должности начальника штаба Крымского фронта отстранить.

Самолет с опальным военачальником еще не успел приземлиться, а неумный Мехлис уже отправил очередную телеграмму с просьбой проследить, чтобы генерал Толбухин не устроился в теплом месте в тыловом Закавказском военном округе. Представитель Ставки про-

сил также заменить и командующего фронтом генерала Д. Т. Козлова, но на этот раз его замыслы не сбылись.

«Вы просите заменить Козлова кем-нибудь вроде Гинденбурга... сообщаю, что свободных Гинденбургов у нас на складе нет», — гласил ответ за подписью самого Сталина.

Тогда энергичный комиссар решил полагаться на собственные силы и, подмяв управление фронта, начал делать то, что умел, — беспощадно карать всех, кто казался ему виновным в каких-либо неудачах, искоренять оборонческие настроения, гнать массы пехоты и кавалерии в неподготовленные, разрозненные, бессмысленные атаки.

Бывший начальник штаба с тоской и болью наблюдал за торжеством воинствующего невежества, а тем временем вокруг него самого сгущалась некая зловещая тишина: ни нового, пусть с понижением, назначения, ни бесед, ни вызовов. О нем словно забыли. Но разве такое возможно? Скорее всего где-то идет тихая, до поры незаметная работа по изучению обстоятельств дела, поиску темных мест в биографии.

Правда, к происхождению выходца из бедной крестьянской семьи, родившегося 16 июня 1894 года в деревне Андроники Ярославской губернии, придраться было трудно, но зато можно было припомнить офицерскую службу в царской армии. А ведь о военной карьере он и не помышлял!

Солдатскую форму надел в 1914 году, по призыву, стал мотоциклистом — специальность по тем временам редкая и передовая, а все потому, что успел до войны успешно окончить Петербургское коммерческое училище. Командиры обратили внимание на умного, старательного солдата и направили его в школу прапорщиков. Так и стал офицером.

Можно поставить ему в вину стремительную карьеру: к 1918 году на плечах Федора Ивановича уже были погоны штабс-капитана, а за плечами — солидный опыт боев на Юго-Западном фронте и участие в знаменитом Брусиловском прорыве. Но высокое для его лет звание, так же как ордена Анны и Станислава, было заслужено

в окопах, на передовой, благодаря личному мужеству и внезапно открывшемуся военному таланту.

А добрая слава, что шла о нем среди солдат? Ее ни связями, ни деньгами не добудешь. Она-то скорее всего и сделала вызванный революционными событиями перерыв в воинской службе недолгим. В том же 1918 году молодому военному специалисту предложили вступить в Красную армию.

Опыт Первой мировой войны дополнился опытом войны гражданской. Федор Иванович закончил ее в должности начальника оперативного отдела штаба армии, затем возглавлял штаб дивизии и корпуса. В 1934 году получил диплом Военной академии имени М. В. Фрунзе. Теперь он полностью отвечал требованиям времени и 22 июня 1941 года встретил, будучи начальником штаба Закавказского военного округа.

В чем же можно было упрекнуть зрелого военачальника, сумевшего хорошо спланировать самую сложную из всех операций — морскую десантную? Разве что в дворянском происхождении жены, Тамары Евгеньевны.

Изматывающее ожидание длилось два месяца, а затем разразилась катастрофа. Командующий 11-й гитлеровской армией генерал Эрих фон Манштейн создал мощную ударную группировку против самого слабого, левого фланга Крымского фронта и 8 мая 1942 года перешел в наступление.

Советские войска, как и ожидал Федор Иванович, совершенно не были готовы к обороне — ведь грозный эmissар Ставки даже окопы отрывать запрещал, видя в них материальное выражение столь ненавистных ему настроений. Зато фон Манштейн усмотрел в этом профессиональное невежество и ядовитое название своей операции — «Охота на дроф» — дал неслучайно. К 16 мая все было кончено.

Генерал фон Манштейн и командир 8-го авиационного корпуса барон фон Рихтгофен стояли на высоте близ Керчи. Они смотрели на сверкающие воды пролива, на длинные колонны военнопленных, уныло тянувшиеся вдоль запруженных разбитой советской военной техникой дорог, на берег, сплошь покрытый людьми

и машинами, — это были остатки Крымского фронта, устремившиеся сюда в тщетной надежде на спасение.

Множество солдат и офицеров, не желая попасть в руки врагу, бросались в волны и плыли навстречу катерам Черноморского флота, пытавшимся прийти к ним на помощь. Но принять на палубы удавалось немногих. Гитлеровская пехота пробовала атаковать огромную толпу, чтобы принудить ее к сдаче, но ее отогнали, и тогда свой огонь по массе людей сосредоточила артиллерия.

Разгром Крымского фронта был полный. Одних только пленных враг захватил 176 тысяч человек, безвозвратно было потеряно 350 танков, почти 400 самолетов, более 3400 орудий и минометов, множество автомобилей. Более того, противник не преминул обратить доставшуюся ему боевую технику против защитников Севастополя. Теперь, с утратой возможности деблокады приморской крепости, дни ее обороны были сочтены. Около 26 тысяч человек ушли в каменоломни Аджимушкая, чтобы продолжать борьбу, но об этом стало известно позже.

Части солдат и офицеров все же удалось пересечь залив и достичь Таманского полуострова. Эвакуировалось также и управление Крымского фронта — теперь бывшего.

Мехлис тут же поспешил в Москву. С бледным лицом вбежал он в знакомый кабинет и, упав на колени, воскликнул:

— Товарищ Сталин! Расстреляйте эту дурацкую башку!

— Ну, раз такая самокритика... — вздохнул Верховный главнокомандующий.

Л. З. Мехлис был снят с должности заместителя народного комиссара обороны, начальника Главного политического управления, понижен в звании до корпусного комиссара и никогда больше не направлялся в войска в качестве представителя Ставки.

Героическая оборона Севастополя закончилась 4 июля — враг занял руины города. Теперь весь Крым был в руках фашистов, но генерала Толбухина в этом уже

никто не винил. Никто, кроме него самого. Не смог он тогда, в начале марта, убедить вышестоящее командование в правоте своих взглядов! Зато его судьба наконец решилась. Верховный главнокомандующий ждал окончания битвы за Крым; лишь ее исход мог определить, кто же прав в споре — начальник штаба фронта или представитель Ставки?

Федор Иванович отправился принимать 57-ю армию на Сталинградский фронт, которым командовал его старый знакомый по учебе в академии, генерал А. И. Еременко, дав себе клятву отплатить врагу за разгром Крымского фронта.

В те дни внимание всего мира было приковано к Сталинграду, где советские войска в предельном напряжении сил отстаивали последние сотни метров, отделявшие пехоту вермахта от Волги. Но исход гигантской битвы определялся не только положением сторон в самом городе. Армия под командованием Ф. И. Толбухина, оборонявшаяся южнее, не только отразила натиск фашистских войск, но и захватила плацдарм в районе озер Цаца — Сарца — Барманцак, а в последующем сыграла важную роль в окружении группировки фельдмаршала фон Паулюса.

Верховный главнокомандующий обратил внимание на умелые действия командующего 57-й армией и справился о нем у генерала Еременко. Тот охарактеризовал Федора Ивановича с самой положительной стороны, отметив только излишнюю осторожность и склонность к преувеличению сил противника. Но, как показало время, то, что Еременко принимал за опасливость, было всего лишь оперативной расчетливостью, стремлением изучить обстановку до мелочей и предвидеть ее развитие на несколько ходов вперед.

Сталин еще некоторое время присматривался к деятельности генерала Толбухина и в марте 1943 года принял решение назначить его командующим Южным фронтом.

Кадровый выбор оказался удачным. 17 июня войска под командованием генерала Ф. И. Толбухина приступили к ведению активных боевых действий, надежно

сковав противостоявшие силы гитлеровцев, воспретили их участие в Курской битве. Выполнив эту задачу, 18 августа они сами перешли в наступление, рассекая вновь созданную 6-ю полевую армию фашистской Германии (прежняя армия с таким номером перестала существовать под Сталинградом).

Операция развивалась точно по плану: тактическая зона обороны противника успешно прорвана, дивизии с заданным темпом идут туда, куда указывает стрела направления главного удара — на Донецк! Казалось бы, командующему только радоваться, но... оценив обстановку, генерал Толбухин внезапно принимает новое решение, столь же красивое, сколь и дерзкое. Он резко, на 90 градусов изменил направление наступления 4-го гвардейского кавалерийского корпуса и двинул его в стремительный обход по тылам противника к югу, на Таганрог.

30 августа город был освобожден. Солдатами 6-й армии вермахта овладел мистический ужас — перед ними явился леденящий душу призрак нового Сталинграда.

Начался отход, вскоре превратившийся в паническое бегство. 8 сентября алый флаг взвился над Сталино (так в ту пору назывался Донецк), а 12 днями позже войска Южного фронта вышли к знаменитому Восточному валу.

Этот вал, на который так рассчитывал командующий группой армий «Юг» фельдмаршал фон Манштейн, представлял собой мощную линию укреплений, прикрытую глубоким противотанковым рвом, тянущуюся от Запорожья через Мелитополь до самых берегов Азовского моря. Идти на штурм немедленно, с уставшими, поредевшими, прошедшими с боями почти три сотни километров войсками? Пожалуй, такое решение считал бы авантюрным даже Мехлис. И все же глубокий анализ обстановки подсказывал: паузы допускать нельзя!

«Гвардейцы шли на приступ полевой крепости со штурмовыми лестницами на плечах, под огнем преодолевали глубоченный ров, накапливались для атаки, а тем временем с другой стороны рва по огненным точкам

противника в упор били самоходные артиллерийские установки. Струя в струю хлестали по вражеским пулеметам перетащенные на руках «максимы». В это время саперы в стороне делали проход. Быстро сманеврировав, самоходные установки с небольшими группами пехоты на борту преодолевали ров и наносили удар по противнику с тыла», — вспоминал прорыв Восточного вала доктор военных наук генерал-майор М. И. Белов, в ту далекую пору командовавший пулеметным взводом.

Линия обороны начала трещать, и главные силы 6-й полевой армии противника потянулись к ее наиболее слабому, северному участку. Советская разведка своевременно вскрыла этот маневр, и ответный ход генерала Толбухина был точен.

На юг, к Мелитополью! Именно туда, в обратном и потому особенно неожиданном для гитлеровского генерала Холлидта направлении устремилась 51-я общевойсковая армия с танковым и кавалерийским корпусами. Ее внезапный удар определил исход сражения, и 23 августа Мелитополь был взят войсками 4-го Украинского фронта — так теперь называлась вверенная генералу Толбухину стратегическая группировка.

Звезда полководца ярко вспыхнула, и отныне блеск ее был виден всем. Как ошибались те, кто отказывал этому доброму, мягкому на первый взгляд человеку в способности принимать отчаянно смелые решения и с железным упорством проводить их в жизнь! Вот и сейчас он, максимально используя успех, продолжал победоносное наступление, не давая противнику опомниться.

Офицеры штаба отметили — на столе у командующего появилась карта Крыма. Федор Иванович смотрел на нее все чаще. Он внимательно изучал данные разведки, в свободной форме, демократично обсуждал с подчиненными варианты замысла будущей операции, но на душе было тревожно. Надежда, что именно ему выпадет честь отплатить за былое поражение советских войск, становилась реальностью, но вдруг Ставка переведет его на другое направление, прикажет принять другую должность?

Опасения на этот раз были напрасны: Верховный

главнокомандующий не только полностью доверял военачальнику, но возлагал на его талант особые надежды. Недаром Федор Иванович Толбухин, еще в ноябре 1942 года бывший генерал-майором, в сентябре 1943-го получил воинское звание генерала армии. Три генеральских звания менее чем за год — таким не мог похвастаться никто, даже на войне.

Весь свой талант, все свои силы вложил полководец в подготовку битвы за Тавриду, где оборонялись 17-я полевая армия фашистской Германии и румынские дивизии. Командовал группировкой противника генерал-полковник Еннеке, и назначен сюда он был не зря — очень хорошо разбирался в фортификации.

Получив приказ Гитлера во что бы то ни стало удерживать Крым, Еннеке прежде всего обратил внимание на Турецкий вал, уже несколько веков защищавший ворота полуострова. Штурмовали его и запорожские казаки, и солдаты Суворова, и красноармейские дивизии Фрунзе, а совсем недавно, в 1941 году, и войска генерала фон Манштейна. Теперь к высокой, до 10 метров, земляной насыпи и широким рвам добавились три полосы обороны глубиной до 35 километров, насыщенные траншеями, долговременными огневыми точками, прикрытые минными полями, проволочными заграждениями, противотанковыми надолбами и ежами.

Но все же был в образовании гитлеровского генерала существенный пробел — скорее всего он пренебрег опытом гражданской войны в России и не знал, что удар в тыл Перекопским позициям с обходом через Сивашский залив хотя и чрезвычайно сложен, но возможен. Ведь именно так открыл «ворота в Крым» Фрунзе.

Зато генерал Толбухин знал это очень хорошо. Более того, в его штабе служил офицер, некогда воевавший под знаменами красного полководца. Он-то и привел к командующему фронтом немолодого, лет под семьдесят, рыбака.

— Это правда, что мне о вас рассказывали? — спросил Федор Иванович.

— Да, товарищ генерал, уж не сомневайтесь. Это я тогда, в двадцатом, переводил через Сиваш красных.

Да и сейчас не подкачаю, Правда, с той поры уж двадцать лет миновало. Сиваш изменился, и броды снова отыскивать надо, а вода-то ледяная. Ну да ничего...

Федор Иванович все же засомневался, по плечу ли рыбаку такое трудное дело, но Иван Оленчук (так звали этого человека) требовал назначить проводником именно его. Жалеть о принятом решении не пришлось.

Старик повторил свой подвиг. По грудь в холодной соленой воде, ночью, с оружием и боеприпасами на плечах части 10-го стрелкового корпуса вброд форсировали Сиваш и с ходу атаковали противника. Им удалось захватить плацдарм — клочок голой, просоленной, продуваемой всеми ветрами, простреливаемой со всех сторон крымской земли размером 18 километров по фронту и 14 в глубину — и закрепиться на нем.

Успех войск, штурмовавших Турецкий вал с фронта, был также замечен. Они прорвались сквозь линию укреплений и завязали бои за мощный узел обороны — Армянск. Солдаты и офицеры готовились к новым атакам, но вдруг... командующий решил закрепиться на достигнутых рубежах, а дальнейшее наступление в Крыму прекратить.

Благодарумно и вовремя! Дело в том, что на северном участке фронта, в районе Никополя, противник все еще продолжал удерживать обширный, до 120-ти километров по фронту и 25 в глубину, плацдарм, на который гитлеровские стратеги возлагали большие надежды. Они рассчитывали, что советское командование, увлеченное наступлением в Крыму, не заметит, как здесь сосредоточивается мощная ударная группировка, и тогда... стремительный бросок на юг, сокрушительный удар в тыл 4-го Украинского фронта — и с советским объединением будет покончено!

Так бы и случилось, будь на месте генерала Толбухина военачальник чуть менее прозорливый и чуть более азартный. Но Федор Иванович, проявивший в последних операциях редкую дерзость, не утратил и другого своего качества — осторожности. Он разгадал замысел противника, перебросил с юга к Никопольскому плацдарму 28-ю армию, артиллерию, авиацию, и тщательно

подготовленный фашистским командованием контрудар из убийственного превратился в самоубийственный. Правда, операцию по освобождению Крыма пришлось отложить.

Ставка была того же мнения. Верховный главнокомандующий считал, что прежде, чем безоглядно двигаться южным флангом вперед, следует ликвидировать Никопольский плацдарм.

Стратегическая задача была решена в ходе совместной операции двух фронтов — 3-го Украинского под командованием генерала армии Р. Я. Малиновского и 4-го Украинского Ф. И. Толбухина. Оба полководца прекрасно ладили, понимали друг друга с полуслова, а потому и взаимодействие между вверенными им фронтами было устойчивым, твердым и гибким.

Тщательно подготовленное наступление началось 31 января 1944 года, шло почти в полном соответствии с планом и к 8 февраля успешно завершилось освобождением Никополя. Опасный выступ был наконец ликвидирован. Теперь Федор Иванович мог полностью переключить свое внимание на подготовку Крымской операции.

Генерал-полковник Еннеке тоже времени зря не терял. Он организовал контрудары по советским частям, прорвавшимся к Армянску, вынудил их снова отойти за Турецкий вал, восстановил оборону и еще больше укрепил ее в инженерном отношении. Теперь система траншей, проволочных и минных заграждений закрывала «ворота в Крым» не только со стороны Перекопа, но тянулась также и вдоль Сиваша, блокируя закрепившуюся здесь пехоту 4-го Украинского фронта.

И все же усилия минувшей осени зря не пропали! Именно они создали благоприятные условия для нанесения ударов сразу с двух направлений, а также позволили советским морским десантам успешно высадиться той же осенью 1943 года в районе Керчи и Феодосии, занять плацдармы, а потом расширить и объединить их. Теперь там развернулась целая Отдельная Приморская армия, и командовал ею сам генерал-полковник А. И. Еременко!

Какое же из двух возможных направлений избрать главным? Очевидно, то, которое противник считает второстепенным. Тщательный анализ обстановки убедил генерала Толбухина, что главный удар, несмотря на связанные с этим трудности, следует наносить со стороны Сиваша. 30 марта 1944 года план операции был готов, и Федор Иванович прибыл в Москву для его утверждения.

Большая рельефная карта, приготовленная командующим 4-м Украинским фронтом, вызвала в Генеральном штабе скептические замечания: это для дилетантов. Верховный главнокомандующий хорошо умеет читать обычную карту и считает подобные внешне эффектные атрибуты при докладе излишними. Однажды он даже резко заметил командующему Карельским фронтом Мерецкову, решившему показать альбом с аэрофотоснимками театра военных действий: «Зачем вы эти игрушки с собой привезли?»

Но Федору Ивановичу повезло: Сталин слушал его доклад, расхаживая возле карты и внимательно разглядывая ее. Он одобрил план операции, так же как и неприятный сюрприз, приготовленный генералом Толбухиным для противника.

Утром 8 апреля крымская земля вздрогнула, будто от нового землетрясения: это были разрывы тысяч снарядов, обрушенных советской артиллерией на позиции гитлеровцев. На 66-й минуте огонь перенесли в глубину обороны, противник оставил укрытия и занял окопы, ожидая атаки, но тут на него снова посыпались снаряды. Гитлеровцы бросились в укрытия, но снова артиллерия перенесла огонь в глубину.

Солдаты противника опять выскочили из укрытий и открыли огонь по силуэтам советских пехотинцев, роль которых отлично играли одетые в гимнастерки и каски чучела, поднятые над траншеями. А на головы врагов в очередной раз обрушились тонны взрывчатки и стали! Уцелевшие гитлеровские солдаты вновь метнулись в укрытия.

Говорят, новое — это хорошо забытое старое. Такой метод огневой подготовки впервые применил русский

генерал Брусилев во время своего знаменитого наступления 1916 года, участником которого был молодой офицер Федор Толбухин. Так искусство прославленного военачальника, воспроизведенное в новых условиях его талантливым учеником, вновь послужило Отечеству.

Неожиданный удар со стороны Сиваша во фланг Перекопским позициям заставил генерала Еннеке начать отход под угрозой окружения. Командующий 4-м Украинским фронтом, безошибочно уловив переломный момент сражения, тут же организовал преследование противника передовыми отрядами из танков и пехоты на автомобилях.

Гитлеровцы не успевали закрепляться на промежуточных рубежах, их оборона в Крыму стремительно рушилась. Задержать встречное движение войск генералов Толбухина и Еременко не было никакой возможности. Советские дивизии стремительно вышли к Евпатории, 13 апреля освободили Симферополь, а 16-го были уже на подступах к Севастополю.

Гитлер испытал приступ настоящего бешенства. Крым — «Готланд», на овладение которым было потрачено столько сил, потерян всего лишь за неделю! Он сместил генерала Еннеке с поста командующего 17-й армией: может быть, его преемнику, генералу Альмендингеру, удастся отстоять хотя бы Севастополь?

Напрасные надежды. Всесторонне подготовленный штурм города начался 7 мая и закончился уже через два дня полной победой войск генерала Толбухина.

В поисках спасения гитлеровцы густыми толпами устремились на мыс Херсонес, так как оттуда должна была осуществляться эвакуация морем. Даже в этих условиях противник тащил за собой длинные обозы с награбленным за два года добром, не желая уходить с пустыми руками! Несколько часов подряд на мысе гремели пулеметные очереди — это фашисты расстреливали ставших ненужными лошадей, а затем начались жестокие бои за место на палубе битком набитых, ниже ватерлинии осевших судов.

Перегруженные транспорты медленно отходили от причалов, чтобы стать жертвами советских самолетов

и торпедных катеров, поджидавших их в море. Только два парохода, «Тотила» и «Тея», утащили с собой на дно Черного моря 9 тысяч солдат и офицеров противника! А на берегу озверевшая толпа, утратившая всякое человеческое подобие, продолжала самоистребление. Наконец остатки, поняв, что обещанная фюрером эвакуация не состоится, сдались советским войскам.

Бесконечные колонны пленных тянулись в глубь полуострова. А в противоположную сторону, навстречу им, ехал небольшой зеленый автомобиль с открытым верхом.

Слух о прибытии командующего мгновенно разнесся среди солдат; окружив любимого генерала плотным кольцом, они повели его показывать последние оборонительные рубежи гитлеровцев.

Немало повидал на своем веку Федор Иванович, но даже его, ветерана Первой мировой войны, поразила картина недавнего побоища: настолько плотно мыс Херсонес был забит брошенной техникой и усыпан телами убитых.

Генерал Толбухин молча смотрел на морские волны, чуть ли не до самого горизонта покрытые трупами людей и лошадей. Битва за Крым была выиграна. Только на суше противник потерял здесь более 100 тысяч человек, почти 500 самолетов, весь автотранспорт и всю боевую технику. За бывшее поражение отплачено сполна. Клятва, данная в 1942 году, исполнена. И теперь ничто не мешает принять новую должность — командующего 3-м Украинским фронтом. Впереди лежали земли Южной Европы...

Август 1944 года полководец встретил уже на границе Молдавии, в готовности к проведению новой, Яско-Кишиневской операции во взаимодействии со 2-м Украинским фронтом Р. Я. Малиновского. Взгляды обоих командующих на характер предстоящего наступления совпадали настолько, что даже действия их войск казались зеркальным отражением.

Гитлеровские стратеги ожидали, что главный удар будет нацелен на Кишинев — ведь именно на этом направлении генерал Толбухин сосредоточил основные

массы войск, надежно прикрыл их зенитной артиллерией и авиацией. Недаром разведка отмечала здесь работу радиостанций частей и соединений, уже знакомых по предыдущим боям. Вот только если бы летчики, докладывавшие своему командованию о множестве советских танков и артиллерийских орудий, могли спуститься на землю и потрогать эту технику руками, то убедились бы, что сделана она из дерева и земли, а не из стали.

Затраты на маскировку окупились полностью. Командующий группой армий «Южная Украина» генерал-полковник Фриснер даже на вторые сутки после начала советского наступления не мог поверить, что войска 3-го Украинского фронта наносят главный удар не там, где он ждал, а с не очень удобного Кицканского плацдарма на Днестре. Прозрение пришло слишком поздно. Армии генерала Толбухина, перейдя в наступление 20 августа, всего через 9 дней освободили румынские города Тулча, Галац, Брэила, Констанца и вышли на границу с Болгарией.

Окружение мощной кишиневской группировки противника было завершено уже 23 августа. В этот день произошло и другое знаменательное событие: фашистский диктатор Антонеску прибыл на аудиенцию к королю Румынии Михаю, чтобы заручиться поддержкой «в мобилизации всех сил нации для продолжения войны». Но 26-летний монарх, фактически лишенный возможности управлять страной и вынужденный прежде поддерживать режим, отстранил Антонеску от власти, а затем приказал четверем вошедшим в кабинет офицерам арестовать его.

Поступок решительный и смелый, ведь советские войска находились еще не менее чем в 280 километрах от Бухареста. А в столице Румынии пребывали почти 14 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, несколько десятков тысяч членов фашистских военизированных формирований, да и не было известно, как поведут себя верные диктатору части румынской армии.

Молодой король понимал, что в этих условиях надо идти до конца и быстро. В 23 часа 30 минут 23 августа в Бухаресте было объявлено о смещении правительства

Антонеску и создании правительства народного единства, о прекращении военных действий против Объединенных Наций и принятии Румынией условий перемирия.

В это же самое время Маршал Советского Союза Тимошенко, в качестве представителя Ставки координировавший действия 2-го и 3-го Украинских фронтов, докладывал Верховному главнокомандующему об окружении кишиневской группировки противника. Генерал Толбухин в этом докладе получил самую высокую оценку.

Успешное завершение Яско-Кишиневской операции, таким образом, на три дня ускорило выступление антифашистских и патриотических сил Румынии, намеченное ранее на 26 августа. Армия поддержала короля, даже полк личной охраны Иона Антонеску за бывшего диктатора не вступился. Тем не менее положение восставших в Бухаресте было нелегким. Они, напрягая силы, отражали атаки гитлеровского гарнизона, а к городу уже тянулись колонны войск противника из других районов страны.

Гитлер, узнав о событиях в Румынии, приказал подавить восстание, арестовать короля и создать дружественное фашистской Германии правительство. Его стратегии были настроены еще более решительно: фельдмаршал Кейтель и генерал Гудериан в докладе предлагали «принять все меры к тому, чтобы Румыния исчезла с карты Европы, а румынский народ перестал существовать как нация». Выполнение приказа фюрера возложил на опытного карателя, генерала Шахтеля, залившего кровью восставшую Варшаву.

Критический момент приближался, но радиоволны уже несли над Румынией голос Левитана, читавшего заявление советского правительства. Говорилось там и о том, что если румынские войска прекратят военные действия против советских войск и станут рука об руку с ними вести освободительную войну против немецко-фашистских захватчиков, «то Красная армия не будет их разоружать, сохранит им полностью все вооружение и всеми мерами поможет выполнить эту почетную задачу».

Если у кого-то из румынских военных и оставались сомнения относительно дальнейших действий, то теперь они исчезли, и на помощь Бухаресту двинулись части из других районов.

Соотношение сил начало быстро изменяться в пользу восставших. Они успешно отразили все атаки гитлеровцев, затем перешли в наступление и к 28 августа полностью овладели столицей.

О реванше противнику думать уже не приходилось, ибо на следующий день в город вошли войска генерала Толбухина.

Жители Бухареста с восторгом встречали освободителей, засыпали цветами танки и колонны пехоты. Планы Гитлера удержать Румынию в качестве союзника или жестоко покарать за измену обязательствам были окончательно похоронены. А войска 3-го Украинского фронта продолжили победный марш, на ходу готовясь к освобождению другой страны — Болгарии. Всего лишь неделя, и военно-политическая обстановка в Южной Европе разительно изменилась.

Но теперь стремительное продвижение советских войск стало вызывать головную боль не только у противника.

Премьер-министр Великобритании сэр У. Черчилль с нарастающей тревогой следил за приближением дивизий генерала Толбухина к Балканам и, стараясь не допустить их в Болгарию, пытался организовать ввод на территорию этой страны британских, американских и даже турецких войск. Но солдаты, офицеры и генералы 3-го Украинского фронта оказались быстрее, чем политики союзников, и 7 сентября под развернутыми знаменами, с военными оркестрами во главе перешли болгарскую границу.

Болгария считалась союзницей фашистской Германии, но при этом симпатии ее народа к России были настолько сильны, что режим царя Бориса, объявивший войну Великобритании и США, в отношении СССР на такой шаг не решился. Гитлер остался этим недоволен, и, когда в 1943 году царь Борис неожиданно скончался, в стране поговаривали, что без союзников тут не обошлось.

— Вас встретят не пушками и пулеметами, а хлебом и солью, — говорил Сталину знаменитый болгарский коммунист Георгий Димитров.

Так и случилось. Прошло менее получаса после перехода румыно-болгарской границы, а в штаб фронта начали поступать сообщения о восторженной встрече советских войск населением и армией.

Федор Иванович немедленно доложил об этом в Ставку.

— Болгарские войска не разоружать, — приказал Верховный главнокомандующий.

К 9 сентября войска 3-го Украинского фронта продвинулись в глубь страны уже на 120 километров; в этот день генерал армии Толбухин получил радостное известие о приходе к власти в Болгарии правительства Отечественного фронта, которое немедленно порвало отношения с фашистской Германией и объявило вчерашнему союзнику войну. Вскоре от нового правительства прибыла делегация. Она сообщила о намерениях гитлеровского командования захватить Софию и обратилась с просьбой о помощи.

Действия советского военачальника были молниеносными: к болгарской столице тут же начали перебазироваться значительные силы авиации, а для организации взаимодействия с болгарской армией туда вылетел начальник штаба фронта генерал С. С. Бирюзов. Основной же группировке войск пришлось совершить 500-километровый форсированный марш.

Участники этого необыкновенного похода запомнили его на всю жизнь: навстречу воинам-освободителям выходили местные жители во главе с ветеранами — участниками еще русско-турецкой войны 1877–1878 годов, по старому русскому обычаю выносили хлеб-соль. На привалах зачастую происходили стихийные митинги, посвященные болгаро-советской дружбе; один из них, особенно волнующий, состоялся у памятника героическим защитникам Шипки, мимо которого колонны войск прошли торжественным маршем.

12 сентября фашистское командование приступило к претворению в жизнь плана по захвату болгарской

столицы, начав вторжение со стороны Югославии и захватив населенный пункт Кула, что в 35 километрах юго-западнее Видина.

Но поздно! Территория Болгарии для Гитлера была потеряна навсегда.

Если что-то и омрачило в тот день радостное настроение Толбухина, так это довольно резкая телеграмма от Верховного главнокомандующего. Он требовал от военных наконец-то «изучить порядок обращения при контактах с представителями других государств» из-за того, что десантники 3-го Украинского фронта успели перехватить в Софии поезд с сотрудниками германского посольства, собравшимися бежать в Грецию. И все бы ничего, но под горячую руку «крылатой пехоты» попались два дипломата нейтральной Швеции, оказавшиеся в том же поезде. Чуть было не вышел международный скандал, и Сталин лично запретил проводить в Болгарии аресты без разрешения Ставки.

Федор Иванович затянулся папиросой. Курил он много — на день еле-еле двух пачек хватало, и это, пожалуй, было единственным, что выдавало нервное напряжение внешне всегда невозмутимо спокойного человека. Сталин, конечно, прав. Здесь, на Балканах, приходится не только воевать, но и делать большую политику. Так что дипломатом следует быть не только ему, командующему фронтом, но и каждому солдату, сержанту, офицеру, генералу...

Впрочем, если телеграмма и омрачила настроение, то ненадолго, ибо в этот же день генерал армии Толбухин узнал о присвоении ему высокого воинского звания Маршала Советского Союза. Так были отмечены его заслуги в умелом проведении Яско-Кишиневской операции, разгроме фашистских войск в Румынии и освобождении Болгарии.

Тогда же в Москву прибыл командующий Народно-освободительной армией Югославии Иосип Броз Тито. Результатом его переговоров стало политическое решение о вступлении советских войск в Югославию, и маршал Толбухин получил задачу на проведение Белградской наступательной операции.

План был разработан в кратчайшие сроки и утвержден в Москве. Особенностью его было то, что под оперативным руководством советского командующего впервые оказалась коалиционная группировка войск союзных стран: СССР, Болгарии и Югославии. Деликатность вопроса объяснялась тем, что в Югославии хорошо помнили, как совсем недавно армия царской Болгарии оккупировала Южную Сербию и Македонию.

Уговаривать югославского командующего было поручено советскому маршалу Толбухину и его начальнику штаба генералу С. С. Бирюзову. Военачальники с дипломатической задачей справились, и в конце концов Тито согласился на вступление болгарских войск в Югославию.

Боевали болгары, по отзывам умудренных боевым опытом советских офицеров и генералов, великолепно. Отмечалось, что в критические моменты в их рядах не было ни паники, ни растерянности, солдаты и офицеры проявляли железную выдержку и неукротимый наступательный порыв. В течение почти двух месяцев они вели ожесточенные бои против гитлеровских войск в Македонии и Южной Сербии, нанесли врагу тяжелый урон в сражениях у Страцина, Куманова, Струмицы, Ниша, Подуева и одержали победу на священном для славян Косовом поле. Численность трех болгарских армий, вошедших под оперативное руководство маршала Толбухина, достигала 290 тысяч человек. Теперь его группировка в три раза превосходила расположенные в Югославии силы фашистов. Поэтому гитлеровское командование о реванше в Болгарии уже не помышляло, а сосредоточило внимание на обороне горных перевалов. Ведь там превосходство в живой силе и технике играло менее значительную роль.

Обороняться в горах немецкие генералы умели — недаром темпы наступления англо-американских войск в Италии иначе, как черепашьими, назвать было трудно. Кроме того, многоопытный противник пассивной обороной не ограничивался и постоянно наносил дерзкие контрудары с целью сорвать подготовку советских войск к наступлению. И все же операция началась строго по плану, 28 сентября.

Всего лишь за 12 дней войска 3-го Украинского фронта в тесном взаимодействии с народно-освободительной армией Югославии и болгарской армией прошли с боями в горах более 130 километров, а к 14 октября советские танки с югославской пехотой на борту были уже на подступах к Белграду. Противник оказался застигнутым врасплох, ибо таких темпов наступления не ожидал, и начал поспешно стягивать к югославской столице войска с других участков фронта. Но советская разведка своевременно обнаружила движение внушительных колонн, маршал Толбухин разгадал замысел врага, и группировка, насчитывавшая более 20 тысяч солдат и офицеров, к 19 октября перестала существовать.

Тогда же начался и штурм самого Белграда. Он был исключительно упорным, так как советское командование, стремясь избежать разрушений, отказалось от использования тяжелой артиллерии.

Другой мерой, предусмотренной маршалом Толбухиным для сохранения столицы дружественного государства, было создание многочисленных отрядов разминирования, предотвративших подрыв различных сооружений противником. Достаточно сказать, что общий вес мин, снятых ими в Белграде, достигал 29 тонн!

К исходу 20 октября пала крепость Калемегдан — последний оплот сопротивления гитлеровцев в Белграде. В жестоких уличных боях противник потерял здесь более 15 тысяч убитыми и 9 тысяч пленными.

Успешное завершение операции вызвало активизацию действий Народно-освободительной армии Албании, чьи дивизии вскоре приняли деятельное участие в разгроме фашистских войск, и очередную глубокую озабоченность сэра Уинстона Черчилля. Ведь еще немного — и войска маршала Толбухина окажутся на территории Греции, где их с радостью встретят местные коммунисты, кстати, весьма влиятельные, и тогда присутствие России на Средиземноморье станет свершившимся фактом.

Спрашивается, за что же проливали кровь под Севастополем английские парни всего лишь 80 лет тому на-

зад? Нужно во что бы то ни стало опередить русских, благо германское командование уже начало выводить оттуда войска, а значит, повторение итальянского варианта с его затяжными боями не грозит.

Первые воздушные десанты британской армии были высажены в Греции 4 октября. Не встречая сопротивления германских войск, они поспешили занять освобожденную территорию прежде, чем к ней приблизились дивизии маршала Толбухина. А советский военачальник, чьи успехи вызвали такой переполох на Даунинг-стрит, тем временем улаживал возникший между союзниками спор: Тито жаловался, что болгары оставляют все захваченное германское военное имущество себе. Черту под разногласиями был вынужден подвести сам Сталин: «Закон войны таков, что трофеи получает тот, кто их захватывает», — написал он Тито. Возможно, так и возникла одна из первых трещинок в советско-югославских отношениях.

Блестяще задуманная и мастерски осуществленная Белградская операция завершилась. Она велась на широком фронте и разобщенных направлениях, но Толбухин руководил войсками спокойно и уверенно. Необходимость подгонять подчиненных просто не возникала, ибо все было заранее точно просчитано и тщательно спланировано.

Федор Иванович вообще производил впечатление всегда спокойного и невозмутимого человека. В личном плане он давал своим поведением другим командирам пример скромности, непритязательности, терпимости и внимательного отношения к подчиненным. Люди чрезмерно горячие симпатии у него не вызывали: военачальник считал, что пламенный темперамент, не подкрепленный трезвым расчетом, может лишь подвести. Но за внешней мягкостью скрывались стальная воля, непреклонность и мужество, что ярко проявилось в самом начале следующего, 1945 года.

1 января войска 2-го и 3-го Украинских фронтов завершили окружение Будапешта, взяв крупные силы противника в кольцо. Гитлеровское командование предпринимало отчаянные попытки деблокировать окру-

женную группировку. Создал 17-кратное (!) превосходство в танках на участке прорыва, противник пытался сбросить войска 3-го Украинского фронта в Дунай, и это ему почти удалось. Оставался лишь один крохотный плацдарм южнее венгерской столицы, который артиллерия непрерывно засыпала снарядами, а пехота постоянно атаковала, не скупясь на жертвы.

Верховный главнокомандующий, внимательно следивший за ходом сражения, сам предложил маршалу Толбухину отвести войска на левый берег Дуная, но тот отказался. Более того, он разместил свой командный пункт в наиболее опасном месте так, что между ним и противником оставалась всего лишь одна батарея 45-мм пушек.

— Уходить на левый берег Дуная в такой обстановке — смерти подобно для войск фронта, — говорил он, целых полтора месяца оставаясь под пулями и снарядами, пока 13 февраля совместными усилиями войск двух фронтов Будапешт не был взят.

Масштабные операции шли не только на Восточном фронте: в это же время немецкие генералы преподнесли урок военного искусства англо-американским войскам, приближавшимся к границам рейха с запада. Мощное контрнаступление в Арденнах было подготовлено втайне и началось утром 16 декабря 1944 года. Контрудар преследовал цель нанести поражение союзникам, чтобы заставить их сесть за стол переговоров и заключить сепаратный мир.

Англо-американские войска, несмотря на подавляющее превосходство в силах и абсолютное господство в воздухе, оказались в трудном положении. Президент США Рузвельт и премьер-министр Великобритании Черчилль были вынуждены обратиться к главе советского правительства с просьбой помочь, начав наступление на Восточном фронте в январе 1945 года.

Советские войска, спасая союзников, ранее намеченных сроков приступили к ведению целого ряда операций в полосе от Балтики до Карпат, вынудив гитлеровское командование прекратить наступление в Арденнах и перебросить целый ряд соединений на восток. Вместе

с ними ушла и главная ударная сила Западного фронта — 6-я танковая армия СС, «армия-призрак», прозванная так за свою способность внезапно исчезать на одном участке и появляться на другом.

Гитлеровское командование отныне было вынуждено отказаться от активных действий на западе, чтобы сосредоточить все силы против наступающих советских войск. Особую тревогу фюрера вызывало положение в Венгрии — там находились стратегические запасы нефти, 70 тысяч тонн, без которых продолжение войны становилось просто немыслимым. Туда-то, в район озера Балатон, и направилась оснащенная новейшими типами машин 6-я танковая армия СС под командованием обергруппенфюрера И. Дитриха.

Но «армии-призраку» не повезло: разведчики 3-го Украинского фронта вовремя обнаружили противника, и маршал Толбухин сумел в короткие сроки создать мощную оборону по типу Курской дуги.

Последняя попытка фашистского командования нанести контрудар стратегического масштаба закончилась провалом. Не помогли даже танки с ночными инфракрасными прицелами, впервые в мире примененные в сражении у озера Балатон. Потеряв более 500 новейших боевых машин в яростных, но безрезультатных атаках, гитлеровские войска 15 марта прекратили натиск.

Зато уже на следующий день, 16 марта, перешли в наступление войска 3-го Украинского фронта. Дело в том, что свои танки маршал Толбухин сохранил почти полностью — атаки противника он отражал главным образом за счет умелого маневра артиллерией вдоль фронта.

Теперь стрелы на штабных картах вели к Вене, туда же, куда спешили и дивизии соседа справа — маршала Малиновского. На этот раз Верховный главнокомандующий не стал проводить разграничительную линию между фронтами, устроив тем самым между боевыми товарищами нечто вроде соревнования. А вот на применение тяжелых орудий ограничения наложены были — может быть, потому, что, как поговарива-

ли в штабе, Сталин не раз смотрел кинофильм «Венский вальс» и питал к этому городу особые чувства?

Полководцы еще раз доказали, что друг друга стоят: столица Австрии была взята совместными усилиями их войск 13 апреля. Первыми на ее центральной площади оказались воздушные десантники 3-го Украинского фронта!

Венская операция закончилась, к удовольствию Верховного главнокомандующего, настоящим венским вальсом: вечером того же дня под весенним небом его играл советский военный оркестр, и австрийские девушки кружились в танце с офицерами победоносной армии.

Четыре дня спустя в Бадене Маршал Советского Союза Толбухин встретился с 70-летним отставным австрийским генералом, горячим патриотом своей страны Теодором Кернером, долго беседовал с ним и утвердил в должности временного бургомистра Вены.

Маршал не ошибся: позже именно Кернер стал первым президентом Австрии.

Война в Европе завершилась Великой победой, и заслуги Федора Ивановича Толбухина в ее достижении были отмечены орденом того же названия, высшей военной наградой страны. А 19 июля уже он сам, одетый в парадный мундир с золотым шитьем, вручал такую же награду королю Михаю. В истории Советского Союза это был единственный случай, когда орден, предназначенный исключительно для полководцев, получал иностранный монарх, никогда лично не командовавший войсками в полевом сражении. К тому же армия Румынии три года воевала против СССР.

Что и говорить, жест советского правительства (или Сталина) хотя в те времена и не обсуждался, но понимания не встретил. Между тем, если вспомнить статус ордена, можно прийти к выводу, что формальные причины для награждения были. Ведь эта усыпанная бриллиантами звезда вручается за успешное проведение стратегической операции, результатом которой становится изменение положения на театре военных действий. И с этой точки зрения пусть не столько военная,

сколько политическая операция, начатая королем ночью 23 августа 1944 года, статусу ордена соответствовала. Кроме того, монарх проявил тогда личное мужество, решительность и смелость, а Румыния, стоявшая на грани поражения, вышла из Второй мировой войны в шеренге победителей.

Такой политик, как Сталин, не мог не оценить рискованный маневр главы небольшого государства. Кроме того, вполне возможно, что красивый, элегантный молодой человек с безупречными манерами вызывал у вождя советского народа искреннее расположение, недаром вместе с орденом Победы он получил и личный подарок от Сталина: самолет в варианте «воздушный лимузин».

И все это на фоне многолетнего изгнания, в которое скоро должен был отправиться молодой король.

«Лично к Вам я питаю чувство симпатии, но монархия как форма правления с коммунистической идеологией несовместима, и тут уж ничего не поделаешь», — возможно, именно так звучала «зашифрованная» дарами Кремля фраза...

24 июня маршал Толбухин, как в молодые годы, чеканя шаг, по брусчатке Красной площади провел торжественным маршем сводный полк 3-го Украинского фронта на Параде Победы. Он командовал Южной группой советских войск в Европе, а затем войсками столь хорошо знакомого ему Закавказского военного округа. Талантливый военачальник еще немало сделал бы для страны, но судьба отпустила ему слишком короткий срок земной жизни. Подорванное войной здоровье начало сдавать.

Свой 55-й день рождения маршал встретил на госпитальной кровати. Боевые друзья приезжали к нему, желали скорейшего выздоровления, но полководец, прошедший сквозь огонь через пол-Европы, ничего не мог поделать с атаковавшими его тяжелыми болезнями. Маршал Василевский, навещавший его в те последние дни, вспоминал, что всего лишь за несколько минут до кончины Федор Иванович уверял, что завтра снова выйдет на службу.

Он ушел из жизни 17 октября 1949 года, первым из полководцев Великой победы. Урну с прахом военачальника захоронили в Кремлевской стене. В годы войны Москва 36 раз салютовала его войскам. 37-й салют стал салютом прощания. Свою последнюю награду — Золотую Звезду Героя Советского Союза — Федор Иванович Толбухин получил в 1965 году. Посмертно.

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский

Ночь скрывала черный автомобиль, остановившийся в глухом лесном проселке. Лишь слабый свет подфарников сопровождавшей полуторки позволял видеть, как люди в серых гимнастерках потащили из машины высокого мужчину в изодранной военной форме.

— К сосне!

— Прочь, я сам! — передернул узник плечами, становясь к шершавому стволу.

Звякая оружием, спешивалась, строилась в шеренгу расстрельная команда. Ярko вспыхнули фары, выхватив из тьмы обреченного.

— Заряжай! — Клацнули затворы. — Целься!..

Говорят, в такие моменты перед мысленным взором проносится вся твоя жизнь. Если так, то человек у сосны должен был увидеть своих родителей, поляка Ксаверия Рокоссовского и русскую Антонину Овсянникову; утопающий в зелени город Великие Луки, где 9 декабря 1896 года он, Константин, появился на свет; шумную красавицу Варшаву, где прошли детство и юность...

Отец, машинист паровоза, слишком рано ушел из жизни — мальчику было всего 9 лет. Вскоре следом ушла и мать. На смену детским забавам пришел тяжелый труд.

Работа каменотеса сделала плечи Константина крепкими, наполнила руки силой. Свободное время он посвящал самообразованию. Благодаря незаурядным способностям ум развивался в гармонии с крепнущим те-

лом и теми душевными качествами, основу которым успели заложить родители.

В 1914 году грянула Первая мировая война, и Константин добровольно ступил на ратную стезю.

— Сколько лет? — спросил командир драгунского полка.

— Двадцать, — слукавил доброволец.

Офицер не поверил, но отказывать не стал: опыт подсказал, что высокий статный доброволец будет отличным воином. Правда, полковой писарь, оформляя документы на молодого драгуна, переименовал его отчество.

Константин Константинович Рокоссовский — так теперь звучало полное имя. Враги России будут произносить его со страхом, друзья — с восхищением, а благодарные россияне — с любовью.

Прошло всего лишь несколько дней, и грудь новичка украсила первая награда за молодецкую разведку в тылу врага. А дальше пошла череда непрерывных боев. К 1917 году унтер-офицер Рокоссовский стал обладателем уже трех Георгиевских крестов, конем и шашкой владел, как немногие, хорошо изучил основы военного дела и вполне мог командовать эскадроном — в этой должности он начал службу в Красной армии.

В декабре 1919 года Рокоссовский во время боя на реке Ишим атаковал и захватил батарею противника.

— Разворачивай орудия! Огонь! — приказал всадник на горячем коне поднявшим руки артиллеристам. Те, словно замороженные, немедленно подчинились и открыли огонь по своим.

Три дня спустя Константин Рокоссовский встретился в бою с командиром колчаковской дивизии генералом Воскресенским. Выстрел генеральского револьвера грянул в упор, и, хотя шашка в умелой руке оказалась вернее пули, избежать ранения не удалось. Орден Красного Знамени, госпитальная койка, затем командование полком и Высшие кавалерийские курсы усовершенствования командного состава, где К. К. Рокоссовский учился вместе с Г. Е. Жуковым, А. И. Еременко, И. Х. Баграмяном.

Эlegantный, корректный Константин Рокоссовский вызывал особую симпатию. Стройная осанка, красивая

внешность, отзывчивый характер и спортивная закалка притягивали к нему сердца товарищей. Его ценили и как тонкого знатока тактики, и опытного конника, и прекрасного фехтовальщика.

После учебы последовало назначение в Забайкалье, бои на КВЖД, третий орден Красного Знамени. Вышестоящие командиры отмечали его незаурядные способности, умение легко ориентироваться в сложной обстановке, упорство, трудолюбие и при этом личную скромность, а также всякое отсутствие карьеристских целей. Потому-то и осваивал он каждую командную должность крепко и основательно, а, приняв 5-й кавалерийский корпус, ни о чем другом, кроме как о подготовке недавно сформированных дивизий, просто думать не мог.

Арест в августе 1937 года был внезапным, обвинение — нелепым. В камере комкора мучили холодом, голодом, жаждой, избивали, требуя сознаться в связях с польской и японской разведками, оговорить товарищей. Но Константин Рокоссовский не назвал ни одного имени, ни один человек не был арестован по его делу.

Более того, возвращаясь в камеру после допросов, он призывал других заключенных ни в коем случае не оговаривать ни себя, ни других. Уж если придется умереть, то с чистой совестью.

И вот — слепящий свет в глаза, клацанье затворов.

— Огонь! — скомандовал узник.

Сухо щелкнули курки.

— В машину его! — распорядился кто-то недовольным голосом.

И снова холод, голод, жажда, побои, еще один фальшрасстрел в ночном лесу. Но сломить волю Рокоссовского так и не удалось.

Стойкость была вознаграждена: в 1940 году двери тюрьмы распахнулись. Помог С. К. Тимошенко. Он стал народным комиссаром обороны и смело ходатайствовал за незаконно осужденных командиров.

Месяц отдыха в Сочи, и уже не узнать в подтянутом, по-прежнему красивом генерал-майоре недавнего узника петербургских Крестов. Он снова в строю, только за спиной уже не конные, а танковые колонны 9-го меха-

низированного корпуса. Так Рокоссовский встретил гитлеровскую агрессию на земле Украины.

В первых же сражениях ярко проявился талант полководца. Несмотря на полное господство вражеской авиации в воздухе, корпус под его командованием сумел в битвах на Луцком и Новоград-Волынский направлениях нанести ощутимые потери 1-й танковой группе генерала фон Клейста и задержать ее продвижение, что позволило советскому командованию выиграть драгоценное время.

Успех командира был отмечен переводом на Западный фронт, где Рокоссовский, буквально стоя на дороге, собрал беспорядочно отходившие части, сформировал из них оперативную группу и организовал оборону восточнее Ярцево. В конце июля его группа удачным контрударом обеспечила выход из окружения 20-й и 16-й армий. Командующим последней и был назначен генерал-майор Рокоссовский.

Военачальник действовал умело и хладнокровно. Ситуаций, способных заставить его потерять душевное равновесие и рассудительность, просто не существовало. В самых трудных условиях он был выдержан, приветлив, тактичен, всем видом своим внушая подчиненным: в конечном итоге враг будет разбит, победа будет за нами! Но преимущество гитлеровцев в количестве и качестве войск было слишком велико. Соединения Рокоссовского, сдерживая противника упорными боями, медленно отходили к Москве, пока не остановили его на Крюковском рубеже.

Враг стоял у стен столицы, но полководец был уверен в будущем: «Воюя под Москвой, надо думать о Берлине. Советские войска обязательно будут в Берлине. Подмосковье, 19 октября 1941 года. К. Рокоссовский» — расписался он на карте посетившего его корреспондента.

Не прошло и двух месяцев, как надежды военачальника стали сбываться: войска Западного фронта, в состав которого входила 16-я армия, перешли в контрнаступление. А в конце января 1942 года поступил неожиданный приказ: срочно выехать в 11-ю армию, что в 500 киломе-

трах южнее, возглавить ее и выбить противника из города Сухиничи, удерживанию которого сам Гитлер придавал особое значение.

Прибытие Рокоссовского в штаб 11-й армии не стало секретом для фашистского командования. Оно... отвело войска без боя. Столь известным и грозным стало к тому времени имя советского полководца.

Успех был омрачен шальным снарядом, разорвавшимся прямо на командном пункте. Тяжелораненого командарма отвезли в московский госпиталь. В мае Константин Константинович, не дождавшись окончательного выздоровления, поспешил к войскам, а в июле, сдав 16-ю армию генералу И. Х. Баграмяну, возглавил войска Брянского фронта. Впрочем, ненадолго.

— Надо спасать Сталинград, — сказал Верховный главнокомандующий, принимая Рокоссовского в своем кабинете два месяца спустя.

И тот вылетел туда, где решалась судьба страны. Тактичный стиль работы нового командующего Сталинградским фронтом разительно отличался от методов работы его предшественника, генерала Гордова, это было сразу же отмечено подчиненными — так же как и быстрое улучшение обстановки. Полководец еще раз доказал: для того чтобы побеждать, нужно думать, а не кричать. И когда возник вопрос, кому поручить единое руководство по разгрому 360-тысячной окруженной группировки фашистских войск, выбор Сталина был однозначен: Рокоссовский.

Задача была непростой, ибо численность противника в «котле» оказалась втрое большей, чем считала разведка. Лишь в авиации и артиллерии советские войска имели некоторое преимущество, что же касается танков и живой силы, то здесь окруженные превосходили окруживших.

Разработанный Рокоссовским план «Кольцо» Ставка утвердила почти без поправок. 10 января 1943 года его армии вслед за огневым валом, впервые примененным в этой войне, перешли в наступление, рассекая окруженную группировку на отдельные части. Гитлеровцы упорно сопротивлялись, отвергая все условия капитуляции.

Упрямство обошлось дорого. Когда неизбежное свершилось и генерал-фельдмаршал фон Паулюс, вопреки воле Гитлера, все же принял решение о сдаче, оказалось, что подавляющее большинство из 90 тысяч пленных больны тяжелыми простудными заболеваниями, стремительно прогрессировавшими в последние дни января. По приказу командующего была развернута дополнительная сеть госпиталей, для работы в которых широко привлекался и немецкий медицинский персонал, а снабжение лекарствами и продовольствием осуществлялось по нормам, принятым в советских лечебных учреждениях. Но спасти удалось далеко не всех: ведь тогда и обычный пенициллин был редкостью.

В те дни генерал-полковник Рокоссовский получал множество благодарственных писем и телеграмм, на которые, как бы ни был занят, старался отвечать сам — привычка поступать иначе не позволяла. Но одну бумагу он разорвал со словами: «Рад стараться, гражданин начальник!» Это было поздравление от... начальника той самой тюрьмы, в которой Рокоссовский провел три мучительных года.

Стволы орудий еще не остыли от победных залпов, как последовал очередной вызов в Москву. Решением Ставки Константин Константинович был назначен командующим вновь созданным Центральным фронтом, которому наряду с Воронежским отводилась решающая роль в предстоящей битве у Курска.

Взгляды генерал-полковника Рокоссовского на предстоящую операцию совпали с мнением маршала Жукова и легли в основу утвержденного Верховным главнокомандующим плана.

В 2 часа 20 минут 5 июля 1943 года командующий Центральным фронтом обрушил на врага всю мощь своей артиллерии. Точный расчет оправдался: в самом начале Курской битвы фашистским войскам был нанесен существенный урон, последовавшие в ответ удары фельдмаршала фон Клюге пришлось именно туда, где советский полководец придал обороне особую прочность. За целую неделю упорных боев гитлеровская военная машина с огромным напряжением проползла всего лишь 10–12 ки-

лометров, безнадежно застревая в советских траншеях. Зато начавшееся 15 июля контрнаступление войск Центрального фронта было стремительным.

Константин Константинович доверял штабу, но, как прирожденный аналитик, любил и сам поработать с измерителем и карандашом над картой, решая сложные логические задачи, проверяя внезапные догадки точным расчетом. Найденные решения казались необычными, порой слишком дерзкими, на самом же деле они имели глубокое теоретическое обоснование. Так было, например, при подготовке знаменитой Белорусской наступательной операции, вошедшей в историю под названием «Багратион». Нанести сразу два главных удара? Это противоречит всем канонам военного искусства.

— Пройдите в соседнюю комнату и хорошо обдумайте ваше предложение, — сказал не согласный с замыслом Рокоссовского Верховный главнокомандующий.

Через полчаса последовал вызов.

— Ну как, товарищ Рокоссовский, подумали?

— Подумал, товарищ Сталин. Остаюсь при своем мнении.

— Идите, еще подумайте.

В кабинете присутствовал Г. К. Жуков, но он, как и Верховный, предпочитал нанести один главный удар. Рассчитывать на его поддержку не приходилось.

— Ну, теперь как, товарищ Рокоссовский? Вы убедились, что мы правы?

— Никак нет, товарищ Сталин, прав я.

В глазах Верховного главнокомандующего вспыхнули огоньки. Он приблизился к Рокоссовскому, положил руку ему на плечо, пощупал погон генерала армии.

— Так вы не отказываетесь от своего решения?

— Никак нет.

Какое-то время они смотрели друг на друга, словно продолжая спор, затем Сталин убрал руку.

— Хорошо. Пусть будет так, как решил командующий фронтом.

— Смотри, Костя, не промахнись, — чуть позже, с глазу на глаз, напутствовал товарища Жуков.

Промаха не было. Весь мир увидел блестяще осуще-

ствленный прорыв, сокрушительный разгром вражеской группы «Центр» и небывало стремительное продвижение в глубину на целых 600 километров!

— Молодец! — оценил полководца Верховный главнокомандующий. — Человек дела и чести. Настоял и добился своего!

С тех пор Сталин взял за правило обращаться к военачальнику по имени-отчеству, чего прежде удостоивался только маршал Б. М. Шапошников. А при встрече с Рокоссовским, вспомнив былое, Сталин сказал:

— Мне стыдно смотреть вам в глаза...

Не верится, но так было.

В самый разгар Белорусской операции, 29 июня 1944 года, Рокоссовский стал Маршалом Советского Союза.

Впереди — земля Польши, родные места, которые Константин Константинович покинул 17-летним юношей. Как давно это было и как недавно!

Освободить Варшаву с ходу не удалось: 28 июля 1944 года исчерпавшие наступательный потенциал советские части были остановлены контрударом 7 дивизий противника, в том числе самых сильных танковых — «Герман Геринг», «Мертвая голова», «Викинг». В этих условиях по инициативе польского эмигрантского правительства в Лондоне началось восстание в Варшаве.

Более неудачный момент для вооруженного выступления выбрать было трудно, да и фашистские войска давно ожидали подобный поворот событий и успели подготовиться к нему должным образом. Еще полтора месяца назад их предупредил об этом не кто иной, как сам военный руководитель восстания генерал Бур-Комаровский. Он вступил в переговоры с офицером немецкой службы безопасности Паулем Фухсом, предложив германскому командованию вывести войска из города, чтобы эмигрантское правительство установило в нем власть до подхода советской армии.

Противник в ответ предпринял свои меры, а потому успех восставших был кратковременным. Вскоре с неба на них обрушились бомбы, а поднаторевшая в уличных боях немецкая пехота принялась занимать квартал за кварталом.

Мог ли командующий 1-м Белорусским фронтом спокойно смотреть, как фашисты ровняют с землей город его юности?

Стремление маршала спасти Варшаву совпало с чувствами Верховного главнокомандующего. Казалось, во все не в интересах советского лидера было делать подарки эмигрантскому правительству Польши. Но тем не менее он немедленно связался с Рокоссовским, предложил оказать всяческую помощь восставшим, а также изучить возможность проведения активной операции.

Наступать с форсированием широкой водной преграды, в то время как в поредевших ротах, отражающих атаки противника на исходном берегу, насчитывается всего по 20–30 человек? Для этого нужны военный генерал-полковник, доблесть и ратное мастерство его воинов, а также надежное взаимодействие с восставшими.

Командующий принял дерзкое, но, как всегда, обоснованное решение. В отваге солдат и офицеров Войска Польского, которые должны были первыми войти в Варшаву, сомневаться не приходилось. А вот сотрудничество с руководством повстанцев оставляло желать лучшего. Вернее, его и вовсе не было.

Генерал Бур-Комаровский сначала высокомерно отказался принимать советских офицеров связи, с огромным риском пробравшихся в очаг восстания: дескать, их звания для переговоров недостаточно высоки. В то же время он с отчаянием взывал к англо-американскому командованию с просьбами поскорее высадить десант и организовать снабжение повстанцев по воздуху.

Десанта генерал так и не дождался, а грузы с тяжелых транспортных самолетов союзников чаще всего попадали в руки гитлеровцев. Гораздо эффективнее оказались советские По-2, совершившие по приказу маршала Рокоссовского 5 тысяч (!) вылетов с оружием, боеприпасами и продовольствием для повстанцев.

14 сентября после тяжелых боев правобережное предместье Варшавы — Прага — было наконец очищено от фашистов. С волнением ступил маршал Рокоссовский на улицы родного города, пытаясь узнать с детства знакомые места. Измученные кошмаром оккупации

жители радостно встречали советских воинов и с восторгом, словно мифического героя, приветствовали своего земляка-освободителя.

Тем временем ухудшение обстановки заставило Бур-Комаровского пойти на сотрудничество и указать занятые его отрядами участки на противоположном берегу Вислы. Там и было намечено форсирование. Но когда части Войска Польского на автомобилях-амфибиях, лодках и плотках двинулись через реку, их встретил шквальный огонь: Бур-Комаровский изменил решение и отвел свои формирования, не предупредив о том советское командование.

Сколько соотечественников обрек он вероломным приказом на гибель?

Храбрым воинам все же удалось достичь берега и закрепиться на плацдармах, но руководитель повстанцев даже не удосужился установить с ними связь.

Противник блокировал участки форсирования, непрерывно обстреливал переправленные части, постоянно контратаковал, пытаясь сбросить их в реку. Тогда Константин Константинович принял иное решение, предусматривающее освобождение Варшавы двумя глубокими ударами в обход города. Ставка утвердила план, но самого Рокоссовского направила командовать соседним, 2-м Белорусским фронтом. Маршал не мог скрыть огорчения, но динамичная обстановка на новом операционном направлении времени для личных переживаний не оставляла.

20 января 1945 года войска 2-го Белорусского фронта, прорвав оборону противника от Ломжи до устья реки Нарев, вышли к Висле. Но тут приказ Ставки об окружении совместно с правым соседом, 3-м Белорусским фронтом, восточнопрусской группировки противника заставил резко изменить направление главного удара. Операция была подготовлена в кратчайшие сроки, и уже 26 января войска Рокоссовского, взломав две линии мощных оборонительных сооружений, вышли к заливу Фришес-Хафф, отрезав фашистской группировке пути отхода на запад. Одновременно армии левого крыла фронта форсировали Вислу и вступили в Восточную

Померанию, где 30 дивизий противника по приказу фюрера готовились нанести удар во фланг успешно наступавшим войскам маршала Жукова.

Последние надежды Гитлера не оправдались. К исходу марта восточнопомеранская группировка была разбита. Теперь войска Рокоссовского переключились на участие в Берлинской операции. Задача непосредственного участия в штурме столицы рейха не стояла, но военачальник понимал, сколь велика роль его армий. Ведь их стремительное наступление должно было обеспечить успех соседу слева — 1-му Белорусскому фронту во главе с маршалом Жуковым, которому Верховный главнокомандующий предоставил честь овладеть вражеской столицей.

«Два Днепра, а посередине Припять» — так оценивали бывалые солдаты заградительные свойства разделенных болотистой поймой рукавов Одера. Но за годы войны они хорошо усвоили науку побеждать и верили в своего полководца.

С 20 по 22 апреля 1945 года коварная река была форсирована, оборона противника прорвана, и армии 2-го Белорусского фронта уверенно двинулись к заветному рубежу — руслу Эльбы, оказав тем самым неоценимую помощь войскам маршала Жукова, атаковавшим в это время Зееловские высоты. Талант Рокоссовского здесь особенно развернулся, так как противник сражался с упорством обреченных, используя весь свой немалый военный опыт и максимально напрягая все еще внушительные силы. Многочисленные узлы обороны, продолжавшие сражаться в окружении, придавали боевым действиям вид некоего «слоеного пирога», а количество контратак, поддержанных танками и самоходными орудиями, доходило до 50 в сутки.

Напрасные усилия: за две недели главные силы фронта продвинулись на 200 километров, провели четыре сложные морские десантные операции по освобождению островов Рюген, Волин, Узедом, Борнхольм и вышли на разграничительную линию с войсками союзников.

Еще продолжались бои, а в тылу войск Рокоссовского уже задымили многочисленные полевые кухни. По-

тянулись к ним сначала оголодавшие детишки, а за ними и взрослые. Советские солдаты показывали, что лишь фашизм, но ни в коем случае не обманутый им народ Германии был их противником в этой войне...

24 мая грудь Рокоссовского украсил высший полководческий орден «Победа», а неделю спустя — вторая Золотая Звезда Героя Советского Союза.

— Вы не разучились ездить на коне? — спросил его при встрече Сталин.

— Нет, конечно.

— Вам придется командовать Парадом Победы. Принимать его будет Жуков.

— Спасибо за честь, — сдерживая волнение, ответил маршал.

День Парада Победы навсегда вошел в историю России как день величайшего военного триумфа. Застыли под сенью 360 боевых знамен сводные полки фронтов и флотов; 10 раз пробили кремлевские куранты, и на белом скакуне из ворот Спасской башни выехал маршал Жуков. Навстречу ему, прищпорив вороного коня, поскакал маршал Рокоссовский. Замерев у репродукторов, слушала вся страна цокот копыт по брусчатке, а те, кому посчастливилось в тот день быть на Красной площади, любовались двумя кавалеристами, легендарными всадниками Победы...

Война закончилась, но ратная служба продолжалась. Константин Константинович командовал Северной группой войск, дислоцированной в Польше, а затем, по просьбе правительства этой страны, возглавил ее министерство обороны. Уже после двух лет пребывания Маршала Польши и Маршала Советского Союза Рокоссовского в этой должности Войско Польское превратилось в современную армию, насыщенную бронетанковой техникой, авиацией, артиллерией, средствами противовоздушной обороны.

В 1956 году, после кончины президента Польши Болеслава Берута, маршал Рокоссовский по собственному желанию оставил высокий пост и вернулся в Советский Союз, где был назначен заместителем министра обороны, а чуть позже — командующим войсками Закавказ-

ского военного округа. Авторитет полководца был столь велик, а имя столь известно, что обострившиеся в тот период отношения с Турцией быстро смягчились.

В 1962 году Н. С. Хрущев в присущей ему бестактной форме потребовал от маршала написать статью о Сталине: «Почерней да погуще!»

Военачальник вежливо, но решительно отказался. Последовавшее затем отстранение от должности ничуть не убавило ни славы, ни любви к полководцу народа и армии.

Константин Константинович все же взялся за перо — необходимо осмыслить великие события, участником которых сделала его судьба, и передать самое главное грядущим поколениям. Он работал сам, отказавшись от услуг опытных журналистов, хотя рука, некогда твердо державшая тяжелый клинок, теперь с трудом удерживала авторучку: смертельный недуг давал о себе знать все больше и больше.

21 августа 1968 года из Воениздата пришла долгожданная весть: набор завершен, требуется лишь подпись автора и — можно в печать.

— Поезжай, Борис Николаевич, — оживился Рокоссовский, напутствуя своего адъютанта, подполковника Захатского. — Бери — и сразу сюда.

На то, чтобы перелистать будущую книгу, сил у Константина Константиновича уже не было. Но вдруг, неожиданно для приехавшего редактора, маршал зачеркнул прежнее название книги и вывел новое: «Солдатский долг».

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков

«Когда история завершит мучительный процесс оценки, когда отсеются зерна истинных достижений от плевел известности, тогда над всеми остальными военачальниками засияет имя этого сурового, решительного человека, полководца полководцев в ведении войны массовыми армиями. Он поворачивал течение битв против нацистов, против Гитлера не раз, а много раз», — так писал Гаррисон Э. Солсбери, американский историк.

Телефонная трубка легла на аппарат — и треск, отбой, разговор окончен. Верховный главнокомандующий какое-то время смотрел на черные ребрышки микрофона так мрачно, что пластмассе аппарата впору бы задымиться и расплавиться. Но умение владеть собой — первое правило вождя. Сталин взял курительную трубку, разломил, унимая недобрую дрожь в пальцах, две папиросы «Герцеговина флор», набил трубку табаком. Закурил, медленно расхаживая по кабинету и успокаиваясь.

Нагрубить самому товарищу Сталину? Дерзость неслыханная, даже у приговоренных к расстрелу на такое духа не хватало. Но, с другой стороны, если задерганный, измученный постоянным недосыпанием генерал армии Жуков осмелился на такое в ответ на бесконечные сомнения в его планах, значит, он уверен в успехе. Проиграет — будет сурово наказан за все, в том числе и за слова, сказанные сегодня, 4 декабря 1941 года. А победит, — Сталин затянулся дымом, — что ж, победителей не судят. Сейчас, когда враг у стен столицы, победа важнее личных обид...

Двумя днями позже, 6 декабря, войска Западного фронта под командованием генерала армии Георгия Константиновича Жукова перешли в наступление; противник понес серьезные потери и был отброшен на 250 километров от Москвы. В ярости Гитлер отстранил от должностей командующего сухопутными войсками фельдмаршала фон Браухича, командующего 2-й танковой армией генерала Гудериана и еще десяток военачальников рангом поменьше. Всех их отправил «в нокаут» русский военный гений, родившийся 1 декабря 1896 года в подмосковной деревне Стрелковка.

Тяжелый труд с самого детства, сначала сельский, потом в московской скорняжной мастерской закалили характер, а врожденное стремление узнать новое дало возможность получить образование в объеме городского училища. О своем даре Георгий даже не подозревал, и когда в 1915 году пришел его черед идти на фронт Первой мировой войны, то никакого энтузиазма не испытывал, но, попав в кавалерию, быстро проникся духом «романтического» рода войск, а с ним и вообще военной службы.

К августу 1916 года унтер-офицер Георгий Жуков уже прекрасно владел конем, оружием и опытом подготовки бойцов. Юго-Западный фронт, два месяца боев, два Георгиевских креста за храбрость, тяжелая контузия, госпиталь в Харькове... В 1918-м подхватили Жукова вихри гражданской войны. Много было жестоких боев, не раз пашка да револьвер спасали жизнь конника, за 5 лет прошедшего путь от рядового бойца до командира кавалерийского полка.

Начальники ценили его энергию, требовательность, целеустремленность, но сам он чувствовал: не хватает знаний. Трудно восполнить их самому, даже если на сон оставлять всего три-четыре часа, и в 1924 году Жуков поступил в ленинградскую Высшую кавалерийскую школу.

Состав учебной группы был поистине звездным: К. К. Рокоссовский, И. Х. Баграмян, А. И. Еременко. Молодые, полные энтузиазма, они жадно учились, общались к культурным сокровищам Ленинграда, за-

нимались спортом и конечно же фехтованием. В лице элегантного, быстрого Рокоссовского Жуков нашел прекрасного партнера. Несмотря на разные характеры, они прониклись глубоким взаимным уважением и дружескими чувствами, которые пронесли через всю жизнь.

В 1929 году Рокоссовский принял 7-ю кавалерийскую дивизию, где одним из полков командовал Жуков, и вскоре вновь отправил его учиться — на этот раз в Москву, на Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава. Жуков вернулся, обогащенный знанием последних достижений военной мысли, в том числе и новейшей теории «глубокой наступательной операции» В. К. Триандафиллова, горячим сторонником которой стал сразу же. Он принял бригаду и командовал ею более года, пока не получил приказ о назначении помощником инспектора кавалерии.

Страна между тем на глазах преображалась. Созданный в невиданно короткие сроки индустриальный комплекс начал обеспечивать Вооруженные силы новейшими образцами боевой техники. Менялся облик и армии, и кавалерии. Насыщенная танками, автоматическим оружием, средствами ПВО и подвижной артиллерией, она превратилась в качественно иной род войск, вполне отвечавший требованиям времени. Деятельность Жукова на новом посту была, по сути, научно-экспериментальной в русле последних требований военного дела.

Семен Михайлович Буденный, возглавлявший в ту пору инспекцию кавалерии РККА, отметил пытливость и дух новаторства, присущие его подчиненному, а потому, когда потребовался новый командир для 4-й кавалерийской дивизии, поиски нужной кандидатуры много времени не заняли. Два года спустя Буденный, проверяя дивизию, убедился в правильности своего выбора: соединение радовало боевой выучкой. А позже сам нарком обороны К. Е. Ворошилов с удовольствием наблюдал, как в четком взаимодействии всех родов войск части 4-й кавалерийской дивизии форсировали реку Березину.

Ворошилов тоже запомнил талантливое командира, и годом позже Жуков стал командиром 3-го кавале-

рийского корпуса, сменив арестованного по злому навету Рокоссовского. Потому не любил он вспоминать о нескольких месяцах, проведенных на этом посту, и с радостью воспринял приказ о переводе на другой, 6-й кавалерийский корпус, на базе которого отрабатывались крупные проблемные вопросы военного искусства, такие, как создание конно-механизированных армий. И хотя эти объединения так и не были созданы, многое из достигнутого тогда пригодилось через несколько лет.

Для того чтобы строить армию будущего, нужно было хорошо знать прошлое. Именно в этот период Жуков изучает огромное количество материала по истории войн, классические военные труды, мемуарную литературу, делает выводы о характере современной войны и операции, тут же проверяя их в ходе командно-штабных и войсковых учений. Не без сожаления расставался он с корпусом, уходя в 1938 году на должность заместителя командующего Белорусским военным округом.

Между тем портфель с доносами, собиравшимися на Жукова целых два года, был почти полон. Еще немного — и одним разоблаченным «врагом народа» будет меньше. К счастью, именно в те дни понадобился человек, способный переломить ситуацию в районе реки Халхин-Гол — там разгорался военный конфликт с Японией. Маршал Ворошилов вспомнил о Жукове.

Новый командующий, прибыв в район боев, действовал уверенно, словно привез с собой рецепт победы. Прежде всего — добиться господства в воздухе. Последняя декада июня 1939 года ознаменовалась настоящими сражениями между советской и японской авиацией, в которых иногда участвовало более 200 самолетов одновременно.

— Таких воздушных боев я даже во время Великой Отечественной войны не видел, — сказал однажды маршалу, вспоминая те дни, писатель Константин Симонов.

— Я тоже не видел, — ответил полководец.

В ночь на 3 июля японские войска скрытно переправились через реку Халхин-Гол и захватили гору Баин-Цаган с прилегающими окрестностями. Ответ был молниеносным и решительным: уже в 7 часов утра совет-

ские бомбардировщики обрабатывали позиции противника, а вскоре, проделав стремительный марш, для атаки с хода развернулась 11-я танковая бригада. Противник обладал тройным превосходством в артиллерии и 10-кратным (!) в пехоте. Но советский военачальник сделал ставку на количественно-качественное преимущество бронетанковых войск, руководимых старейшим танкистом России П. П. Полубояровым, и авиации под командованием прославленного летчика Я. В. Смушкевича.

К утру 5 июля упорное сопротивление японских войск было сломлено. Они начали поспешно отступать к переправе, но она была взорвана по распоряжению японского же командования, опасавшегося прорыва советских танков. Командующий 6-й японской армией покинул поле сражения еще накануне. Вот как описал его бегство не лишенный поэтического дара унтер-офицер Отани: «Луна освещает равнину, светло, как днем. Тихо и осторожно движется машина генерала Камацубара...»

Разгром был полным. Тысячи трупов людей и лошадей, множество раздавленных орудий, автомашин, обломки сбитых японских самолетов устилали пространство Баин-Цаганского побоища — так впоследствии называл это сражение Жуков.

Однако биться пришлось не только с противником. Заместитель наркома обороны Г. И. Кулик и командующий Дальневосточным фронтом Г. М. Штерн пытались вмешиваться в руководство войсками, но Жуков резко отверг их советы: если уж отвечать головой, так за решения, принятые самим. Риск был велик. И Штерн, и Кулик занимали более высокое положение и не простили бы дерзости. Но Георгий Константинович был уверен в победе, а победителей не судят.

Между тем противник продолжал удерживать восточный берег реки. Жуков, мастерски осуществив целый комплекс дезинформационных мероприятий, в глубокой тайне готовил наступательную операцию. Японские генералы, сами умеющие добиваться внезапности, на этот раз оказались застигнутыми врасплох.

Утром 20 августа 1939 года советская артиллерия открыла ураганный огонь, а чуть позже к позициям противника двинулась воздушная армада из 250 самолетов. Успешно начатое наступление шло точно по плану. К исходу 26 августа вся японская 6-я армия, вторгшаяся на территорию Монголии, была окружена и спустя четыре дня уничтожена.

Такого разгрома японские генералы не знали. Они были в шоке, ибо все еще жили воспоминаниями о войне 1904–1905 годов. Теперь даже самым упрямым стало ясно: с новой Россией шутки плохи. Японское правительство отложило мысль об агрессии против Советского Союза и обратило взор в сторону Тихого океана...

В начале мая 1940 года генерал армии Жуков был вызван в Москву и впервые встретился со Сталиным. Глубина суждений и осведомленность вождя произвели глубокое впечатление на военачальника.

— Если он всегда и со всеми такой, непонятно, почему ходит упорная молва о нем как о страшном человеке? — размышлял Жуков, вернувшись в гостиничный номер.

Сталин, судя по всему, встречей остался доволен, ибо вскоре генерал армии, чью грудь за победу на Халхин-Голе украсила Золотая Звезда Героя Советского Союза, был назначен командующим Киевским особым военным округом.

Впрочем, округом ли? Более важной была другая, параллельная должность командующего войсками Южного фронта, созданного в соответствии с договором с Румынией для освобождения Северной Буковины и Бессарабии.

Прежде чем исполнить условия соглашения, румынское командование вопреки договоренности распорядилось вывезти из края все, что можно. Но по приказу советского командующего две воздушно-десантные бригады высадились в тылу румынских войск и перекрыли железнодорожные пути. При этом две танковые бригады, совершив стремительный бросок, вышли в районы высадки одновременно с приземлением десанта.

Румынские войска разбежались, в панике бросая

оружие, а слухи о необыкновенных танках появились даже среди советского руководства. Сталин, узнав об этой мирной победе генерала Жукова, посмеялся и дал указание наркомату иностранных дел заявить протест румынскому правительству. А решительный командующий в январе 1941 года занял пост начальника Генерального штаба — вопреки собственному желанию, ибо склонности к штабной работе никогда не испытывал.

Тем временем Вторая мировая война разгоралась, и германская армия успела показать, на что она способна. Теперь ее дивизии концентрировались на западных границах СССР. Прекрасно вооруженные, опытные, полностью развернутые — по 16 тысяч человек в каждой. А в Советском Союзе до 1939 года во всех Вооруженных силах не было и 400 тысяч человек. Развернуть за полтора-два года массовую армию трудно, обучить и подготовить к жестоким сражениям еще труднее. Но все же удалось сделать многое. Помогало взаимопонимание с наркомом обороны маршалом С. К. Тимошенко. Ему и Жукову удалось убедить Сталина, не желавшего давать повод фашистской Германии для подозрений, временно призвать в марте полмиллиона человек — на переподготовку. Таким образом, численность приграничных дивизий удалось довести хотя бы до 8 тысяч человек в каждой. Удалось также добиться освобождения многих невинно арестованных командиров, в числе которых был и К. К. Рокоссовский, а также организовать выдвижение из глубины страны четырех резервных армий.

Работа во многом осложнялась тем, что начальник Главного разведывательного управления генерал Ф. И. Голиков, формально подчиняясь начальнику Генерального штаба, докладывал важнейшую информацию лично Сталину и лишь потом Жукову, — разумеется, вместе с не подлежащими уже пересмотру выводами. Таким образом, последовательность и логика оценки обстановки грубо нарушались, но исправить здесь что-либо было не во власти начальника Генерального штаба. И хотя игнорировать данные о военной угрозе становилось все труднее, Сталин согласился дать

директиву приграничным округам о приведении войск в боевую готовность лишь вечером 21 июня.

С началом войны генерал армии Жуков выехал в штаб Юго-Западного фронта для оказания помощи в организации контрудара силами 6 механизированных корпусов. Разгромить противника не удалось, но темпы его наступления были резко снижены, а драгоценное время выиграно. Крайне важным было также и то, что в тяжелейших условиях первых месяцев войны Ставка Верховного главнокомандования сумела сохранить управление войсками, во многом благодаря настойчивости, упорству и энергии начальника Генерального штаба.

Жуков обладал особым даром проникать в замыслы противника, сопоставлять их с возможностями собственных сил, предвидеть развитие событий, упреждать их активными действиями, что позволяло даже в обороне овладеть инициативой. Был он сполна наделен и другим важным качеством, которое великий Суворов называл «мужеством генерала». Он предложил, трезво оценив обстановку на 29 июля 1941 года, отвести войска Юго-Западного фронта на восточный берег Днестра и, как это ни тяжело, оставить Киев. Иначе катастрофа на Украине неизбежна...

Сталин отверг предложение: завтра, 30 июля, должна состояться его встреча с Гарри Гопкинсом, личным представителем президента США. Речь пойдет о военных поставках, но вряд ли согласятся американцы снабжать оружием отступающую и, по их мнению, обреченную на поражение армию. Причину отказа Сталин объяснять не стал, а лишь воскликнул с гневом:

— Что за чепуха?! Как вы могли думать сдать врагу Киев?

Жуков не сдержался:

— Если вы считаете, что начальник Генерального штаба способен только чепуху молотить, тогда ему здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт...

Так Георгий Константинович оказался во главе Резервного фронта перед ударной группировкой фельд-

маршала фон Бока, сосредоточенной для броска на Москву в районе Ельни. Обрушив на противника мощный огонь артиллерии, командующий фронтом обескровил его, затем нанес энергичные фланговые удары и заставил отступить угрозой окружения. Первая успешная наступательная операция, первая победа, первый росток уверенности в неминуемом разгроме врага.

Сталин, зная масштабы дарования полководца, направил его на самый опасный участок — в Ленинград. Положение там было критическое. Не устоит город на Неве — не устоит и Москва. Генерал армии немедленно вылетел, лишь попросив Верховного главнокомандующего запретить А. А. Жданову, первому секретарю ЛГК ВКП(б) и фактическому хозяину города, вмешиваться в оперативное руководство.

Георгий Константинович прибыл в Ленинград вечером 10 сентября, Город был окружен. Фельдмаршалу фон Леебу казалось, что стоит сделать последнее усилие — и северная столица в его руках. Но когда неделю спустя он попытался ударом 6 дивизий с юга пробить оборону Ленинграда, то встретил ураганный огонь артиллерии и сильный фланговый контрудар специально созданной группировки.

Всего лишь несколько дней понадобилось советскому полководцу, чтобы переломить ситуацию в свою пользу. Снова и снова бросались фашистские войска в атаку и, в конце концов, были вынуждены зарыться в землю.

Фельдмаршал фон Лееб лишился своего поста, а генерал Жуков 7 октября был срочно вызван Ставкой, чтобы возглавить оборону столицы. Обстановка на подступах к Москве была более чем драматическая. Группа армий «Центр», насчитывавшая почти два миллиона человек личного состава, 1700 танков, более 14 тысяч орудий, 1390 самолетов, рассекла оборону Западного, Резервного и Брянского фронтов и вышла в район Вязьмы, окружив крупную группировку советских войск. Теперь путь к столице врагу преграждали только остатки четырех армий общей численностью около 90 тысяч человек. А танки генерала Гудериана ревели моторами уже под Тулой...

Победить в этих условиях мог только военный гений, и такой гений, к счастью, у страны был. Разгадывая очередные ходы врага и работая на упреждение, генерал Жуков искусно маневрировал небольшими силами, заставляя фашистское командование принимать сражения на невыгодных для себя рубежах, и выиграл время для воссоздания Западного фронта. Он вселял веру в подчиненных, и те стояли насмерть. Отступить некуда. За ними Москва. Но остановить противника мало: его надо разгромить, отбросить от стен столицы решительным наступлением.

Фельдмаршал фон Бок уже мысленно прощался с надеждами захватить столицу России, но еще не думал о переходе к обороне; именно этот момент безошибочно выбрал советский полководец для проведения контрудара. Разгром фашистских войск под Москвой был сокрушительным.

Успех побудил Сталина перейти к всеобщему наступлению на всех фронтах. Генерал Жуков считал, что для таких действий сил еще недостаточно, и предлагал ограничиться пока лишь западным направлением, но Верховный главнокомандующий был непреклонен. Оставалось только сожалеть, что стратегический контрудар наносится растопыренными пальцами, а не сжатым кулаком, и стараться как можно лучше исполнить свой долг.

8 января 1942 года Западный фронт под командованием Жукова приступил к проведению Ржевско-Вяземской операции. Войсками группы «Центр» противника на этот раз командовал фельдмаршал фон Клюге. Он без колебаний прибегал к расстрелу за самовольное оставление позиций, но жестокие меры не помогли: к 20-му апреля враг был отброшен к западу еще на две сотни километров...

Крайне сложная задача встала перед генералом армии Жуковым также и летом 1942 года: нужно было так сковать противника активными действиями, чтобы ни одна дивизия группы «Центр» не оказалась на сталинградском направлении, где в это время развертывалась величайшая битва. Для ее решения советский ко-

мандующий избрал остроумный вариант — удар по Ржевскому выступу, которым фон Клюге особо «доружил» для возобновления наступления на Москву.

Операция была крайне напряженной. Противник, не уступавший в силах и средствах, сопротивлялся упорно и умело. Фельдмаршал фон Клюге непрерывно контратаковал, что приводило к многочисленным встречным боям, вылившимся 9 августа в крупное танковое сражение. В тот день на рубежах рек Вазуза и Гжать с обеих сторон в дыму и пламени сошлись 1500 танков!

Гитлеровское командование в этих условиях даже думать не могло об усилении своих войск под Сталинградом за счет группы «Центр». Более того, ее саму пришлось выручать, для чего с других участков фронта, в том числе и с юга, было срочно переброшено 12 дивизий.

Фельдмаршал фон Клюге тосковал об утраченных надеждах возобновить наступление на столицу России, а генерал армии Жуков, назначенный 27 августа заместителем Верховного главнокомандующего, уже вылетел в район Сталинграда, чтобы использовать там опыт Халхин-Гола, но в масштабах куда более грандиозных. Вечером 23 ноября он доложил Сталину, что кольцо вокруг сталинградской группировки противника замкнулось. Правда, увидеть капитуляцию фельдмаршала фон Паулюса Жукову не довелось, зато 18 января 1943 года, находясь в районе Рабочего поселка № 1, он видел, с какой радостью обнимались воины Ленинградского и Волховского фронтов. Блокада Ленинграда была прорвана! В тот же день Георгий Константинович узнал о присвоении ему звания Маршала Советского Союза.

Начало марта застало полководца за подготовкой к другому величайшему сражению, призванному окончательно закрепить перелом в ходе всей Второй мировой войны, — битве под Курском...

Утром 6 июля противник начал наступление ударами чудовищной силы, но именно там и тогда, где и когда ожидало их советское командование. В ходе жестокой битвы, кульминацией которой стало величайшее танковое сражение под Прохоровкой, фашистские вой-

ска навсегда утратили способность к стратегическому наступлению.

Вскоре войска на северном фланге Курской дуги сами перешли в наступление. Обрадованный успехом Верховный главнокомандующий торопил с ударом и на южном направлении, но маршал Жуков ценой немалых усилий все же убедил его не спешить, ибо сражавшиеся здесь армии были крайне утомлены и нуждались в восстановлении боеспособности. Зато наступление, начавшееся 3 августа, было поистине неодолимым и превратилось в череду стремительных операций, завершившихся освобождением Левобережной Украины и успешным форсированием Днепра...

15 ноября 1944 года маршал Жуков, незадолго до этого основательно поработав над планами завершающих операций Великой Отечественной войны, был назначен командующим войсками 1-го Белорусского фронта, которому предстояло брать Берлин. Несомненный знак признания выдающихся заслуг, высокого доверия, но и немалая ответственность — ведь к столице рейха нужно еще пробиться, преодолев практически всю территорию Польши, превращенную в сплошную эшелонированную оборону общей глубиной до 500 километров. С такой обороной прежде не сталкивались советские войска. Но даже в этих условиях темпы наступления 1-го Белорусского фронта достигали 45 километров в сутки!

Казалось, еще один бросок — и Берлин будет взят с ходу, а Вторая мировая война в Европе закончится еще до исхода февраля 1945 года. Но изменившаяся конфигурация линии фронта заставила маршала Жукова принять иное решение. Такой профессионал, как генерал Гудериан, призванный Гитлером из опалы ради спасения рейха, не упустит возможность нанести удар справа по опередившим соседа войскам 1-го Белорусского фронта. И уж он постарается, чтобы удар получился сокрушительным.

Верховный главнокомандующий тоже оценил угрозу, не поддался искушению и во избежание катастрофы не стал настаивать на продолжении наступления. Замы-

сел противника был разгадан, а действительно готовившийся контрудар сорван. Совместные усилия 2-го и 1-го Белорусских фронтов при поддержке Балтийского флота привели к уничтожению значительной части гитлеровской группы армий «Висла» и ликвидации фланговой угрозы на берлинском направлении. Теперь можно было смело идти на штурм столицы рейха.

Маршал Жуков начал атаку с Кюстринского плацдарма ночью 16 апреля после короткой, но необычайно интенсивной артиллерийской подготовки при свете 143 зенитных прожекторов.

Первая полоса обороны противника была сокрушена огнем и ударом атакующих войск, но перед второй, проходившей по Зееловским высотам, тщательно подготовленной в инженерном отношении, наступление застыло. Тогда маршал Жуков в кратчайшие сроки организовал подготовку нового прорыва. Уже 20 апреля его войска вели огонь по кварталам города, а 30-го над Рейхстагом было водружено Знамя Победы.

8 мая Маршал Советского Союза Г. К. Жуков от имени и по поручению Верховного главнокомандования в пригороде Берлина Карлсхорсте принял капитуляцию фашистской Германии.

12 июня М. И. Калинин торжественно вручил Жукову третью Золотую звезду Героя Советского Союза, а несколько дней спустя Георгий Константинович с волнением узнал, что он удостоен высшей чести для полководца — командовать Парадом Победы.

В 9 часов 57 минут 24 июня военачальник был на коне у Спасских ворот. Он всегда умел владеть собой, но сейчас его сердце учащенно билось.

Полководец отчетливо услышал команду «Парад, смирно!», поданную старым боевым товарищем, маршалом Рокоссовским, гул аплодисментов, а затем ударили куранты. Пора!..

После войны маршал Жуков возглавлял сухопутные войска Советского Союза, был ввергнут в опалу, из которой его «вытащил» Хрущев, чтобы с помощью заслуженного полководца вырвать власть из рук Л. П. Берии и удержать ее в борьбе с политическими конкурентами;

успел много сделать для укрепления обороноспособности страны на посту министра обороны СССР, в 1956 году стал четырежды Героем Советского Союза, затем был отстранен от дел...

Маршал будет вспоминать былое, доверяя мысли бумаге, но далеко не все они вследствие цензуры станут известны читателю.

В народном же сознании он, несмотря на годы и недуги, оставался легендарным богатырем, способным в трудную годину сделать невозможное и спасти Отечество. 18 июня 1974 года страна проводила маршала Жукова в последний путь. В памяти людей он навсегда остался как всадник победы на белом коне.

Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов

Неокрепшие после тяжелого ранения ноги подкашивались, и пленник с трудом волочил их, опираясь на костыли. Колонна изможденных людей под мелким, секущим снегом тянулась к низкому мрачному строению. Сейчас их разденут, потом загонят в сырое помещение, где сверху хлынет холодная вода — на всех сразу. Ледяные струи внезапно сменятся нестерпимо горячими, после чего несчастных снова выгонят на мороз и заставят ждать, пока их жалкие, кишасщие паразитами лохмотья будут обработаны в специальных жаровых камерах.

Те, кто останутся в живых после пытки, называемой «помывка в бане», отправятся в промерзший барак. А мертвые тела сложат в жуткий штабель возле морга...

Николай рос неуклюжим, застенчивым мальчиком в стенах ветхого деревянного дома на окраине Петербурга, где родился 5 мая 1899 года. Отец, конторский служащий Николай Терентьевич Воронов, лишился работы из-за политических убеждений, и нужда крепко сдвинула семью жестокими руками. Зимой в доме было так холодно, что вода замерзала, а спать приходилось в одежде. В ноябре 1907 года, не выдержав лишения, ушла из жизни мать.

Положение немного улучшилось, когда отец нашел работу на станции Удельная. Николай даже стал готовиться к учебе в гимназии, но туда его, как сына «неблагонадежного», не взяли. Пришлось держать экзамены в реальное училище. Зато там в отличие от гимназии основное внимание уделялось не языкам древних греков

и римлян, а точным наукам, к которым мальчик питал определенную склонность.

Учился он настойчиво, отказывая себе в развлечениях, разве что летом в деревне позволял себе охоту и рыбалку, но главной страстью стало чтение. Читал все подряд, в том числе и грошовые детективы. Они-то и послужили причиной серьезного разговора с отцом, после которого сведущий в социологических учениях Николай Терентьевич начал сам подбирать для сына книги. Были среди них и повествования о русских полководцах, о подвигах солдат и матросов.

Юноша читал их с интересом, но о военной службе не задумывался. Он мечтал поступить в Московскую Петровско-Разумовскую академию и стать агрономом, но в 1914 году началась Первая мировая война. Росли цены, заработка отца для оплаты учебы уже не хватало, так что Николай со слезами на глазах был вынужден оставить училище. Но на следующий день он вновь пришел к его дверям, переписал у товарищей домашнее задание и стал тщательно готовить уроки. Решение сдать экзамены экстерном и получить заветный аттестат зрелости было твердым.

Вскоре он получил работу помощника частного присяжного поверенного и поступил на общеобразовательные курсы. Война между тем разгоралась, втягивая в свой водоворот все больше людей. Осенью 1916 года отца призвали в армию, и заботы о семье полностью легли на юношеские плечи. Жить становилось труднее и труднее, но учебу Николай не бросал.

Безрадостные вести, приходившие с фронта, усиливали ощущение грядущих перемен и великих событий. 2 февраля 1917 года Николай услышал на улицах стрельбу, увидел толпы возбужденных людей. В столицу пришла революция.

Митинги, бушующие страсти, представители различных партий, до хрипоты отстаивающие свои взгляды, потеря скудного заработка и... жестокая простуда. Воспаление легких, болезнь по тем временам весьма опасная, надолго приковала к постели. Хорошо, что отец, прибывший в качестве делегата полкового коми-

тета, был рядом. Справился с недугом Николай лишь после октября.

Страна жила при другой власти, другой жизнью. Куда теперь? В один из отрядов Красной гвардии, которую начало создавать новое правительство?

— Сначала поучись военному делу. — Отец дал газету с объявлением об открытии в Петрограде командных артиллерийских курсов.

Рекомендации знакомых отца, членов РСДРП(б), помогли, и уже на следующий день Николай примерял форму — новую, добротную, недаром курсантов звали в городе «красными юнкерами». И робкий мальчик, и угловатый юноша остались где-то там, за тяжелой дубовой дверью училища, а в старинном зеркале отражался рослый молодец в ладной длинной шинели.

Боевое крещение ждать себя не заставило. Июньским днем 1918 года курсант Воронов в составе отряда из 50 добровольцев штурмовал здание Пажеского корпуса, где засели мятежные левые эсеры. Удачный обход и атака без выстрелов, с криком «ура». «Красные юнкера» прикладами выбили двери, ворвались внутрь. Противник бежал. Победа!

Осенью того же года на Марсовом поле состоялся парад в честь первого выпуска всех военных курсов Петрограда. Потом были праздничный вечер и назначение в запасной мотирный дивизион, готовивший батареи для фронтов Гражданской войны.

«Ну вот и красный офицерик к нам пожаловал», — процедил командир дивизиона полковник царской армии Дроздов. Взгляд, которым он смерил отлично экипированного — обмундирование шили по индивидуальной мерке — выпускника, чью фуражку вместо кокарды украшала красная звезда, не сулил ничего хорошего. Зато командир батареи, тоже офицер царской армии, Августин Георгиевич Шабловский стал для молодого артиллериста и учителем, и другом. Культурный, вежливый, отзывчивый, он старался передать подчиненным свой богатый фронтовой опыт, сыграв немалую роль в формировании того стиля руководства, что впоследствии отличал Николая Воронова.

На фронт уходили торжественно: заполненные людьми улицы, музыка оркестров, выступления артистов, сияющие иллюминацией корабли на Неве. Батарея прибыла в район Пскова, заняла огневую позицию у деревни Красная Репка и вскоре вступила в поединок с бронепоездом белых. Грохотали выстрелы орудий, сверкало пламя разрывов, шелестели снаряды, свистели осколки. Красным артиллеристам удалось разрушить путь отхода бронепоезда и даже повредить паровоз, но белые сумели восстановить железнодорожное полотно, присоединить локомотив и уехать. Боевая ничья.

Артиллеристы поняли, что воевать как следует еще не умеют, но Шабловский был хорошим наставником. Под его руководством командир взвода Воронов малопомалу овладевал искусством самостоятельно управлять стрельбами.

Наступление, оборона, маневры, тяжелые бои, неожиданности, присущие каждой войне, а уж Гражданской особенно. Измена высокопоставленных начальников, шпионаж, предательство тех, кто еще вчера сражался рядом с тобой. Так, 13 мая 1919 года эстонская бригада Ритта во главе с командиром перешла на сторону противника и открыла войскам генерала Юденича дорогу на Петроград. Ложные приказы, переданные с целью заманить в ловушку, и скрытая мобилизация, проведенная белыми... в тылу красных. Все это учило бдительности, требовало постоянно быть начеку.

Но уверенность и оптимизм не покидали молодого командира. Опасность лишь приятно щекотала нервы, а фронтовые дни были полны романтики. Как непохожа эта жизнь на ту, прежнюю!

Части Юденича достигли Пулковских высот? Тем хуже для них. На огневой позиции артиллеристы заводили граммофон — подарок за меткую стрельбу, — ставили пластинку с арией Мефистофеля в исполнении Ф. И. Шаляпина и с первыми звуками могучего голоса открывали огонь. 21 октября 1919 года Красная армия перешла в наступление, 14 ноября пал Ямбург — последний оплот Юденича, 2 февраля 1920 года в Юрьеве был подписан мирный договор с поддерживавшей его

Эстляндией — Эстонией, и батарею перевели в Подберезье, близ Пскова.

Время было занято боевой подготовкой, но, если выдавались свободные часы, Николай Воронов отправлялся в псковский театр. Там-то и довелось ему в последний раз увидеть знаменитого русского певца Ф. И. Шаляпина.

Мирная передышка оказалась недолгой. Польша, еще вчера жившая под демократическими лозунгами, еще вчера получившая независимость в результате революционных событий в России, Австро-Венгрии и Германии, встала на путь национализма и, стремясь утвердить границы «от можа до можа»⁴, захватила часть Литвы, Белоруссии и Украины вместе с Киевом. Троекратное предложение советского правительства об урегулировании спорных вопросов было отвергнуто. Оставалось ответить на удар ударом.

В апреле 1920 года батарея, которой вместо ушедшего на повышение А. Г. Шабловского теперь командовал Н. Н. Михельсон, прибыла на Березину. Марш был тяжелым. Орудия увязали в песке так, что их приходилось разбирать и, пользуясь поддержкой местных жителей, транспортировать по частям.

Черета оборонительных боев с частой сменой огневых позиций на широком фронте шла параллельно с подготовкой к наступлению. Переправа через Березину на поплавах конструкции русского инженера Полянского началась скрытно, вслед за передовыми подразделениями пехоты. Вскоре на противоположном берегу разгорелся бой. Артиллеристы достигли суши, заняли огневую позицию, открыли огонь...

Удар войск советского Западного фронта застал противника врасплох. Самоуверенность, царившая в его рядах, довольно скоро сменилась паникой. Передовые отряды пехоты шли вперед, зачастую обгоняя отступавшие польские части. С одним из них действовала и батарея, которой вместо заболевшего Михельсона командовал Николай Воронов.

11 июня пришла весть об освобождении Минска, а передовой отряд вышел на шоссе на Бобруйск и, сам того не ведая, отрезал пути отхода 14-й Великопольской

дивизии. Некоторое время спустя из Бобруйска выдвинулась пехота с артиллерией. Завязался бой, в ходе которого превосходящим силам противника удалось потеснить красноармейцев на... один километр. Там передовой отряд и стоял до подхода главных сил.

Наступление продолжалось. Его успешное развитие породило у молодого командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевского уверенность в том, что польская армия полностью утратила боеспособность. А если так, то зачем делить лавры покорителя Варшавы еще с кем-либо? Он решил отказаться от первоначального замысла наступления на столицу Польши силами двух фронтов, Западного и Юго-Западного, и 19 июля рекомендовал главнокомандующему С. С. Каменеву: «Обдумать удар Конармии⁵ в юго-западном направлении, чтобы пройти укрепления в районе, слабо занятом противником, и выиграть фланг поляков».

Грозный председатель революционного Военного совета Л. Д. Троцкий поддержал своего любимца. Ведь участие Юго-Западного фронта в деле столь высокой исторической важности, как овладение Варшавой, непременно вызовет дальнейший рост авторитета и члена его Военного совета, И. В. Сталина, чье влияние в партии и без того увеличивается быстрыми темпами...

С приближением к этнической границе сопротивление польских войск становилось все более активным. Так, их оборона на реке Ясельда была прорвана лишь после 5 дней упорных боев, в ходе которых батарея Николая Воронова показала себя с лучшей стороны, а сам он получил в награду верхового коня.

2 августа был взят Брест-Литовск, но попытка форсировать Южный Буг с ходу не удалась. Тылы к этому времени изрядно отстали, а нужда в пополнениях и боеприпасах обострилась предельно. Наступление возобновилось только 9 августа, после нескольких дней подготовки. Николай Воронов под сильным огнем выдвинулся к наблюдательному пункту, лично установил связь с огневой позицией — телефонист получил ранение, — а затем, выполнив задачи огневой подготовки, наблюдал, как шли к реке цепи красноармейцев. Воз-

главляли атаку опытные, прошедшие пламя Первой мировой и вихри гражданской войн командиры; в правой руке револьвер, в левой — остро заточенная малая пехотная лопата.

Форсирование прошло успешно, но днем позже последовал сильный контрудар противника. В горячем бою батарея Николая Воронова потеряла три орудия. Полки заметно поредели и все же... двинулись вперед! М. Н. Тухачевский спешил увенчать себя лаврами красного полководца. В. И. Ленин торопил его, постоянно требуя в телеграммах, чтобы Западный фронт «усилил свой нажим, хотя бы на несколько дней», чтобы «налег из всех сил».

Дело в том, что в это время в Москве проходил III конгресс Коминтерна, и вождь пролетарской революции очень хотел, чтобы эффектное взятие Варшавы состоялось не позднее 17 августа — дня его завершения. Овладение Варшавой означало бы крушение того барьера, который мировой империализм избрал, «чтобы отделить пролетариат Германии от нас». Прорыв этого рубежа означал бы полную победу мировой революции, ибо «Советская Германия, объединенная с Советской Россией, оказалась бы сразу сильнее всех капиталистических стран, вместе взятых».

Л. Д. Троцкий также требовал от своего протеже безостановочного наступления. Ведь вслед за германским пролетариатом красные знамена поднимут наследники парижских коммунаров, вспыхнут восстания в странах бывшей Австро-Венгерской империи, и мировая революция станет реальностью!

Казалось, желанная цель близка и дерзновенные замыслы вот-вот осуществляются, ибо после боев у Западного Буга наступление превратилось в преследование. 12 августа был взят Ново-Минск, и — вот он, восточный оборонительный рубеж Варшавы!

Полагая, что противник полностью утратил боеспособность, а польские рабочие в самое ближайшее время восстанут против своих угнетателей, М. Н. Тухачевский принялся обходить город с северо-запада, еще более растягивая и без того истончившийся фронт своих

армий. Но, как признал он в дальнейшем, «польские рабочие оказались отравлены ядом национализма», да и войска противника значительно отличались от белогвардейских формирований, с которыми привык иметь дело молодой военачальник. Польша, получив независимость, стала обладательницей весьма опытной армии, чей основной состав прошел закалку боями Первой мировой войны под знаменами России, Германии, Австро-Венгрии, а многие старшие и высшие офицеры могли похвастаться и глубокими военными знаниями, полученными в академиях тех же стран. Разумеется, грубые «школьные» ошибки красного командования секретом для них не стали.

Сильный контрудар по ослабленному левому флангу обходящей группировки красных последовал 17 августа, по иронии судьбы именно в день завершения работы III конгресса Коминтерна. Парировать его было нечем, ибо молодой командующий Западным фронтом представление о резервах частных и общих имел весьма смутное. Ничем не могли помочь и соседи: 1-я Конная армия, втянутая в бои за Львов, получила приказ Л. Д. Троцкого о переносе усилий только 21 августа, когда катастрофа Западного фронта уже два дня как стала свершившимся фактом. Да и сам приказ был довольно странным: одновременно с переносом усилий на варшавское направление он требовал... овладеть и Львовом!

Узнав о поражении, М. Н. Тухачевский заперся в штабном вагоне, переживая крушение надежд, а его оставшиеся без управления войска были частью интернированы в Восточной Пруссии, частью, и немалой, пленены, частью ушли на Восток с тяжелыми боями...

Скорее всего о хитросплетениях политики и стратегии, амбиций и некомпетентности Николай Воронов тогда не подозревал. Он лежал в железном бараке, таком холодном, что среди раненых случались обморожения, смотрел, как на пароконные повозки грузят трупы, вспоминал отход и напряженные арьергардные бои.

Полк таял на глазах. Вот осталось 400 бойцов, вот

всего 200... В последнем бою у Юзефовки часть была разбита окончательно.

Когда закончились снаряды, Николай Воронов приказал разобрать орудия и спрятать замки. Вскоре он, тяжело раненый, попал в плен. Ходить не мог, поэтому даже на допрос его тащили под руки. На большинство вопросов пленный командир категорически отказался отвечать, а потому был оставлен без медицинской помощи.

Началась гангрена. Тут бы и конец, но один из польских офицеров приказал здесь же, в лагере, сделать Воронову операцию. Произошло чудо, и ноги удалось спасти. Впрочем, надолго ли? Ведь ухода за ранеными практически никакого нет, а повязки меняют, лишь когда под ними заводятся черви.

Дело кончилось бы плохо, но помог товарищ по несчастью, фельдшер Орлов. Он воровал лекарства и тайком лечил ими раненого — ведь пленным медикаменты не полагались.

Весну Николай Воронов встретил в землянке для выздоравливающих, а в апреле его вместе с другими в санитарном поезде отправили на станцию Негорелое. Там их встретили одетые в отлично сшитую форму и державшиеся с большим достоинством красные командиры. Вернуться смогли далеко не все: 60 тысяч человек не увидели свободы, погибнув в лагерях.

Пленных поздравляли с возвращением, обнимали, пожимали руки. Две недели в госпитале, и окрепший командир обрадовал своим появлением начальника артиллерии 16-й армии. Оказывается, Николай Воронов числился павшим в бою. А вскоре молодой командир уже читал журнал «Армия и революция», где рассказывалось о том, как он остался в городе Юзефовка, чтобы испортить свои орудия, и героически погиб, отстреливаясь картечью от наседавших врагов. Что ж, все правильно, за исключением одной детали. К счастью...

Осенью 1922 года батарея Воронова была направлена в Смоленск, в состав особого опытного учебного отряда. Он участвовал в отработке новых форм организации, способов тактических действий, правил стрельбы и обслуживания занятий Высшей артиллерийской школы

командного состава. Здесь Николай Николаевич встретил сильных, хорошо подготовленных преподавателей и многое у них почерпнул.

Год спустя, завершив командировку, он вернулся в свою дивизию и тут — о, радость! — получил предложение держать экзамены в ту самую школу, чьи занятия обслуживал. Правда, радость была омрачена «двойкой» по топографии — не все экзаменаторы любят, когда абитуриенты вступают с ними в спор. Но поскольку руководство школы не забыло его заслуг в деле обеспечения учебного процесса, молодой командир был все же принят.

Науки постигал увлеченно, до поздней ночи засиживаясь над книгами, чертежами и топографическими картами. Пополнив багаж профессиональных знаний, Воронов принял должность заместителя, а потом и командира артиллерийского дивизиона в том же соединении, в котором служил и раньше.

Вскоре дивизион, ставший учебным, то есть предназначенным готовить кадры специалистов для всей дивизии, был признан лучшим в полку. Московская комиссия во главе с инспектором артиллерии Красной армии, проверявшая часть, высоко оценила и дивизион, и его командира, втайне мечтавшего об академии. Конечно, Высшая артиллерийская школа помогла подняться на следующую профессиональную ступень, но академия... вот где можно получить подлинно фундаментальные знания!

Набравшись смелости, Воронов подал рапорт, но получил отказ.

— Ты хороший командир, — сказал герой гражданской войны С. С. Вострецов, возглавлявший в ту пору дивизию, — но инженер из тебя не получится.

Год спустя — повторная попытка, а тот же результат. Но тем же летом Воронов отличился на маневрах, командуя полком вместо заболевшего командира. А в ответ на вопрос Вострецова: «Чем тебя наградить?» — вновь повторил свою просьбу. Только на этот раз речь шла об академии РККА. Свою роль тут сыграли и предыдущие попытки, и знакомство с одним из выпу-

скинников этого учебного заведения, обладавшим широким кругозором и глубокими знаниями.

— Ну что ж, — вздохнул Вострецов. — Иди, учись. Против этой академии не возражаю...

В августе 1927 года мечта сбылась. Лекции А. А. Свечина, Н. Е. Варфоломеева, А. И. Верховенского все слушали, затаив дыхание. Потом, далеко за полночь, в общежитии на улице Горького, Николай Воронов обсуждал проблемные вопросы военного дела со своим товарищем, таким же энтузиастом, Александром Новиковым.

Степан Сергеевич Вострецов за учебой бывшего подчиненного следил, бывая в Москве, навещал и в беседах советовал артиллерийскую специальность не забывать. Слушатель академии совету следовал, тем более что занятия по артиллерии вели такие светила, как Е. К. Смысловский, Н. Л. Владиславский, В. К. Токарев.

Развлечения, включая охоту и рыбалку, были заброшены, поэтому фотоработы Николая Воронова, запечатлевшие ночную Москву, на академической выставке 1929 года многих удивили. Художественное мастерство автора было оценено призом в виде прекрасного фотоаппарата. Открывался ларчик просто: командир упорно овладевал искусством фотографии, чтобы внедрить ее в боевую работу артиллерии...

В то время на фоне бурного развития авиации и моторизации сухопутных войск в ряде стран возникло мнение, что роль артиллерии в маневренной войне будущего снижается, мол, она отживает свой век. В Советском Союзе это мнение упало на благодатную почву теории «классовой войны», согласно которой стремительное движение Красной армии должно закреплять результаты пролетарских восстаний в тылу противника, и приобрело особую силу. Ведь громоздкие пушки и гаубицы в этом случае будут только мешать!

Николай Воронов подобные рассуждения решительно отвергал. Более того, они вызывали у него сильный внутренний протест, поэтому он твердо решил вернуться в свой прежний род войск.

В артиллерийском полку Московской пролетарской дивизии нового командира встретили настороженно, но вскоре убедились в его профессиональных знаниях и способностях. Полк, по сути, являлся экспериментальной базой для инспектората артиллерии и Главного артиллерийского управления, где проводились опытные тактические учения и боевые стрельбы, проверялось качество новых орудий и приборов. Задач было много, но все они, к приятному удивлению высокого артиллерийского начальства, успешно решались выпускником общевойсковой академии...

Однажды, августовским воскресным днем 1932 года, офицеры полка вместе с семьями выехали на отдых на берег реки. Их ожидали купание, игры, танцы и вкусный обед. Появление вестового на взмыленном коне было неожиданным, предписание немедленно явиться в Главный штаб Красной армии — тем более. И уж совсем неожиданной оказалась полученная там задача — отправиться в составе военной миссии на большие маневры в Италию.

Приказ есть приказ. Николай Николаевич сменил форму на гражданский костюм, который по прибытии в жаркую страну пришлось дополнить неизменной шляпой. Дело в том, что, следуя советской моде тех лет, многие мужчины брили головы — это было признаком солидности и основательности. В Италии же бритая голова была верным «признаком» больных и заключенных. Вот и пришлось на маневрах в Перудже не расставаться с широкополым головным убором.

Хозяева всячески подчеркивали хорошие отношения с Советским Союзом перед англичанами, французами и американцами. Искусство стрельбы и техническое оснащение итальянской артиллерии особого впечатления не производили, зато на порядок организации боя, благодаря которому командир дивизии за 40–50 минут успевал принять решение, а штаб — оформить его боевым приказом и отправить в части боевые распоряжения, Николай Николаевич обратил самое пристальное внимание.

Вернувшись на Родину, он, в свою очередь, получил приказ о проведении показательных учений с боевой стрель-

бой для итальянских генералов и офицеров. Один из них, генерал Росси, наблюдая работу советских артиллеристов, заметил, что попасть под столь меткий и губительный огонь лично ему не хотелось бы...

В начале 1934 года подполковник Воронов принял должность начальника артиллерии дивизии, но пробыл на ней недолго, ибо уже в апреле был назначен начальником 1-й Ленинградской артиллерийской школы, той самой, что заканчивал и сам. Считая главным содержанием своей работы учебный процесс и не ограничиваясь общим руководством, он лично проводил занятия с курсантами, подавая пример методического мастерства. Свидетельством правильности такого подхода стал орден Красного Знамени, полученный за успехи в подготовке молодых командиров.

Затем была еще одна заграничная командировка, опять в Италию, на маневры, похожие на большой, пышный спектакль. Запомнилось разве что уважительное отношение иностранных гостей к главе советской делегации командарму 2-го ранга Оке Ивановичу Городовикову, старшему среди приглашенных. Никто не приступал к обеду раньше, чем Ока Иванович садился за стол.

В Испании между тем начиналась гражданская война. Мятежники, опираясь на помощь фашистских режимов Германии и Италии, пытались свергнуть правительство Народного фронта, которому, в свою очередь, оказывал помощь Советский Союз. Вскоре в гущу событий оказался и полковник Воронов — отправился туда добровольно, потратив немало сил и времени, прежде чем получил согласие начальства.

Самолетом до Парижа, оттуда поездом до Барселоны и после беседы с советским консулом Антоновым-Овсеенко еще раз самолетом, над территорией, занятой мятежниками, до Мадрида.

Советский военный атташе Горин направил Воронова к начальнику артиллерии республики подполковнику Фуэнтосу, поиски которого оказались делом весьма непростым. Наконец усилия увенчались успехом, и главный артиллерист был обнаружен... у себя на квар-

тире. Там он занимался перепиской с военным министерством, департаментами и штабами, в чем, собственно, и заключалось его руководство правительственной артиллерией.

Обстановку высокопоставленный офицер знал весьма приблизительно, представление о положении дел в подведомственных частях имел самое смутное, но тем не менее заявил, что в помощниках-иностранцах не нуждается. Потребовалось официально объявить решение военного министерства Испании, прежде чем «полковник Вольтер» — таков был псевдоним Воронова — смог приступить к работе.

Знакомство с состоянием республиканской артиллерии восторга не вызвало. Орудия времен Первой мировой войны и старше, зенитных и противотанковых пушек нет вовсе, наиболее опытные кадры в большинстве своем перешли на сторону мятежников. Но разве может удивить это человека с опытом Гражданской войны за плечами?

Нужно получить максимальный результат, умело используя то, что есть, и одновременно делать все для того, чтобы республиканская артиллерия действительно стала грозной силой.

Вскоре «полковник Вольтер» понял, что здесь военному следует быть готовым ко всяким сюрпризам. Главное — не уподобиться учителю географии из книги Ильфа и Петрова, который сошел с ума, не обнаружив на карте Берингова пролива.

Например, боевой приказ о контрнаступлении республиканской армии... был зачитан по радио накануне операции. Но еще более удивительным оказалось то, что этот удар стал для противника неожиданностью.

Свой командный пункт Николай Николаевич оборудовал на 16-м этаже здания «Телефоника централь». Вскоре там был размещен и центр управления противовоздушной обороны. Пусть рядом с башней со свистом проносятся снаряды, зато с нее хорошо просматриваются и подступы к Мадриду, и воздушное пространство над ними!

Управление огнем осуществлялось по обычному телефону — каждая батарея имела свой номер, словно го-

родская квартира. Ежедневно с 14.00 до 16.00 в боевых действиях наступал перерыв, связанный с неизменным для испанцев послеобеденным отдыхом — сиестой.

Приложил «полковник Вольтер» усилия и к решению кадровой проблемы — в Лорке была создана артиллерийская школа, куда он старался направлять молодых преподавателей физики и математики. Появились советские зенитные и противотанковые пушки. Огонь республиканской артиллерии становился все более эффективным, и потери противника возрастали. Вместе с этим среди защитников республики рос и авторитет «полковника Вольтера». В Испании Николай Николаевич познакомился с венгерским писателем Мате Залкой, воевавшим под псевдонимом «генерал Лукач», с лидерами испанских коммунистов Хосе Диасом и легендарной Долорес Ибаррури. На память от встречи с ней остался подарок — многоцветная авторучка в металлическом корпусе, вещь по тем временам довольно редкая.

Новый, 1937 год полковник Воронов встретил в Седрильясе, за ужином вместе с другим военным советником, В. Я. Колпакчи. Вскоре прилетела по телефонным проводам радостная весть о награждении обоих орденами Ленина.

К исходу февраля после боев на реке Харраме линия фронта стабилизировалась. В это время Италия и Германия уже перешли к открытой помощи мятежникам. В районе Гвадалахары, северо-западнее Мадрида, развернулся итальянский армейский корпус. 60 тысяч солдат и офицеров, две с половиной сотни орудий, полторы сотни танков и бронев автомобилей, свыше 100 боевых самолетов...

Вовремя подошедшие дивизии Листеры, Модесто и Нанетти встретили удар противника жесткой обороной. Получив достойный отпор, командир корпуса генерал Манчини 12 марта отдал приказ прекратить наступление, а неделю спустя контрудар нанесла уже республиканская армия. Противник бежал. С ходу удалось взять Бриуэгу, захватить много трофеев.

Но интенсивная помощь фашистских государств позволила противнику преодолеть последствия пораже-

ния и в конце апреля перейти в наступление. Почти тут же последовали мятеж в Барселоне и отставка главы правительства Ларго Кабальеро, которого сменил Хуан Негрин.

«Полковник Вольтер» готовил республиканскую артиллерию к новым боям, но в июне получил указание вернуться в Москву. Прощаясь, он объехал огневые позиции и учебные заведения, посетил башню «Телефоника», услышал неожиданное признание Фуэнтоса. Тот сказал, что не представляет, как теперь будет работать.

В Москве полковник Воронов сразу получил от К. Е. Ворошилова задание подготовить выводы по боевым действиям в Испании. Вечером того же дня, захватив исписанный блокнот, он вместе с одетыми в гражданские костюмы Я. В. Смушкевичем, И. И. Копцом и Д. Г. Павловым был на приеме в Кремле.

После доклада последовали многочисленные вопросы. Наконец Ворошилов предложил поблагодарить вернувшихся интернационалистов, а остальное перенести «на завтра».

— Зачем же откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? — возразил Сталин. — У нас ведь все уже решено. Нужно сейчас и объявить.

Так Николай Николаевич узнал, что вместе с другими получил очередное воинское звание «через ступень», стал комкором и назначен на должность заместителя начальника артиллерии РККА.

— А теперь в отпуск, — сказал Сталин после того, как растерянные герои боев в Испании приняли поздравления членов политбюро. — Отправляйтесь на юг. Потом с новыми силами приступите к работе.

Силы действительно требовались, ибо работы было много. Вооружение советской артиллерии большей частью с трудом могло соответствовать современным требованиям. М. Н. Тухачевский, горячий сторонник теории «классовой войны», полагал, что классические гаубицы и пушки отжили свой век. А поскольку он в качестве заместителя наркома обороны ведал вооружением Красной армии, то разработка новых артсистем с 1932-го по 1936 год практически не финансировалась. Почти все

средства шли на создание динамо-реактивных, или безоткатных орудий⁶, которые, впрочем, были весьма далеки от конструктивного совершенства.

Не жаловал Николай Николаевич также и минометы, считая их неким артиллерийским суррогатом. Разработка этого нового вида оружия велась практически в инициативном порядке.

Не было новых орудий, не было и механической тяги — старые обходились конной. Для того чтобы соответствовать требованиям времени, артиллерии были как воздух нужны тягачи.

Не теряя времени, комкор Воронов приступил к составлению комплексного плана широкого развития артиллерии всех систем и калибров. Особое внимание он обратил на противотанковые орудия. Необходимо было поднять на новую ступень и подготовку кадров, для чего следовало организовать проведение специальных сборов командного состава с целью изучения новой техники и выработки единых взглядов на способы ее применения.

Вскоре развернулась интенсивная работа по созданию новых образцов вооружения. Требования к ним и теоретические вопросы рассматривались на пленумах артиллерийского комитета ГАУ (Главного артиллерийского управления) с участием конструкторов, ученых, представителей наркоматов.

Результатом напряженной деятельности стала стройная, научно обоснованная план-схема вооружения пехоты, бронетанковых войск, ПВО, начиная от пистолета и кончая орудиями особой мощности. Теперь ее следовало неуклонно претворять в жизнь, а для этого одной лишь готовности проводить дни и ночи на опытных стрельбах было мало. У промышленности свои, не всегда совпадающие с требованиями армии интересы, и отстаивать их она умеет.

Комиссия под председательством комкора Воронова провела испытания 76,2-мм пушки Ф-22 и пришла к выводу, что без усовершенствования на вооружение она принята быть не может. На совещании в Кремле нарком оборонной промышленности принял защи-

щать свое детище. Представители производства его поддержали, в то время как военные молчали. Николай Николаевич понял, что остался в одиночестве. Дело принимало крутой оборот.

— Производство пушек — не производство мыла, — вдруг раздался голос Сталина. — Нужно прислушаться к критике и устранить у пушки все обнаруженные недостатки, чтобы она стала боеспособной.

Комкор Воронов облегченно вздохнул...

Застой в развитии артиллерии преодолевался. Как правило, одновременно испытывались несколько систем, и работа комиссии шла непрерывно. Пробеги, стрельбы на кучность боя, по подвижным целям, проверка скорострельности... Тактико-технические данные орудий росли на глазах, хуже было с повышением подвижности артиллерии в целом. Нужно было огромное количество тягачей.

Николай Николаевич предложил построить два завода на Урале — они вполне могли быть готовы уже к исходу 1939 года. Но Г. И. Кулик и Д. Г. Павлов, возглавлявшие соответственно Главные артиллерийское и автобронетанковое управления, выступили «единым фронтом», заверяя, что смогут удовлетворить стремительно возраставшие потребности армии; увы, обещания остались пустым звуком, ибо танковые заводы были перегружены плановыми заданиями. Воронов впоследствии очень сожалел, что не смог отстоять тогда свою идею.

Не удалось также оснастить ПВО мощной 100-мм зенитной пушкой. Она получилась на 500 кг тяжелее утвержденного правительством проекта — нужно было срочно искать выход из ситуации. Николай Николаевич обратил внимание на мощный лафет 76-мм зенитного орудия. Возникла мысль, нельзя ли увеличить калибр. Посоветовался со специалистами — оказалось, можно! Так появилась 85-мм зенитная пушка, ставшая почти на 10 лет наиболее могущественным огневым средством советской ПВО.

Повышению эффективности работы в немалой степени способствовал перевод Артиллерийской академии

имени Дзержинского из Ленинграда в Москву, ближе к центрам военного управления, которые получили возможность опираться на ее мощный интеллектуальный потенциал.

Масштабная работа велась в строгом секрете. Под покровом тайны создавались принципиально новые образцы боевой техники, такие, как реактивные системы залпового огня. Но самая совершенная техника — всего лишь груда металла, если нет хорошо подготовленных специалистов.

Комкор Воронов добился переаттестации десятков тысяч офицеров-артиллеристов запаса, а в разгар репрессий, в декабре 1937 года, написал ходатайство Ворошилову о возвращении на службу уволенных из армии командиров, ручаясь за них головой. И это в то время, когда борьба с вредителями уже приняла характер абсурдный и фантазмагорический!

Например, поступил сигнал: «штыки у пехотных винтовок гнутся, они явно вредительские и для боя не годятся». Как оказалось, оружейному технику действительно удалось погнуть штык, зажав его в тиски и навалившись на винтовку всем телом, после чего он поднял разоблачительный шум. Тем не менее по сигналу пришлось организовать комиссию, которая, впрочем, признала, что штыки вполне отвечают своему назначению.

В ходе напряженной практической деятельности Николай Николаевич не забывал и о теории, об интеллектуальном фундаменте артиллерии. Исполняя его поручение, целый авторский коллектив во главе со старейшим военным преподавателем А. Д. Блиновым трудился над учебником «Артиллерия», включавшим, по замыслу создателей, 10–12 томов. Комкор Воронов предложил начать работу со сводного тома, содержащего все основные сведения о предмете, чтобы при ускоренной подготовке офицеров обеспечить полное прохождение курса. К лету 1941 года учебник был готов и сыграл большую роль в подготовке кадров.

Пламя военного инцидента полыхнуло в июле 1938 года у озера Хасан. Комкор Воронов, к этому времени

уже начальник артиллерии РККА, немедленно вылетел к месту событий. Удача сопутствовать советским войскам отказывалась, — по крайней мере, на первых порах. Мобилизационная готовность оказалась не на высоте, индивидуальная выучка бойцов и слаженность штабов тоже, поэтому действия войск четкостью и координацией усилий не отличались.

— Противник стрельбой из отдельных орудий ввел наших командиров в заблуждение, — жаловался командующий Дальневосточным фронтом В. К. Блюхер. — Они думали, у него орудий гораздо больше, чем на самом деле.

В ответ Воронов взял со стола новый Боевой устав артиллерии и прочел статью о действиях кочующих орудий. Блюхер удивился — оказывается, разгадка хитрости противника все это время лежала у него перед глазами, — и признался, что устава не читал. Но если сам командующий не заботится о пополнении багажа своих знаний, то чего можно ждать от его подчиненных?

На машинах и поездах, на лошадях и пешком, на полуглиссере и лодках по таежным рекам добирался комкор Воронов до самых отдаленных дальневосточных гарнизонов, проверял боевую подготовку артиллеристов и на месте устранял недостатки. А они подчас были таковы, что даже выдавшего виды военного специалиста заставляли просто диву даваться. Например, в одной из стрелковых дивизий артиллеристы проводили учебные стрельбы... прямо из своего лагеря, от передней линии, лишь немного выдвинув наблюдательный пункт в сторону полигона.

Работа на месте нужна, ведь одномоментными мерами упрощенчество не одолеешь. Вернувшись в Москву, Николай Николаевич развернул серьезную, упорную, а главное, постоянную деятельность по повышению уровня боевой подготовки артиллеристов. Очередная проверка суровой реальностью наступила через год, в июне 1939-го, когда японские войска совершили агрессию против Монголии на реке Халхин-Гол.

Воронов вылетел в район событий в составе рабочей группы начальника артиллерийского управления

РККА Г. И. Кулика. Вылет задержался почти на час, так как рослому Воронову никак не могли подогнать парашют. Лямки сдались только после того, как он согнулся в три погибели; в таком виде и забрался в самолет. Пилот сразу порекомендовал пассажирам сбросить громоздкие ранцы, объяснив, что дверь в случае чего на лету все равно не откроешь.

Пролетев над страной, самолет прибыл в Монголию и долго «кружил над аэродромом, пока летчики на мотоциклах прогоняли с взлетно-посадочной полосы верблюдов. Труды авиаторов увенчались успехом, и «корабли пустыни» с видом оскорбленного достоинства не спеша удалились, самолет приземлился, и колонна автомашин, на ночь глядя, отправилась в Хамар-Даба, на командный пункт комкора Жукова.

Ориентирование в степи — вообще дело непростое, а в кромешной тьме тем более. Г. И. Кулик имел возможность убедиться в этом на личном опыте, сбившись с пути и выведя колонну к озеру Буин-Нур, где она была остановлена пограничниками.

Комкор Воронов ехал в последней машине. На роковой развилке он, почувствовав недоброе, выбрал из двух дорог ту, вдоль которой стояли телеграфные столбы, и... выехал точно к командному пункту советских войск. Расположенный на господствующей высоте, он позволял просматривать боевые порядки как свои, так и противника. Невольно вспомнились Мадрид, «Телефоника централь». Командный пункт артиллерии развернули там же.

На следующий день Николай Николаевич поехал на Баин-Цаган, где недавно состоялась успешная контра-така советских войск. Поле было усыпано разбитой техникой и обломками вооружения противника, среди которых темнели корпуса советских броневедомостей, сожженных бутылками с горючей смесью.

Конфликт на Халхин-Голе еще раз показал, что милиционная система комплектования, позволявшая обходиться небольшими вооруженными силами, сконцентрировав средства на решении хозяйственных задач, уже не может обеспечить безопасность страны. Пора бы-

ло переходить к массовой армии и всеобщей воинской обязанности.

Наблюдения за ходом событий эти выводы подтверждали. Так, однажды вновь прибывший стрелковый полк был ночью отправлен на противоположный берег реки Халхин-Гол, где советские войска удерживали занятый плацдарм. Утром из-за плохой маскировки противник обнаружил его и обстрелял. В слабо слаженных подразделениях вспыхнула паника. Противник, судя по всему, такого не ожидал, но, оценив обстановку, подготовился и перешел в наступление.

Комкор Воронов срочно выдвинул на угрожаемое направление четыре артиллерийские батареи, встретив атакующего противника точным огнем, затем свежие стрелковые батальоны восстановили положение. Дрогнувший полк был выведен в резерв и после проведенной воспитательной работы сражался без замечаний. Но Кулик оказался под столь сильным впечатлением от происшедшего, что предложил вывести войска с плацдарма.

Г. К. Жуков сначала пытался убедить его в ошибочности подобного шага, потом и вовсе отказался отдавать приказ об отходе. Об этом стало известно в Москве, и вскоре последовало указание: войска не отводить, а Кулику срочно вернуться в столицу. Когда его самолет взмыл в воздух, все вздохнули с облегчением...

Противник готовился к наступлению, пытаясь при помощи макетов боевой техники ввести советское командование в заблуждение относительно своих намерений. Тем временем комкор Воронов опробовал в боевых условиях новые 122-мм пушки. Прекрасные орудия: с 20 километров точными попаданиями они накрыли японские штабные палатки. Вообще-то пушки были приняты на вооружение еще в 1931 году, но из-за препятствий, чинимых бывшим заместителем наркома обороны по вооружению М. Н. Тухачевским, начали поступать в войска лишь недавно.

23 июня в 8.00 противник начал огневую подготовку. Грохотали разрывы снарядов, в воздухе ревели моторы и трещали пулеметы — там шли ожесточенные бои. Спустя час японская пехота сосредоточилась

в траншеях для атаки, но почти не пострадавшая советская артиллерия накрыла ее точным огнем. Атака была сорвана.

Противник провел огневую подготовку и вновь попытался атаковать, но результат остался тот же. Как оказалось, в тот день японским командованием были приглашены иностранные генералы, чтобы полюбоваться удачным наступлением, и журналисты — чтобы поведать всему свету об успехах японского оружия. Ожидания не оправдались, приглашенные стали свидетелями бесславного поражения агрессора.

Тем временем советское командование в глубокой тайне разрабатывало план собственного наступления. Трудился над ним, в числе строго ограниченного круга лиц, и комкор Воронов. По ночам со стороны переднего края доносился грохот: это три танка БТ-7 с ослабленными гусеницами бродили вдоль фронта, усыпляя бдительность противника. Сначала эти «прогулки» вызывали немалую тревогу японцев, но затем они привыкли, перестали волноваться и упустили момент, когда советские танки заняли исходные позиции для наступления.

На рассвете 20 августа — дата была выбрана неслучайно, ибо накануне, в субботу, японские офицеры отравились отдыхать в глубокий тыл, — 153 советских бомбардировщика «поплыли» к позициям противника. Земля содрогнулась от разрывов тяжелых авиабомб, затем громыхнули орудия. Артиллерийская подготовка длилась почти три часа, а за 15 минут до начала атаки авиация нанесла повторный удар по переднему краю, огневым позициям артиллерии и ближайшим резервам противника.

Затем вперед двинулись танки. Японцы фанатично сопротивлялись, предпочитая самоубийство плену. И все же 23 августа советские танковые «клещи» сомкнулись в тылу противника, а 31-го ликвидация окруженной группировки была полностью завершена. Победа!

Николай Воронов вернулся в Москву с убеждением, что развитие советской артиллерии идет по верному пути. Обдумывал прошлое, делал выводы на будущее, но в столице пробыл недолго. Советская армия начала

поход в Западную Украину и Белоруссию. Важность этого политико-стратегического шага знатоки военного дела хорошо понимали. Туда и был направлен Комкор Воронов.

Запомнились праздничные, радостные встречи хлебом-солью и подлинное народное ликование на улицах городов днем, выстрелы и взрывы ночью. Орудовали переодетые враги. Но решительные коменданты, такие, как генерал И. В. Болдин, быстро наводили порядок во вверенных им населенных пунктах.

Однажды ночью, когда Николай Николаевич ехал в Минск, чтобы с узла связи доложить обстановку наркомату обороны, в его «эмку» врезалась встречная машина. Комкор Воронов получил тяжелые травмы. От гибели его спасла авторучка — подарок Долорес Ибаррури. Толстый золотистый корпус был раздавлен, сплюснен в лист, но не позволил куску искореженного металла проникнуть в область сердца.

Срочная эвакуация в Москву. Центральный военный клинический госпиталь, затем месяц отпуска. В ноябре, по поручению Ворошилова, последовал немедленный выезд в Ленинград. На границе с Финляндией назревала военная гроза.

— Вовремя приехали! — бросил начальник Главного политического управления Л. З. Мехлис. — Знаете о тревожной обстановке? Подумайте, сколько снарядов нужно для проведения боевых операций на Карельском перешейке и севернее Ладожского озера? Какая нужна артиллерия для усиления? На что можно рассчитывать?

— По-моему, все зависит от обстановки. Собираемся обороняться или наступать? — вопросом на вопрос ответил Николай Николаевич. — Какими силами и на каких направлениях? А сколько времени отводится на операцию?

— Десять-двенадцать суток.

— Буду рад, если удастся все решить за два-три месяца, — уверенно объявил свое мнение Воронов.

В ответ раздались язвительные смешки Мехлиса. Присутствовавший при разговоре Кулик приказал рас-

считать потребность в боеприпасах на операцию продолжительностью в 12 суток.

Вообще же спорить с Мехлисом было опасно: он мог внезапно схватиться за пистолет и выстрелить. Николай Николаевич услышал об этом еще на Дальнем Востоке, но не поверил. Теперь, на финской войне, убедился: да, так и есть...

Действительность внесла суровые коррективы в прогнозы оптимистов. В указанный срок удалось лишь преодолеть укрепленное предполье и выйти к первой полосе линии Маннергейма. Войска готовились к штурму, одновременно оборудуя для размещения землянки и блиндажи в мерзлом грунте. Ошибки в сроках завершения операции автоматически обернулись неготовностью к суровой зиме. Недочеты, и прежде всего те, что были связаны с обмундированием, приходилось устранять на ходу. В решение вопроса внес свою лепту и комкор Воронов: после его выступления на одном из совещаний в Кремле Сталин снял телефонную трубку и заказал секретарю Новосибирского обкома 200 тысяч шапок-ушанок.

«Молниеносная война» в духе стратегии «классовых битв» не сработала, и теперь свое слово должна была сказать артиллерия. Разведка тщательно изучала линию Маннергейма, выявляя подлинные фортификационные сооружения и ложные — например, валуны с умело нарисованными амбразами. Кропотливо готовились не только топографические, но и геодезические данные для стрельбы, определялись наилучшие углы встречи снаряда с железобетоном фортификационных сооружений, и уже исходя от них рассчитывались дальность стрельбы и номер заряда, избиралась установка взрывателя. Работать приходилось, ни на минуту не забывая о бдительности: снайперы-«кукушки» и рейдовые отряды с автоматами «суоми» расслабиться не давали.

Комкор Воронов настойчиво искал и тут же вводил новое — так, командиры батарей учились корректировать огонь своих орудий из танков; это пригодится в наступлении. Не обходилось в инновационном процессе и без курьезов.

Однажды позвонили из Смольного, сообщив, что некий инженер имеет серьезное предложение по специальности комкора Воронова, попросили его принять. На следующий день Николай Николаевич встретил изобретателя в своей землянке. Тот тщательно закрыл дверь, убедился, что в помещении больше никого нет, и сообщил, что прибыл сюда по вопросу большой государственной важности.

Получив обещание сохранить беседу в строжайшей тайне, гость на всякий случай еще раз оглянулся, а затем, приглушив голос, поведал, что, как стало ему известно, наша артиллерия не может разрушить финские оборонительные сооружения, так как снаряды от них отскакивают. А все потому, что доты противника, по его мнению, покрыты толстым слоем резины. Но его изобретение поможет справиться с этой трудной задачей — не без гордости заверил автор и развернул эскизные наброски своего изобретения.

Это был обычный снаряд, головную часть которого венчало нечто похожее на... солидный штопор!

Николай Николаевич выслушал внимательно, хотя для того, чтобы сохранить серьезный вид и сдержанность, требовалось немало усилий. А потом прочел автору краткую лекцию по внутренней и внешней баллистике, из чего автор мог сделать вывод о полной несостоятельности своего детища.

Обычно Николай Николаевич стремился сам изучать предложения изобретателей и рационализаторов независимо от того, был ли их автор маститым артиллеристом или энтузиастом-дилетантом. Кто знает, вдруг посетит гениальная идея?

Тем временем подготовка к наступлению шла своим чередом, в строгом соответствии с детально разработанным планом. Сосредоточение артиллерии большой мощности, незаметные перегруппировки, дезориентирование противника радиоигрой, подавление его на переднем крае и разрушение оборонительных сооружений систематическим огнем. А ночью — огонь, чтобы воспрепятствовать ведению восстановительных работ.

Множество орудий разного калибра и предназначе-

ния работали как по нотам. Молодая массовая армия — ведь переход от милиционной системы к всеобщей воинской обязанности совершился лишь несколько месяцев назад — приобретала опыт в боях и операциях местного значения.

Умело дирижируя гигантским артиллерийским оркестром, комкор Воронов опытным слухом уловил, что звук новых инструментов — минометов — выражен в нем недостаточно ярко. В чем же дело?

Оказалось, многие общевойсковые командиры еще не успели с минометами как следует ознакомиться и новое оружие вместо того, чтобы направляться в полки, зачастую залеживалось на складах. Николай Николаевич уделил внимание этому вопросу. Эффективность минометов скоро была должным образом оценена, а применение их в бою стало обычным делом.

11 февраля советские войска пошли на штурм. Ему предшествовала спланированная «по-брусиловски», с неоднократными переносами огня, артиллерийская подготовка. Преодолев первую полосу, пехота и танки при поддержке артиллерии принялись развивать успех, но прочность оборонительных сооружений была такова, что некоторые уцелели и мешали расширению прорыва.

К их числу относился и мощный опорный пункт Суммы. Кто-то поспешил обрадовать Сталина преждевременным докладом о его взятии, финны опровергли информацию официальным заявлением по радио, и из Москвы последовал нагоняй. 15 февраля после мощной огневой подготовки опорный пункт был все же взят. Комкора Воронова, разумеется, интересовали результаты работы артиллерии, и вместе с группой высших офицеров он поехал осматривать захваченные укрепления.

Перед опорным пунктом стояли два новейших тяжелых танка, СМК и Т-100. Броня исполинов оказалась неуязвимой для снарядов финских пушек, но один подорвался на mine, а другой безнадежно застрял. Все попытки эвакуации потерпели неудачу — имевшиеся тягачи не могли справиться с многотонными гигантами. Тогда заводские экипажи привели технику в негод-

ность, вывели из строя вооружение, сняли приборы и под покровом ночи покинули машины.

Николай Николаевич вместе с другими командирами осмотрел сверхсекретные танки, о существовании которых даже знать было не положено. Едва они отошли, обсуждая увиденное, грянул взрыв. Один из танков был снабжен миной-ловушкой, и, взорвись она чуть раньше, никто бы не избежал верной гибели. Значит, финны уже успели здесь побывать.

Но можно было догадаться: ведь у СМК не хватало крышки башенного люка. Той самой, которую главный конструктор Ж. Я. Котин, получив указание Сталина срочно отправить новую машину на фронт для проверки боем, приказал изготовить из обычного котельного железа. Поставка броневой стали задержалась.

Финны, обследуя покинутый танк, сняли крышку люка и отправили ее в подарок Гитлеру. Немецкие ученые тщательно провели анализ металла и доложили фюреру результат: броня советских танков сделана из обычного котельного железа! Тот пришел в неопиcуемый восторг: предположения, что советская промышленность не может обеспечить свою армию качественным оружием, блестяще подтвердились. Так ложный вывод обернулся еще одним доводом в пользу нападения на СССР.

Вся та история, сложенная из отдельных фактов, словно из кусочков мозаики, станет ясной картиной позднее. А пока комкор Воронов стоял возле одинокой 45-мм пушки и, качая головой, восстанавливал ход неравного — нет, безнадежного — поединка ее расчета с вражеским дотом. И все же советским артиллеристам удалось невероятное. Они сумели «заклепать» узкую амбразуру броневой минойми снарядами! Но где же сами герои? Неужели погибли?

По номеру орудия Николай Николаевич разыскал его командира, И. Е. Егорова, чей рассказ подтвердил реконструкцию схватки.

— Вот только все мои товарищи выбыли из строя, да и орудие получило попадание, — сетовал сержант в землянке комкора.

Вскоре Егоров был удостоен звания Героя Советского Союза, а его пушка, одолевшая мощный дот, была сдана на вечное хранение в Музей артиллерии.

Наступление развивалось успешно. К исходу 1 марта, прорвав линию Маннергейма на всю глубину, советские войска достигли Выборгского укрепленного района, а 12 марта в Москве был подписан мирный договор с Финляндией. Боевые действия прекратились на следующий день. Воронов в это время находился в 68-й армии, севернее Ладожского озера. Одной из советских дивизий удалось здесь взять противника в кольцо. Теперь пришлось «расступиться» и выпустить окруженных.

Война закончилась, но забот у командарма 2-го ранга Воронова — теперь его воинское звание было таким — меньше не стало. Изучение недавних боев, выводы, внедрение свежего опыта в новый Полевой устав, безотлагательные меры по улучшению боевой техники и эксплуатационных материалов. Поистине грандиозную работу рука об руку выполняли Артиллерийский комитет, Главное артиллерийское управление и Главное управление военной промышленности.

Сроки создания новых образцов оружия были предельно малыми, они казались нереальными и все же выдерживались.

Положение осложнялось тем, что предприятия зачастую не успевали осваивать современное оборудование, совершенные технологии и изготовление даже тонких механизмов взрывателей осуществлялось вручную, «на глазок».

— Вот вам и причина преждевременного разрыва снарядов! — сказал однажды командарм Воронов, подводя итоги работы комиссии по проверке оборонных предприятий.

После этого доклада некоторые члены Комитета обороны хотели сурово наказать инженерно-технический и руководящий состав ряда заводов, но председатель комиссии взял их под свою защиту. В самом деле, отстранить от должности просто, но где взять других? Тем не менее, поскольку комиссия все же «наступила» на чьи-

то мозоли, наветы клеветников и анонимки сыпались градом.

Психологический прессинг был очень сильным, и в этих условиях приходилось еще молниеносно переключаться с одного направления деятельности на другое. Только что Николаю Николаевичу удалось лично установить причину задержек авиационного пулемета ШКАС, гордости советских оружейников, — дело оказалось в качестве лака, покрывавшего место крепления капсюля к патрону, — и вот он уже находится в Молдавии. Румыния в соответствии с мартовским договором 1918 года решила возвратить ее в состав Советского Союза.

Картина была очень похожа на ту, что довелось видеть годом раньше в Белоруссии: марширующие колонны войск, ликующее местное население, радостные встречи и стихийные митинги. Подходили румынские офицеры, выражали почтение.

В те июньские дни Николай Николаевич случайно узнал, что начальник Главного артиллерийского управления Г. И. Кулик и заместитель начальника Генерального штаба И. В. Смородинов ведут дело к ликвидации должности начальника артиллерии Красной армии и его аппарата.

Сначала он не поверил, ибо такой шаг представлялся нелепым с точки зрения здравого смысла, но вскоре был приглашен в Кремль на заседание, посвященное грядущей реорганизации.

Авторы идеи выступили с докладами, из которых следовало, что ряд функций начальника артиллерии переходит в Главное артиллерийское управление, ряд — в Генеральный штаб. Выступление командарма Воронова о нецелесообразности таких преобразований уподобилось гласу вопиющего в пустыне: Кулик и Смородинов неплохо потрудились, заранее подготовив общее мнение.

Затем Кулик еще раз взял слово. Он обосновал необходимость собственного перевода на иную должность появлением особого оперативного «нюха» и неожиданно предложил назначить начальником Главного артиллерийского управления... Н. Н. Воронова!

Лишь теперь стал ясен подлинный смысл штабной интриги. До сих пор Николай Николаевич считал, что «реформаторы» искренне заблуждаются, руководствуясь пусть неправильно понятыми, но все же интересами дела. Но нет! Их подлинная цель — кресло начальника Генерального штаба. Ведь маршал Б. М. Шапошников перемещен, и, хотя его обязанности исполняет К. А. Мерецков, должность, по сути, вакантна...

Речь командарма Воронова была короткой. Он попросил снять его кандидатуру и оставить в должности начальника Главного артиллерийского управления Г. И. Кулика, чтобы он на деле смог доказать эффективность преобразований.

Штабная интрига была сорвана, и все же потом, спустя годы, Николай Николаевич корил себя за то, что лишь частично разрушил планы ее авторов. С другой стороны, о последствиях возможного пребывания Г. И. Кулика в должности начальника Генерального штаба в последние предвоенные и первые военные месяцы даже думать страшно.

Малообразованный и внутренне неорганизованный, он искренне полагал, что руководить — это значит держать подчиненных в страхе. Задачи он ставил расплывчато и неясно, а затем, как правило, угрожающе спрашивал: «Вам понятно?», внушительно добавляя: «Тюрьма или ордена!»

Оставив грозный кабинет и придя в себя, подчиненный обычно осознавал, что ему ничего не понятно, выбирал из двух зол меньшее и шел за новыми разъяснениями. Поэтому в приемной всегда толпилось множество посетителей, вынуждая начальника переключаться с одной темы на другую, отчего тот раздражался еще более.

Служить в таких условиях было нелегко, требовались постоянное внимание и настороженность, а человеку, помешавшему занять вождеденное кресло, — особенно. Тем не менее управление работало, и зачастую неплохо. Дело в том, что два других заместителя, В. Д. Грендаль и Г. К. Савченко, были талантливыми профессионалами, и Н. Н. Воронов образовал с ними

своеобразный «триумвират», придававший деятельности аппарата организованный характер.

Вместе им удавалось, хотя подчас и с трудом, добиваться нужных решений. Так, на вооружение наконец стали поступать пистолеты-пулеметы. Кулик их не жаловал, вслед за Тухачевским называл «оружием буржуазной полиции», но благодаря опыту финской войны и личному вмешательству Сталина все же был вынужден уступить.

Что же касается подготовки кадров, то количественные сдвиги здесь не могли не впечатлять: всего лишь за четыре предвоенных года было открыто 15 новых артиллерийских училищ, а число курсантов увеличилось более чем в 8 раз и к июню 1941 года достигло 43 тысяч.

Удалось добиться, хотя и ценой невероятных усилий, формирования противотанковых артиллерийских бригад. Их создание шло спешно, одновременно с разработкой тактики действий, но вдруг очередная директива остановила с трудом начавшийся процесс. После раунда тяжелой бюрократической борьбы вредную директиву отменили, но драгоценное время было упущено, и многие бригады вступили в бои, еще не успев завершить формирования.

Именно тяжелая морально-психологическая обстановка, сложившаяся в управлении, вызвала у Воронова обострение последствий автокатастрофы. Потребовалось лечение в санатории, а тем временем Кулик снова «наломал дров». Он заявил на сборах начальников артиллерии округов, что Правила стрельбы, плод многочисленных опытов и труда целого коллектива квалифицированных специалистов, никуда не годятся, и приказал первому попавшемуся офицеру разработать новые, да еще за две недели.

После такой демонстрации уровня собственной подготовки об авторитете начальника Главного артиллерийского управления в профессиональной среде и речи быть не могло. Воронов смог уладить недоразумение лишь после долгой беседы с Куликом один на один. Вскоре они расстались. Неожиданно для себя командарм Воронов был назначен начальником Главного управления проти-

воздушной обороны и в конце мая 1941 года приступил к исполнению новых обязанностей.

Здесь многое удивляло, если не сказать больше; например, служба воздушного наблюдения, обнаружения и связи (ВНОС) подчинялась непосредственно Главному штабу ПВО в Москве, а все огневые средства — командующим округами. За дело следовало браться, засучив рукава, ибо приближение войны уже явственно ощущалось. Сообщения о нарушении границ гитлеровскими самолетами поступали все чаще, но категорические приказы гласили: «Огня не открывать»...

К исходу дня 21 июня Николай Николаевич получил приказ находиться в своем рабочем кабинете. Поздно вечером посты ВНОС начали докладывать о шуме моторов по ту сторону границы, затем о проделывании германскими войсками проходов в проволочных заграждениях, а ближе к 4 часам утра — о налетах на Севастополь, потом на Виндаву, Либаву. С тревожными вестями Воронов поспешил к наркому обороны, записал содержание доклада в блокнот маршала С. К. Тимошенко. Кабинет покинул с тяжелым сердцем: никаких распоряжений, а ведь это война!

Автомобиль мчался по улицам ночной Москвы. Город спал, а на рабочем столе уже ждал целый ворох донесений о бомбовых ударах на огромном фронте от Балтийского моря до Черного. Посты ВНОС сообщали уже не только об авиации противника, но и о танках, пехоте, артиллерии.

Небольшие группы воинов ПВО передавали информацию, подчас ведя безнадежный бой с наседавшими гитлеровцами. Звучала прощальная фраза: «Погибаю, но не сдаюсь», и связь обрывалась...

Итак прежде всего — прикрыть важнейшие объекты от ударов авиации, восстановить систему ВНОС, а после объявления всеобщей мобилизации развернуть ускоренную подготовку командных кадров и формирование новых частей. ПВО Москвы — особое внимание. Потребности огромны, возможности ограничены...

Переход на военные рельсы не был легким. В управлениях и отделах царили нервозность, неразбериха,

а с фронтов приходили явно завышенные сведения о потерях противника. Быть может, потому в первые дни войны никто и не представлял себе всей тяжести предстоявшей борьбы?

Неотложных дел было столько, что часов в сутках не хватало, об отдыхе думать и вовсе не приходилось. Николай Николаевич успевал и свои прямые обязанности исполнять, и, согласно поручениям Ставки Верховного главнокомандования, выезжать в войска, помогать в организации противотанковой обороны. 19 июля его вызвали в Кремль.

— Считаете ли вы правильным, что находитесь на должности начальника Главного управления ПВО? — спросил Сталин. — Правильно ли, что в обстановке войны у нас фактически отсутствует должность начальника артиллерии Красной армии?

— В свое время было соответствующее решение политбюро и правительства, и я должен считать это правильным.

— Это вы мне говорите официально, а я вас вызвал поговорить неофициально. Я хотел бы узнать по этому вопросу ваше личное мнение.

Ну, если так... И Воронов выложил все, что думал по поводу злополучной реорганизации. В ходе беседы Верховный главнокомандующий задал еще немало вопросов о боевом применении артиллерии, о ее взаимодействии с другими родами войск. В заключение он поинтересовался, кто бы мог встать во главе противовоздушной обороны.

Николай Николаевич рекомендовал опытного зенитчика, генерала А. А. Осипова, описав его как очень хорошего специалиста и при этом человека весьма скромного и дисциплинированного.

— Неужели у него нет никаких недостатков? — улыбнулся Сталин.

— Один есть: боится начальства...

Ровно через 40 минут после возвращения из Кремля Воронов узнал о собственном назначении на должность начальника артиллерии Красной армии.

За любимое дело он взялся с жаром. Следовало

в кратчайшие сроки создать эффективный аппарат управления. Впервые в истории России ее артиллерия получила собственный штаб с оперативным и разведывательными отделами, управлениями боевой подготовки, кадров, формирований.

«Вот когда нерешенная проблема тяги заявила о себе в полной мере!» — думал Воронов, оценивая состояние рода войск. В последние предвоенные месяцы автомобили, которых и так не хватало, изымались из артиллерийских частей для строительства укреплений вдоль новой границы, а конский состав для орудийных упряжек поступал в войска только при объявлении мобилизации. Таким образом, тысячи орудий оказались полностью лишены подвижности, да и боеприпасы везти было тоже не на чем. Отсюда и потери. Причина не единственная, но важная.

А ведь там, где командиры сумели на свой страх и риск заранее развернуть артиллерию на огневых позициях, атаки противника 22 июня были успешно отражены. И хотя эти бои решающего влияния на ход приграничного сражения не оказали, но в оценке боеспособности советских Вооруженных сил и материальной базы обороны, созданной в СССР в последние годы, гитлеровские стратеги просчитались.

Теперь было крайне важно пополнить поредевшие части и широко развернуть формирование новых, а для этого требовались кадры. Многочисленные и подготовленные. Приложив усилия, начальник артиллерии буквально вытащил с фронта несколько училищ, сражавшихся в качестве обычной пехоты. Пусть готовят офицеров!

21 августа генерал Воронов был направлен в Ленинград в составе специальной комиссии. До Череповца добрались на самолете, там пересели на поезд, но доехали только до станции Мга. Недавно здесь побывала авиация противника, и железнодорожный путь оказался разрушен. Восстановление шло медленно.

В Ленинграде узнали о задержке и выслали за комиссией специальный поезд. Город продолжал жить на удивление спокойно, степень угрозы здесь явно недооценивали. Николай Николаевич постарался получше организо-

вать боевую работу артиллерии, приступил к разработке ее взаимодействия с флотом и решению задач ПВО — здесь он трудился вместе со своим товарищем по учебе в академии А. А. Новиковым, ныне возглавлявшим ВВС фронта. Ненадолго он съездил в Москву, а когда вернулся, город уже был окружен и превратился в осажденную крепость. Вспомнив опыт Мадрида и Халхин-Гола, генерал Воронов избрал для оборудования центра управления огнем артиллерии самую высокую точку города — купол Исаакиевского собора. Там же разместился и центр управления ПВО.

Отстоять Ленинград — дело чести. Не хватает самолетов-корректировщиков? Зато есть аэростаты, применявшиеся для корректировки артиллерийского огня еще в Русско-японскую войну, с тех пор они хуже не стали. Инструментальная разведка артиллерии работала, определяя при помощи звукометрических станций и приборов наблюдения точные координаты конкретных целей и выявляя общие признаки подготовки противника к очередному наступлению.

Иногда благодаря хорошей работе артиллерийской разведки замыслы противника удавалось разрушить всего лишь одним-единственным удачным огневым налетом. Например, уничтожение снарядов, складированных гитлеровцами для предстоящего наступления, или поражение их войск на исходных позициях при помощи как наземных, так и морских орудий.

Потерпев неудачу в попытках овладеть городом штурмом, враг стал зарываться в землю. Началась осада, в ходе которой особое значение приобретали артиллерийские дуэли и контрбатарейная борьба. В конце сентября начальник артиллерии Красной армии по указанию Ставки выехал под Москву, на вновь формируемый Резервный фронт. С ним была группа преподавателей Артиллерийской академии. Специалисты высочайшей квалификации на месте помогали решать сложные вопросы, а при необходимости тут же замещали важные штабные и командные должности. Сам же начальник академии, генерал Л. А. Говоров, по рекомендации Воронова возглавил артиллерию фронта.

Как всегда, Николай Николаевич старался вникать в мельчайшие детали системы огня, вплоть до расположения отдельных пулеметов. Однажды его внимание привлекла отлично оборудованная и тщательно замаскированная позиция стрелкового отделения.

— Господин генерал, — вдруг столь необычным обращением начал доклад командир, человек немолодой и грузный.

Оказалось, что его военный опыт восходит еще к царской армии, где он служил унтер-офицером. Давно бы пора на покой, но, коли пришел враг, старый воин не удержался и записался в народное ополчение. Впоследствии его отделение блестяще проявило себя в бою, а бывший унтер-офицер стал отличным командиром роты.

Внезапный вызов заставил Воронова лететь в Москву. Верховный главнокомандующий принял его в небольшом малоприметном особняке на улице Кирова, но вскоре сигнал воздушной тревоги отправил в бомбоубежище. В ходе состоявшейся там беседы Николай Николаевич пожаловался на нехватку средств связи.

Сталин тут же затребовал справку о производстве радиостанций, телефонных аппаратов, коммутаторов и кабеля. Цифры оказались немалыми, но потребности были большими. Тогда Верховный главнокомандующий предложил А. И. Микояну немедленно заказать недостающие средства связи за границей.

— А ваше дело, — сказал он Воронову, — проследить, чтобы артиллерия стала их главным потребителем. Так и передайте начальнику связи...

Со временем генерал Воронов создал резерв артиллерийского вооружения — за счет того, что оставалось от перевыполнения плана промышленности. Эту работу он вел совместно с начальником Главного артиллерийского управления И. Д. Яковлевым. Ежемесячно они составляли проекты распределения вооружения и боеприпасов на следующий месяц войны, а потом совместно представляли в Ставке.

Однажды, утверждая проект, Верховный главнокомандующий обратил внимание на строку: «Для НКВД — 50 000 винтовок».

— Кто подал эту заявку? — спросил он генералов. — Зачем НКВД столько винтовок?

— Сами удивлены, — ответили артиллеристы. — Но Берия настаивает.

Тотчас же был вызван грозный нарком. Он попытался было говорить по-грузински, но Верховный главнокомандующий оборвал его и потребовал доложить по-русски, зачем НКВД столько оружия.

— Достаточно будет и половины, — сказал Сталин.

Берия принялся настаивать на своем с таким жаром, что Верховный главнокомандующий был вынужден остудить его пыл. Впрочем, без особого успеха. Дело кончилось тем, что предельно раздраженный Сталин приказал генералам зачеркнуть прежнюю цифру, написать «10 000 винтовок» и тут же утвердил документ.

— Погодите, мы вам кишки выпустим! — злобно бросил Берия артиллеристам после окончания приема. Позже при встрече с ними он частенько повторял эту фразу. Генералы удивлялись своеобразному юмору наркома и лишь годы спустя узнали, что Лаврентий Павлович говорил отнюдь не фигурально.

В дни сражений на подступах к столице генерал Воронов сочетал напряженную, практически круглосуточную организационную работу с частыми выездами на фронт. О масштабах и темпах его деятельности можно судить хотя бы по количеству сформированных тогда противотанковых полков — 20 за 10 суток! Пользуясь тем, что Верховный главнокомандующий не упускал возможности побеседовать с ним о методах ведения огня, тактике действий и повышении боевой эффективности артиллерии, Николай Николаевич убедил его эвакуировать из Москвы Бронетанковую, Артиллерийскую и Военно-Воздушную академии. Близость фронта волей-неволей побуждала начальство все чаще привлекать слушателей для решения текущих задач, а это пагубно сказывалось и на ходе учебного процесса, и на качестве подготовки кадров.

Получив доклад, что в указанный срок сформировано не 10, как было предписано, а 20 противотанковых полков, Сталин не мог скрыть удовольствия. Он лично

пометил на карте, куда следует направить новые части, а когда все вопросы были решены и генерал Воронов попросил разрешения уйти, задержал его, сказав:

— Принято решение направить вас в Ленинград полномочным представителем Ставки Верховного главнокомандования. Подождите, вам должны дать пакет особой важности для командования Ленинградского фронта.

Вскоре действительно был доставлен огромный конверт из толстой серой бумаги, украшенный массивными сургучными печатями.

— Как можно в таком виде вручать важные документы! — Верховный главнокомандующий объяснил, что пакет должен быть небольшим, а сам документ следует отпечатать на папиросной бумаге, чтобы при необходимости его можно было быстро уничтожить.

В Ленинград Воронов вылетел на пассажирском самолете в сопровождении пяти истребителей. Уже ощущались трудности с продовольствием, так как численность населения города возросла вследствие притока беженцев из окрестностей, а Бадаевские склады разбомбила гитлеровская авиация. Но оборонительный потенциал мегаполиса был огромен, и его надлежало использовать максимально.

Генерал Воронов убедил командование фронта и руководство Ленинграда, что даже в условиях блокады можно наладить производство боеприпасов. И в самом деле, после обсуждения технических деталей выпуск необходимой продукции удалось развернуть довольно быстро. Инженеры, техники, рабочие спали в цехах, получали по 125 граммов хлеба в день и при этом, несмотря на обстрелы и налеты авиации противника, уже в декабре дали более полутора миллионов снарядов и мин, ими даже можно было делиться с другими фронтами.

— Только вы, военные, не пускайте врага в город, — говорили рабочие, — а уж мы постараемся.

На предприятиях города был организован ремонт артиллерийских орудий, сложных звукометрических станций, с помощью которых определяли координаты стрелявших батарей противника, средств связи. Вскоре

на Большую землю были отправлены первые сотни орудий и минометов, изготовленных ленинградцами, за ними другие изделия. Среди них были и телефонные аппараты, и учебники по артиллерии, и целлулоидные артиллерийские круги, при помощи которых готовят данные для стрельбы.

Одновременно шла подготовка к задуманной Ставкой операции. Предстояло ударом войск Ленинградского фронта со стороны Невской Дубровки навстречу дивизиям 54-й армии прорвать блокаду и установить сообщение с Большой землей.

Генерал Воронов помогал штабу фронта в организации боевого применения артиллерии, переодевшись в солдатскую форму, участвовал в рекогносцировках, не раз и не два попадая под снаряды и бомбы противника.

В разгар подготовки операции командующий фронтом генерал И. И. Федюнинский неожиданно попросил освободить его от должности. А. А. Жданов предложил возглавить фронт генералу Воронову, но Николай Николаевич отказался: сложить с себя полномочия начальника артиллерии Красной армии и представителя Ставки он не мог. Тогда командующим войсками Ленинградского фронта был назначен генерал М. С. Хозин.

Форсирование Невы, для обеспечения которого стянули все возможные переправочные средства, вплоть до прогулочных лодок с городских водных станций, удалось. Но продвинуться дальше войска не смогли и закрепились на небольшом плацдарме, знаменитом «Невском пяточке». Не выполнила свою задачу и 54-я армия, которой командовал уже бывший заместитель наркома обороны Г. И. Кулик.

Кольцо блокады оставалось по-прежнему плотным, противник нещадно обстреливал голодающий город. Даже пленные гитлеровские артиллеристы на допросах цинично заявляли, что стреляют по мирному населению, которого, как им известно, в городе много...

Генерал-полковник Воронов ночами анализировал недостатки боевой работы артиллерии, вновь мысленно возвращался к опыту Мадрида, размышлял, чем ком-

пенсировать недостаток орудий и боеприпасов. Конечно же гибким управлением, хорошей связью и эффективной разведкой, наладить которую помог начальник соответствующего отдела штаба артиллерии РККА, блестящий знаток своего дела полковник М. В. Ростовцев.

Семь артиллерийских разведывательных дивизионов и семь воздухоплавательных отрядов непрерывно следили за огневой деятельностью противника. Контрбатарейная борьба, несмотря на небольшой расход боеприпасов, становилась все более результативной. Так, разведчики обнаружили особо мощную 420-мм мортиру противника, ее снаряды оставляли в земле воронки глубиной почти в три метра, а диаметром в восемь. Получив точные координаты цели, советская артиллерия произвела огневой налет, и 140-тонный «монстр» отправился на ремонт в Германию.

Впрочем, ленинградцы располагали средствами, способными ответить на подобные вызовы. Гигантское 406-мм орудие, предназначенное для вооружения перспективных советских линкоров, вело огонь по противнику снарядами весом более тонны на дальность в 45 километров!

Грозной силой становилась морская артиллерия, для взаимодействия с которой немало потрудился замечательный артиллерист полковник М. А. Рерле. В годы гражданской войны он командовал тем самым дивизионом, в котором начинал службу будущий начальник артиллерии Красной армии.

Времени для встреч с близкими почти не оставалось, и Николай Николаевич говорил с ними преимущественно по телефону. В четверг отец просил не звонить: обычно в это время фашисты выпускали по зданию, где он работал, 8 плановых снарядов.

— Я получаю от них артиллерийский привет, — говорил Воронов-старший. — Видно, потому, что у меня сын артиллерист.

Приказ вернуться в Москву последовал в первый день зимы. Вечером 5 декабря в подземном убежище Кремля (по случаю налета авиации противника) генерал Воронов делал доклад о положении в Ленинграде.

Тогда же маршал Шапошников ознакомил его с планом наступления — оно должно было начаться уже завтра! Но радость сменило чувство тревоги: Сталин предложил подумать, кто бы мог заменить начальника Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлева. Ставка его работой была недовольна.

Генерал-полковник Воронов провел тщательный анализ причин недовольства Ставки, и уже на следующий день снова пришел к Верховному главнокомандующему с обстоятельным докладом. Как оказалось, почти все сотрудники Главного артиллерийского управления были эвакуированы в Куйбышев и Н. Д. Яковлев остался с небольшой группой офицеров. В этих условиях трудно было удовлетворить даже текущие заявки — они сыпались градом, — обеспечить же подготовку наступления было еще сложнее.

Сталин внимательно выслушал... и согласился. Аппарат управления вернулся в Москву, и скоро его работа наладилась.

Зимнее наступление началось успешно. Противник его не ожидал и, судя по открытым паническим переговорам в эфире, испытывал настоящий шок. Генерал-полковник Воронов старался помочь наступающим фронтам оружием, боеприпасами, тягачами, автомобилями, — жаль только, что возможности были невелики. Часто выезжал в войска: сидя в кабинете, каким бы хорошим аналитиком ты ни был, составить живое представление о работе своего рода войск достаточно сложно.

Ошибки в решениях и действиях командиров он исправлял тут же, на месте, как было, например, с использованием артиллерии большой мощности. Ее стали применять для стрельбы по танкам, огневым точкам и другим мелким целям.

— Эти орудия надо беречь, — сказал Воронов, посетив одну из тяжелых батарей. — Из них мы будем бить по Берлину!

Напряженная работа шла не без помех. Так, в Ставке вдруг решили возобновить производство минометалопаты, странного оружия, действительно представлявшего собой лопату, чей стальной черенок при переводе

в боевое положение превращался в минометный ствол. По замыслу конструктора приспособление могло использоваться и для рытья окопов, и для стрельбы по врагу. Но первый же опыт боевого применения показал, что оружие, как часто бывает с техническими гибридами, малопригодно и для того, и для другого.

Дальность стрельбы — всего лишь 300 метров — явно недостаточна, о точности стрельбы из-за отсутствия прицела даже говорить не приходится, а эффективность маломощной 37-мм мины в снегу или болотистом грунте практически сводилась к нулю.

Тем не менее сторонники у экзотического оружия были — например, начальник артиллерии одной из дивизий прислал о нем положительный отчет. Он даже сам попробовал стрелять стоя, приложив миномет к животу. Результат: мощный удар и длительные сильные боли. Вывод: «Стрелять из миномета стоя с живота нельзя».

Николай Николаевич тут же рассчитал силу отдачи, вышло без малого полтонны. Так что незадачливому энтузиасту еще повезло: проведи он свой эксперимент лежа, и писать отчет скорее всего было бы некому...

Но возражения профессионалов на этот раз почему-то решительно не принимались, и злополучный гибрид готовились запустить в производство, причем сразу большой серией. Случись это, и выпуску действительно необходимых образцов оружия будет нанесен серьезный ущерб. Выручил генерал Н. Д. Яковлев.

— А сколько нужно таких минометов? — спросил он.

— Миллион штук!

— А вы представляете, сколько потребуется мин? Сто миллионов! И это только на первый случай...

Там, где технические и тактические доводы оказались бессильны, в конце концов сработали экономические, и энтузиазм сторонников вооружения каждого бойца «индивидуальной мортирой» заметно угас...

Свежий опыт применения артиллерии быстро анализировался и уже к 10 января был обобщен в директиве Ставки Верховного главнокомандования. В этом до-

кументе говорилось о новой форме применения рода войск, об артиллерийском наступлении.

Казалось, еще немного, и передовые взгляды будут с успехом опробованы в предстоящей весенне-летней кампании 1942 года, но... в мае советские войска потерпели поражение в Крыму, а вслед за ним последовала крупная неудача в районе Харькова. Гитлеровские армии, используя успех, стремительно двинулись к Волге и Кавказу.

Союзники предложили обсудить, чем они могут помочь, и в Москву прибыла делегация во главе с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем. Для переговоров была создана комиссия, в состав которой вошел и генерал-полковник Н. Н. Воронов.

Вскоре стало понятно, что главной целью союзников является взаимное истощение России и Германии. «Помощь на Кавказе» они предложили, чтобы разместить там свои войска и обосноваться в районе нефтяных сокровищ Каспийского моря. Разрешения на развертывание своих авиабаз в стратегически важном регионе сэра Уинстон так и не получил, зато его угостили вкусным обедом. Манеры советского генералитета, умение вести себя за столом и соблюдать этикет произвели на британских гостей самое благоприятное впечатление...

Тем временем противник приближался к берегам Волги. Вскоре, получив указание Ставки, туда вылетел и генерал-полковник Воронов. Он оказывал помощь войскам 62-й и 64-й армий, формировал новые артиллерийские полки, изыскивал для них автотранспорт, объезжал дивизии, сражавшиеся на дальних подступах к Сталинграду, обращая особое внимание на организацию их управления и системы огня. Над степью висели густые облака пыли: фашистские танки наседали.

Решающее сражение Второй мировой войны разгоралось гигантским пожаром, и тут Николай Николаевич был снова отозван в Москву, где шла лихорадочная работа по формированию новых артиллерийских частей. Тогда-то и написал он письмо в ЦК ВКП(б), обосновывая необходимость укрепления единоначалия и отме-

ны института военных комиссаров, введенного в армии с началом войны.

И еще одна мысль крепко занимала генерала Воронова: пора переходить к более высоким формам организации его рода войск, к артиллерийским дивизиям. Но проверить идею удалось чуть позже, когда он вместе с начальником Генерального штаба А. М. Василевским прибыл в район сражений, чтобы на месте уточнить замысел предстоящего контрнаступления.

Командующий Сталинградским фронтом А. И. Еременко сумел вовремя отвести тяжелую артиллерию за Волгу, и генерал Воронов предложил объединить ее в дивизию. В результате появилась огневая сила, дотоле поистине невиданная.

Жестокие потери, которые несли наступавшие фашисты, говорили об успехе эксперимента. Начальник артиллерии Красной армии подсчитывал, какие силы реально можно привлечь к операции, продумывал вопросы сосредоточения частей, подвоза боеприпасов, вместе с Василевским намечал участки будущих прорывов и направления наступления.

И ему, и Василевскому все приходилось делать лично, чтобы ни словом, ни действием, ни намеком не выдать характер предстоящей операции. Внезапность покупалась дорогой ценой — за счет снижения качества подготовки в целом ряде звеньев, получавших необходимую информацию чуть ли не в самый последний момент.

Оба военачальника непрестанно обсуждали наедине способы прорыва, развития успеха, порядок «сматывания» вражеской обороны в обе стороны от участков прорыва, для чего в планах артиллерии следовало предусмотреть соответствующие огневые налеты, накладываемые на обнажившиеся фланги противника. А проблема скрытности сосредоточения крупных группировок войск? Ведь маскировка в открытой степи затруднена...

Напряженная, почти без сна и отдыха работа в полевых условиях отзывалась обострением последствий старых ран, полученных еще в польскую кампанию, и автокатастрофы. В довершение ко всему еще

и грипп. Преодолевая слабость, генерал Воронов производил расчеты необходимого количества боеприпасов, определял порядок артиллерийской подготовки наступления, решал вопросы борьбы с танками и артиллерией противника, а также многое, многое другое. Не обращая внимания на холодный степной ветер и непогоду, объезжал части, уточнял задачи артиллерийской разведки, изучал командный состав. Все ли соответствуют высоте предстоящих задач? А если нет, то кем их заменить?

Наступление противника захлебывалось, замысел контрнаступления наконец созрел до стадии детального планирования, в его отдельные стороны были посвящены другие участники предстоящей операции. Северо-западнее и южнее города создавались ударные группировки советских войск, планомерно накапливались боеприпасы, а далеко в тылу шло оснащение и обучение артиллерийских дивизий, которым предстояло внести свой весомый вклад в победу на Волге.

В октябре подготовка наступления вступила в завершающую фазу.

Теперь самое трудное — обеспечить маскировку в степи огромного количества орудий и боеприпасов. А еще — произвести пристрелку множества артиллерийских батарей, да так, чтобы ее режим не выходил за рамки обычной боевой работы. С этой целью был составлен специальный план, где каждому подразделению указывались дни, часы и количество снарядов для ведения огня. При этом категорически запрещалось стрелять из орудий тех калибров, которых здесь раньше не было.

Главный артиллерист страны детально изучал вопросы управления огнем и взаимодействия с другими родами войск, проверял, наставлял, учил. «Когда-то, — вспомнил он, — в старой русской армии было специальное наставление по прорыву укрепленных полос противника. Почему бы не создать подобное, но для новых условий?» Ценное учебное пособие появилось в кратчайшие сроки.

Напряжение сил было предельным, но... генерал Воронов в то же самое время готовился к еще одной опера-

ции, на Среднем Дону. Ставка рассматривала ее как логическое продолжение контрнаступления под Сталинградом и планировала начать 6 января 1943 года.

В один из тех дней, а точнее, в одну из тех ночей Николай Николаевич вместе с командующим Юго-Западным фронтом генералом Ватутиным прибыл на командный пункт одной из стрелковых дивизий. Оба они предыдущие сутки работали без сна и очень устали, доклад же командира, монотонный, с длинными паузами, усыплял, словно колыбельная песня. И все же генерал Воронов уловил чей-то громкий шепот, раздававшийся во время пауз: это начальник штаба дивизии, пользуясь усталостью высоких гостей, беззастенчиво подсказывал своему шефу. Воронов приказал прекратить доклад и забрал у подсказчика документ, которым тот пользовался в качестве шпаргалки. Это был... боевой приказ дивизии на предстоящее наступление.

Оказалось, что документ, содержащий бесценные для противника сведения, отпечатан в 14 экземплярах, причем 13 из них уже отправились к адресатам. Расчет рассылки заставил Николая Николаевича ужаснуться: кого там только не было!

— Вы сделали большое упущение по службе, — сказал он, с трудом сдерживая гнев. — Вы не послали документ еще одному адресату — Военторгу!

— Виноват, немедленно отпечатаем и пошлем, — с готовностью ответил начальник штаба.

Генерал Ватутин приказал немедленно собрать и уничтожить все экземпляры. Последствия утечки информации могли быть весьма тяжелыми. Не зря Верховный главнокомандующий в беседах по телефону так часто напоминал о том, как важно обеспечить полную скрытность подготовки к предстоящим действиям.

По залитым непролазной грязью фронтовым дорогам генерал Воронов продолжал объезжать командные пункты артиллерийских частей, где его ожидали генералы и офицеры с докладами о положении дел. Часто эти доклады переходили в занятия по обмену опытом в непринужденной обстановке, при этом участники увлекались так, что сидели далеко за полночь.

Еще и еще раз просчитывал и уточнял решения главный артиллерист, добиваясь как минимум трехкратного превосходства над противником на важнейших направлениях. Глубина прорыва для ударной группировки Юго-Западного фронта — 120 километров, для Сталинградского — 100; окружение необходимо завершить за трое — четверо суток. Артиллерия должна обеспечить надежное подавление противника на всю глубину его обороны и проложить своим огнем дорогу подвижным группам — трем танковым армиям, двум механизированным и трем кавалерийским корпусам.

Заветная дата приближается. «Все ли сделано? Не упущено ли что-то важное?» — задавал себе вопросы генерал Воронов, перечитывая сотни записей в рабочем блокноте. И вдруг — срочный вызов в Москву. Так не вовремя, тем более что касался он главным образом А. М. Василевского, — Сталин хотел побеседовать с ним по поводу письма командира 4-го механизированного корпуса В. Т. Вольского, в котором тот выражал сомнения в успехе предстоящей операции.

Обратный вылет задержался из-за плохой погоды. Обидно: грандиозную огневую подготовку, в организацию которой вложил столько сил, он так и не увидит. Несколько утешали первые доклады, полученные сразу же по прибытии на Юго-Западный фронт: артиллерийская подготовка прошла по плану, тактическая зона обороны противника прорвана на всю глубину, войска движутся вперед, отражая контратаки, танки выходят на оперативный простор.

Всю ночь радиостанции принимали донесения об очередных успехах, а утром к Николаю Николаевичу привели двух пленных румынских генералов, Один из них категорически отказался приказывать своим подчиненным сдаваться в плен. Тогда другой сказал, обращаясь к советскому военачальнику:

— Вы не волнуйтесь, господин генерал, у его солдат ограниченное количество питания и боеприпасов, ничего не нужно предпринимать, к вечеру они сами сдадутся.

Так и вышло.

Советские артиллерийские группировки работали слаженно, словно хороший оркестр. Мощь их огня вдохновляла, танкисты и пехотинцы, охваченные невиданным подъемом, неудержимо шли вперед. Фашисты, опомнившись, начали оказывать бешеное сопротивление. К 23 ноября накал битвы достиг предела.

Генерал Воронов осматривал разбитые инженерные сооружения и боевую технику противника, оценивал меткость артиллеристов, могущество орудий и боеприпасов, принимал доклады о победах зенитчиков и противотанкистов, которым, впрочем, иногда приходилось меняться местами. Например, одно из противотанковых подразделений участвовало в захвате гитлеровского аэродрома. Самолеты пытались взлететь, но 45-мм пушки их били на взлете так, что уйти не удалось никому. Наконец пришло и самое ожидаемое донесение: советские танковые клещи сомкнулись у Калача. Враг окружен!

Это значило, что в ходе Великой Отечественной войны достигнут великий перелом. Это значило, что молодая советская армия научилась воевать, одерживать победы и вступила в качественно новый этап развития. Артиллерия выполнила свои задачи с честью, ее боевая работа вызывала уверенность в могуществе страны, и недаром 19 ноября, день начала контрнаступления под Сталинградом, стал ее днем!

Ценность опыта, полученного в ходе подготовки и ведения операции, в глазах специалиста была огромна. Начальник артиллерии немедленно приступил к его обобщению, причем без отрыва от напряженной деятельности по управлению войсками, в условиях более чем спартанских.

В те дни на командном пункте Воронежского фронта Николай Николаевич встретился с его командующим, бывшим начальником Главного разведывательного управления генералом Ф. И. Голиковым. Они давно знали друг друга, но случай поговорить наедине, по душам, представился только сейчас. Тогда-то и задал главный артиллерист опасный, не дававший покоя вопрос: знал ли Голиков о подготовке Гитлером нападения на СССР?

Филипп Иванович ответил, что еще в конце декабря 1940 года лично докладывал Сталину о плане «Барбаросса», замысел которого советские разведчики добыли не в сейфах «Оберкоммандо вермахт», а из квартиры генерала фон Паулюса, где тому, ради экономии времени, разрешили работать над картами и расчетами. Последнее обстоятельство вызвало у Сталина подозрение: уж очень похоже на провокацию.

— Но самое главное, — поведал Филипп Иванович, — о том, что Гитлер начнет войну 22 июня 1941 года, посол Германии граф Шуленбург заранее сообщил Деканозову, советскому послу в Берлине.

При этом граф просил как можно быстрее передать информацию Сталину через господина Молотова, что и было сделано. В ответ прозвучало единственное слово: «Провокация»...

В конце ноября в составе группы генерала Василевского Воронов вылетел на Средний Дон для подготовки очередного наступления. Погода была плохая. Сильный туман не позволял использовать иные самолеты, кроме безотказных бипланов У-2. На них-то и добирались в указанный пункт члены группы — каждый самостоятельно.

Вскоре после вылета погода ухудшилась, самолет обледенел, пришлось идти на вынужденную посадку прямо в заснеженной степи.

Николай Николаевич, пока летчик возился с мотором, гаечным ключом сбил с крыльев самолета лед, лопатой расчистил взлетную полосу, и они взлетели. Прибыли, кажется, точно в указанный пункт, ошибка в ориентировании исключена, но куда же делся аэродром? Приземлились, чтобы смягчить удар, прямо в густой бурьян. И тут, откуда ни возьмись, прибежали красноармейцы.

Окружив самолет, они стали упрекать прибывших за то, что сели те в бурьян, а не на взлетно-посадочную полосу. Вот она, совсем рядом. А как ее разглядишь, эту полосу, если все завалило снегом?

— Вот такой же У-2 только что врезался в провода и разбился, — сообщили воины. — Да вы не беспокойте-

тесь, генерал и летчик только ушибами отделались, уже выпили по сто грамм и чувствуют себя вполне нормально.

Первым, кто потерпел аварию при посадке на заснеженный аэродром, оказался сам главный летчик Советского Союза, командующий ВВС генерал А. А. Новиков. Несколько минут спустя генерал Воронов уже обнимал старого друга, впрочем, пребывавшего в настроении невеселом.

Где остальные машины? Какова судьба группы?

Получить ответы на эти вопросы не представлялось возможным, ибо самолет командующего ВВС так основательно оборвал провода, что быстро восстановить телефонную линию не удавалось. Поехали в ближайший районный центр и там на узле связи встретили начальника Генерального штаба А. М. Василевского; он тоже совершил вынужденную посадку и добрался сюда на попутных санях-розвальнях.

Судьба трех самолетов прояснилась, но судьба еще четырех оставалась неизвестной. Генерал Новиков волновался, тем более что стали поступать сообщения о неудачных посадках в степи бипланов У-2 и связанных с этим человеческих жертвах. Один, другой, третий... скоро их набралось полдюжины!

Но к вечеру все члены группы нашлись, и пострадавших среди них не оказалось. Что же касается неудачных посадок У-2, то они действительно имели место, только осуществили их пилоты авиаполка, в это же время перелетавшего на новый аэродром. Начальник Генерального штаба успокоил Ставку (там уже организовали поиск исчезнувших генералов), и группа приступила к работе.

Вскоре Василевский получил приказ убыть обратно в Сталинград, чтобы ускорить разгром окруженной немецкой группировки, и вся полнота ответственности за подготовку будущего наступления легла на плечи Воронова. Замысел операции был дерзок: ударом на Ростов предполагалось отрезать всю действующую на Кавказе группировку противника. Но в это время гитлеровские войска под командованием генерал-фельдмаршала фон Манштейна нанесли удар из района Ко-

тельниково, чтобы деблокировать окруженную в Сталинграде группировку. Для отражения этого удара Ставка начала искать силы и средства, ранее выделенные для операции, одновременно требуя ускорить ее подготовку, а потом предложила изменить направление главного удара, ограничив цели и размах предстоящего наступления.

Каждое подобное изменение автоматически влекло за собой уточнение прежних или выработку новых решений в целом ряде длинных командных звеньев, производство огромного количества расчетов, оформление документов. Но генералы Воронов и Ватутин работали так, словно сговорились преподать урок, и утром 16 декабря операция началась. За четыре дня упорных боев войска продвинулись на глубину до 90 километров, освободили 200 населенных пунктов, разгромили 9 пехотных дивизий противника и еще несколькими нанесли поражение. В те дни практически прекратила существование 8-я итальянская армия, отправленная Муссолини в далекие донские степи.

К этому времени генерал Воронов уже получил новое распоряжение Ставки: прибыть в Сталинград в качестве заместителя А. М. Василевского по разгрому окруженной гитлеровской группировки. План операции продолжительностью в 5–6 дней следовало представить не позднее 21 декабря 1942 года. Сроки, учитывая расстояние до Сталинграда, впечатляли...

Николай Николаевич простился с Ватутиным, ставшим ему настоящим другом, и, памятуя о злополучном перелете, сел в небольшой автомобиль с брезентовым верхом. Командующий Донским фронтом К. К. Рокоссовский сердечно встретил изрядно промерзшего представителя Ставки, и вскоре они вместе склонились над картой. Рождался замысел операции, вошедшей в историю под названием «Кольцо».

Подготовка решающего удара включала ряд промежуточных шагов, таких как захват господствующих высот на подступах к городу. Там, как предполагалось, было боевое охранение противника. Его следовало сбить, чтобы выйти к переднему краю. Но все попытки

решить вопрос методом боев местного значения потерпели неудачу. Это казалось странным.

Тайна была раскрыта при помощи письма, добытого советской разведкой и представленного начальнику артиллерии Красной армии. В нем командир гитлеровской пехотной дивизии генерал-лейтенант фон Даниэльс подробно излагал своей супруге тактическую обстановку, описывал боевой порядок соединения и, в частности, сообщал, что по господствующим высотам проходят не позиции боевого охранения, а подлинный передний край. Воронов показал письмо командующему фронтом, и тот немедленно приказал прекратить бесплодные атаки, сосредоточив силы на подготовке к решающему штурму.

Позже Николай Николаевич встретил и самого автора письма на допросе — в качестве военнопленного.

— Как вы думаете, откуда мы могли узнать боевой порядок вашей дивизии в обороне? — спросил он фон Даниэльса.

— Путем разведки, — сразу же ответил пленный генерал.

Николай Николаевич задумался: откроешь секрет, и сидящий перед тобой человек до конца своих дней будет корить себя за промах, а то и сведет счеты с жизнью. Фон Даниэльс так и не узнал, в чьи руки попало его письмо. Но это будет позже. А пока безнадежно опаздывавшие поезда с важными грузами ставили под угрозу срыва утвержденный срок начала операции.

Генерал Воронов позвонил Верховному главнокомандующему и попросил еще четыре дня на подготовку. Сталин лишь сказал: «До свидания» — и повесил трубку. Тогда Николай Николаевич отправил в Москву подробное донесение с изложением причин задержки. Судя по тому, что телефонный звонок ждать себя не заставил, об этом было сразу же доложено Верховному главнокомандующему.

— Вы там досидите, что вас и Рокоссовского немцы в плен возьмут! — услышал Воронов недовольный голос. Затем последовали упреки в медлительности, а после них вопрос: — Что значит «+4» в вашем донесении?

— Нам нужно еще четыре дня для подготовки. Мы просим начать операцию «Кольцо» не 6-го, а 10 января.

— Утверждается, — недовольно ответил Верховный, вешая трубку.

— Хорошо было слышно? — поинтересовалась телефонистка.

— Хорошо, — ответил Николай Николаевич и добавил про себя: «К сожалению...»

В ночь перед наступлением представитель Ставки занимался составлением текста ультиматума, который был утвержден Верховным главнокомандующим, с помощью Артура Пика и Вальтера Ульбрихта переведен на немецкий язык и объявлен по радио и громкоговорящей связи. После чего к окопам противника направились парламентары. И хотя вся процедура была исполнена в точном соответствии с Гаагской конвенцией 1907 года, советских офицеров встретили выстрелами!

На следующий день немцы парламентаров все же приняли, но ультиматум с предложением сдаться отклонили. Тогда советские командующие сверили часы.

Орудия на огневых позициях были заряжены, спусковые шнуры натянуты, у телефонов и радиостанций в тревожном ожидании замерли старшие офицеры батарей. Правые руки подняты вверх, чтобы взмахом продублировать команду «Огонь!». Она пролетела по всем каналам связи в 8 часов 5 минут 10 января, и в тот же миг в воздух взвился рой сигнальных ракет.

Оглушительный грохот 7 тысяч орудий и минометов разорвал напряженную тишину и перерос в непрерывный грозный гул. С пронзительным завыванием и свистом в сторону противника летели огненные стрелы реактивных снарядов. Земля в расположении гитлеровских войск вздыбилась и задрожала, словно стремясь уйти у захватчиков из-под ног.

Казалось, что более величественную картину рукотворного катаклизма даже представить невозможно, но в расчетное время плотность огня возросла еще больше. Это значило, что танки и пехота скоро пойдут в атаку. И артиллерия тут же перенесла огонь на первый рубеж огневого вала. Теперь он будет катиться сплошной

стенной черно-багровых разрывов, опережая на пару сотен метров наступающие подразделения и прокладывая им путь до двух километров в глубину.

Генерал Воронов облегченно вздохнул, провожая взглядом артиллерийские батареи, проходившие неподалеку от наблюдательного пункта: перемещаются на новые огневые позиции. Значит, прорыв удался!

Противник не ответил ни единым выстрелом: потери его при огневой подготовке были столь велики, что вызвали шок у оставшихся в живых. Но по мере продвижения советских войск в глубину сопротивление заметно активизировалось. В чем дело? Ведь, по данным разведки, окруженные гитлеровцы получают в сутки не более чем 150 граммов хлеба, 60–75 — мяса или консервов, 25–30 — масла. К этому еще можно добавить суп из конины. С таким питанием, да еще на морозе, долго не повоюешь.

Скоро выяснилось, что помимо официального рациона почти каждое подразделение, часть и соединение имели свои, неучтенные запасы продовольствия, за счет чего и поддерживали физическое состояние личного состава на необходимом для обороны уровне. Но самое главное, к началу наступления в «котле» находилось не 80–90 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, как считалось ранее, а около четверти миллиона. Вот почему сопротивление преодолевалось с гораздо большими трудностями, чем ожидали штабные специалисты. И все же наступление советских войск продолжалось без остановок, пусть и не так быстро, как хотелось бы.

18 января Николай Воронов прилег отдохнуть — впервые после нескольких суток непрерывной работы — и провалился в глубокий сон. Адъютант пытался его разбудить, чтобы сообщить нечто важное, но тщетно! К счастью, новость была приятной: по радио объявили о присвоении Н. Н. Воронову воинского звания «маршал артиллерии», кстати, только что введенного. От предложения лично разработать соответствующую новому рангу форму одежды он решительно отказался: пусть специалисты думают, им виднее, а ему

каждая минута дорога. Артиллерийская поддержка наступающих войск должна быть непрерывной!

На всю жизнь запомнил маршал Воронов 26 января 1943 года: в тот день на Малаховом кургане произошла радостная встреча воинов двух фронтов, Донского и Сталинградского. Это значило, что группировка противника разрезана надвое. К этому времени стали прибывать дивизионы 152-мм пушек с дальностью стрельбы до 25 километров; маршал Воронов приказал использовать их для обстрела вражеских аэродромов, так, чтобы ни один самолет не смог взлететь.

31 января стало известно, что генерал-фельдмаршал фон Паулус и его штаб во главе с генералом Шмидтом сдались в плен. Первый допрос командующего 6-й полевой армией вермахта состоялся на следующий день в деревне Заварыгино, в избе, где временно разместился начальник артиллерии Красной армии.

Пришлось выдержать самую настоящую атаку журналистов и писателей: присутствовать на историческом допросе хотелось всем. Увы, по соображениям секретности это было невозможно, ведь бои еще продолжались. Повезло только одному кинодокументалисту, которого маршал Воронов знал еще по Испании. Это был Роман Кармен. Он-то и увековечил своим фотоаппаратом тот день для истории.

По словам фон Паулюса, и сама наступательная операция, и тем более ее масштабы стали для него полной неожиданностью. Приказ о капитуляции тем, кто еще не прекратил сопротивление, он давать отказался, сославшись на то, что после сдачи в плен его распоряжения утратили силу. Что ж, значит, наступление продолжается!

Следующее утро маршал Воронов встретил на своем наблюдательном пункте. В условленный час взлетели сигнальные ракеты, громыхнули орудия, вздрогнула земля. Пехота и танки пошли в атаку, и в расположении гитлеровцев скоро поднялся белый флаг. Один, другой, третий...

Вскоре появились первые группы пленных; вдруг бойцы остановили кого-то и стали бить. Маршал приказал разобраться в случившемся. Оказалось, среди сол-

дат вермахта прятались изменники-власовцы, а предателей всегда ненавидели на Руси.

Колонны военнопленных становились все длиннее. Часто они шли без конвоиров, их вел унтер-офицер, державший в руках лист бумаги с надписью «Бекетовка». Советский регулировщик читал надпись и направлял колонну в нужном направлении.

Выглядели пленные так, что невольно вспоминалась картина Верещагина «Отступление французской армии в 1812 году». Вскоре выяснилось, что почти все страдают тяжелыми простудными заболеваниями, главным образом — воспалением легких. Отказ гитлеровского командования капитулировать в начале января стал роковым для многих из тех, кого пощадили пули и осколки. Еще неделя-другая, и не потребовалось бы ни атак, ни артподготовок. Жестокий мор всех уложил бы в сталинградскую землю!

А еще были раненые, и немало. Лазареты окруженной группировки, часто брошенные своим медицинским персоналом, являли зрелище поистине ужасное. Перед глазами маршала Воронова невольно ожили картины собственных страданий в польском плену. Вместе с Рокоссовским, который вел себя по отношению к военнопленным как настоящий рыцарь, он постарался как можно скорее организовать их размещение, питание, оказание медицинской помощи и последующую эвакуацию. Положение осложнялось тем, что число пленных — 91 000 человек — оказалось гораздо больше ожидаемого; тем не менее сложные организационные вопросы решались быстро и эффективно. И все же смертность была высокой: ведь и в конце XX века воспаление легких, особенно в запущенной форме, оставалось тяжелой болезнью, а тогда, в 1943 году, под Сталинградом, антибиотиков еще не было...

Артиллерийские соединения и части маршал Воронов распорядился вывести в районы, удобные для отдыха личного состава и обслуживания вооружения. Он рассчитывал встретиться с офицерами и генералами, чтобы обсудить свежий боевой опыт, но срочный вызов в Москву нарушил все планы.

4 февраля Воронова и летевшего тем же самолетом Рокоссовского встретили генералы в новой, украшенной золотыми погонами форме. Прием у М. И. Калинина, награждение обоих военачальников орденами Суворова 1-й степени, затем подробный доклад в Ставке по итогам операции и долгая беседа с Верховным главнокомандующим.

— Как без вас работали в Москве ваши подчиненные? — спросил, завершая встречу, Сталин и, услышав похвальный отзыв, произнес: — Вот и хорошо. Завтра-послезавтра вам нужно будет снова лететь на фронт.

Путь на этот раз лежал на северо-запад, в район Демянска, где противнику хотели устроить нечто вроде второго Сталинграда. Но красивая картинка замысла представляла собой лишь трафарет, срисованный с победоносной операции и наложенный на труднопроходимую местность без учета ее особенностей, пропускной способности дорожной сети, возможностей и выучки своих войск, а также конкретных метеорологических условий. Первым свидетельством тому были многочисленные «пробки» на раскисших, похожих на грязевые реки дорогах.

В одной из таких «пробок» маршал Воронов встретил старого товарища, командующего ВВС Красной армии А. А. Новикова. Давно виделись под Сталинградом? Вместе подивились «школьным ошибкам», благодаря которым 13 дивизий противника вот уже больше года находятся в полуокружении и чувствуют себя совсем неплохо, получая все необходимое через так называемый Рамушевский коридор.

На командном пункте Северо-Западного фронта прибывшим выделили подземные «виллы», то есть землянки. Не успел Николай Воронов умыться с дороги, как в его новое жилище вошел Г. И. Кулик, но... в форме генерал-майора.

Требования, предъявляемые к офицеру в мирное время, значительно отличаются от тех, что выдвигает война. В полном соответствии с этим известным правилом, в годы мира на вершинах военной иерархии оказывается немало персон, достигших высоких постов благо-

даря связям, угодничеству, политике, ловко проведенным служебным интригам или просто создавших себе репутацию «крепкого руководителя» методом запугивания подчиненных, вынужденных то и дело устранять ошибки начальства, ибо вина за промахи непременно будет на них же и возложена. В коррумпированном обществе особую роль приобретают банальные взятки и контроль за финансовыми потоками.

Война расставляет все по местам, но, к сожалению, уже после того, как пролиты реки крови. При этом кадровые перестановки тем глубже и масштабнее, чем выше накал и размах боевых действий, чем опаснее угроза и страшнее последствия. Разумеется, подобное возможно лишь при наличии здорового общества и необходимого времени. Там же, где социальные болезни зашли так далеко, что парализовали инстинкт самосохранения нации, страну ждет военный разгром со всеми вытекающими последствиями.

Среди не выдержавших испытания делом оказался и бывший маршал Г. И. Кулик. Неудачи преследовали его и в качестве представителя Ставки Верховного главнокомандования, и в должности командующего 54-й армией. Сейчас он, сетуя на судьбу, хотел искупить вину личной храбростью и просил направить его артиллерийским наблюдателем в первые цепи атакующей пехоты.

Что мог сказать Николай Воронов бывшему начальнику? Только то, что Ставка ждала и ждет от него много, а именно умелой организаторской работы на фронтах. Но Г. И. Кулик не смог оправдать эти ожидания ни раньше, ни позже...

Наступление началось 15 февраля 1943 года. Артиллерия, несмотря на затруднявшие корректирование огня снегопад, туман и мелкоколесье, все же сумела буквально взломать передний край обороны противника. Но пехота из-за болотистой местности двигалась слишком медленно, а подвижная группа генерала М. С. Хозина, которой надлежало развивать успех, оказалась не готова к вводу в сражение. Местность же была такова, что на огневых позициях приходилось оборудовать деревянные настилы, чтобы пушки и гаубицы не тонули

в болоте. В землянке маршала Воронова за ночь собиралось до 80 ведер воды.

Кроме того, противник, судя по всему, на этот раз был хорошо осведомлен о предстоящем наступлении советских войск и позаботился об укреплении боковин Рамушевского коридора, перекрыть который тщетно старались части Красной армии. Бросалась в глаза и слабая тактическая подготовка общевойсковых командиров.

Маршал Воронов по срочному вызову убыл в Москву с подробным анализом причин неудач, а С. К. Тимошенко на посту командующего Северо-Западным фронтом сменил И. С. Конев.

Вскоре к обязанностям начальника артиллерии Красной армии прибавились новые. Верховный главнокомандующий сообщил ему об этом по телефону не терпящим возражений голосом:

— Товарищ Воронов, Ставка только что приняла решение подчинить вам ПВО страны. Вашим заместителем будет Громадин. Вам ясно? Вопросов нет? Вот и хорошо.

Утром следующего дня в кабинете маршала Воронова уже шло обсуждение неотложных мер по укреплению защиты промышленных объектов глубокого тыла. Фашистская авиация переходила к нанесению систематических ударов по важнейшим предприятиям, что и заставило Ставку принять столь неординарное кадровое решение. Помог старый товарищ, маршал авиации А. А. Новиков. Совместными усилиями задача была решена в кратчайшие сроки и без ущерба для руководства артиллерией, которую ждали очередные серьезные испытания.

15 апреля 1943 года Гитлер подписал приказ о наступлении в районе Курской дуги. Главным козырем в нем должны были стать новые танки «тигр» и «пантера», обладавшие чрезвычайно мощным бронированием. Но замысел операции «Цитадель» был своевременно разгадан советским командованием.

Штаб артиллерии внимательно следил за перемещением танковых соединений противника и направлял туда, где ожидалось их удары, полки и бригады

противотанковых орудий. Промышленность быстрыми темпами осваивала выпуск новых образцов оружия, сразу поступавшего в войска. Так, 15 июня 1943 года на вооружение была принята новая 57-мм противотанковая пушка ЗИС-2, гораздо более мощная, чем прежняя, 45-миллиметровая. Собственно, это орудие было разработано в КБ В. Г. Грабина еще до войны, просто раньше целей, достойных ее снарядов, на поле боя не было.

Одновременно изучались уязвимые места новых бронированных машин противника — благодаря стараниям войск К. А. Мерецкова первые образцы были уже захвачены, — велся настойчивый поиск приемов и способов борьбы с ними, а полученный опыт тут же обобщался в памятках и инструкциях, быстро доводившихся до каждого бойца. Новые эффективные бронебойные снаряды, в ударных темпах выпускавшиеся заводами, срочно доставлялись самолетами на аэродромы Курской дуги, а оттуда — на огневые позиции.

Маршал Воронов лично контролировал испытания. Десять выстрелов из 76-мм пушки по бронеплитам с дистанции 1000 метров — и 10 пробоин, при этом бронебойные сердечники подкалиберных снарядов раскалялись до 900° С! Кроме того, по предложению главного артиллериста страны ствол 85-мм зенитной пушки был наложен на лафет 122-мм гаубицы. Так в кратчайшие сроки появилось еще одно мощное противотанковое средство.

Но одной лишь борьбой с танками задачи артиллерии не ограничивались. 4 июля маршал Воронов доложил Верховному главнокомандующему о готовности рода войск к предстоящему сражению, в том числе и о подготовленных для противника «сюрпризах», таких, как тщательно организованная артиллерийская контрподготовка, мощные противотанковые резервы, и получил указание немедленно убыть на Брянский фронт.

— Стойкой и решительной обороной войска должны до предела измотать врага и быть готовыми к переходу в решительное наступление! В своей работе на Брянском фронте вам все время следует помнить об этом. — Про-

щаясь, Сталин сообщил, что наступление противник начнет уже завтра, но именно там, «где мы его ждем».

Следующий день полностью подтвердил все ожидания Ставки. Командующий Брянским фронтом генерал М. М. Попов тепло встретил маршала и поинтересовался, как он расценивает начавшееся наступление гитлеровских войск.

— Помните, весной 1918 года Гинденбург и Людендорф собрали на Западном фронте все, что могли, для удара по союзным войскам Англии, Америки и Франции? Хотели в последний раз попытаться счастья на поле битвы. Как известно, отчаянная попытка закончилась не в их пользу. Мне кажется, мы с вами являемся свидетелями повторения истории... — ответил Николай Николаевич.

Атаки противника на Брянском фронте были с легкостью отражены. Маршал Воронов расценил их как отвлекающий удар, о чем и доложил в Ставку. Верховный главнокомандующий с его выводами согласился и приказал готовить Брянский фронт к наступлению. Военачальник работал, вкладывая в предстоящую операцию все силы; ведь предстоял серьезный экзамен его очередному нововведению, артиллерийским корпусам, создание которых ознаменовало высшую форму массирования рода войск.

Маршал провел долгие часы, склонившись над картой, сопоставляя и проверяя данные разведки о расположении батарей противника, его узлов связи, командных и наблюдательных пунктов, уточнял, насколько детально удалось вскрыть систему огня на подступах к переднему краю и в глубине обороны. Много времени провел он и в траншеях, решая вопросы взаимодействия с общевойсковыми командирами. Их возросший уровень тактической подготовки и самое серьезное отношение к артиллерии могли только радовать.

План предстоящего наступления был глубоко проработан, огневой вал тщательно рассчитан, порядок подавления вновь выявленных огневых средств продуман. Боеприпасы на огневых позициях выложены на грунт...

12 июля. Последние минуты особой, торжественной тишины. Залп!

Вздрыгнули земля и воздух. Четкие переносы огня, работа орудий прямой наводки, переход от огневой подготовки к огневой поддержке — артиллерийский оркестр играл как по нотам. Новая серия сигнальных ракет, и атакующая пехота вместе с танками уверенно двинулась вперед вслед за огневым валом.

Противник был настолько подавлен, что на протяжении первых двух-трех километров практически не оказывал сопротивления.

Советские войска научились воевать! Четко взаимодействуют с авиацией и между собой различные роды сухопутных войск! Выросло боевое мастерство солдат и сержантов, офицеров и генералов!

Маршал Воронов шел по напоминавшей лунный ландшафт местности, осматривал последние достижения фортификационной мысли противника — тяжелые бронеколпаки с пулеметами. Их привозили на тягачах и закапывали на угрожаемых направлениях. Но плотность артиллерийского огня была такова, что эти новинки инженерной науки оказались разбиты и атакующая пехота их даже не заметила.

5 августа над Орлом взвился алый штурмовой флаг; в Ставку полетели победные реляции, и впервые в истории Москва чествовала артиллерию салютом. Но маршал Воронов освобождения Орла не видел: он срочно вылетел в столицу, где ждал новый приказ Верховного главнокомандующего. Теперь — под Смоленск.

Задача состояла не только в том, чтобы очистить город от гитлеровцев, но и в том, чтобы не дать им перебросить войска на юг, где советская армия готовилась к нанесению сокрушительных ударов.

По разбитым дорогам на командный пункт Западного фронта. Ночь озарялась магниевыми вспышками — это авиация противника делала аэрофотосъемку. Значит, гитлеровские генералы о чем-то догадываются. В самом деле, оборону здесь создали мощную, в 5–6 полос, общей глубиной до 130 километров. Главная полоса включала развитую систему траншей полного профиля, несколько рядов проволочных заграждений, в два три кола каждое, дзоты, искусно укрытые маневренные

огневые бронеточки, минные поля, противотанковые рвы. Потребуется много снарядов, а где их взять, если основное внимание Ставка сейчас уделяет югу? Более того, фронт до сих пор не получил многое из обещанного ранее, а сроки начала операции неумолимо приближаются.

Сил для прорыва обороны противника в соответствии с утвержденным замыслом, сразу на пяти направлениях, было явно недостаточно. Но быть может, главной целью Ставки является активное сковывание противника на данном участке фронта? Свое мнение по поводу предстоящего наступления маршал Воронов изложил Верховному главнокомандующему 5 августа на встрече в районе Юхнова.

— Западному фронту нужно к весне 1944 года подойти к Смоленску, обстоятельно подготовиться, накопить силы и взять город, — подвел Сталин итоги беседы. — Все, что сможем, дадим. Не сможем — обойдись своими силами.

Глубина задач была существенно сокращена. Что ж, и это неплохо...

7 августа Западный фронт начал Спас-Демянскую наступательную операцию. За 14 суток напряженных боев войска продвинулись на 35–40 километров, освободили почти 500 населенных пунктов, в том числе и сам Спас-Демянск. Продвижение шло медленно, на пределе сил, окружения, как правило, не удавались. Противник успевал выводить свои части из «мешков» и одновременно наращивал сопротивление, перебрасывая силы с орловского направления.

Сказались низкий уровень боевой подготовки ряда дивизий и слабое знание тактики командирами. Ощутимо недоставало танков, их работу приходилось выполнять пехоте и артиллерии, а они и сами едва справлялись со своими задачами. Но, пожалуй, главной причиной низких темпов наступления было то, что подготовку его на этот раз не удалось сохранить в тайне. Разведывательные самолеты противника летают над лесными дорогами, высматривая советские войска и грузы. Особенно была велика их активность ночью,

когда начиналось перемещение боевой техники и транспорта.

Для борьбы с воздушными разведчиками пришлось даже вызвать опытного прожекториста из Москвы, но и ему не удалось добиться успеха. Тогда маршал Воронов выбрал участок дороги, над которым любил летать гитлеровский разведчик, и разместил там группу прожекторов, разделив ее на два эшелона. Они должны были включаться после того, как самолет-разведчик пролетит над головой наблюдателя, тот подаст сигнал ракетой. После этого в дело вступали три зенитные батареи. Приготовив ловушку, маршал Воронов решил немного отдохнуть, а рано утром ему принесли карту, документы и револьвер сбитого фашистского аса. Прием работал безотказно и вскоре стал достоянием других фронтов.

Тем временем войска Западного фронта, набравшись боевого опыта, остановились, провели сбившую противника с толку перегруппировку и возобновили наступление в направлении Ельня — Смоленск, на этот раз успешно. А маршала Воронова уже ждала новая задача — проверка готовности Калининского фронта к намеченной операции.

Слабое место — критически малое количество горючего, особенно для авиации, он выявил почти сразу и добился отсрочки наступления на 6 суток. Службы тыла смогли накопить необходимые запасы, артиллерийская разведка — выявить новые цели для пушек и гаубиц, командиры — лучше подготовить огонь своих частей и подразделений.

Результаты более тщательной подготовки сказались, и операция началась успешно. Упорные бои разгорелись только в глубине обороны противника. Постоянные звонки из Москвы торопили, требуя увеличить темпы наступления, но командование фронта продолжало действовать по принципу «спеши медленно». А как иначе, если сил для выполнения задач едва хватает, да и снаряды приходится экономить, добываясь точного поражения целей исключительно за счет мастерства артиллеристов.

Искусно скрытые паузы для накопления боеприпасов, перегруппировки — и 15 сентября оборона противника была прорвана. Десять дней спустя над старинными русскими городами Смоленском и Рославлем взвились алые штурмовые флаги советских дивизий. Сейчас, а не следующей весной!

Общая глубина операции достигала 225 километров; успех выглядел немалым даже на фоне стремительных наступлений по освобождению Правобережной Украины и в битве за Днепр.

Победа далась нелегко, крайне уставшие войска нуждались в отдыхе, но нет — Ставка требовала наступать и снова наступать. Напрасно маршал Воронов докладывал, что 55 справных истребителей не смогут прикрыть войска фронта от воздушных ударов противника, что без танков наступление против гитлеровцев, закрепившихся на новых рубежах, будет идти медленно и с неоправданными потерями, — Ставка была неумолима.

Полтора месяца упорных боев, а продвижение на витебском направлении составило всего 15–18 километров. И хотя главная задача — приковать к этому участку фронта как можно больше сил противника — была выполнена, это не радовало. Но в самом конце 1943 года удача все же улыбнулась: 13 декабря, на рассвете, после мощной огневой подготовки войска 1-го Прибалтийского фронта, чьи действия маршал Воронов координировал с объединениями Западного и 2-го Белорусского фронтов, перешли в наступление.

Армии под командованием И. Х. Баграмяна продвигались медленно, но верно и к 5 января 1944 года продвинулись на глубину до 60 километров, освободив более двух с половиной тысяч населенных пунктов, в том числе Городок. Небольшая пауза — и следующая наступательная операция, Витебская.

Судя по всему, разведка противника и на этот раз не зевала. Опыт подсказывал, что гитлеровские генералы знали не только направления ударов, но даже день и час начала наступления. Впечатляли и плотности войск, созданные ими в обороне: пехотный батальон с двумя ар-

тиллерийскими батареями и четырьмя самоходными орудиями всего лишь на один километр фронта! А еще семь водных рубежей, которые следовало преодолеть на пути к Витебску, хитроумная система траншей и фортификационных сооружений...

Операция в чем-то напоминала схватку двух умелых фехтовальщиков: демонстрируя тактическое мастерство, противник перед самым началом огневой подготовки отводил свои войска в глубину на три километра, оставляя на переднем крае только минимальные силы прикрытия, быстро перебрасывал части с других участков фронта на угрожаемые, а его пехота при поддержке танков в первые дни проводила по 10–15 контратак! Так что победа была одержана лишь за счет искусства военачальников и героизма и возросшей выучки войск. Итогом этой небольшой, но — как считал впоследствии Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян — сложнейшей операции стало создание выгодных условий для окончательной ликвидации блокады Ленинграда и успешных ударов летом 1944 года в Белоруссии.

Координируя действия 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов, маршал Воронов в то же время выезжал и на 4-й Украинский, к своему старому знакомому, генералу Ф. И. Толбухину, помогал в разработке плана освобождения Крыма. При этом никто не снимал с него обязанностей начальника артиллерии Красной армии и ответственности за ПВО страны...

Минувший 1943 год стал годом количественного и качественного роста рода войск. Накоплен был бесценный опыт, заслужили признание артиллерийские корпуса в количествах, все более возрастающих, на вооружение поступали новые 152-мм гаубицы Д-1, 160-мм минометы, чьи тяжелые, отвесно падавшие мины противник принимал за авиационные бомбы, 57-мм противотанковые пушки. Интенсивно развивались реактивные системы залпового огня, совершенствовалось и стрелковое оружие.

Авторитет маршала Воронова, не понаслышке знавшего положение дел в многочисленных артиллерийских частях на огромном пространстве от Западного Бу-

га до Тихого океана, от Баренцева моря до моря Черного, был велик и непререкаем. Его подчиненным было приятно сознавать, что артиллерию возглавляет великолепно подготовленный профессионал, умеющий видеть суть явлений и в то же время всесторонне развитый, совершенно лишенный заносчивости человек. Он умел слушать подчиненных, обсуждать с ними проблему на равных, помогать советом и делом; кроме того, был превосходным рассказчиком и хорошим спортсменом, способным подать личный пример молодежи.

Разносторонняя эрудиция сделала Воронова другом таких выдающихся деятелей искусства и культуры, как писатели А. С. Серафимович и В. Василевская, кинорежиссер П. А. Солуянов, поэт С. А. Васильев, великие мастера сцены В. И. Качалов и Г. М. Ярон. Дружба была крепкой, встречались каждый раз, когда Николай Николаевич бывал в Москве. Его жена, Любовь Михайловна, приглашала гостей, в доме звучала музыка, арии из опер и оперетт в исполнении знаменитых артистов, шутки, смех...

В ночь под новый, 1944 год маршал Воронов и народный артист РСФСР Качалов пели дуэтом. На рояле им аккомпанировал другой заслуженный артист РСФСР Серафим Аникеев.

— Bravo, bravo! — захлопал в ладоши Григорий Маркович Ярон. — После войны, Николай Николаевич, подавайтесь к нам в театр!

— М-да! — произнес, вставая из-за рояля, Аникеев. — Я не хочу потерять кусок хлеба. Николай Николаевич хорошо поет, но еще лучше стреляет...

Сын маршала Воронова, Владимир, также отличался любовью к музыке и сцене. Но в ответ на вопрос, не думает ли он посвятить жизнь театру, молодой человек шутливо ответил, что за отсутствием голоса скорее пойдет в артиллеристы. Шутка скрывала истину: осенью 1942 года Владимир стал курсантом артиллерийского училища.

К концу войны в числе друзей маршала Воронова были И. В. Курчатov, С. П. Королев, М. В. Келдыш. Великие ученые ценили его интеллект, способный быстро

найти решение задачи там, где ломали голову специалисты. Так, в блокадном Ленинграде управление огнем страдало из-за отсутствия телефонного кабеля. Николай Николаевич обратил внимание на мотки ржавевшей колючей проволоки и... приказал использовать ее для связи. Проверили — получилось; вскоре по «колючему кабелю» полетели команды и донесения...

22 февраля 1944 года Н. Н. Воронову было присвоено воинское звание Главного маршала артиллерии. Событие было радостным для всего рода войск, который теперь, с легкой руки Верховного главнокомандующего, и в армии, и в народе величали не иначе как «бог войны». Сам Сталин относился к главному артиллеристу страны благосклонно и накладывал большей частью положительные резолюции на его рапорты и докладные записки.

Маршал Воронов же теперь был просто вынужден обращаться письменно едва ли не по каждому вопросу. Л. П. Берия не забыл ни случая с винтовками для НКВД, ни своего обещания «выпустить кишки» военачальникам-артиллеристам. Слежка с его стороны становилась все более откровенной, попытки добыть компрометирующие материалы не прекращались, и документы с окончательным решением Верховного главнокомандующего служили защитой.

Между тем сражения за Правобережную Украину завершались блестящим успехом; приближался час освобождения Белоруссии. Маршал Воронов принял непосредственное участие в разработке плана операции «Багратион», а затем выехал в войска, чтобы лично возглавить подготовку артиллерии к предстоящей битве.

На 1-м Белорусском фронте он оценил две новинки: во-первых, марш-бросок массы артиллерии на 500 и 1000 километров, а во-вторых, поддержку атаки методом двойного огневого вала. Суть состояла в том, что перед атакующими танками и пехотой создавалась сплошная огневая завеса одновременно на двух рубежах, удаленных один от другого на 400 метров. По мере продвижения войск они переносились в глубину, при этом между основными рубежами огня создавались

еще и промежуточные. Маршал Воронов тут же приказал обобщить передовой опыт в инструкциях и разослать их по всем фронтам.

Тогда же он пришел к выводу, что в составе ряда противотанковых бригад целесообразно иметь полк самоходных установок СУ-85. Артиллерия получила мощное маневренное средство, способное эффективно действовать там, где танки противник применял особо массированно.

Но были упущения и недоработки, в преддверии столь важной операции совершенно недопустимые. Командующих артиллерией 3-го Прибалтийского, 2-го и 3-го Белорусских фронтов пришлось заменить, а для устранения недостатков направить в войска хорошо подготовленных офицеров из академии и центрального аппарата.

Гитлеровское командование по-прежнему ожидало очередного советского наступления на юге, поэтому первый удар оказался особенно сокрушительным. Что же касается артиллерийского огня, то о качестве его подготовки говорит то, что только в полосе 65-й армии сразу были уничтожены 80 батарей противника, а батальоны первого эшелона продвигались столь быстро, что огневой вал зачастую приходилось переносить через два рубежа.

«Артиллерийская и авиационная подготовка, проведенная русскими 24 июня 1944 года, являлась одной из сильнейших, которые мне пришлось пережить за Первую и Вторую мировые войны», — вспоминал опытный военный, генерал-лейтенант барон Курт Йорген фон Лютцов...

— Ну, Василий Иванович, — сказал при встрече маршал Воронов командующему артиллерией 1-го Белорусского фронта генералу Казакову, — ваша теория проверена жизнью. Вы были дирижером и искусно руководили оркестром артиллерии.

Да, огневая симфония и в самом деле удалась на славу. Советские артиллеристы научились управлять тысячами орудий и минометов.

В ходе Белорусской операции артиллерия отличилась не только огнем, но и маневром. Крупные соедине-

ния совершали стремительные марши, переходя с одного направления на другое, и четкие перегруппировки, быстро сосредоточивались в новых районах.

Наступление развивалось успешно. Николаю Воронову казалось, будто с плеч свалилась огромная тяжесть, как вдруг... приступы боли заставили его улечься в блиндаже. Но управление родом войск маршал держал в своих руках по-прежнему крепко. В те дни ему доложили, что командующий артиллерией Западного фронта генерал-лейтенант И. П. Камера тоже серьезно болен и тоже осуществляет руководство, лежа в блиндаже.

— Безобразия! — искренне возмутился маршал. — Немедленно на самолете отправляйте его в Москву! Надо беспокоиться о здоровье!

Советская армия шла вперед под аккомпанементы артиллерийских залпов, и ничто уже не могло остановить ее победной поступи.

Маршал Воронов отправился в войска, едва отступила болезнь. Он встречался с фронтовыми офицерами, обстоятельно расспрашивал их об эффективности различных образцов оружия. Большинство доказали свое высокое качество, но останавливаться на достигнутом было нельзя. В Москву он вернулся, имея точное представление о направлениях дальнейшего развития вооружения.

Однажды Воронову представили автомат, конструкция которого показалась специалистам весьма перспективной.

— Надо изготовить один экземпляр, — решил маршал. — Потом испытаем и убедимся в его качествах.

Автомат участвовал в конкурсных испытаниях, сначала под шифром «МихТим» (Михаил Тимофеевич), а затем получил официальное название «7,62-мм автомат конструкции старшего сержанта Калашникова». Он оказался лучшим из предложенных образцов и впоследствии был принят на вооружение.

Маршал Воронов пригласил молодого сержанта; беседовали они долго.

— Что больше вам помогло: одаренность или трудолюбие? — спросил Николай Николаевич конструктора.

— Одаренность лишь тогда чего-то стоит, когда сочетается с трудолюбием, — ответил создатель оружия века. — Это слова Василия Алексеевича Дегтярева. Его я считаю своим учителем...

1944 год завершился; он принес немало блестящих побед. Их основу заложил огонь советской артиллерии. В знак признания заслуг рода войск 19 ноября был учрежден праздник Дня артиллерии, а ее командующий награжден орденом Суворова 1-й степени.

Вечером этого дня Николай Николаевич вместе с женой пришел на Красную площадь. В назначенный час грянул раскатистый залп, и ночное небо расцвело множеством разноцветных огней. Первый в истории страны День артиллерии! А 9 декабря, во время банкета в честь прибывшего в Москву главы временного правительства Франции генерала де Голля, Сталин поднял бокал за здоровье Главного маршала артиллерии Воронова и произнес:

— Вот человек, который командует нашей артиллерией. Он победил фашистскую Германию огнем наших пушек.

Высокий гость был приятно удивлен хорошим французским языком советского военачальника, оценил его манеры, и вскоре между ними возникло чувство симпатии.

— Для Франции и России быть объединенными значит быть сильными, — говорил де Голль. — Быть разединенными значит находиться в опасности.

Он поинтересовался, использует ли советская артиллерия опыт французской.

— В начале тридцатых годов мы усиленно штудировали французские правила стрельбы наземной артиллерии, — ответил Николай Николаевич. — Но сейчас разработали свои. И они во многом превосходят ваши, ведь в них заложен опыт Великой Отечественной войны. Мне придется перевести их на французский язык, если господин президент пожелает...

Между тем советские войска неуклонно приближались к победе; речь шла о последних, завершающих операциях, но забот от этого не убавилось. Маршал Воронов

уже смотрел на Дальний Восток, исподволь направляя туда орудия и боеприпасы, так как Сталин сообщил ему о решении Ялтинской конференции. Кроме того, командующий артиллерией провел удачное перевооружение противотанковых бригад: они получили мощную 100-мм противотанковую пушку, способную успешно поражать самые тяжелые танки противника. Но тут старые раны снова дали знать о себе, пришлось лечь в постель.

Некоторые историки считают, что причиной поражения Наполеона при Ватерлоо стала болезнь полководца. Пожалуй, доля истины в этом есть. Любой командир, побывавший в сложной, динамичной обстановке, подтвердит, насколько усложняют и без того нелегкий процесс принятия решения чрезмерная усталость, ранение или болезнь. Быть может, поэтому очередная идея реорганизации дивизионной артиллерии и оказалась не совсем удачной?

Первоначально казалось, что если свести все артиллерийские подразделения в бригаду, командование которой будет отвечать за управление всей артиллерией дивизии, то можно будет сократить аппараты начальников артиллерии соединений и получить значительную экономию ценных кадров. На деле же командиры бригад не желали заниматься приданными частями и подразделениями, так как им и со своими подчиненными забот хватало. Управление огнем артиллерии сразу же резко ухудшилось. Маршал Воронов сообщил командующим артиллерией фронтов об отмене приказа, но... ведь он был подписан Верховным главнокомандующим!

Николай Николаевич пошел к нему на прием и объяснил свою ошибку.

— Вы — командующий, — сказал Сталин. — Поступайте, как считаете нужным. Приказ отменять не буду.

Просчет был исправлен, пусть и дорогой ценой: отношение Сталина к маршалу Воронову заметно ухудшилось. Николай Николаевич хорошо знал его характер и скорее всего нечто подобное предвидел, но жизни людей дороже...

Берия и Абакумов тут же поспешили воспользоваться случившимся, но Воронову было не до их происков.

Его внимание занимала Восточнопрусская операция, и, как только позволило здоровье, он выехал в район сражений.

911 железобетонных дотов только лишь в одном Хейльсбергском укрепленном районе, множество дзотов, форты и казематы, железо и бетон, орудия и пулеметы, мины и колючая проволока.

— Первоклассная крепость, — ознакомившись, сказал маршал Воронов. — Но мы ее уничтожим. И в первую очередь артиллерией.

Так и вышло. Пять тысяч орудий, сосредоточенных Ставкой только для штурма Кенигсберга, в числе которых были калибром 280 мм и выше, доказали свое превосходство над фортификацией противника.

Еще шли бои за Кенигсберг, продолжались Висло-Одерская и Померанская наступательные операции, а в штабе артиллерии Красной армии уже готовились к последней, решающей битве, битве за Берлин. Тщательно изучались аэрофотоснимки, внешние и внутренние оборонительные обводы, железобетонные сооружения в самом городе — их обнаружили более 400, в том числе и многоэтажных, с гарнизонами до 1000 человек.

Таких городов еще не брали. Но возможности советской артиллерии позволяли к этому времени концентрировать в ходе наступления почти до 350 орудий и минометов на один километр фронта! Всего же в составе готовых к штурму столицы рейха советских войск их было 41 600. Что касается прикрытия от ударов противника с воздуха, то его обеспечивали 30 зенитно-артиллерийских дивизий!

А боеприпасы? Расчеты показывали, что потребуется как минимум 8 миллионов снарядов и мин; для подвоза такого количества грузов и переброски артиллерии даже пришлось перешивать железнодорожную колею на советскую!

Маршал Воронов работал в ритме, взятом еще во время боев под Москвой, то есть не ел и не спал, если того требовала обстановка. Вместо короткого отдыха он изучал донесения, проверял расчеты и таблицы, а сердцем рвался к войскам. Но... что делать, если сам Сталин ре-

комендовал на этот раз не ездить на фронт и побережь здоровье?

Кажется, все сделано, и сделано правильно. Доклады о готовности артиллерии приняты, а 143 зенитных прожектора, переданных по его приказанию в распоряжение маршала Жукова, готовы ослепить мощными лучами противника — на этот раз наземного.

Время — 5.00 16 апреля 1945 года. Небо озарилось яркими вспышками бесчисленного множества сигнальных ракет, а затем заревом артиллерийских залпов и огненными росчерками реактивных снарядов. Огневой вал, сметая все на своем пути, двинулся на запад. Вслед за ним пошли в атаку танки и пехота.

Нелегка работа артиллеристов: ведь только за одни сутки напряженных боев через руки расчета 152-мм гаубицы проходит до 10 тонн снарядов! Но сейчас такая усталость только радовала.

20 апреля Николай Николаевич получил телеграмму: «Москва, Главному маршалу артиллерии Воронову. Доношу, что в 13.30 136-я пушечная артбригада 3-й ударной армии открыла огонь по северо-восточной окраине Берлина. Подполковник Писарев И. А.». Эту телеграмму маршал хранил, как драгоценную реликвию, до самого конца своих дней...

Наступление продолжалось без пауз. 25 апреля войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов замкнули город в кольцо, и вскоре в сторону Рейхстага понеслись снаряды с надписями: «Подарок Гитлеру», «Колченогому Геббельсу», «Привет от москвичей», «Подарок с Урала». Маршал Воронов волновался, часто звонил командующему артиллерией 1-го Белорусского фронта, спрашивал, какую следует оказать помощь.

«Помощь не нужна, — отвечал генерал-полковник В. И. Казаков. — Все идет по плану».

В ночь на 30 апреля дивизия генерал-майора Шатилова, преодолев два рубежа баррикад, вышла на южный берег реки Шпрее. С волнением прильнув к телефонной трубке, слушал главный артиллерист страны доклад генерал-полковника Казакова:

— Только что мы открыли огонь по зданию «Кроль-оперы» и Рейхстагу. Вокруг него стоит сплошное облако дыма. С многих наблюдательных пунктов офицеры докладывают об одновременном появлении красных и белых флагов. Немцы сдаются!

— Спасибо, Василий Иванович! Добейте проклятый фашизм, чтобы духу его не было в Европе!

2 мая завершилась Берлинская наступательная операция, а неделю спустя Великой победой закончилась и война в Европе.

«Это пишет Вам гвардии капитан, на батарее которого в декабре 1941 года, под Москвой, Вы сказали, что надо беречь наши тяжелые орудия — из них мы будем бить по Берлину, — читал Николай Николаевич полученное в те дни письмо. — Ваши слова подтвердились. Я вел огонь по фашистской столице...»

Еще не остыли стволы орудий, а Главный маршал артиллерии уже потребовал обобщить полученный опыт. Началась большая интересная работа по его изучению, творческому преломлению в современных условиях, дальнейшему развитию фундаментальной теории на мощной практической базе, а также по дальнейшему развитию боевой техники и обновлению основных систем оружия.

Николай Николаевич разрабатывал перспективные планы, выезжал в округа, соединения и части, уточнял программы артиллерийских учебных заведений, встречался с учеными и конструкторами. Новые орудия, боевые машины реактивной артиллерии и зенитные комплексы были созданы в кратчайшие сроки. Некоторые из них, такие как 130-мм пушка и 240-мм миномет, оказались настолько удачны, что состояли на вооружении почти до конца XX века.

Быстро и незаметно в трудах и заботах летело время. Давно ли казалось, что самым грозным наземным оружием является гаубица или мортира особой мощности? И вот уже Главный маршал артиллерии Воронов вместе с М. И. Неделиным, С. П. Королевым и Н. Д. Яковлевым докладывают И. В. Сталину об экспериментальных исследованиях в области баллистических ракет.

Начинался новый этап в строительстве Вооруженных сил, развитии военного искусства и истории артиллерии — этап освоения ракетно-ядерного оружия.

Занятый с утра до поздней ночи, Николай Николаевич не замечал интриг, которые неустанно плели Л. П. Берия и стоявшая за ним политическая группировка. Полководцы-победители в силу своего авторитета в армии и популярности в народе представлялись им серьезным препятствием в борьбе за власть после ухода стареющего вождя.

Еще в годы войны, когда перешедший на сторону противника генерал Власов развернул свою деятельность, Берия выяснил, что спутницу изменника звали Мария Воронова. Он тут же постарался установить ее родственную связь с маршалом. Попытка не удалась, и все же...

— Зайдите в Бутырку, — услышал однажды Воронов голос Берии в телефонной трубке. — Вашего знакомого будут вешать.

Отказаться значит дать в руки козырь. Скрепя сердце маршал пошел и видел казнь предателя и его подручных. Они получили по заслугам, но зрелище все же было не из тех, что доставляют удовольствие...

Лаврентий Павлович сдаваться не собирался и попробовал зайти с другой стороны, обвинив маршала в связях с «Интелледженс сервис». Сталин чудовищной лжи не поверил, но очередная неудача лишь распалила ярость могущественного сановника.

Аппаратные интриганы избрали новое направление атаки, и последовали многочисленные сигналы о подозрительных отношениях маршала Воронова с «ленинградскими заговорщиками»⁷. На этот раз стрела попала в цель: ведь Николай Николаевич в этом городе родился, и с Ленинградом его связывало многое!

Отстранение от должности, резкое и внезапное, последовало в 1950 году. Позже выяснилось, что расследование по доносам вел Н. А. Булганин, так что иначе и быть не могло. Но торжество Л. П. Берии и его группировки было неполным: генерал-полковник Ф. С. Самсонов тут же рекомендовал опального полководца на

пост президента Академии артиллерийских наук⁸. Единогласное избрание маршала путем тайного голосования было не только знаком доверия армии, но и сигналом власти, что в отношении к прославленному военачальнику палку перегибать не следует.

Маршал Воронов направил знания и опыт на разработку основ теории применения баллистических ракет, а Л. П. Берия перенес усилия на компрометацию других военачальников. Вскоре были арестованы маршал артиллерии Н. Д. Яковлев и его заместитель, генерал Волкотрубенко, а в конце декабря 1951 года Л. З. Мехлис, ставший министром Госконтроля, доложил Сталину о результатах проверки войск ПВО.

Доклад был столь тенденциозен, а краски в отношении недостатков столь сгущены, что Л. П. Берия получил указание «немедленно разобраться с этими сволочами». Тот только этого и ждал, даже дела на военачальников заготовил заранее.

Последовали новые аресты. Наказание обвиняемым грозило самое суровое, так как Берия старался подвести их под Указ о смертной казни за измену Родине, принятый 12 января 1950 года.

Николай Воронов прекрасно видел, что и над ним самим висит готовый в любую минуту сорваться дамоклов меч, но все же не переставал ходатайствовать за арестованных товарищей. Он пытался попасть на прием к Сталину, чтобы объяснить ему абсурдность ситуации, но получал неизменный отказ. Тем не менее усилия не пропали даром: благодаря твердой позиции, занятой Н. Н. Вороновым, Г. К. Жуковым и рядом других видных военачальников, меч так и не опустился.

Берия переживал поражение болезненно, словно глубокое личное оскорбление. Как отомстить? Как подобраться к президенту Академии артиллерийских наук, находящемуся на выборной должности? Как преодолеть сопротивление авторитетных военных ученых, защищавших своего начальника? Очень просто: надо ликвидировать саму академию!

Воодушевленный идеей, Лаврентий Павлович взялся за дело с упорством, воистину достойным лучшего

применения. В 1953 году его труды «увенчались успехом», и академия была расформирована «как выполнившая свою задачу». Но к этому времени в стране уже назревали крупные перемены, а вскоре не стало и самого Берии...

Маршал Воронов без дела не остался — в том же году он был назначен начальником Военной артиллерийской командной академии. Николай Николаевич знал, какую огромную роль в обороне страны играет подготовка высокопрофессиональных, тщательно обученных кадров. Прекрасный методист, он лично занимался с профессорско-преподавательским составом, передавая свой богатейший опыт и разносторонние знания.

Кроме того, Николай Николаевич как никто другой понимал, что профессиональное мастерство будет подлинно высоким лишь в том случае, если оно зиждется на прочном фундаменте общей культуры. Ведь не зря игра на арфе и танцы входили в число 7 рыцарских искусств, а на Востоке воин упражнялся в каллиграфии не менее усердно, чем в умении владеть мечом.

В самом деле, культура мышления командира, культура управления и так называемая «штабная культура» являются частью общей культуры и не могут быть выше нее по определению. Следовательно, если бы общий уровень культуры советских командных кадров в годы войны был высок, то потеря было бы меньше. К столь глубокому выводу Главный маршал артиллерии пришел в результате серьезной работы с группой военных ученых над проблемой потерь в ходе Великой Отечественной войны. Вот еще одна важная причина, по которой академии должны располагаться в крупных культурных центрах, чтобы офицер во время учебы мог систематически посещать театры, картинные галереи, музеи...

Впрочем, интуитивно Николай Николаевич и раньше ощущал зависимость между уровнями потерь и культуры командных кадров: еще в 1940 году он хотел ввести в программу училищ музыку, риторику, танцы, но война помешала...

Предвидя будущее, Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов создал факультет реактивной артилле-

рии, ставший кузницей кадров для ракетных войск, создание которых было уже не за горами. В то же время он твердо выступал против перегибов, наметившихся в военном строительстве, утверждал, что появление ракет не должно выводить с поля боя артиллерию, и требовал совершенствования старейшего рода войск.

Такая точка зрения не могла не раздражать Н. С. Хрущева, находившегося в плену иллюзий, будто все проблемы обеспечения безопасности и жизненно важных интересов страны можно решить лишь при помощи ракет, даже невзирая на то, что ни количество их, ни качество пока еще не достигли должного уровня. Противники этих взглядов либо изгонялись из Вооруженных сил, либо отстранялись от активной деятельности. В 1958 году Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов был переведен в Группу генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Избавившись от оппонентов, Никита Сергеевич развернул бурную деятельность по уничтожению лишь недавно покинувших заводские цеха самолетов, современных, еще не успевших сойти со стапелей боевых кораблей, бронетанковой техники и артиллерии. Пушки и гаубицы в массовых количествах отправлялись на переплавку, артиллерийские части расформировывались, программы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ сворачивались. Размеры экономических потерь от подобных преобразований трудно представить даже спустя десятилетия, а ведь ущерб страна несла не только экономический.

Николай Воронов мириться с подобной ситуацией упорно не желал и продолжал подавать свой голос в защиту ствольной артиллерии. Прошло несколько лет, и время подтвердило правильность взглядов великого артиллериста. Он увидел, как исправляются допущенные Хрущевым ошибки, как поступают на вооружение новые самоходные и буксируемые орудия, как восходит на новую ступень могущества его любимый род войск.

Возможно, это были самые счастливые годы в жизни маршала. В большой ленинградской квартире жили сам Николай Николаевич с супругой Любовью Михайлов-

ной, его отец, Николай Терентьевич, сын Владимир со своей женой Кирой, дочерью знаменитого артиста Качалова, и их дети, Женя и Лена. Дружная семья старалась не пропустить ни одной театральной премьеры, двери дома всегда были распахнуты для гостей, в числе которых бывали замечательные актеры Василий Меркурьев и Николай Черкасов.

Сын маршала, Владимир, ставший офицером еще во время войны и отлично проявивший себя в боях ее заключительного этапа, преподавал в военном училище. Николай Николаевич всегда считал научно-педагогическую деятельность исключительно важной и сам не упускал случая встретиться с молодежью, поделиться бесценным опытом, работал за письменным столом, анализируя пройденный путь, извлекая уроки для следующих поколений.

В 1965 году Главный маршал артиллерии, согласно полученному от Правительства СССР поручению, выехал во Францию на празднование 20-й годовщины победы над фашизмом. Президент Шарль де Голль тепло встретил старого знакомого и после парада на Елисейских полях подарил ему три тома своих мемуаров.

— Вы, господин Воронов, хорошо знаете французский язык. Прочтите мои книги.

Ответным подарком стала книга воспоминаний советского полководца «На службе военной».

Инспектор ВВС Франции генерал Луи Дельфино, в годы войны командир знаменитого авиаполка «Нормандия-Неман», вручил Николаю Николаевичу памятную медаль. Тогда же во Францию пришло известие о присвоении Главному маршалу артиллерии Н. Н. Воронову звания Героя Советского Союза.

— Поздравляю с высокой наградой, — сказал, пожимая руку, генерал де Голль. — И как президент Франции радуюсь, что первым из иностранцев выполняю эту приятную миссию. Скажу откровенно, как военный военному: я очень люблю поздравлять с победой друзей, даже если друзья — иностранцы...

Год спустя маршал Воронов сопровождал президента Франции в поездке по Советскому Союзу.

— Вы прочли мои книги, господин Воронов? — спросил высокий гость.

— Да, конечно. А мой сын Владимир перевел главу о вашей поездке в Москву во время войны на русский язык.

Беседы были долгими и дружескими, при этом высокий гость развивал мысль, высказанную им еще в 1944 году, о том, что Россия и Франция с давних пор симпатизировали и помогали друг другу. И если дружба между этими великими странами продолжится дальше, то в Европе настанет устойчивый и длительный мир.

— Настоящая Европа — это Европа от Атлантики до Урала, — сказал великий француз, прощаясь с великим артиллеристом.

Они хотели увидеться вновь, но состояться следующей встрече было не суждено: 12 февраля 1968 года Главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова не стало. Он отправился в последний путь к Кремлевской стене. На пушечном лафете!

Причиной кончины были последствия злополучной автомобильной катастрофы 1939 года, в которой будущий маршал чудом уцелел благодаря подарку Долорес Ибаррури. Нет, не просто красивую авторучку вручила тогда «полковнику Вольтеру» Пасионария: она подарила ему почти 30 лет жизни, а Советскому Союзу — великого артиллериста. Настоящего Повелителя Огня!

Главный маршал авиации А. А. Новиков

Маневры Белорусского военного округа в 1937 году прошли успешно. Особенно отличилась 42-я авиационная эскадрилья: действуя на глазах самого Ворошилова, она заслужила очень высокую оценку. Нарком обороны был удивлен, узнав, что командир эскадрильи, полковник Новиков, лишь недавно сменил эмблемы офицера пехоты на авиационные...

Впервые он увидел самолеты в 1921 году. Лежа на льду Финского залива, молодой командир Красной армии наблюдал, как крылатые машины наносят бомбовые удары по засевшим в Кронштадте мятежникам. К этому времени паренек из бедной крестьянской семьи успел окончить ученическую семинарию и поработать заведующим внешкольным центром Нерехтинского уезда Костромской губернии.

В июне 1919 его отец, Александр Иванович, был призван в Красную армию. Забота о семье легла на юношеские плечи, и младший Александр Новиков устроился в Пешевскую среднюю школу, благо была она рядом с деревней Крюково, где он впервые увидел свет 6 декабря 1900 года.

Вскоре настал его черед встать в воинский строй. Активный, грамотный красноармеец обратил на себя внимание командования и был рекомендован для учебы на Курсах красных командиров в Нижнем Новгороде. Обучали молодежь старые военные специалисты. Один из них, Борис Иннокентьевич Кузнецов, опытным офицер-

ским взглядом увидел в курсанте Новикове нечто многообещающее и разрешил ему пользоваться своей библиотекой, подбирая книги таким образом, чтобы они способствовали формированию будущего командира.

Александр Новиков наставника не подвел. Получив назначение на Северный фронт, он, будучи уже начальником разведки полка, проявил себя в боях за Петроград. Когда наступило затишье, принялся добиваться перевода на более активный участок. Так и оказался на льду перед Кронштадтом.

Хорошая весть пришла спустя несколько месяцев после подавления мятежа: наставник, Б. И. Кузнецов, назначен начальником штаба Отдельной Кавказской армии и теперь вызывает молодого командира к себе! Новиков поспешил в Тифлис. На сердце было радостно — ведь он будет служить под руководством Бориса Иннокентьевича. Но тот при первой же встрече направил Александра на курсы «Выстрел»: молодому командиру еще многому следовало научиться.

Новиков приуныл: провести еще чуть ли не целый год за школьной партой не хотелось. Но, приехав в подмосковное Кусково, где размещались тогда курсы, понял, насколько начальник был прав.

Занятия шли одно другого интереснее, что ни день, то открытие. Лекции читать приезжали даже такие светила, как легендарный А. А. Брусилов. Знакомили слушателей и с новейшими образцами военной техники — бронеавтомобилями, танками и конечно же с самолетами. Более того, даже полеты им устраивали, — разумеется, в качестве пассажиров.

Красный командир Новиков впервые вышел из кабины полотняного биплана с горящими глазами. Чувство полета захватило полностью. Он понял: дальнейшая судьба — авиация. Но... человек предполагает, а начальство располагает. И вместо учебы в Институте инженеров Красного Воздушного флота, куда Александр Новиков намеревался поступить после окончания курсов «Выстрел», ему пришлось в качестве начальника штаба спецотряда преследовать в горах Кавказа банду некоего Челобаева. Тот, знаток местных троп и обыча-

ев, вскоре улизнул в Турцию, и Александр вернулся в Тбилиси, где его ждала невеста, юная Милица.

Свадьба получилась скромной, но разве блеском и размахом определяется будущая семейная жизнь? А складывалась она как нельзя лучше, так же как и служба. В 1923 году Новиков был назначен командиром батальона Военно-политической школы Отдельной Кавказской армии, а четыре года спустя поступил в академию РККА.

Военная мысль тогда воистину бурлила, стремясь найти ответы на многочисленные вызовы времени. Творческие дискуссии кипели далеко за полночь, слушатели с энтузиазмом обсуждали взгляды отечественных и зарубежных теоретиков. Нипочем были им ни огромная учебная нагрузка, ни бытовые трудности. Жены, в том числе и Милица Константиновна, переносили все стойко, с юмором, давая мужьям полностью погрузиться в военную науку.

Труды Б. М. Шапошникова и А. А. Свечина стали для Новикова настольными книгами. Он изучал работы А. В. Сергеева, встречался и беседовал с профессором А. Н. Лапчинским, автором четырехтомного труда «Воздушный справочник», вместе со своим товарищем по учебной группе артиллеристом Н. Н. Вороновым размышлял о применении современной военной техники в свете новейшей теории глубокого наступательного боя и операции В. К. Триандафиллова.

Широта интересов Новикова восхищала преподавателей, а завидная работоспособность поражала даже его жадных до знаний товарищей. Будучи еще слушателем, он стал автором труда «Военное дело», рекомендованного в качестве учебного пособия. Случай в истории академии уникальный...

Успешно сдав выпускные экзамены, Александр Александрович получил назначение в Смоленск, где располагался 11-й стрелковый корпус. Его командир, герой гражданской войны Е. И. Ковтюх, оценил кругозор и образованность выпускника академии и сразу же выдвинул его на должность начальника оперативного отдела штаба. Комкор любил обсуждать с талантливым

офицером различные военно-научные темы и, разумеется, скоро узнал об увлечении подчиненного авиацией. Вот почему, когда в середине 1931 года было принято решение о переводе наиболее подготовленных общевойсковых офицеров в Военно-воздушные силы, то кандидатура Новикова оказалась одной из первых.

Сам Александр Александрович, получив неожиданное предложение, растерялся: да, он любит и знает авиацию, но как офицер сухопутных войск. А новая деятельность требует все же иной профессиональной подготовки. Да и Смоленск покидать не хотелось, ведь совсем недавно семья, в которой было уже четверо детей, получила квартиру в новом пятиэтажном доме. Как радовалась Милица Константиновна, повидавшая и съемное жилье, и крохотные комнаты общежития! А теперь опять «готовься к отъезду»?

Сомнения рассеял командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич. Он объяснил, что быстрый количественный рост авиации привел к настоящему кадровому голоду и теперь она испытывает большие трудности. Ситуацию могут спасти лишь всесторонне подготовленные офицеры из других видов Вооруженных сил, такие как Александр Новиков. Ну а переезд отменяется: 450-я авиабригада, штаб которой предстоит возглавить, расположена здесь же, в Смоленске.

Первые месяцы службы в новом качестве дались нелегко, но Александр Александрович быстро вошел в курс дела. Вскоре и сам внес кое-что новое в боевую подготовку авиации: по его предложению летчики начали изучать тактику сухопутных войск с целью лучшей организации взаимодействия. Через полгода он уже самостоятельно руководил авиагруппой в ходе учений, причем вполне успешно, если не считать... груженной сеном телеги, в полном соответствии с законом подлости оказавшейся в районе целей при бомбометании. К счастью, обошлось без жертв. Но для того, чтобы быть по-настоящему своим среди летчиков, заслужить их уважение и приобрести авторитет, нужно самому стать летчиком. Причем очень хорошим.

Преодолев сопротивление врачей (зрение не совсем

«соколиное»), начальник штаба приступил к обучению по особой программе, составленной лично для него командиром бригады Е. С. Птухиным. Сначала У-2, потом легкий бомбардировщик Р-5, и вот он уже разговаривает с рыцарями неба на одном языке!

Удар последовал внезапно с неожиданной стороны: в мае 1933-го не стало младшего сына, Игоря. Милица Константиновна погрузилась в глубокую печаль. Как утешить ее, если сутки расписаны буквально по минутам?

Два года спустя Александр Александрович проводил в последний путь и жену. Неужели за короткое счастье нужно платить столь дорого? Жить не хотелось. Но надо: есть дети, служба, Родина. Офицер, стиснув зубы, еще глубже ушел в работу...

Летом 1935 года в небе Белоруссии, вызывая изумление наблюдателей, проплыли десятки огромных четырехмоторных бомбардировщиков ТБ-3, раскрылись сотни парашютных куполов. На захваченные десантом аэродромы условного противника приземлялись тяжелые машины с артиллерийскими орудиями, бронемашинами и даже танками.

Ни одна армия мира в то время не была способна продемонстрировать ничто подобное, кроме советской, сумевшей реализовать передовые достижения военной мысли.

Рост могущества авиации всего лишь за несколько лет был настолько впечатляющим, что Александр Александрович решил окончательно перейти на летную работу, пусть даже ценой значительного — на три ступени — понижения в должности. Так вчерашний начальник штаба бригады стал командиром эскадрильи легкомоббардировочного полка. Правда, эскадрилья в то время была подразделением весьма немалым и включала четыре отряда по 10 самолетов Р-5 в каждом.

Согласно невеселой кадровой шутке, освоение должности в обратном порядке — от вышестоящей к нижестоящей — проходит, как правило, легче и проще, чем в прямом. Это было успешно доказано. В короткий срок эскадрилья стала лучшей в бригаде, а ее командиру в марте 1936 года было присвоено воинское звание «пол-

ковник». Заботу об оставшихся без матери детях взяли на себя родители Александра Александровича, а сам он по-прежнему трудился как одержимый, стараясь работой заглушить боль утраты. В служебном отношении небо казалось ясным. Тем неожиданнее оказались раскаты грома!

Летом 1937 года эскадрилья в течение всего нескольких недель потеряла 75 человек — не убитыми и ранеными в боях, а арестованными как «враги народа». При этом члены Коммунистической партии предварительно исключались из ее рядов на собрании первичной организации.

Дело командира эскадрильи слушалось одним из первых. Указание сверху гласило: «Из партии исключить». Но случилось невероятное: собрание проголосовало «против»! Строгий выговор — вот и все, чего удалось добиться вышестоящим партийным инстанциям.

Первичную организацию обвинили в политической слепоте и либерализме, а полковника Новикова, чтобы не оказывал на нее давления, уволили из армии. Но бывший командир эскадрильи сдаваться не собирался и обратился с жалобой к члену Военного совета Белорусского военного округа А. И. Мезису. Тот рекомендовал восстановить товарища Новикова в должности и звании — больше сделать не успел, сам был арестован.

Опальный полковник вернулся на службу и снова вывел свою эскадрилью на первое место. 10 марта 1938 года партийная комиссия бригады, учитывая, что «товарищ Новиков отмеченные недостатки исправил, связей с сомнительными женщинами не имеет, среди бойцов и командиров части пользуется авторитетом», постановила партийное взыскание — строгий выговор — снять.

Впервые за многие месяцы Александр Александрович шел по коридору управления ВВС округа. Говорят, беда одна не приходит. Может быть, и удача тоже? Прямо навстречу ему шагал комбриг Е. С. Птухин, только что вернувшийся из Испании. Они не виделись полтора года. Старшего товарища в трудный момент не было рядом, и не мог он протянуть руку помощи.

Полковник Новиков искренне обрадовался, узнав, что комбриг Птухин назначен командующим ВВС Ленинградского военного округа, но, когда услышал предложение стать его начальником штаба, растерялся и ответил отказом. Ведь опытом работы такого масштаба он не располагал совершенно! К счастью, комбриг Птухин умел убеждать...

Размах новой деятельности был таков, что дух захватывало. В округе дислоцировались 7 авиационных бригад, число же самолетов превышало тысячу и продолжало возрастать.

Интенсивно шла боевая подготовка, активно осваивался и внедрялся в практику передовой опыт воздушных боев в Испании и на озере Хасан. Особое внимание Птухин уделял организации взаимодействия с сухопутными войсками, в чем его начальник штаба был несомненным специалистом.

Александр Александрович организовал оперативно-тактическую подготовку в соответствии с передовыми взглядами, отраженными в Инструкции по глубокому бою, отрабатывая вопросы подготовки и ведения воздушной операции, управления авиационными частями в воздухе, противовоздушной обороны фронта, промышленных и политических центров, отдельных важных объектов.

Летчики учились метко стрелять, вести воздушную разведку, осваивали новые типы машин — истребители И-16, бомбардировщики ТБ-3 и СБ. Начальник штаба ВВС старался подавать личный пример и, несмотря на занятость и возраст, уже не лучший для пилотирования машин такого класса, начал полеты на истребителе.

Авиаторы работали с полной отдачей сил, ибо приближение грозных событий уже ощущалось. В марте 1938 года гитлеровцы безнаказанно оккупировали Австрию и развернули открытую подготовку к вторжению в Чехословакию. Советский Союз пытался создать в Европе коалицию для обуздания агрессора и вступил в переговоры с Великобританией и Францией.

Но лидеры этих стран, Н. Чемберлен и Э. Даладьё, на деле преследовали цели совершенно противополож-

ные — направить блок нацистских государств и Польшу на восток. Поняв бесполезность переговоров, советское правительство выразило готовность оказать помощь Чехословакии самостоятельно, без Англии и Франции. Однако польское правительство, соблазненное обещаниями Гитлера в получении доли добычи после совместного похода на Москву, отказалось даже обсуждать вопрос о пропуске советских войск через свою территорию.

30 сентября 1938 года лидеры Англии и Франции подписали в Мюнхене договор с Гитлером, поощряя его агрессию на восток и принося Чехословакию в жертву своим геополитическим интересам. В марте следующего года эта небольшая страна была полностью оккупирована войсками нацистской Германии и Венгрии. Польша также постаралась не упустить выгодный момент и, по словам У. Черчилля, «с жадностью гиены» заняла Тешинскую область Чехословакии. Но скоро и сама стала объектом гитлеровской агрессии.

Англо-французская сторона действиями фюрера была разочарована, но надежд не потеряла. Формально объявив войну Германии, никакой активности она демонстративно не проявляла, давая понять Гитлеру, в какую сторону ему следует направить свои танки. Более того, уверенность в способности манипулировать агрессором была все еще столь велика, что в штабах союзников по-прежнему продолжали разрабатывать планы операций против Советского Союза. На этот раз центром приложения усилий становилась Финляндия, которой надлежало сыграть роль застрельщика в будущей войне.

Плацдарм, что и говорить, выгодный — ведь до важнейшего Ленинградского промышленного района было рукой подать. Финские националистические круги чувствовали поддержку, и тон их газет становился все более агрессивным.

В Кремле в свою очередь решали обратную задачу, прекрасно понимая, кто в своих интересах разыгрывает финскую карту, на чью помощь рассчитывает правительство Финляндии, соблазненное даже не обещаниями а скорее надеждами на долю в добыче. Значит,

столкновение возможно не только с Финляндией, и готовиться к нему нужно серьезно.

Все предложения советского правительства, одно другого выгоднее, были отвергнуты, и 26 ноября 1939 года началась война. Трудности возникли после того, как стрелковые дивизии, преодолев полосу прикрытия, уперлись в линию Маннергейма — этот действительно выдающийся комплекс оборонительных сооружений. Одну из причин неудачи командарм К. А. Мерецков увидел в недостаточной эффективности авиации, наносившей удары по целям в глубине обороны и мало помогавшей наступающим войскам.

Александр Новиков спорить не стал и даже взял большую часть вины на себя. Он был убежден, что главным в критических ситуациях является не поиск виновных, а трезвый и глубокий анализ причин неудачи, пересмотр неверных взглядов, уточнение ранее принятых решений, переработка планов и напряженная работа по претворению их в жизнь.

В первую очередь необходимо было тщательно организовать воздушную разведку противника, которую по вполне понятным причинам до начала боевых действий вести было невозможно. Мешают туманы? Оборудовать аэродромы на льду, где видимость всегда лучше. И если старый добрый принцип Эпаминонда — решительное сосредоточение сил и средств на главном направлении — так хорошо работает на земле, то почему бы не применить его и в воздухе?

Так штаб ВВС Северо-Западного фронта впервые в Советском Союзе стал планировать массированное применение авиации на направлении главного удара.

С целью улучшения взаимодействия с сухопутными войсками по предложению А. А. Новикова была организована совместная работа авиационных и общевойсковых командиров на переднем крае стрелковых корпусов и дивизий. Их штабы, также совместно, разрабатывали плановую таблицу боя, где по времени и рубежам координировались действия пехоты, артиллерии, танков и авиации. Но взаимодействие должно быть постоянным, и, как бы хорошо ни было оно орга-

низовано перед боем или операцией, ход событий неизбежно внесет свои коррективы.

Чтобы предотвратить ослабление и тем более исчезновение взаимной координации усилий, была создана особая служба делегатов связи. В ее состав входили наиболее подготовленные в тактическом отношении офицеры ВВС, которые направлялись на командные пункты стрелковых корпусов с задачей информировать авиационные штабы о всех изменениях в положении наземных войск, а общевойсковые — о каждом вылете авиации.

Разумеется, комбриг Новиков постарался сделать все, чтобы максимально приблизить действия авиации к линии боевого соприкосновения, добиться уверенного поражения целей непосредственно перед наступающей пехотой и танками. Теоретически он был готов к решению и, будучи слушателем военной академии, не раз обсуждал ее со своим другом Н. Н. Вороновым. Теперь они вновь встретились здесь, на линии Маннергейма. Старая дружба помогала делу.

Днем положение войск обозначалось сигнальными полотнищами, ночью — фонарями «летучая мышь», в лесистой местности применялись дымы и ракеты. При этом визуальные сигналы кодировались так, чтобы исключить дезинформацию со стороны противника.

Результаты напряженной работы вскоре сказались: с 11 по 19 февраля 1940 года авиация сильными, точными ударами по важнейшим фортам и огневым позициям артиллерии весьма ощутимо помогла успешному прорыву главной полосы обороны противника. Взаимодействие с пехотой и танками было тесным, и все же нужны были самолеты поля боя, штурмовики и пикировщики, способные поражать малоразмерные точечные цели.

Но в еще большей степени тревожило Новикова существовавшее тогда разделение авиации на армейскую, подчиненную командующим общевойсковыми армиями, и фронтовую, находящуюся в непосредственном подчинении командующего фронтом. При такой организации централизованное управление становилось весьма затруднительным, а быстрое сосредоточение

авиации в единый кулак и стремительный маневр ею на другое направление — почти невозможным. Несомненно, руководить всей авиацией должно лишь одно звено, фронтовое...

Мирные переговоры с Финляндией начались 12 марта, днем позже прекратились и боевые действия. Орден Ленина и воинское звание «комдив» — так был оценен вклад А. А. Новикова в победу.

Уроки недавней войны тщательно анализировались на самом высоком уровне, а меры, в том числе и кадровые, в соответствии с полученными выводами принимались незамедлительно.

В августе 1940 года Сталин предложил перевести комкора Е. С. Птухина в Киевский военный округ.

— Кого назначим на его место? — спросил один из участников совещания.

— Надо ли искать кандидатуру? Есть начальник штаба, товарищ Новиков. Он работал хорошо, проверен в финскую войну. Пусть он и командует в Ленинграде, — решил Сталин...

— Потому-то тебя, друг мой, и не вызвали в ЦК перед назначением, — говорил Птухин, вернувшись из Москвы. — Раз твою кандидатуру выдвинул сам Сталин, какие могут быть беседы? Принимай дела. Большому кораблю — большое плавание!

Крупные опытные учения по высадке воздушного десанта с артиллерией и танками, внедрение свежего опыта в практику боевой подготовки и конечно же изучение летчиками тактики общевойскового боя, без чего невозможна организация взаимодействия с другими родами войск, — вот на чем сосредоточил внимание новый командующий. Комдив Новиков работал увлеченно, зажигая людей идеями. Хотя добиться приемлемого уровня боеспособности, поддержать его и тем более поднять на следующую ступень было нелегко.

Советская авиация в целом продолжала испытывать все те же трудности роста. Набиравшая силу промышленность возрастающими темпами поставляла истребители, бомбардировщики, транспортные и учебные машины. Ангаров для них катастрофически не хватало,

авиационная техника обычно хранилась под открытым небом, что для дерево-полотняных конструкций того времени было весьма пагубно. Аэродромы с твердым покрытием встречались нечасто, а возможности средств технического и аэродромного обеспечения все больше отставали от бурно растущего авиапарка.

Немалые проблемы доставлял и квалифицированный технический персонал — вернее, его дефицит. Ведь авиационный техник, так же как и летчик, после учебы должен набраться мастерства, созреть в профессиональном отношении под руководством опытного наставника и требовательными взглядами старших товарищей. Впрочем, с летным составом дело обстояло не лучше.

Задача, поставленная правительством, — дать стране 100 тысяч летчиков — исполнялась за счет сокращения сроков подготовки при одновременном расширении сети учебных заведений. Училища ощущали острый недостаток квалифицированных преподавателей, инструкторов, учебных пособий и оборудования, автомобилей для обеспечения жизнедеятельности и учебного процесса, бензина для этих самых автомобилей. Молодые пилоты приходили в части, зачастую имея лишь 12–14 часов полетов и скромный багаж теории.

Штурманская подготовка соответствовала летной, поэтому экипажи без опытного командира — лидера — не могли ни выйти к цели, ни вернуться на свой аэродром.

Кроме того, авиационная техника в то время развивалась особенно стремительно: четыре-пять лет, и самолеты, недавно казавшиеся чудом, безнадежно устаревали, заменялись новыми. Значит, нужно было опять переучиваться, осваивать очередную модель, перестраивать на ходу весь шлейф материально-технического обеспечения, и прежде едва справлявшийся со своими задачами.

Подобное положение дел сопровождалось высочайшим уровнем аварийности.

— Вы заставляете нас летать на гробах! — воскликнул начальник Главного управления ВВС РККА П. В. Рычагов в ответ на упрек Сталина.

Тот обиделся: разве советское правительство жалеет что-либо для авиации? Разве страна не делает все возможное и даже невозможное, чтобы дать своим отважным соколам лучшие машины? Скорее героям боев в небе Испании, Китая, Халхин-Гола и Финляндии пока еще не хватает умения видеть проблему в целом, стратегического размаха мышления, а то и простой житейской мудрости. Оно и понятно: ведь в большинстве своем те, кто оказался в руководстве ВВС, не достигли еще и 40 лет...

В марте 1942 года генерал-лейтенант авиации Павел Васильевич Рычагов был арестован, а в октябре того же года расстрелян. Но причиной вероятнее всего послужила все же не обида Сталина, а показания генерал-полковника Г. М. Штерна, арестованного по обвинению в военно-троцкистском заговоре. На допросах он указал в числе заговорщиков-сообщников чуть ли не всех, кому не посчастливилось служить с ним в Испании. Было среди них и немало летчиков.

Частые изменения в руководстве Военно-воздушных сил и напряженная атмосфера повышению боеспособности не способствовали. Между тем грозные события неотвратимо надвигались...

В тот день генерал Новиков вернулся домой, как обычно, поздно. Стрелки на циферблате показывали час ночи 22 июня. Принять душ, немного поспать и ранним утром в дорогу: предстоит лететь в Москву для принятия назначения на должность командующего ВВС Киевского Особого военного округа. Опять он будет принимать бразды правления у своего друга Е. С. Птухина, которого, вероятно, ждет заслуженное повышение.

Откуда же было Александру Александровичу знать, что ждут его старого друга не должность и звание, но арест и расстрел из-за показаний того же Г. М. Штерна?

Звонок телефона: вызывает начальник штаба округа. Голос был взволнован, почему — генерал Новиков понял, прибыв в кабинет. На рассвете ожидается нападение Германии на Советский Союз. К этому времени Директива № 1, подписанная наркомом обороны С. К. Тимошенко и начальником Генерального штаба Г. К. Жуковым, тре-

бовала «рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе войсковую, и тщательнее замаскировать. Прикрытие воздушных объектов привести в боевую готовность, без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов. Никаких других действий без особого распоряжения не предпринимать».

Война. Ее ждали, но пришла она все равно неожиданно...

Генерал Новиков склонился над рабочей тетрадью. Нужно составить четкий план ближайших действий. Количество мероприятий, которые необходимо провести, огромно.

Прежде всего — рассредоточить авиацию по полевым аэродромам. Александр Александрович хорошо знал, с чего начинались гитлеровские кампании в Европе. Затем — аэродром в Горелово, куда прибывают новые истребители МиГ-3. Немедленно собрать их, ввести в строй, освоить! Сотня таких машин — это немало!

Война застала авиацию округа в стадии реорганизации. Более половины частей не укомплектованы новыми самолетами, а те, что успели перевооружиться, освоили их лишь на 25 процентов. Что же касается полков формирования, то они пока и вовсе не имеют ни личного состава, ни техники — только номера да штабы. Более 700 молодых пилотов совсем недавно прибыли из летных школ и еще не успели завершить программу обучения в частях.

Но не все так уж плохо! Прежние типы машин хорошо освоены, есть и настоящие асы с опытом Испании и Халхин-Гола, да и число боеготовых самолетов округа превышает тысячу.

А что же противник? 5-й воздушный флот рейха вместе с финской авиацией имеет 900 машин. Но превосходит качеством техники, вооружения, аэродромов, — каждого в отдельности и всей сети в целом, — наземного оборудования и еще многого другого. А главное, в кабинах «мессершмиттов» и «юнкерсов» сидят бывалые, обстрелянные летчики, а на земле их машины к полету готовят опытные, умелые техники.

Прикрыв самое опасное — Выборгское — направление двумя наиболее подготовленными дивизиями, генерал Новиков расположил подчиненную лично ему группу из 317 самолетов к югу от Ленинграда, а 153-й авиаполк, укомплектованный молодыми летчиками, направил к Петрозаводску. Пусть наберутся мастерства на спокойном участке, готовясь к будущим схваткам.

Юго-западное направление, со стороны Восточной Пруссии, у командования Ленинградского округа опасений не вызывало и в расчет не принималось. Ведь там стоял целый Северо-Западный фронт!

Поведение командующего ВВС округа внушало уверенность подчиненным: нет ни малейшей растерянности или признаков волнения. Напротив, не вызывающая сомнений вера в победу, реалистичность в оценке обстановки и спокойствие благотворно действовали на командиров и штабы, передавались войскам. Новиков готовился к защите неба Ленинграда, но с первых часов войны думал о завоевании оперативного господства в воздухе. Ведь при вторжении в Польшу, Данию, Бельгию, Голландию, Францию гитлеровские военно-воздушные силы сразу же захватили инициативу мощными ударами по аэродромам противника на всю глубину базирования его авиации. Судя по скудным сообщениям с других фронтов, нечто подобное повторилось и при нападении на Советский Союз.

Воздушная операция! Вот что нужно, чтобы обезопасить Ленинград, и как можно скорее. Необходимо упредить врага и самим нанести массированный удар по его аэродромам. Дорог каждый час, ибо, когда армады фашистских бомбардировщиков потянутся к городу, будет поздно.

Идею поддержали. Прикинули возможности. Оказалось, что к операции можно привлечь почти 500 самолетов. Немало!

— Одновременно, от Выборга до Мурманска! — воскликнул один из штабных офицеров. — Такого история оперативного искусства еще не знала!

Рассчитана продолжительность операции — 6 суток, действия всех частей авиации, в том числе морской,

скоординированы по месту и времени бомбо-штурмовые удары, определены их методика и последовательность, избраны первоочередные цели, маршруты полетов, не забыта и противовоздушная оборона Ленинграда. Работа колоссальная, и все за 24 часа!

Замысел операции был доложен командующему Ленинградским фронтом М. М. Попову и члену Военного совета Н. Н. Климентьеву. Те переглянулись.

— Если не будем медлить, — убедительно завершил доклад генерал Новиков, — ослабим северную авиационную группировку врага, сорвем его массированные налеты на Ленинград и начнем борьбу за господство в воздухе!

План получил одобрение в Ставке Верховного главнокомандования и был утвержден. Еще сутки на завершение подготовки, — и генерал Новиков принимал доклады авиационных командиров о готовности к массированным ударам. Их голоса были полны энтузиазма.

Воздушная операция, в которой действовало более 500 самолетов, началась в точно установленный срок ударом по 20 вражеским аэродромам. На четвертый день войны!

Гитлеровские асы такого не ожидали. Они привыкли сами проделывать нечто подобное с противником, но оказаться под бомбами на собственных аэродромах... Это случилось впервые.

Генерал Новиков руководил операцией уверенно и твердо. За один день на земле и в воздухе был уничтожен 41 самолет противника, при этом советские летчики вернулись без потерь. А всего за 6 суток воздушной операции удалось подавить 39 аэродромов, в люфтваффе недосчитались 130 самолетов. Гитлеровцы были вынуждены оттянуть свою авиацию на тыловые базы. Угроза налетов на Ленинград миновала!..

Но беда пришла с другой стороны. К 27 июня стало ясно, что 4-я танковая группа и 16-я полевая армия противника через Даугавпилс, Остров, Псков и Лугу рвутся к Ленинграду. Если соседний Северо-Западный фронт не собьет темпы их наступления, то бои скоро развернутся на подступах к городу. Активность люфтваффе

снова возросла, в небе Ленинграда все чаще случались схватки краснозвездных истребителей с «юнкерсами» и «мессершмиттами».

Советские летчики сражались геройски, вплоть до тарана. Так, 26 июня младший лейтенант П. Харитонов ударом своего И-16 вогнал в землю «юнкерс-88», после чего сам благополучно приземлился. На следующий день такой же подвиг совершил М. П. Жуков. Оба летчика по представлению генерала Новикова были удостоены звания Героя Советского Союза. А 30 июня экипаж морской авиации в составе младшего лейтенанта П. С. Игашева, штурмана Д. Г. Парфенова, стрелка-радиста А. М. Хохлачева и воздушного стрелка В. Л. Новикова на своем горящем бомбардировщике ДБ-3 таранил истребитель Ме-109!

Однако обстановка продолжала осложняться. К 5 июля оборона проходила по рубежу реки Луга и от Кингисеппа до озера Ильмень. Генерал Новиков нацелил главные силы авиации на помощь войскам Северо-Западного фронта. Теперь он действовал в интересах двух оперативно-стратегических объединений.

10 июля были организованы командования северо-западного, западного и юго-западного направлений. При этом в состав Северо-Западного направления под командованием маршала К. Е. Ворошилова вошли Северный и Северо-Западный фронты, а также Балтийский и Северный Флот. Командующим ВВС вновь созданного объединения стал генерал А. А. Новиков.

Между тем давление противника продолжало нарастать по всей линии боевого соприкосновения. На Карельском перешейке финские войска пробивались к северо-восточному побережью Ладоги и расчленили надвое 7-ю армию, угрожая ударом в тыл Выборгской группировке советских войск.

К этому времени противник имел двойное численное превосходство в воздухе, еще более возраставшее благодаря качеству его техники и выучке личного состава. Но главным преимуществом люфтваффе было организационное. Именно оно позволяло гитлеровским стратегам быстро перебрасывать свои воздушные эскадры на

важные направления, добиваться там превосходства, с легкостью восполнять потери.

Генерал Новиков, в свою очередь, не только видел, но чуть ли не физически ощущал недостатки организационных форм советской авиации. Ее деление на армейскую и фронтовую приводило к равномерному распределению сил по фронту, увеличивало продолжительность цикла управления, затрудняло маневр, не позволяло проводить в жизнь ряд важнейших тактических принципов.

Благодаря поддержке маршала К. Е. Ворошилова, с пониманием принявшего и одобрявшего начинания, Александр Александрович проводил перестройку на ходу, лишь формально сохраняя прежнее деление авиации, собирал ее в единый кулак, ликвидируя промежуточные звенья управления. Собственные воздушные силы остались только у 14-й и 7-й армий, да и то ввиду удаленности их от Ленинграда.

Результаты правильных решений, энергично претворенных в жизнь, сказывались быстро. Противнику так и не удалось реализовать свое численное, качественное и организационное превосходство. Борьба в воздухе шла, по сути дела, на равных. Асам люфтваффе успешно противостоял талант авиационного военачальника, помноженный на массовый героизм советских летчиков, сражавшихся в небе до последнего патрона, на пределе физических возможностей совершавших по 5–6 боевых вылетов в день.

Совершенствуя централизацию управления, генерал Новиков не забывал и о противоположном методе. Там, где было целесообразно, он применял децентрализацию. Так, каждое авиационное соединение получило свою зону разведки и уничтожения вражеских самолетов на земле и в воздухе, что повысило эффективность противовоздушной обороны. Тому же способствовало и внедрение таких новинок, как радиолокационные станции «Редут» с дальностью обнаружения воздушных целей до 100 километров.

Военачальник чутко следил за общей обстановкой и, как только напряжение боев на Лужском рубеже осла-

бело, вновь приступил к нанесению ударов по вражеским аэродромам. 20 июля группа истребителей сумела уничтожить на земле 14 самолетов противника, затем еще два удара нанесли бомбардировщики. В результате гитлеровское командование недосчиталось 55 машин. Такого эффекта не ожидал и сам генерал Новиков.

Следующим шагом в развитии успешной тактики было создание смешанных штурмовых групп из истребителей разных типов, составленных так, чтобы возможности каждого из них использовались наилучшим образом. Обычно такая группа включала самолеты И-153 («чайка») с авиабомбами, И-16 («ишак») с пушками и реактивными снарядами, а также скоростные Як-1, ЛаГГ-3 и МиГ-3 с обычным вооружением, Группа делилась на две подгруппы — ударную и прикрытия.

Первая на бреющем полете или с пикирования атаковала аэродром противника, вторая прикрывала ее с воздуха, уничтожала вражеские машины при попытке взлететь, а потом добивала их на земле. Тактика приносила успех. Враг терял самолеты десятками, но восполнял потери гораздо быстрее, чем советская авиация. К 20 августа соотношение сил составляло 2,5 : 1 в его пользу.

Гитлеровские войска продолжали наступление, упорно продвигаясь на Копорье, к южному побережью Финского залива, к Шлиссельбургу. Не снижалось давление противника и на Карельском перешейке. Учитывая положение, Ставка Верховного главнокомандования решила разделить Северный фронт на два самостоятельных, — Ленинградский и Карельский. Северо-западное направление упразднилось, а генерал Новиков назначился командующим авиацией Ленинградского фронта. Теперь в его распоряжении оставалось только 326 самолетов, треть из которых требовала ремонта.

В начале сентября жестокие бои шли уже на подступах к северной столице. Гитлеровские войска смогли замкнуть кольцо блокады вокруг Ленинграда, но выполнить приказ фюрера, — взять город с ходу — им так и не удалось. Тогда они решили прибегнуть к интенсивной бомбардировке с воздуха.

Крупный воздушный налет противника состоялся 8 сентября. Было сброшено огромное количество зажигательных бомб, в результате чего возникло 180 значительных очагов пожаров. Один из них уничтожил Бадаевские продовольственные склады. В эти и в последующие дни в небе над городом шли отчаянные бои. Советские летчики отвечали предельным напряжением сил — количество боевых вылетов достигло 8 в сутки. Летчики нередко теряли сознание при посадке.

10 сентября К. Е. Ворошилов сдал командование Г. К. Жукову. Последующие 27 дней генерал Новиков работал с новым командующим практически без сна и отдыха. Между ними быстро возникло взаимопонимание, и в последующем Жуков, получая приказ Сталина выехать на какой-либо ответственный участок фронта, просил направить вместе с ним и Александра Александровича.

Новый командующий постарался, чтобы Ставка выделила Ленинграду два авиаполка — бомбардировщиков Пе-2 и штурмовиков Ил-2. Те прибыли, хотя и не полностью укомплектованные. Но кстати: противник усилил натиск как на земле, так и в воздухе. Налеты его авиации следовали один за другим. Пытаясь уничтожить главную базу Балтийского флота, около четырех сотен фашистских самолетов трое суток подряд бомбили Кронштадт. Гитлеровское командование потеряло там 35 машин, но ожидаемых результатов не добились.

К исходу месяца положение стабилизировалось. Г. К. Жуков убыл в Москву, а для генерала Новикова едва ли не главной задачей стало обеспечение связи блокадного Ленинграда с Большой землей. Для снабжения города Ставка привлекла десятки транспортных самолетов и бомбардировщиков ТБ-3, снятых с других фронтов. Александр Александрович организовывал их прикрытие истребительной авиацией, строительство аэродромов, участвовал в формировании новых грузопотоков.

Транспортные машины уверенно преодолевали воздушную блокаду, но возможности авиации того времени были еще слишком малы, чтобы обеспечить осажденный город всем необходимым и в достаточном коли-

честве. По заснеженным улицам Ленинграда зашагал смертоносный призрак голода.

Генерал Новиков недоедал вместе с ленинградцами, хотя его подчиненные доставляли многие тонны драгоценных продуктов. Он считал, что вытерпит, летная норма куда больше нужна пилотам истребителей, чтобы те не теряли сознание в воздушном бою. Скромное поведение командующего ВВС фронта обеспечило ему больший авторитет в глазах подчиненных офицеров и генералов.

Между тем противник был намерен использовать трудности блокадного города. «6-го и 7-го будем бомбить, а 8-го будете хоронить!» — гласили фашистские листовки, сброшенные в начале ноября. Что ж, спасибо за предупреждение. Хотя генерал Новиков благодаря воздушной разведке ни на минуту не выпускал аэродромы противника из поля зрения. Он выждал, позволив гитлеровцам сосредоточить мощные группировки на передовых аэродромах, а затем уничтожил их двумя упреждающими налетами. Противник потерял 66 самолетов, и в праздничные дни небо над Ленинградом осталось спокойным.

Положение в городе несколько улучшилось зимой: помогла «Дорога жизни», проложенная по льду Ладожского озера. Для ее прикрытия решением командующего ВВС фронта была развернута сеть радиостанций, выделены авианаводчики, налажено взаимодействие с зенитной артиллерией. Эффективное управление истребителями с земли позволило надежно отражать налеты гитлеровской авиации на автоколонны, нанося ей при этом ощутимый ущерб.

Полученный опыт Александр Александрович внимательно анализировал и обобщал. Скоро он вновь пригодится, но в масштабах еще более крупных.

Несмотря на лишения, творческая инженерно-техническая работа в осажденном городе продолжалась. 11 января 1942 года на конференции изобретателей и рационализаторов инженер Э. И. Голованевский выдвинул идею об использовании телевидения для передачи данных о воздушных целях.

Генерал Новиков живо заинтересовался предложением: он хорошо знал и об успехах телевидения в предвоенном СССР, и о работах выдающегося ученого, впоследствии академика А. А. Расплетина. Командующий ВВС фронта понял, что если интегрировать телевидение и уже развернутую систему радиолокационного обнаружения, то возможности недавно созданного Ленинградского района ПВО возрастут еще больше!

Александр Александрович немедленно предпринял нужные шаги, и вскоре все необходимые специалисты были отозваны с фронта. Работая с поразительной быстротой, они заставили электронный луч вращаться, подобно часовой стрелке, по экрану, центр которого означал место установки радиолокационной станции «Редут». Любой приближавшийся к городу самолет отражался ярко светящейся точкой, и оператор при помощи прозрачной карты и шкалы с делениями на экране мгновенно определял дальность до цели.

Телевизионная камера считывала изображение с экрана, а затем оно в виде сигнала при помощи направленной антенны передавалось в штаб ПВО Ленинграда (радиорубку смонтировали прямо на крыше его здания), на главный командный пункт ПВО, а также на командные пункты истребительной авиации и зенитной артиллерии, где были установлены телевизионные приемники. Таким образом, передача данных о воздушной обстановке стала практически мгновенной.

Александр Александрович с нетерпением ждал, как покажет себя новинка в бою, но в самом начале февраля 1942 года ночным звонком был вызван в Смольный. Он с удивлением узнал, что ему надлежит срочно вылететь в Москву за новым назначением. Хотелось бы остаться в Ленинграде хотя бы до снятия блокады, но влиятельный А. А. Жданов в ответ на просьбу о содействии лишь развел руками:

— Не могу, приказ... Вылетайте завтра же.

Утром следующего дня генерал Новиков на последнем исправном бомбардировщике прибыл в Москву, а вечером вместе с генералами Г. А. Ворожейкиным, начальником штаба ВВС, и А. В. Никитиным, ответственным

ным за формирование и укомплектование этого вида Вооруженных сил, был в кабинете самого И. В. Сталина.

— Где обещанные резервы? — строго спросил Верховный главнокомандующий, обращаясь к Ворожейкину и Никитину.

Затем последовала нелюбезная беседа, в ходе которой Сталин вел себя так, словно генерала Новикова и вовсе в кабинете не было.

Александр Александрович недоумевал — зачем вызвали, — но, вернувшись в штаб, узнал, что его назначение первым заместителем командующего ВВС РККА состоялось! Смысл первой встречи с Верховным главнокомандующим состоял в том, что спрос будет строгим.

Идея назначения, как выяснилось, принадлежала генералу армии Г. К. Жукову. К нему-то, возглавлявшему в ту пору Западный фронт, и пришлось вылететь практически сразу же после визита в Кремль.

Прибыв на командный пункт, расположенный в Перхушково, генерал Новиков изучил данные обстановки. Утешительного оказалось мало.

33-я армия и 1-й гвардейский кавалерийский корпус были отрезаны от главных сил фронта в лесах юго-западнее Вязьмы. Далеко не так, как хотелось бы, шла и высадка 4-го воздушно-десантного корпуса в тыл противника. Планы и расчеты были составлены без учета реальных условий обстановки, схематично, исходный район десантирования слабо защищен в противовоздушном отношении. Потому противнику удалось одним авиационным ударом уничтожить 7 тяжелых самолетов и склад горюче-смазочных материалов, что сразу же резко снизило возможности транспортной авиации.

Необходимо было срочно перенести исходный район десантирования в Люберцы — Внуково, где аэродромы будут надежно прикрыты с воздуха, сформировать специальную авиагруппу, усилить воздушную разведку районов высадки, привлечь к участию в операции бомбардировщики дальней авиации, переработать и уточнить ранее составленные планы.

Все эти мероприятия генерал Новиков взял под свой личный контроль.

Положение несколько улучшилось — по сравнению с предыдущим этапом темпы высадки возросли втрое, — и все же картина десантирования весьма отличалась от предвоенных маневров, причем не в лучшую сторону.

Слабая штурманская подготовка экипажей и отсутствие радиосвязи приводили к тому, что высадка зачастую производилась вдалеке от запланированных районов, а десантники оказывались рассредоточенными на обширных пространствах, без достаточного количества боеприпасов, продовольствия и тяжелого вооружения. Не удалось также надежно прикрыть транспортные самолеты на маршрутах и подавить зенитную артиллерию противника. Сами же вылеты производились не по единому плану, а по мере готовности и поступления команд...

— Вот еще одна проблема, которую нужно решать, и безотлагательно, — закончив разбор операции, произнес генерал Новиков и поспешил на аэродром. Вызывает Ставка, как всегда, срочно, зачем — неизвестно.

Оказалось, сам Сталин пожелал обсудить его докладную записку, поданную совсем недавно с Западного фронта. Александр Александрович предлагал в ней отказаться от деления авиации на армейскую и фронтовую, создать авиационные корпуса из однородных дивизий, обосновывая необходимость этих шагов.

— Какие еще корпуса? — недовольно сказал Верховный. — Разве вам, товарищ Новиков, неизвестно, что принято решение о формировании ударных авиагрупп по шесть-восемь полков в каждой?

Первая попытка собрать авиацию фронта в единый кулак закончилась неудачей. Беспокойный реформатор был отправлен к начальнику Генерального штаба за новой задачей.

— Для завершения Любанской операции, начавшейся 1 января 1942 года с целью прорыва блокады Ленинграда, — говорил маршал Б. М. Шапошников, — в ваше распоряжение выделяются восемь авиаполков резерва Ставки, часть сил авиации дальнего действия, авиация Ленинградского и Волховского фронтов...

В штаб Волховского фронта Новиков прибыл вместе с генералами А. Е. Головановым, командующим авиацией дальнего действия, и С. И. Руденко, которому предстояло возглавить смешанную авиагруппу из 8 полков. Там уже находились представитель Ставки Верховного главнокомандования маршал К. Е. Ворошилов и член Государственного комитета обороны Г. М. Маленков, что говорило о значении операции.

Генерал Новиков здесь впервые с начала войны осуществил централизованную координацию действий ВВС двух фронтов. Боевая работа авиации была признана образцом правильного применения всех ее родов. Конечно, тому способствовали и слаженные штабы, и знакомые по прежним боям командиры, и уже закаленные, опытные летчики.

Тем временем гитлеровское командование, в свою очередь, приступило к деблокированию своей группировки, окруженной войсками Северо-Западного фронта. В развернувшихся боях активно участвовала авиация, и решением Ставки генерал Новиков был направлен в опасное место.

Противник снабжал свои войска, оказавшиеся в «Демянском котле», при помощи транспортных самолетов. Истребителей для борьбы с ними не хватало. Александр Александрович решил привлечь к решению этой задачи штурмовики, с чем они успешно справились.

«Приехал Новиков — жди новинок», — с тех пор стали говорить авиаторы.

Но Александр Александрович не успел привыкнуть к очередной должности. 11 апреля 1942 года последовало новое назначение. На этот раз — командующим ВВС РККА и заместителем народного комиссара обороны по авиации. Генерал-полковник П. Ф. Жигарев, прежде занимавший этот пост, после крутого разговора с Верховным главнокомандующим отправился в противоположный конец страны возглавлять ВВС Дальневосточного фронта.

Время было горячее: промышленность возрастающими темпами поставляла новые самолеты, и количество их в частях уже достигло 50 процентов, в войсках

стремительными темпами завершалось формирование ударных авиагрупп. Но сам командующий смотрел на них скептически: проблему централизации руководства данной структуры не решали. По его предложению Военный совет ВВС рассмотрел вопрос о ликвидации прежнего деления авиации на армейскую и фронтовую и о создании воздушных армий.

Верховный главнокомандующий на этот раз внимательно изучил положение дел и одобрил решение. 5 мая 1942 года приказом народного комиссара обороны СССР авиационные силы Западного фронта были объединены в воздушную армию, получившую название «Первая». Возглавил ее Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Т. Ф. Куцевалов.

Так появились авиационные объединения, ставшие основным средством борьбы за господство в воздухе. В том же месяце были сформированы 2, 3, 4 и 8-я воздушные армии. Во главе их встали молодые, но уже прославленные авиационные военачальники, генерал-майоры С. А. Красовский, Герой Советского Союза М. М. Громов, К. А. Вершинин, Герой Советского Союза Т. Т. Хрюкин.

Новые объединения создавались на фоне весьма неблагоприятной общей оперативно-стратегической обстановки. Советские войска потерпели поражение в Крыму и под Харьковом, враг двинул бронированные армады к Волге и Кавказу. Тем не менее формирование шло быстро и в целом успешно.

Одновременно Александр Александрович делал все, что зависело от него, для достижения превосходства над противником в качестве боевой техники. Он часто встречался с народным комиссаром авиационной промышленности А. И. Шахуриным, конструкторами самолетов, двигателей, вооружения и приборов, находя порой истину в жарких спорах.

Результаты напряженной работы ждать себя не заставили: вскоре модернизированный двухместный штурмовик Ил-2 стал настоящим «летающим танком», а истребитель Ла-5, доработанный А. С. Лавочкиным в соответствии с рекомендациями генерала Новикова,

заслужил подлинную любовь советских летчиков. Новая техника была как нельзя более кстати, ибо летом 1942 года завершилось формирование еще четырех воздушных армий — 5, 6, 14 и 15-й.

«Одним из решающих условий успеха воздушной войны является умелое маневрирование воздушными силами. Уметь быстро сосредоточить крепкий кулак для мощного внезапного удара, направить его в наиболее уязвимое место или, наоборот, молниеносно перегруппировать свои силы для отвлечения удара врага, а иной раз в мгновение ока распылить их — вот что требует боевая практика сегодняшнего дня», — учил своих подчиненных командующий ВВС.

Параллельно генерал Новиков осуществлял настойчивый поиск лучшей организации вновь созданных воздушных объединений. Наилучшей оказалась корпусная, та, при которой авиационные корпуса могли входить в состав воздушных армий при подготовке к операции и выводиться после ее завершения. Как бы ни была сложна обстановка, командующий ВВС добивался, чтобы с новыми соединениями перед отправкой на фронт проводились летно-тактические учения для проверки их организационной структуры и приобретения опыта применения больших масс самолетов.

Авторитет человека, которому всего лишь за три месяца удалось провести коренные преобразования в авиации, рос с каждым днем. Знарок штабной службы, он быстро превратил центральный аппарат ВВС в четко работающий механизм, позволявший всегда держать руку на пульсе боевой работы всей советской авиации от Мурманска до Черного моря. Летом 1942 года его особое внимание приковал Сталинград. Там отважно, с возрастающим мастерством сражались летчики 8-й воздушной армии под командованием генерала Т. Т. Хрюкина, а также авиации дальнего действия. Счет уничтоженных самолетов противника шел на десятки, но преимущество было еще на стороне гитлеровских асов. Особенно свирепствовала эскадра «Удет».

К середине августа генерал Новиков отправил в район битвы на Волге 23 авиаполка общей численностью

в 450 самолетов. Кроме того, завершали перебазирование еще пять дивизий авиации дальнего действия. А 18 августа, в День Воздушного флота, он и сам уже был под Сталинградом, вникая в детали обстановки на командном пункте 8-й воздушной армии. Днем позже гитлеровцы начали очередное крупное наступление на город, в ходе которого им удалось форсировать Дон и завязать бои на ближних подступах к городу.

Командующий ВВС полагал, что в этих условиях авиация прежде всего должна бомбо-штурмовыми ударами ослабить наступающие группировки противника, разрушить его переправы через Дон и конечно же уничтожать гитлеровские самолеты на аэродромах. В сложных условиях он добивался четкости управления и быстроты постановки боевых задач. Наличие запасных целей для бомбардировщиков стало неременным правилом, так же как подсветка объектов удара ночью осветительными и зажигательными бомбами. Сеть радио- и световых маяков, приводных радиостанций и пеленгаторных баз постоянно расширялась.

Приемы и методы тактических действий интенсивно совершенствовались, а удачный опыт быстро становился общим достоянием. Так, ночью при подходе своих самолетов к коридору пролета через передний край прожектористы клали лучи на землю, и место их пересечения означало цель.

Быстро развивалась и тактика авиации дальнего действия. С целью достижения наибольшего эффекта ее бомбардировщики применялись массированно, а их боевой порядок включал ударные группы и группы обеспечения. Первыми к объектам удара следовали экипажи разведки и обозначения целей, выполнявшие свои задачи при помощи осветительных и зажигательных бомб. За ними в район целей выходили ударные группы, после чего экипажи контроля аэрофотосъемкой фиксировали результаты налетов.

Но и противник наращивал свои усилия. 23 августа его войска вышли к Волге. В тот же день гитлеровская авиация нанесла массированный удар по Сталинграду. Две тысячи самолето-вылетов...

Бомбы сыпались градом. Одна из них, весом в четверть тонны, упала всего лишь в трех метрах от щели командного пункта, где в это время находился и генерал Новиков. От мощного удара вздрогнула и обвалилась земля, но, к счастью, взрыв не произошел.

— В рубашке родились, — невесело прокомментировал генерал Т. Т. Хрюкин.

— Где наши истребители? — с болью спросил генерал А. М. Василевский.

— Все в воздухе, — ответил командующий ВВС. — Одни отражают удары по городу, другие прикрывают войска...

Летчики и в самом деле приземлялись только для заправки машин горючим и пополнения боекомплекта. Они провели несколько десятков воздушных боев, из них 25 непосредственно над Сталинградом, и сбили 90 самолетов противника. Еще 30 записали на свой счет зенитчики. Итого 120 боевых машин.

Враг заплатил дорогую цену, но это было слабое утешение. Город превращен в руины. Даже провода телефонной связи оказались перебитыми, и вечерний доклад Верховному главнокомандующему генерал Новиков делал по радио. А поздно ночью член Государственного совета обороны Г. М. Маленков упрекал его в неумелом отражении налетов противника так, как может делать подобное некомпетентный, но уверенный в своем праве судить обо всем, предельно раздраженный человек. Объяснить что-либо ему, совершенно несведущему в военном деле, было невозможно, да и не хотелось.

Зато утром восстановленная связь принесла хорошую новость: реализован еще один замысел командующего ВВС. Систематическое нанесение ударов по важным военным и военно-промышленным объектам противника началось!

После налетов на цели в районах Данцига и Кенигсберга дальние бомбардировщики вернулись без потерь, но впереди Берлин, а там сотни зенитных орудий, ночные истребители, опытные пилоты, поднаторевшие в охоте за британскими бомбардировщиками...

Опасения развеяла странная радиограмма, пролетевшая в эфире ранним утром 27 августа 1942 года: «Москва, Кремль, товарищу Сталину. Находимся над Берлином. Задание выполнено». Автором необычного сообщения оказался 24-летний командир эскадрильи Герой Советского Союза Александр Молодчий.

«Все понятно. Благодарим. Желаем благополучного возвращения», — вдруг ответил голос, хорошо знакомым каждому советскому человеку.

Пожелание исполнилось: 1-я бомбардировочная авиадивизия генерал-майора А. И. Логинова вернулась на аэродромы в полном составе. 31 декабря 1942 года майор А. И. Молодчий был награжден второй медалью «Золотая Звезда», а штурман С. И. Куликов стал Героем Советского Союза...

В горячие дни Сталинградской битвы командующего ВВС много раз видели на аэродромах среди летчиков. В беседах с ними часто рождались точные и краткие, облеченные в форму афоризмов принципы воздушного боя: «Кто хозяин высоты, тот хозяин неба» или «Бей подлеца, не выпускай из кольца!» Методы, оправдавшие себя в Ленинграде, здесь не только успешно применялись, но получили дальнейшее развитие.

Генерал Новиков требовал от истребителей постоянно расширять арсенал тактических приемов, осваивать и чаще применять бой на вертикалях, а для укрощения эскадры «Удет» он приступил к формированию 69-го истребительного авиаполка, состоявшего из летчиков, имевших на личном счету не менее пяти бесспорных воздушных побед.

Бомбардировочная и штурмовая авиации были нацелены на систематическое нанесение ударов по аэродромам противника. При этом ни один пример удачных тактических действий, ни одно проявление героизма не оставались без внимания командующего ВВС.

Количество поступавших в войска средств связи уже позволяло создать специальную сеть для управления истребителями с земли при помощи микрофона. Наземные визуальные посты, оснащенные подобными радиостанциями, располагались так, чтобы видеть все воз-

душное пространство перед линией фронта. В состав этих групп в качестве авианаводчиков обычно входили по два наиболее опытных офицера. Находясь у радиостанций, командиры могли оценивать воздушную обстановку, помогать летчикам советом и, если необходимо, подкреплением.

— Где бы ни появился самолет противника, — говорил командующий ВВС, — он должен быть обнаружен и на него должны быть наведены истребители!

Советский авиационный кулак сжимался, наливался силой для решительного удара. Но этого было мало: надо заставить противника разжать свой кулак. Генерал Новиков вел хитроумную игру, маневрируя ударами так, чтобы гитлеровское командование распыляло свои истребители вдоль фронта. Офицеры штаба продолжили игру даже после 26 сентября, когда командующего ВВС срочно вызвали в Москву.

Причиной внезапного вызова послужило адресованное лично Сталину письмо начальника штаба ВВС С. А. Худякова и члена Военного совета Западного фронта Н. А. Булганина, в котором они просили возобновить производство истребителей И-16 и И-153. Тех самых «ишаков» и «чаек», что уже к 1940 году считались морально устаревшими, заслужившими много нареканий из-за своей недостаточной скорости, ставшей, как потом писали и говорили, чуть ли не главной причиной потерь советской авиации в начальный период войны.

Оказалось, что странная инициатива родилась в авиадивизии, где пилоты хорошо освоили старые машины и успешно решали на них боевые задачи.

Действительно, такие летчики, как П. А. Бринько, А. К. Антоненко, Б. Ф. Сафонов, одержали на И-16 более чем по десятку побед над вражескими самолетами. А на Калининском фронте всего лишь одно звено И-16 смело атаковало большую группу бомбардировщиков, шедшую под прикрытием истребителей. В завязавшемся бою противник потерял четыре бомбардировщика и один истребитель, а все И-16 благополучно вернулись на аэродром. А разве не И-16 успешно защитили минувшей зимой «Дорогу жизни» в блокадный Ленинград?

Неплохо показывал себя в опытных руках еще менее скоростной, зато изумительно маневренный истребитель-биплан И-153. Вот, например, совсем недавно, 9 сентября, четверка «чаек» возвращалась на свой аэродром. Группа истребителей противника атаковала ее внезапно, сзади и сверху из-за облаков. Один советский самолет был сбит сразу же, но пилоты других сумели навязать противнику свою тактику боя, уничтожили два «мессершмитта» и заставили бежать остальные. Подобных случаев было немало, и все вместе они говорили, что причины неудач советской авиации 1941 года нуждаются в объяснении более глубоком, чем недостаточная скорость истребителей.

Парадоксально то, что части, получившие на вооружение Як-1, МиГ-3 и ЛаГГ-3, несли на один самолетовылет больше потерь, чем полки, имевшие И-16. Используя такие приемы, как виражи и уход «змейкой», боевые порядки «круг» и «пчелиный рой», в котором противника встречал огонь нескольких самолетов, наши летчики научились одерживать верх даже над более современными истребителями противника. Вот только право начинать бой и выходить из него принадлежало действительно тем, у кого больше скорость, а значит, «ишаки» и «чайки» обречены были на оборону...

Верховный главнокомандующий с авторами письма не согласился, но к проблеме отнесся серьезно — не приведет ли массовое освоение новых самолетов к временному снижению боеспособности? — и решил дать окончательный ответ после совета с командующим ВВС.

— И-16 и И-153 хороши в оборонительном бою, но никак не в наступательном, — высказал свое мнение генерал Новиков. — А мы собираемся наступать, завоевывать господство в воздухе. Поэтому производство И-16 и И-153 возобновлять нецелесообразно.

Вопрос был решен. А новые самолеты становились все лучше и во многом благодаря введенной командующим ВВС системе информации быстро избавлялись от «детских болезней». Предложения фронтовиков немедленно передавались в наркомат авиационной промышленности и на заводы. Другим источником пожеланий были пило-

ты, потерявшие свои самолеты. Они приезжали на заводы за новыми, а там их подробно расспрашивали о поведении машины в бою. Кроме того, сведения поступали и официальным путем — от командиров воинских частей, но, пожалуй, самые квалифицированные заключения давали летчики-испытатели, выезжавшие на фронт.

Казалось, генерал Новиков успевает везде и всюду. Невысокого роста, с открытым умным лицом, он располагал к себе людей, всегда сохранял самообладание, а если даже и приходилось отчитывать подчиненных, то делал это спокойно, ни в коем случае не оскорбляя достоинство человека, но подбирал слова так, что разговор с ним запоминался надолго. Александр Александрович благодаря высочайшей самодисциплине находил время для решения самых разнообразных вопросов. Он планировал свою работу на длительную перспективу, тщательно готовился к следующему дню и никогда не засыпал раньше двух часов ночи. Поэтому вызов в Кремль 3 ноября поздним не оказался.

— Вам нужно срочно выехать на Юго-Западный фронт к Жукову. — Верховный главнокомандующий прошелся по кабинету и посмотрел на генерала. — Готовится наступление наших войск против сталинградской группировки немцев.

— Но ведь там находится представитель Ставки от авиации генерал Ворожейкин, — удивился Александр Александрович.

— Помню об этом, товарищ Новиков, — улыбнулся Сталин. — Претензий к вашему заместителю нет. Но Жуков настоятельно просит прислать вас. «Сработались», говорит. Думаю, в интересах дела надо удовлетворить просьбу.

Вечером следующего дня Александр Александрович уже был в Серафимовичах, на командном пункте Юго-Западного фронта.

— Прибыли! Очень хорошо! — воскликнул генерал армии Жуков, радостно пожимая ему руку. — «Могучая кучка» в сборе: Воронов, Новиков, Голованов, Федоренко. Детали плана уточним утром. Сейчас ужинать и спать!

Тщательная проверка плана показала, что сил привлеченной авиации — 1440 самолетов — вполне достаточно, вот только подготовить их к началу операции не удастся. Остается одно: просить Верховного главнокомандующего отложить наступление на неделю, но он, как известно, корректировать установленные сроки не любит. С нелегким сердцем Г. К. Жуков послал шифровку в Москву.

Ответ пришел незамедлительно. Ссылаясь на предыдущий опыт войны, Сталин обращал внимание на то, что операцию можно выиграть лишь при наличии преимущества в воздухе, и ставил задачи, по сути определявшие содержание авиационного наступления.

«Во-первых, подавить авиацию противника в районе наступления наших ударных частей и прочно прикрыть наши войска; во-вторых, пробить дорогу нашим войскам путем систематических бомбо-штурмовых ударов по противнику; в-третьих, преследовать отступающие войска противника путем систематической бомбардировки и штурмовых действий, чтобы окончательно расстроить их и не дать им закрепиться на новом рубеже». «Если Новиков думает, что наша авиация не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации...»

Окрыленный — ведь мысли, высказанные в телеграмме, были словно его собственными — командующий ВВС возглавил подготовку авиации к завершающему этапу Сталинградской битвы. Он лично уточнил план, предусмотрев гибкое, по нескольким вариантам развития событий использование истребителей, бомбардировщиков и штурмовиков. Но главной задачей оставалось завоевание господства в воздухе. Теперь уже стратегического!

Между тем в районе Сталинграда наступили такие холода, что вода в радиаторах танков замерзала сразу же после заливки. «Необходимо немедленно подбросить Еременко сто тонн антифриза», — полетела в Москву тревожная телеграмма Г. К. Жукова.

Решить проблему в столь ограниченные сроки могла

только авиация, но как быть, если все транспортные самолеты уже задействованы?

Генерал Новиков нашел неожиданное решение: в воздух были подняты десятки... планеров, которые и доставили танкистам низкотемпературную жидкость.

— Начало взаимодействия авиации и бронетанковых войск положено, — сказал представитель Ставки генерал К. Н. Федоренко, крепко пожимая руку командующему ВВС.

Гигантская работа по подготовке операции «Сатурн» велась настолько скрытно, что ничего не подозревавший противник 11 ноября сам возобновил атаки в городе и вышел к заводу «Баррикады». Но это был последний успех гитлеровских войск.

...Сто двадцать пять суток Сталинградского сражения, с 17 июня по 18 ноября, обошлись авиации противника в 1400 самолетов, 75% было уничтожено в воздушных боях, остальные — в результате ударов по аэродромам. А всего с начала войны потери люфтваффе на советско-германском фронте составили 15 750 самолетов...

Гром советского контрнаступления грянул утром 19 ноября. Скрывая волнение, командующий ВВС наблюдал за группами штурмовиков, наносивших удары по целям в полосах прорыва. Но вскоре детально разработанные планы оказались перечеркнутыми погодой. Густая облачность с высотой всего лишь 100 метров позволяла осуществлять вылеты лишь отдельным хорошо подготовленным пилотам. Александр Александрович был так расстроен, что не находил себе места.

— Ничего, — успокаивал друга артиллерист Воронов. — Придет и твой час, Саша.

Ожидание заветного часа длилось более двух дней, зато, как только погода улучшилась, советская авиация решительно предъявила права на господство в воздухе.

Кольцо вокруг вражеской группировки вскоре сомкнулось, и генерал Новиков перераспределил усилия воздушных армий. Две, 17-я и 2-я, помогали сухопутным войскам отодвигать внешний фронт окружения, а две — 8-я и 16-я — наносили удары противнику в самом «Сталинградском котле».

Командующий нацистскими ВВС рейхсмаршал Геринг обещал фюреру наладить снабжение окруженной группировки по воздуху, для чего привлек всю, какую только мог, транспортную авиацию и даже... отряд самолетов связи самого Гитлера. Но воздушная блокада оказалась люфтваффе не по зубам.

Генерал Новиков максимально приблизил базирование истребительной авиации к внутреннему периметру кольца окружения, а прилегающее пространство разделил на секторы и полосы, в которых действовали истребители и зенитная артиллерия. Первая зона находилась за внешним фронтом кольца окружения. Штурмовики и бомбардировщики авиации дальнего действия громили вражескую авиацию на аэродромах, а колонны транспортных машин в воздухе встречали советские истребители, действовавшие из засад.

Вторая, основная зона находилась между внутренним и внешним фронтами окружения. Она делилась на пять секторов, в каждом из которых совместно с зенитной артиллерией действовала самостоятельная воздушная группировка. Часть истребителей постоянно патрулировала в воздухе, остальные истребители и штурмовики, вновь доказавшие свою эффективность против транспортных самолетов, находились в готовности к немедленному вылету на перехват.

Третья зона окаймляла весь район окружения; в ней находились 235 зенитных орудий и 241 зенитный пулемет. Непосредственно над окруженной группировкой работала истребительная, бомбардировочная и штурмовая авиация. Кроме того, была организована и артиллерийская блокада аэродромов противника внутри кольца.

Четко работала специально созданная система оповещения и наведения, благодаря которой только за один день, 11 декабря 1942 года, советские летчики сбили 15 транспортных самолетов противника. Днем аэродромы люфтваффе, с которых осуществлялись полеты транспортных машин, подвергались ударам штурмовиков, а ночью — легких бомбардировщиков У-2. Особенно удачным был налет 9 января 1943 года, когда 7 Ил-2 под командованием капитана И. П. Бахтина нанесли

удар по аэродрому, где находились 300 транспортных самолетов Ю-52, и уничтожили 72 из них. Итогом операции, вошедшей в учебники как «Воздушная блокада», стало полное крушение замыслов гитлеровского командования организовать снабжение окруженных войск по воздуху и 1200 уничтоженных самолетов.

Осуществлялась блокада в сложной обстановке. Утром 12 декабря 1942 года на выручку окруженной в Сталинграде 6-й армии фон Паулюса двинулась специально созданная группировка. Вдоль железной дороги Тихорецк — Сталинград наступали две танковые дивизии, фланги их прикрывали соединения пехоты и кавалерия.

Между реками Аксай и Мышкова с нарастающей силой разгоралось сражение, перелом в котором наступил после подхода 2-й гвардейской армии генерала Р. Я. Малиновского.

Командующий ВВС, не теряя времени, нацелил сюда главные силы 8-й воздушной армии. За пять суток летчики совершили почти 1700 боевых вылетов, и во многом благодаря их бомбам план гитлеровских стратегов был сорван...

Новый, 1943 год Александр Александрович встретил в штаб-квартире командующего Донским фронтом К. К. Рокоссовского. Вечер остался светлым праздником в памяти всех собравшихся у новогодней елки. Были здесь начальник Генерального штаба А. М. Василевский, великий артиллерист Н. Н. Воронов, писатели Александр Корнейчук и Ванда Василевская. Ощущение, что одержана не только выдающаяся победа, но произошел перелом в ходе войны, было всеобщим.

Звонок из Ставки Верховного главнокомандующего заставил вылететь в Москву.

Причина была весьма тревожной: немецкий легкомоторный самолет смог долететь до самого центра Москвы и благополучно совершить посадку возле стен Кремля, за Крымским мостом.

К счастью, асом, совершившим столь мастерский полет, оказался генерал-майор авиации Б. Я. Савицкий. Срочно вызванный в Москву, он решил воспользоваться трофейным самолетом «Физелер — Шторх», из-за низ-

кой облачности заблудился, вот и сел на лед замерзшей Москвы-реки⁹.

Верховный главнокомандующий приказал сделать соответствующие выводы, но в целом оставил инцидент без последствий, — возможно, потому, что проделка была в духе его любимца, Валерия Чкалова. А генерал-полковник Новиков приступил к обобщению только что полученного опыта и внедрению его в практическую деятельность всех Военно-воздушных сил.

23 февраля он был удостоен ордена Суворова 1-й степени за личный вклад в победу на Волге, а 17 марта стал первым в истории страны маршалом авиации.

Тем временем Ставка определила центральное место будущих сражений — Курскую дугу. Но прежде следовало разгромить таманскую группировку противника в составе 16 дивизий.

Гитлеровские генералы отдавали себе отчет в том, что войска Северо-Кавказского фронта имеют некоторое превосходство в численности пехоты и артиллерии, а потому свои главные надежды возлагали на авиацию. К середине апреля на аэродромах Крыма и Тамани было сосредоточено 820 самолетов люфтваффе. Еще 200 были нацелены в кубанское небо с юга Украины.

Рейхсмаршал Геринг жаждал реванша и постарался, чтобы здесь оказались лучшие воздушные эскадры «Удет» и «Мельдерс», наиболее опытные пилоты и новейшая техника. Этой силе противостояли примерно 600 советских самолетов. Есть все шансы как на реванш, так и на удержание пошатнувшегося господства в воздухе!

Маршал Новиков немедленно вылетел на Кубань. Его ответные меры были, как всегда, быстрыми, четкими и хорошо просчитанными. Прежде всего — создать ВВС Северо-Кавказского фронта во главе с генералом К. А. Вершининым и привлечь к будущему сражению воздушные силы Юго-Западного и Южного фронтов, Черноморского флота и дальней авиации. Параллельно с решением этих вопросов необходимо в кратчайшие сроки подготовить и провести собственную упреждающую операцию.

Гигантская воздушная битва началась 17 апреля 1943 года хорошо спланированными ударами советской авиации по аэродромам противника. В тот день гитлеровское командование бросило на войска 18-й армии 450 бомбардировщиков и 200 истребителей. Их встретили 500 советских самолетов.

Маршал Новиков наблюдал за ними с пункта управления в районе станицы Абинская, тут же внося коррективы в действия. Опыт Сталинграда был использован полностью. Теперь и здесь бомбардировщики стали действовать крупными группами, обрушивая свой груз на цели с нескольких заходов, штурмовики дольше оставались над полем боя, эшелонированные по фронту и в глубину патрули истребителей перехватывали самолеты противника еще до подхода их к переднему краю.

20 апреля массированные удары советских бомбардировщиков сорвали попытку противника перейти в наступление. Еще в течение трех последующих дней над Мысхако шли жаркие схватки. Небо в итоге осталось за советскими летчиками.

Гитлеровская авиация, понеся значительные потери, была вынуждена очистить воздушное пространство, а свои аэродромы оттянуть подальше в тыл, чтобы спасти от непрерывных бомбардировок.

Наступила короткая пауза. Маршал Новиков использовал ее для перегруппировки и реорганизации сил: управление 5-й воздушной армии в полном составе убыло в распоряжение командования Степного фронта, увезя с собой бесценный опыт Кубани. Очень скоро пригодится он в небе Курской дуги!

Затишье кончилось в ночь на 29 апреля, когда советские самолеты начали авиационную подготовку в полосе предстоящего наступления. Утром в атаку поднялись бойцы 56-й армии, и авиационная подготовка плавно перешла в авиационную поддержку. В этот день советские летчики совершили 1300 боевых вылетов. Противник смог ответить лишь 539 вылетами, потеряв при этом 74 самолета.

Гремела слава советских асов А. И. Покрышкина, Г. Г. Голубева, Г. А. Речкалова, братьев Бориса и Дмит-

рия Глинок и многих других. За подвиги в Кубанском воздушном сражении звания Героя Советского Союза были удостоены 52 летчика!

Были освоены вертикальный маневр, управление по радио, использование резервов. Родился новый боевой порядок, похожий на ступеньки лестницы, уходящей от ведущей пары вверх и в сторону, — знаменитая «кубанская этажерка». Воздушный бой все меньше напоминал то, что еще в Первую мировую войну прозвали «собачьей свалкой» и все более походил на общевойсковой, организованный хорошо подготовленным командиром.

Сражение в небе Кубани завершилось 7 июня 1943 года. В течение почти двух месяцев советская авиация совершила около 35 тысяч боевых вылетов и уничтожила 1100 самолетов противника, в том числе 800 в воздушных боях. Господство в воздухе на южном крыле советско-германского фронта было завоевано.

Командующий ВВС, как всегда, заботился, чтобы полученный опыт в кратчайшие сроки превратился в теорию и стал достоянием всех командиров и штабов. Кубань была в центре внимания маршала, но в этот период под его руководством были спланированы и одновременно проведены еще две воздушные операции по разгрому авиационных группировок противника в 1200-километровой полосе от Смоленска до Азовского моря.

Сотни советских самолетов наносили согласованные удары по аэродромам противника. Только за трое суток, с 6 по 8 мая, и только на Центральном фронте потери люфтваффе составили 506 самолетов. Эти операции наряду с систематическими действиями авиации по срыву железнодорожных и автомобильных перевозок противника создавали благоприятные предпосылки к предстоящей битве на Курской дуге. До начала ее маршал Новиков успел решить еще одну важную задачу — разгромить группировку люфтваффе, совершавшую налеты на Горький, Саратов, Ярославль.

Достоверные и полные данные воздушной разведки позволили быстро выработать правильное решение, определить точные задачи трем воздушным армиям и соединениям дальней авиации. Массированные удары по

29 вражеским аэродромам лишили гитлеровское командование 250 самолетов, 81 из которых был потерян в воздушных боях.

Операция еще продолжалась, а командующий ВВС уже готовился к Курскому сражению.

Командование люфтваффе, стремясь использовать последний шанс в борьбе за ускользающее господство в воздухе, сосредоточило на Курской дуге 2050 самолетов, в том числе новейшие истребители «фокке-вульф-190» и штурмовики «хеншель-129».

Советское командование сумело противопоставить им 2900 боевых машин в составе четырех воздушных армий, которыми командовали заслуженные, испытанные генералы С. И. Руденко, С. А. Красовский, В. А. Судец, С. К. Горюнов. Кроме того, привлекались и бомбардировщики дальней авиации, благодаря чему количественное превосходство над противником становилось еще более значительным. Что же касается качества боевой техники, то новые советские истребители Ла-5 и Як-9, штурмовики Ил-2 могли успешно поспорить с любой машиной врага.

Но, пожалуй, большинство неприятных для противника сюрпризов заключалось в новаторском плане применения авиации. Маршал Новиков постарался, чтобы последний опыт победных операций нашел в нем полное отражение, а действия авиационных объединений, рассчитанные по трем возможным вариантам развития событий в каждом из периодов оборонительной операции, были тщательно согласованы как с наземными войсками, так и между собой.

Командующий ВВС считал, что организация взаимодействия не должна ограничиваться деятельностью штабов, больших и малых. По его инициативе летчики выезжали к танкистам, пехотинцам, артиллеристам, лично знакомились с теми, кого им предстояло прикрывать и поддерживать. В свою очередь представители разных родов сухопутных войск посещали аэродромы.

Битва в небе Курской дуги началась несколько раньше, чем на земле. Первый массированный удар по Кур-

ску гитлеровцы нанесли 22 мая 1943 года армадой из 170 бомбардировщиков.

16-я и 2-я воздушные армии совместно с дивизией ПВО успешно отразили налет, что наряду с предыдущими успехами вызвало некоторое чувство успокоенности у командиров и штабов. Скорее всего именно на это и рассчитывал опытный противник. 2 июня был нанесен новый удар, в котором участвовало 500 бомбардировщиков!

Налет был «звездным», то есть группы самолетов шли к цели с разных направлений. Первая, в составе 137 бомбардировщиков и 30 истребителей, приближалась со стороны Орла через Фатеж. Летчики 16-й воздушной армии ее перехватили и разгромили, при этом враг потерял 55 машин. Но около полусотни самолетов из состава второй и третьей групп все же сумели прорваться к Курску.

И тогда маршал Новиков взял управление в свои руки. В небе развернулось сражение, а к городу со стороны станции Обоянь уже подходил второй эшелон воздушного противника в составе 167 бомбардировщиков и 14 истребителей. Они приближались двумя группами на высоте 6–7 тысяч метров, но были вовремя обнаружены. Навстречу им поднялись 200 краснозвездных истребителей.

Пламя сражения в небе вспыхнуло с новой силой. Части бомбардировщиков удалось прорваться к Курскому железнодорожному узлу и вывести его из строя на 12 часов, но этот успех был куплен врагом дорогой ценой. Штабисты люфтваффе недосчитались 145 машин! Потери советской авиации составили 27 истребителей. Как оказалось, это был последний крупный дневной налет фашистской авиации на советские тыловые объекты.

Советскому командованию удалось установить точное время перехода противника в наступление и упредить его мощной артиллерийской контрподготовкой, во время которой авиация нанесла массированные удары по вражеским аэродромам и уничтожила 60 самолетов.

Заменив потрепанные подразделения первого эшелона, гитлеровское командование начало атаку позже

намеченного срока. Гигантское сражение широко запылало и на земле и в воздухе, где асы люфтваффе отчаянно пытались восстановить ускользнувшее господство.

Летчики 16-й и 2-й воздушных армий сбили 260 самолетов противника — подвел первые итоги маршал Новиков. Собственные потери — 176 машин.

С успехами истребителей спорили штурмовики. Впервые применив эффективные противотанковые бомбы ПТАБ-2,5, они громили танковые группировки противника в районах Ольховатки и Поньрей, под Обоянью и Прохоровкой.

7 июля два удара 1-го штурмового авиакорпуса в районе Сырцово, Яковлево сорвали атаку 2-го танкового корпуса СС. Горели, не успев сделать ни одного выстрела, «тигры» и «пантеры». Советские пехотинцы, выскочив из траншей, кричали «ура» и махали руками вслед уходящим краснозвездным самолетам, а маршал Новиков держал телефонную трубку и слушал взволнованный голос К. К. Рокоссовского: «Вот это молодцы!»

В тот день, кроме того, люфтваффе лишились 233 самолетов. Наши потери составили 122 крылатые машины. Красноречивые цифры и доклады говорили о том, что советские Военно-воздушные силы прочно удерживают инициативу. Активность люфтваффе падала резко и быстро.

Маршал Новиков приказал перенести зоны патрулирования истребителей на вражескую территорию. Бомбардировщики и штурмовики с нарастающей силой продолжали наносить удары по гитлеровским войскам. Странно — истребители противника куда-то исчезли, не видно и его зенитных средств. Вот оно, долгожданное господство в воздухе!

Генерал Гудериан, осмысляя минувшее, признал, что в битве под Курском германские танковые войска получили смертельный удар, от которого так и не смогли оправиться. Следует добавить: люфтваффе тоже.

«С 1943 года уже никаким способом невозможно было ликвидировать безраздельное господство авиации противника в воздухе над районом боевых дейст-

вий», — писал участник тех событий, генерал, историк К. Типпельскирх.

Выиграв оборонительное сражение, советские войска перешли в наступление. Вперед двинулись 22 общевойсковые и 5 танковых армий. Их прикрывали, прокладывая путь ударами по узлам сопротивления противника, 6 воздушных армий, а также крупные силы авиации дальнего действия.

Командующий ВВС, как правило, находился в гуще сражений, руководил планированием боевого применения авиации, координировал ее действия с другими родами войск, а в ответственные моменты принимал управление непосредственно на себя. В Москве бывал только по необходимости, для решения накопившихся вопросов. Его энергия и аналитический ум сказались на победном исходе битвы за Смоленск, Корсунь-Шевченковской операции, освобождении Правобережной Украины.

Маршал Новиков помнил как общую стратегическую обстановку, так и важные тактические детали. Вот, например, 17 бомбардировщиков Пе-2 под командованием генерала И. С. Полбина возвращались на свой аэродром после выполнения боевой задачи. Внезапно близ Пятихатки они встретили два десятка фашистских бомбардировщиков. Генерал Полбин решительно повел свои самолеты в атаку. Произошел необычный, причем весьма масштабный воздушный бой между бомбардировщиками, в результате которого противник потерял 13 самолетов, два из которых были сбиты лично генералом Полбиным.

Маршал Новиков никогда не упускал случая побеседовать с героями-летчиками. Встретился он и со старшим лейтенантом А. П. Маресьевым, ответственность за судьбу которого, разрешив летать без обеих ног, взял на себя. Писатель Борис Полевой также присутствовал на этой встрече. Он хотел сразу же взяться за повесть о герое, но Маленков не разрешил: «Пока писать не стоит, подумают, что у нас людей нет».

Вечером 21 февраля 1944 года Александр Александрович был на командном пункте генерала Н. Ф. Ватутина. Здесь же находился маршал Г. К. Жуков. Он и подо-

шел к телефону, когда раздался звонок из Москвы. Полководец слушал сообщение, светлея лицом, а затем, опустив трубку, торжественно произнес:

— Александр Александрович! Вам первому присвоено воинское звание Главного маршала авиации. Сердечно поздравляю!

Вскоре поступила поздравительная телеграмма от самого Верховного главнокомандующего, личная встреча с которым произошла только 12 мая, когда военачальник прибыл в Москву для получения государственной награды — второго ордена Суворова 1-й степени.

— Товарищ Новиков, расскажите, как удалось при помощи таких легких самолетов, как У-2, ликвидировать довольно сильную группировку противника, окруженную в Тернополе? — с неподдельным интересом спросил Сталин.

Ответ затруднений не вызвал, ибо маршал очень хорошо помнил этот необычный оперативный эпизод.

Гитлеровцы, засевшие в северной части Тернополя, держали под обстрелом шоссе, единственный путь снабжения советских войск, сражавшихся в 20 километрах юго-западнее.

«Экая заноза, и никак ее не вырвешь!» — посетовал тогда маршал Жуков, только что сменивший раненого генерала Ватутина в должности командующего 1-м Украинским фронтом.

«А что, если применить легкие ночные бомбардировщики У-2 днем?» — подумал командующий ВВС. — Они могут с большой точностью поражать малоразмерные цели, и результативность ударов очень высокая. Нужно лишь очень надежно прикрыть их от атак истребителей противника».

Замысел был без промедления претворен в жизнь. Советские истребители не дали «мессершмиттам» ни одного шанса прорваться к армаде легких бипланов. Две дивизии У-2 отбомбились с такой точностью, что противник выбросил белый флаг раньше, чем замолк стрекот моторов.

Верховный главнокомандующий внимательно выслушал рассказ маршала. Затем указал ему новую точ-

ку приложения сил — Ленинград, куда Александр Александрович вылетел в начале июня.

— Ну вот, опять вместе, — сказал при встрече А. А. Жданов. — Вместе встречали врага под Ленинградом, вместе и добывать будем.

Хорошо знакомый театр военных действий, оригинальный план операции, разработанный под руководством генерала армии Л. А. Говорова, и закаленные в боях войска, чьи действия будет обеспечивать заблаговременно созданная командующим ВВС группировка, оснащенная самыми современными самолетами. Мастерство и отвага летчиков сомнений не вызывают. Среди них немало тех, с кем защищал маршал небо Ленинграда в первые дни войны. Но — увь! — сколь многих замечательных товарищей уже нет в боевом строю.

Грозная «увертюра» Выборгской наступательной операции началась утром 9 июня, а 18-го числа того же месяца советские войска уже приступили к прорыву последней, третьей полосы линии Маннергейма. Всего лишь 10 дней. А зимой 1939/40 года на решение той же задачи ушло целых 100. Что и говорить, опыт — великая сила.

Роль авиации в столь заметном прогрессе была далеко не последней. После массированных ударов трех-четыре сотен бомбардировщиков с крупнокалиберными бомбами или непрерывной шестичасовой обработки штурмовиками обороноспособность самых мощных опорных пунктов резко падала.

Успешное завершение Выборгской наступательной операции сомнений не вызывало, и маршал Новиков вылетел в Белоруссию, где войска четырех фронтов изготавились к нанесению удара огромной силы. Действия сухопутных объединений предваряли и поддерживали пять, а в дальнейшем шесть воздушных армий — всего, с учетом дивизий авиации дальнего действия, около 6 тысяч боевых самолетов. Противник мог противопоставить им лишь 1300 машин. Вот почему маршал Новиков решил на этот раз не проводить специальную операцию по завоеванию господства в воздухе, а сразу сосредоточиться на поддержке и прикрытии наземных войск.

В ночь на 23 июня сотни советских бомбардировщиков в соответствии с детальным планом нанесли удары по участкам прорыва фронтов. Эффективность радовала, но погода внесла свои коррективы: с утра сгустился туман. Действовать могли только штурмовики, причем лишь небольшими группами. И тут произошло событие, заставившее вздрогнуть и без того расстроенного маршала.

Командующий 1-м Белорусским фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский, возвращаясь с наблюдательного пункта, решил немного отдохнуть и остановил машину на лесной дороге. Но осуществить намерение не удалось. Отдельно стоявший автомобиль был замечен и атакован шестеркой советских штурмовиков.

Авиационные пушки, бомбы — все, как положено. Автомобиль командующего фронтом в одно мгновение превратился в решето, сам же Рокоссовский остался невредимым разве что благодаря чуду.

Как оказалось, злополучную атаку возглавил потерявший ориентирование штурман авиаполка. Началось расследование, в разгар которого позвонил сам пострадавший.

— Ты что там делаешь, в трехсотой дивизии? — услышал маршал Новиков голос Рокоссовского. — Имей в виду: летчики пусть воюют. Накажи непосредственных виновников. Но жестокости проявлять не нужно!

Чуть позже командующий фронтом решил и вовсе никого не наказывать, но... сигнал уже дошел до Верховного главнокомандующего, и тот, возмущенный инцидентом, поставил вопрос об отстранении от должности командующего 16-й воздушной армией генерала С. И. Руденко. Грозу удалось отвести лишь дружными усилиями Жукова, Рокоссовского и Новикова. Летчики отделались легким испугом.

Белорусская операция, в которой авиационное наступление приобрело классическую форму, успешно продолжалась. Первые два дня воздушные силы противника даже не оказывали сопротивления, будто испытывая шок, и лишь в боях за Оршу и Бобруйск начали проявлять активность. Маршал Новиков немедленно организовал нанесение ударов по гитлеровским аэро-

дромам. Особенно досталось 51-й истребительной эскадре «Мельдерс», чьи «мессершмитты» так и не смогли подняться в небо, где гудели моторами армады краснозвездных машин. При этом интенсивность поддержки сухопутных войск не снижалась. Так, на 35-й армейский корпус противника, пытавшийся вырваться из окружения в районе Бобруйска, командующий ВВС направил более 500 самолетов! Два часа длился массированный удар, после которого подошедшие советские пехотинцы насчитали 150 разбитых танков, более 6000 автомашин и артиллерийских орудий.

Группа армий «Центр» была на грани катастрофы. Длинные колонны отходящих войск тянулись вдоль дорог, неизбежно вызывая многочисленные заторы и пробки. Самые подходящие цели для авиации.

Стремительно шли вперед советские танки и пехота, а вслед за ними двигались специально подготовленные батальоны аэродромно-технического обеспечения и саперные команды. Ведь для того, чтобы сохранить непрерывность авиационной поддержки, темпы строительства новых аэродромов должны соответствовать темпам наступления. Масштабы работ были поистине грандиозными: только в июле бомбардировочные авиадивизии осуществили перебазирование по три-четыре, а истребительные — по семь-восемь раз!

Особенно дерзким было создание крупной воздушной базы... в тылу противника. Смелая идея принадлежала полковнику И. В. Крупскому. Он предложил использовать покинутый противником аэродром в Пестовичах для поддержки ушедших далеко вперед танков и кавалерии.

Оригинальная мысль пришла маршалу Новикову по душе. Летное поле было разведано, транспортная авиация доставила все необходимое, а сутки спустя надежно прикрытые истребителями штурмовики поливали противника огнем из пушек прямо перед наступающими танками, горючее и боеприпасы которым, кстати, тоже зачастую приходилось доставлять по воздуху.

Чем дальше на запад уходили наступающие войска, тем больше усложнялись задачи управления авиацией,

но командующий ВВС, рационально маневрируя силами, делал все, чтобы эффективность ее действий не снижалась. Секретарь компартии Белоруссии П. К. Пономаренко вспоминал, что в те дни ему довелось наблюдать результаты удара штурмовой авиадивизии по укрепленному лагерю противника в районе Минска. Пять тысяч убитых, тысячи сгоревших автомашин, сотни разбитых артиллерийских орудий — все это производило неизгладимое впечатление как общей картиной разгрома, так и представлением о могуществе советской авиации.

На втором этапе операции «Багратион» условия базирования значительно ухудшились. Сказались болотистая местность, растянутые коммуникации — транспорт не справлялся с подвозом материально-технических средств. Бывало, на одном аэродроме одновременно базировались несколько полков — приходилось идти на риск, благо в условиях господства в воздухе он был оправдан.

Командующий ВВС успевал координировать действия нескольких воздушных армий, решать сложнейшие вопросы материально-технического обеспечения, распределять резервы, при этом участвовать в разработке планов таких масштабных фронтовых наступательных операций, как Львовско-Сандомирская, а также держать в поле зрения боевую работу всей советской авиации от Балтики до Карпат. К исходу августа Белорусская и Львовско-Сандомирская наступательные операции триумфально завершились. Впереди была Польша, освободить которую двинулись 23 общевойсковые, 5 танковых и 5 воздушных армий. Такого Европа еще не видела!

Советские ВВС к этому времени располагали богатейшим боевым опытом, закаленными в боях командирами, летчиками, специалистами и были вооружены новейшими самолетами Ту-2, Ил-10, Ла-7, Як-3, близкими к пределу совершенства машин с поршневыми двигателями. Дальнейший рост тактико-технических характеристик был возможен только с переходом на реактивную технику, выпуск которой, кстати, в фашистской Германии всячески форсировался.

Истребители Me-262 и He-162 скоро будут запущены в серийное производство. Оба самолета очень сложны в управлении, продолжительностью полета уступают обычным истребителям, да и не удастся противнику ликвидировать «детские болезни», свойственные всякой новой технике, до конца войны. Кроме того, люфтваффе не успеют подготовить достаточное количество летчиков и квалифицированных авиационных техников, так что Гитлер чуда от своего «чудо-оружия» не дожидается. Зато на выпуске хорошо освоенных и все еще опасных «мессершмиттов» и «фокке-вульфов» это скажется пагубно.

С другой стороны, отставания в опытно-конструкторских работах ни в коем случае допускать было нельзя. Союзники-англичане уже применяли реактивный истребитель «Глостер — Метеор» для перехвата самолетов-снарядов «фау-1», а на вооружение ВВС США вот-вот поступит «Локхид Шутинг Стар». Нужно было быть готовыми достойно ответить на новый вызов.

Конструкторские бюро А. И. Микояна и М. И. Гуревича уже создавали оригинальный истребитель с гибридной силовой установкой, состоящей из поршневого мотора и воздушно-реактивного двигателя. Не уступая перспективным самолетам люфтваффе в скорости¹⁰, он будет превосходить их дальностью полета и простотой освоения летным составом. Понятно, при всех достоинствах МиГ-13 это все же временная мера. На смену ему скоро придут чисто реактивные машины¹¹.

Маршал Новиков внимательно наблюдал и за работой опытно-конструкторского бюро В. Н. Челомея, где в глубокой тайне создавалось «неизвестное оружие десятой модификации», или, как его звали коротко, «проект 10Х». Это был самолет-снаряд¹², способный доставить 500 килограммов взрывчатого вещества на дальность в 300 километров, и запускался он, в отличие от немецкой новинки «фау-1», не с громоздкой стационарной пусковой установки, а с борта самолета-бомбардировщика. К сожалению, система управления пока еще не обеспечивала достаточной точности. Отклонение от цели достигало 300 метров, как у тех же «фау-1».

Решением правительства самолеты-снаряды были отнесены к оружию массового поражения, а применение их в существующем виде запрещено. Однако работы над проектом интенсивно продолжались.

Маршал Новиков проверил, насколько свежий опыт отражен в учебных пособиях, информационных сборниках, бюллетенях и наставлениях, а затем снова убыл на фронт, туда, где шли сражения за освобождение Польши и Восточной Пруссии.

«Успех в бою достигается совместными усилиями всех видов и родов войск, — говорил маршал А. М. Василевский во время штурма Кенигсберга. — Но вклад авиации на этот раз трудно переоценить». В этих словах была и оценка роли командующего ВВС, чьи заслуги в овладении городом-крепостью увенчались Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Затем — на 1-й Белорусский фронт, готовить авиацию к битве за Берлин. Стало известно, что союзники, вопреки достигнутым в Ялте соглашениям, стремятся попасть в столицу рейха раньше советских войск, чтобы получить больше влияния в послевоенном мире. Ставка торопила...

Действия группировки противника, насчитывавшей более миллиона солдат и офицеров, обеспечивали 3300 самолетов. Сила немалая, опиравшаяся на густую сеть хорошо оборудованных аэродромов и располагавшая развитой системой радиолокационных постов. От ударов с воздуха группировку прикрывали почти 200 зенитных батарей и еще 600 зенитных орудий, расположенных непосредственно в самом Берлине. Но советская авиация все же превосходила противника числом боевых машин, достигавшим 7,5 тысячи, выучкой, закалкой и опытом летчиков, слаженностью штабов, искусством высшего командного состава. Но, как ни странно, именно этот фактор тревожил командующего ВВС.

— Близкий конец войны, наше общее значительное превосходство могут породить расслабленность и самоуверенность, — говорил он, обращая внимание на возможность сильного сопротивления фашистских

войск. — Этого допустить нельзя. Иначе будут неоправданные потери.

Ночь на 16 апреля маршал Новиков встретил на наблюдательном пункте 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова, где собралось командование 1-го Белорусского фронта во главе с маршалом Жуковым. До начала артиллерийской подготовки оставалось еще полчаса.

— Пойдем, выпьем горячего чая, — предложил командующий фронтом, взглянув на стрелки часов.

Все охотно согласились.

Психологическая разрядка была необходима, и все же чай пили молча. В напряженной тишине каждый думал о чем-то своем.

— Пора! — Маршал Жуков, услышав нарастающий гул авиационных моторов, встал из-за стола.

Ровно в три часа ночи по берлинскому времени раздался одновременный громовой раскат тысяч советских орудий, и огненные трассы бесчисленных реактивных снарядов расчертили тьму. Одновременно 100 легких бомбардировщиков По-2 обрушили свой груз на командные пункты и узлы связи противника, а 7 с половиной сотен тяжелых машин нанесли массиванный удар по его опорным пунктам второй полосы обороны.

Командующий фронтом, оценив силу огневого воздействия, решил, что противник достаточно подавлен, и приказал начать общую атаку. Ярko вспыхнули 143 зенитных прожектора, небо расцвело множеством разноцветных звезд сигнальных ракет, двинулись вперед пехота и танки, но... на подходе были очередные сотни собственных бомбардировщиков! Если они обрушат бомбы на плановые цели, то попадут в свои войска, уже вышедшие в эти районы.

Маршал Новиков предусмотрел и такой поворот событий. Благодаря надежной связи его команда была практически одновременно принята и экипажами в воздухе, и на аэродромах, а в действие вступил иной, заранее разработанный план.

Сопротивление противника, сначала почти незаметное, постепенно возросло, стало упорным. Во второй половине дня активизировалась и авиация. В воздухе раз-

горелись бои, но маршал Новиков умело пресекал малейшие попытки люфтваффе хотя бы временно захватить инициативу и благодаря непрерывной и точной воздушной разведке успевал обрушивать удары сотен бомбардировщиков на шедшие из Берлина резервы гитлеровцев. При этом для того, чтобы рассчитать и привести в исполнение сложный маневр авиационных корпусов на новое направление, ему требовалось всего лишь 40–50 минут.

«Если бы не действия штурмовиков по контратакующим танкам, самоходным установкам и живой силе противника, — вспоминал генерал армии П. И. Батов, командовавший в те дни 65-й армией, — то в сложившейся обстановке вряд ли удалось бы удержать занимаемый плацдарм».

Позади Зееловские высоты, впереди река Шпрее. Командующий ВВС постарался, чтобы форсирование прошло без каких-либо «сюрпризов» со стороны противника и небо над советскими переправами было чистым. 22 апреля бои шли уже в самом Берлине. Поддерживать взаимодействие с сухопутными войсками здесь было особенно трудно. Помогали только огромный опыт авианаводчиков и высочайшее мастерство пилотов.

Иногда советскую пехоту отделяли от противника всего лишь считанные десятки метров. В этом случае штурмовики делали заходы на цель без стрельбы и бомбометания, гитлеровцы прятались в укрытия, а наши пехотинцы только этого и ждали.

25 апреля советские войска полностью взяли город в кольцо. Попытки противника прорвать окружение извне потерпели неудачу, и сокрушительные удары краснорезных воздушных армад сыграли в этом весьма важную роль. Как и предполагал маршал Новиков, ни реактивные самолеты, ни даже три сотни выпущенных по советским войскам ракет «фау-2» не смогли изменить ситуацию ни в воздухе, ни на земле¹³.

Не помогли гитлеровцам и другие образцы «чудооружия», или, вернее, «оружия последней надежды» Третьего рейха, примененные в последние дни его существования. В их число входила и система «Мистель».

Она состояла из беспилотного самолета-бомбардировщика «юнкерс-88», начиненного четырьмя тоннами взрывчатки. Сверху на нем при помощи жесткой сцепки устанавливался истребитель, из кабины которого осуществлялось общее управление. Летчик направлял систему на цель, затем отсоединял истребитель, а беспилотный самолет наносил удар, как гигантская бомба.

Разработанные специально для разрушения электростанций России, «Мистели» на заключительном этапе войны в количестве 100 единиц были применены по наступающим советским войскам. Одну из таких систем летчики постарались сбить как можно аккуратнее — с целью дальнейшего изучения.

— Может быть, ответим ударом? — спросил командующий ВВС маршала Жукова. — Наши самолеты, вооруженные «10Х», стоят в полной боевой готовности.

Георгий Константинович вопросительно взглянул на заведующего авиационным отделом ЦК ВКП(б), члена Военного совета ВВС генерала Н. С. Шиманова.

— Решение об этом оружии массового поражения уже принято, — ответил Николай Сергеевич.

— Следовательно, возвращаться к нему не стоит, — постановил Жуков. — У нас достаточно и обычного вооружения, чтобы окончательно разгромить гитлеровские армии...

— Хорошо, — согласился Новиков. — Повысим интенсивность налетов с обычным вооружением.

26 апреля массированные удары авиации предварили начало продвижения советских танков и пехоты к центру Берлина. К вечеру следующего дня противник потерял все аэродромы в городе. Правда, гитлеровцы пытались использовать в качестве взлетно-посадочной полосы Шарлоттенбург-штрассе и главную аллею парка Тиргартен, но маршал Новиков принял меры, чтобы нацистские главарь не могли применить их для своего бегства.

29 апреля командующий ВВС осматривал трофейные реактивные самолеты на аэродроме Темпельхоф. В этот день сражение достигло наивысшего накала. Гитлеровская авиация отчаянно напрягала силы — совет-

ские летчики провели 67 воздушных боев и сбили 46 самолетов противника, — но это была уже агония люфтваффе.

2 мая битва за Берлин окончилась полной победой советского оружия, но командующий ВВС продолжал работать в прежнем режиме, так как без перерыва переключился на авиационное обеспечение Пражской операции. Лишь 12 мая, после освобождения восставшей Праги, он вылетел в Москву. Но не для отдыха, а для подготовки к войне с милитаристской Японией.

Скрытно, небольшими группами, в строгом соответствии с планом, разработанным еще в апреле, начались перелеты двух бомбардировочных корпусов и двух транспортных авиадивизий. Одновременно авиационные части Дальнего Востока получали новую боевую технику, ибо, пока шла война на западе, небо «у суровых берегов Амура» прикрывали устаревшие «ишаки» и «чайки».

Маршал Новиков прибыл на очередной театр военных действий под чужой фамилией и в погонах генерал-полковника, чтобы не «волновать» разведку противника. С ним был полевой штаб, укомплектованный подготовленными, опытными, не раз проверенными в деле офицерами.

Предстояло решить сложную задачу координации действий авиации Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, в составе которых, с учетом сил Тихоокеанского флота, насчитывалось 3900 самолетов. Такое количество обеспечивало более чем двукратное превосходство над противником.

Феноменальная память Александра Александровича хранила сотни вариантов боевого применения авиации. Ее действия были спланированы на основе опыта и знаний, полученных за четыре года войны, но с учетом особенностей предстоящей операции, прежде всего пространственного размаха и разобщенности направлений. Поэтому каждая из фронтовых группировок по составу максимально соответствовала характеру предстоящих задач и располагала всем необходимым для их успешного решения.

Маршал Новиков успел посетить большинство авиачастей, побеседовать с экипажами. Он лично контролировал оперативные группы, выславшиеся из воздушных армий в общевойсковые и танковые, следил, чтобы в соединения сухопутных войск прибыли опытные авианаководчики.

В августе 1945 года японский посол в Москве получил заявление правительства СССР, в котором объяснялось, что вступление Советского Союза в войну обусловлено отказом Японии прекратить боевые действия и стремлением избавить японский народ от опасностей и разрушений, которые пережила Германия после отказа от безоговорочной капитуляции.

Наступление советских войск началось той же ночью. Артиллерийская подготовка не проводилась, но авиация нанесла удары по объектам в глубине обороны противника. С рассветом треть всех бомбардировщиков приступила к ведению воздушной разведки, чего в операциях на советско-германском фронте не было. Использование столь необычного приема объяснялось тем, что до начала военных действий самолеты границу не пересекали, и теперь недостаток разведывательной информации следовало восполнить как можно скорее.

Советская авиация с самого начала кампании захватила господство в воздухе и надежно прикрывала стремительно наступавшие войска, обеспечивала прорыв укрепленных районов и развитие успеха в глубину, ударами по командным пунктам и узлам связи нарушала управление противника.

Шестая танковая армия продвигалась столь быстро, что оказать поддержку ее частям иначе, как с воздуха, было невозможно. Да и снабжать передовые отряды танкистов приходилось также по воздуху, для чего транспортные самолеты делали не менее 100 вылетов ежедневно.

Командующий ВВС успевал руководить ударами по узлам особо упорного сопротивления, а также транспортными и воздушно-десантными операциями, принявшими в этой кампании массовый размах. Он лично

участвовал в инструктаже экипажей — прежние ошибки высадки десантов не должны повториться.

Внушительные колонны транспортных самолетов под мощным прикрытием истребителей потянулись к крупнейшим городам Маньчжурии — Чанчуню, Мукдену, Харбину, Дайрену и легендарному Порт-Артуру. Японские пилоты обычно даже не пытались приблизиться к ним; лишь изредка находились отдельные смельчаки.

Надежды оправдались: десантники успешно захватывали аэродромы, железнодорожные узлы, склады с боеприпасами, разоружали местные гарнизоны. Кроме того, их действия позволили сохранить в целости промышленные предприятия и электростанции, а в последующем быстро восстановить порядок в городах.

Передовые отряды, конно-механизированные группы и воздушные десанты окончательно дезорганизовали сопротивление Квантунской армии. Противник начал повсеместно складывать оружие. 2 сентября правительство Японии подписало акт о безоговорочной капитуляции, и маршал, чей вклад в победу на Дальнем Востоке был отмечен второй Золотой Звездой Героя Советского Союза, вернулся в Москву.

Триумф советского оружия окрылял, придавал силы и энергию. Дела вновь предстояли немалые и важные. Необходимо было в кратчайшие сроки определить пути дальнейшего развития Военно-воздушных сил и провести их перестройку с учетом требований мирного времени без снижения боеспособности, тщательно проанализировать опыт войны и поставить его изучение на научную основу, а главное, осуществить переход на реактивную технику. Пришло ее время! Медлить было нельзя: с запада уже потянуло ветром «холодной войны».

Маршал Новиков делал все, чтобы как можно скорее подготовить к летным испытаниям новые истребители МиГ-9 и Як-15, дни его были расписаны по минутам, и вдруг... 4 марта 1946 года последовало внезапное отстранение от должности.

Совсем недавно Александр Александрович испытал боль утраты: несколько месяцев тому назад почти одно-

временно скончались его отец и мать. Они словно дождались победы и ушли.

А теперь... Он, прошедший сквозь 1937 год, ощутил признаки близкой грозы.

Прошло время героев, наступило время интриганов. Неужели сработали кляузы Василия Сталина? Но, может быть, все обойдется, ведь не в первый раз?

Недоразумения с сыном Верховного главнокомандующего начались давно, чуть ли не с апреля 1942 года. Генерал Новиков был назначен командующим ВВС и впервые столкнулся с Василием Сталиным. Тот в 21 год имел звание полковника и проходил службу — проводил время — в инспекции ВВС Красной армии.

Должно быть, Сталин подсознательно испытывал вину за то, что не уделил достаточно внимания и отцовского тепла старшему сыну, Якову, оказавшемуся в нацистском плену, и, нарушая собственные принципы, так много позволял младшему?

Житейский опыт подсказывал, что от взаимоотношений с юным полковником в службе, и не только в службе, будет зависеть многое. Кстати, сам Василий сразу же попытался установить неформальные контакты, пользуясь тем, что жил с генералом в одном доме и даже в одном подъезде. Но командующий ВВС попытки молодого человека навязать подобие дружбы пресек и потребовал от необычного подчиненного такого же отношения к исполнению своих обязанностей, что и от других офицеров. Более того, он запретил Василию разъезжать на машинах из личного автопарка и оставил только одну, положенную по штату.

Чаша терпения полковника переполнилась, и он принялся напрямую «сигнализировать» отцу о якобы имеющихся недостатках, меньше всего думая о том, что отстранение талантливое военачальника неизбежно обернется неудачами на фронтах. По каждому сигналу проводились расследования. Они забирали силы, отрывали драгоценное время, отвлекали от важных задач и тем наносили немалый ущерб делу, но заканчивались ничем. Ведь для того, чтобы как следует соврать в профессиональной области, необходимы определенное об-

разование и некоторый опыт, а их-то Василию как раз и не хватало.

К январю 1943 года Сталин понял, что сын его попросту дезинформирует, причем в личных интересах, и запретил ему показываться на глаза. Вскоре юный полковник был отправлен на фронт. Он уехал, увезя с собой обиду. Вскоре после победы он вновь написал отцу о том, что ВВС принимают от промышленности самолеты Як-9 с дефектами, из-за чего происходят аварии и гибнут летчики.

Верховный главнокомандующий пригласил бдительного авиатора к себе на беседу, после которой в кабинете начальника штаба ВВС маршала Ф. Я. Фалалеева раздался телефонный звонок.

— Представляйте Ваську к генералу, — сказал начальник охраны Сталина. — Он сегодня помирился с отцом.

Маршал Фалалеев отказался, и в канун 1946 года звонок раздался в кабинете самого Александра Александровича.

— А как вы, товарищ Новиков, смотрите на то, чтобы Василию Сталину присвоить звание генерала? — произнес хорошо знакомый голос.

Маршал ответил, что Василий еще очень молод, ему недостает опыта, образования, что нужно хотя бы поступить в академию...

— Представления давать не надо, — оборвал его Сталин. — Подавайте общим списком.

И повесил трубку.

Правительственное сообщение о присвоении большой группе офицеров-авиаторов, в том числе и Василию Сталину, генеральских званий было опубликовано в печати 2 марта 1946 года. А двумя днями позже последовало отстранение маршала Новикова от должности.

Государственная комиссия выискивала недостатки старательно, с «огоньком». О том, что совсем недавно, 9 февраля, сам Сталин в своем выступлении высоко оценил работу авиационной промышленности, разумеется, никто не вспоминал. Выполняется последний приказ. Работали с оперативностью, достойной лучшего приме-

нения, в результате чего в адрес бывшего командующего ВВС рождались такие обвинения, как «нанесение материального ущерба народному хозяйству страны вследствие заказа слишком большого количества авиационных бомб, оставшихся неизрасходованными после войны».

Маршал Фалалеев пытался успокоить товарища, говорил, что ему, внесшему большой вклад в победу, дважды Герою Советского Союза и депутату Верховного Совета СССР, нечего опасаться, но чувство тревоги возрастало.

Ночью 22 апреля в квартире Александра Александровича раздался звонок. Маршал снял трубку и услышал голос генерал-полковника К. А. Вершинина, принявшего должность главнокомандующего ВВС.

Срочно прибыть в Кремль? Машина уже выслана? Вот и хорошо. Может быть, прав Ф. Я. Фалалеев и после беседы со Сталиным все недоразумения, вызванные наветами его сына, рассеются, как бывало не раз?

Маршал надел свой лучший комплект формы — ведь при встрече с Верховным главнокомандующим внешний вид должен быть безукоризненным — и спустился к ожидавшему автомобилю. Но едва он вышел из подъезда, как из ночной тьмы стремительно возникли люди в штатском. Они набросились со всех сторон, скрутили руки, затолкали в машину.

Маршал Новиков не знал, что несколько часов назад решением закрытого заседания секретариата ЦК ВКП(б) его исключили из партии, это, по сути дела, являлось ордером на арест. Правда, никто не лишал полководца ни воинского звания, ни наград, ни депутатской неприкосновенности, но подчиненных генерала Абакумова это не смутило. В камере на Лубянке они сорвали с плеч военачальника маршальские погоны, а с груди — звезды Героя Советского Союза.

Жестокие допросы длились непрерывно почти 8 суток. Вскоре узнику стало ясно, что «авиационное дело», по которому были арестованы видные руководители промышленности, в том числе и нарком А. И. Шахурин, а также некоторые высшие офицеры ВВС, — это всего

лишь верхушка айсберга. Главной мишенью для следователей Лихачева, Чернова и самого начальника грозного Главного управления контрразведки «Смерш» Абакумова являлся не кто иной, как маршал Г. К. Жуков.

Полководцы-победители всегда внушали опасения верховной власти, а также политикам второго, третьего эшелонов и тем, кого называют камарильей. Поэтому, в зависимости от политической ситуации, спасителей Отечества подчас убивали, как Аэция¹⁴ и Михаила Воротынского¹⁵, отправляли в изгнание, как Велизария¹⁶ и Суворова, или награждали высоким, но не связанным с вооруженными силами постом, где военачальник со временем превращался в лучшем случае в неплохого, но обычного крупного чиновника.

В Советском Союзе к 1945 году образовалась целая плеяда блестящих полководцев, любимых народом, имевших огромный авторитет среди искушенных опытом войны офицеров и бывалых солдат. При этом, в силу особенностей своего характера, наибольшие опасения власти внушал маршал Г. К. Жуков. Методы 1937 года применительно к нему уже явно не годились, поэтому из широкого арсенала предлагаемых историей средств была избрана нейтрализация — по крайней мере на первом этапе. Одновременно шли аресты генералов и офицеров, с которыми у маршала во время войны сложились добрые отношения, велась работа по фабрикации обвинения, так что «авиационное дело» оказалось весьма кстати...

Александр Александрович вышел на свободу только в феврале 1952 года, проведя в застенках 7 месяцев сверх определенных судом 5 лет. Прежде всего опальный военачальник стал добиваться восстановления доброго имени. В это время повеял ветер перемен, и 2 июня 1953 года вышло постановление президиума ЦК КПСС о его полной реабилитации. В том же месяце полководец был восстановлен в воинском звании.

Улыбнулось наконец счастье и в личной жизни: спустя много лет после кончины Милицы Константиновны он встретил женщину, с которой решил связать судьбу. А вскоре родилась дочь Зоя.

Богатейший военный опыт был вновь востребован: маршал Новиков возглавил Дальнюю авиацию.

Как изменились, как далеко шагнули вперед за эти годы Военно-воздушные силы! Новая техника и ядерное оружие вызвали революцию в военном деле, требующую творческого переосмысления многих теоретических положений и практических рекомендаций. Следовательно, чтобы вновь шагнуть в ногу со временем, нужно работать с прежним напряжением, жертвуя сном и отдыхом.

Результаты работы сказывались: в части поступали и успешно осваивались новые бомбардировщики Ту-16, крылатые ракеты КС, интенсивно развивалась и теория дальней авиации. Но было нечто, внушавшее маршалу тревогу: при всех достоинствах Ту-16 ни дальность его полета, ни бомбовая нагрузка решению стратегических задач явно не соответствовали.

Необходим самолет более тяжелого класса, и он уже создан опытным конструкторским бюро А. Н. Туполева. К сожалению, во время испытательного полета в одной из двигательных установок возник пожар. Произошла катастрофа, стоившая жизни командиру корабля А. Д. Перелету и бортиженеру А. Ф. Чернову.

Подготовка серийного производства бомбардировщика Ту-95 была прекращена, и возобновлять ее, похоже, не собирались. Новый глава государства Н. С. Хрущев делал ставку на пока еще не существующие межконтинентальные баллистические ракеты. Следовательно, в личных интересах лучше промолчать или, как говорят, спустить дело на тормозах. Но в интересах страны молчать было нельзя, и в феврале 1955 года на совещании в присутствии Хрущева маршал Новиков заострил вопрос, указав на фактическое отсутствие в Советском Союзе стратегической авиации.

— Создаются баллистические ракеты, для которых недостижимых целей на земле нет и не будет, — резко ответил Хрущев.

— Какими бы боевыми возможностями ракеты ни обладали, они вряд ли заменят собой авиацию. — Маршал твердо продолжал отстаивать свою точку зрения.

Его аргументы были настолько безошибочны, точны и убедительны, что ни сам Хрущев, ни поддакивающие ему горе-теоретики так и не смогли их опровергнуть. Дело сдвинулось, и в октябре 1955 года начались испытания нового серийного бомбардировщика. Самолет оказался на редкость удачным. Он пережил своих создателей и уже более полувека составляет основу стратегической авиации страны.

Время подтвердило правильность суждений маршала Новикова. Он снова одержал победу, но дорогой ценой. Хрущев не простил ни инакомыслия, ни твердости. Вскоре после совещания — не прошло и месяца — Главный маршал авиации А. А. Новиков был отстранен от должности.

Избавившись от наиболее последовательных оппонентов, Хрущев мог начинать свои эксперименты в области обороны. Военно-воздушные силы, впрочем, как и Военно-морской флот, артиллерию, бронетанковые войска ожидали нелегкие времена. Штурмовая авиация была ликвидирована полностью, а новые фронтовые бомбардировщики Ил-28 целыми сотнями давили тракторами. Бездумно уничтожался труд ряда поколений, вложенный в продукцию высоких технологий. Материальные издержки трудно поддавались учету, — ведь пройдет несколько лет, и страна будет вынуждена потратить на устранение последствий «эксперимента» огромные средства, столь необходимые для подъема жизненного уровня населения и сельского хозяйства.

Какую же боль испытывал военачальник, сознавая, что влиять на ход событий он уже не в силах? Словно что-то сломалось, что-то оборвалось в человеке, так долго переносившем огромные нервные и физические нагрузки.

Инфаркт, тяжелая операция, вслед за нею, в самом начале 1956 года, увольнение в запас с правом ношения военной формы. Снова, как 10 лет назад, имя его стало исчезать со страниц военной печати, из научных трудов и лекционных курсов о крупнейших воздушных операциях, проведенных под его руководством.

Но боевые товарищи его не забыли. Разве пристало бояться начальствующего гнева тем, кто смело вступал в неравные схватки с асами люфтваффе?

Руководители Гражданского Воздушного флота СССР составили представление, и вскоре Александр Александрович возглавил организованное в Ленинграде училище. Благодаря его знаниям, энергии и трудолюбию учебное заведение на Литейном проспекте превратилось в настоящую высшую школу, оснащенную самым современным оборудованием.

Работа увлекала: ведь гражданская авиация получала новое поколение машин, нужно было осваивать реактивные и турбовинтовые лайнеры Ту-104, Ту-114, Ил-18, Ан-10. Александр Александрович и в гражданском костюме подавал пример дисциплинированности, точности, пунктуальности. Он гордился трудом на научно-педагогическом поприще и, получив звание профессора, был рад, должно быть, не меньше, чем при вручении самой высокой воинской награды.

В течение 10 лет маршал Новиков написал около 40 научных статей, несколько книг, воспитал пять кандидатов и доктора наук. Творческие планы были обширны, вот только здоровье, подорванное тяжелыми испытаниями и чудовищной несправедливостью, напоминало о себе все чаще. И все чаще в глазах появлялась безмерная усталость. Но и в больничной палате рабочий стол маршала был завален бумагами. Он продолжал работать на благо Родины вплоть до последнего дня, 3 декабря 1976 года.

Генерал армии А. В. Хрулев

Начальник тыла советской армии вышел из-за стола, приветствуя профессора М. М. Загю, корифея интендантской службы, получившего генеральское звание еще от государя императора.

— Большое солдатское спасибо вам, Андрей Васильевич! От чистого сердца. В пояс кланяюсь, — взволнованно жал руку гость хозяину кабинета.

— За что же, товарищ генерал?

— За то истинное чудо, которое явилось мне на склоне лет моих. Я до гроба не забуду, что уже на втором году прошлой мировой войны русской армии всего не хватало, решительно всего. А теперь у нашей армии всего вдоволь. И за это от старого солдата нижайшее спасибо вам...

Восхищенное удивление ветерана с точки зрения специалиста было вполне понятным: Советская армия, эта огромная, сложная военная машина, непрерывно наносившая агрессору сокрушительные удары, действительно вдоволь снабжалась продовольствием, фуражом, горючим, обмундированием, боеприпасами, разнообразным военно-техническим имуществом — и это в условиях маневренной войны, при постоянно изменяющейся линии фронта! Количество раненых, полностью излечившихся в госпиталях и вернувшихся в строй, достигало 70% — величины, прежде неслыханной...

Административно-хозяйственное чудо казалось особенно грандиозным по сравнению с порядками, царившими во время Первой мировой войны. Главными при-

чинами плохого снабжения тогда были, во-первых, стратегические ошибки военно-политического руководства в оценке характера будущей войны, из-за чего не озаботились заблаговременным созданием необходимых запасов материальных средств, а во-вторых — хищения и коррупция, беспощадно разъедавшие государственный аппарат. Воровали в царской армии масштабно и дерзко, с лихостью и отвагой, проистекавшими из уверенности в полной безнаказанности.

Корни у нехорошей традиции были глубокие. Недаром царь Петр I, создатель регулярных вооруженных сил, с криками «Вор! Вор!» охаживал ближайшего сподвижника, князя Меншикова, собственноручно сделанной дубиной. А спустя век царь Александр I говорил о своих сановниках: «Они украли бы мои военные линейные корабли, если бы знали, куда их спрятать...»

В Крымскую войну хищения, приняв характер поистине гомерический¹⁷, поражали воображение иностранцев и оказывали прямое влияние на ход боевых действий. Доходило до того, что рядом с новой крепостью на украденные при строительстве деньги можно было воздвигнуть еще одну такую же.

Принятая в царской армии система позволяла офицерам практически бесконтрольно распоряжаться деньгами, отпущенными на питание личного состава и приобретение фуража для лошадей. В 1914 году драгунский ротмистр Крым-Шамхалов-Соколов в ответ на просьбу вахмистра С. М. Буденного выдать деньги на еду для голодающих солдат грязно выругался, а затем бросил три рубля и крикнул: «На, купи им телегу дров, пусть грызут!»

К сожалению, подобные случаи были далеко не единичными. Что же касается честных офицеров — а без них не было бы ни победы в гигантской Галицийской битве, ни знаменитого Брусиловского прорыва, — то они не без оснований подозревали терявшее доверие командование в умышленно проигранных боях и операциях. Ведь разгром, отступление, беспорядочная эвакуация — это и есть тот омут, в котором легче всего скрыть следы особо крупных хищений.

Солдаты в свою очередь тоже не всегда отличались бережливым отношением к военному имуществу и охотно выменивали, к примеру, добротные юфтевые сапоги (кирзовых тогда еще не было) на продукты питания и алкоголь. Разукомплектовывались даже купленные за границей винтовки, чьи клинковые штыки служили отличным предметом торга. В этих условиях и генерал Загю, и даже сам генерал Горецкий, возглавлявший интендантскую службу, люди безусловно порядочные и лично кристально честные, своим высоким профессионализмом могли только лишь несколько сокращать наносимый системой ущерб.

После 1917 года положение резко изменилось. Новая власть показала, что располагает самым эффективным лекарством для лечения застарелой болезни — каленым железом, а главное, полна решимости применять его не колеблясь. Честные офицеры, воспрянув духом, вступали в Красную армию тысячами.

Тогда же, в августе 1918-го, начал воинскую службу и Андрей Васильевич Хрулев. Встал в строй добровольно, рядовым бойцом, хотя для своих неполных 26 лет имел стаж подпольной революционной деятельности в Петербурге, куда еще в детстве пришел на заработки из родной деревни Большой Александрович. Наказанием за «нелегальность» стали 8 месяцев тюремного заключения и ссылка — правда, недалекая, в Эстонию.

Слесарь Охтинского завода успел побывать членом Пороховского районного комитета РСДРП(б), заместителем председателя районного совета рабочих и солдатских депутатов, председателем особого отдела района при Петроградской ЧК, комендантом революционной охраны района, даже какое-то время заведовал финансовым отделом ЧК. Шел, не раздумывая, на любой участок работы и везде справлялся благодаря природной сметке и недюжинной энергии.

Талант самородка оказался востребованным и на новом поприще: в конце февраля 1920 года А. В. Хрулев уже комиссар 2-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии. Его личное мужество и организаторские способности высоко ценили и командарм С. М. Буденный,

и член Военного совета К. Е. Ворошилов, которого А. В. Хрулев знал по подпольной работе еще с 1912 года.

Кавалерийские сражения, в которых с обеих сторон участвовало до 40 тысяч сабель, тяжелые походы и стремительные рейды по тылам противника. Бои на Северном Кавказе против войск Деникина, затем — на Польском фронте, под Львовом и в Крыму, против Врангеля, ликвидация банд на Украине и в Белоруссии. Да, опасно, да, нелегко. Но ведь впереди полная победа мировой революции и прекрасные голубые города, где живут и трудятся счастливые люди недалекого будущего.

Так думал молодой комиссар, так думала и боец-политрук Эста Горелик, служившая в его дивизии. Они полюбили друг друга и соединились, чтобы не расставаться, деля все предназначенное судьбой.

Однако Андрей Васильевич беспочвенным мечтателем никогда не был и хорошо понимал, что светлое будущее само по себе не придет, его надо строить, и строить уже сегодня. 12 клубов, 16 основных и 54 передвижных библиотек создал он в дивизии, несмотря на бои и походы. И еще он понимал, что слово надлежит подкреплять делом, заботой о людях, о каждом конкретном человеке. А каково это в условиях разрухи, сменившей гражданскую войну?

Значит, все надо беречь, экономить, заботливо сохранять. Экономия начинается с малого, внушал он бойцам и командирам, — с пуговицы, с патрона, с чистки сапог. Андрей Васильевич внимательно следил, чтобы конники были хорошо накормлены, одеты, обуты, имели надлежащие условия быта.

В 1924 году началось проведение военной реформы, связанное с переходом к территориально-милиционной системе с целью значительного сокращения Вооруженных сил и экономии бюджетных средств. В самом начале ее Андрей Васильевич уехал на Северный Кавказ принимать должность командира 44-го кавалерийского полка. Командовать частью пришлось чуть менее года, но и в это время он старался как можно глубже вникнуть в детали организации боевой подготовки, в тонкости штабной службы.

Дела в полку шли хорошо, но Андрей Васильевич ощущал, что прежних знаний, полученных в земской школе и на вечерних общеобразовательных курсах в Петербурге, уже недостаточно. А потому, когда появилась возможность поступить на Военно-академические курсы высшего политсостава, отказываться не стал.

К знаниям он всегда жадно тянулся, впитывал их, словно губка воду, учился с превеликим удовольствием. Особенно привлекала политическая экономия, толстые учебники читал взапой, словно приключенческие романы.

Год пролетел незаметно, и вот снова в войска. Комиссар дивизии, корпуса, заместитель начальника политуправления Московского военного округа. На всех постах наряду с кипучей энергией, неутомимостью и находчивостью ярко проявлялась его забота о людях — не абстрактно, но зримо, посредством внимания к их материальному обеспечению.

Подобные качества наряду с явным административным талантом и экономическими знаниями не ускользнули от внимания К. Е. Ворошилова, ставшего в то время народным комиссаром обороны СССР. В июле 1930 года А. В. Хрулев был назначен начальником Центрального военно-финансового управления РККА.

Это было время важных экономических преобразований. Страна готовилась стать передовой индустриальной державой, а ее армия оснащалась современной боевой техникой. Роль финансовой деятельности в развитии Вооруженных сил при этом, естественно, возрастала.

Центральное военно-финансовое управление занималось проведением в жизнь общей финансовой политики в наркомате обороны, составлением и исполнением его сметы, расчетами за военные поставки промышленности, удовлетворением частей и соединений различными видами денежного довольствия.

Назначение Андрея Васильевича совпало с переходом на централизованную систему финансирования. Бюджетные счета центральных управлений наркомата были закрыты, все кредиты открывались на счета Центрального военно-финансового управления и использо-

вались в соответствии с его сметой, что позволяло маневрировать денежными средствами, управляя ими из одного центра.

Но это были только первые шаги, а работал новый начальник над совершенствованием военно-финансовой службы постоянно. Вскоре он предложил целый ряд изменений, направленных на обеспечение жесточайших плановости и экономии в расходовании финансов. Одновременно права командиров частей по использованию фондов собственных средств расширялись, а начальники главных управлений наркомата получали возможность самостоятельно заключать договоры с поставщиками на основе утвержденного плана и в пределах отпущенных сумм. При этом во всех звеньях Вооруженных сил создавались самостоятельные финансовые службы, подчиненные непосредственно командирам частей.

Понимая, что выполнить намеченные задачи можно лишь опираясь на честных и квалифицированных сотрудников, Андрей Васильевич уделял огромное внимание подбору и расстановке кадров. Все лично знавшие его отмечали глубокое, врожденное чувство справедливости. На злоупотребления и нарушения финансовой дисциплины он реагировал мгновенно, и ответственность наступала быстро. Расхитителям и коррупционерам рядом с таким человеком находиться было опасно.

Целенаправленная работа привела к оздоровлению финансовых органов, и к 1933 году они уже имели все возможности для искоренения бесхозяйственности, могли осуществлять жесткий контроль рублем, уделять больше внимания сметно-плановой и инспекторской деятельности. 30 января того же года рейхсканцлером Германии стал Адольф Гитлер, лидер нацистской партии. А чуть позже, 15 июля, по инициативе Н. Чемберлена в Риме между правительствами Великобритании, Франции, Германии и Италии состоялось подписание так называемого «Пакта четырех», направленного против СССР. Протесты общественности не позволили осуществить его ратификацию и сорвали

образование мощной антисоветской коалиции, но тем не менее враги Советского Союза своих намерений не оставили.

Но еще двумя годами ранее И. В. Сталин, определив вероятные сроки будущей войны, произнес ставшую впоследствии знаменитой фразу: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Либо мы пробежим это расстояние в 10 лет, либо нас сомнут». Были намечены меры к резкому расширению мобилизационных возможностей народного хозяйства, а при необходимости переводу всей экономики на военные рельсы. Оборонный потенциал страны неуклонно рос.

Андрей Васильевич Хрулев не раз говорил подчиненным: «Нужно так планировать расходование государственных средств, чтобы каждый рубль был вкладом в дело повышения и укрепления обороны». Его заслуги были отмечены присвоением в марте 1935 года воинского звания «корпусный комиссар», хотя самостоятельность и жесткость в отстаивании сметы бюджетных расходов одобряли далеко не все.

Подозрительный, злопамятный, уверенный в собственной непогрешимости начальник Главного политического управления РККА Л. З. Мехлис воспринял жесткие рамки финансовой дисциплины крайне болезненно и ответил целой чередой коварных происков и громких обвинений. Были тут и утрата политической бдительности, и непринятие достаточных мер к ликвидации вредительства, и использование служебного положения, и конечно же связь с врагами народа.

До поры до времени все обходилось, и, когда умный, энергичный руководитель потребовался для наведения порядка на другом участке работы, лучшей кандидатуры, чем А. В. Хрулев, найти не смогли. В августе 1936 года он был назначен начальником строительно-квартирного управления наркомата обороны. Быстро освоил новое дело, развернул широкое строительство казарм, жилых домов для офицеров — готовилось развертывание Вооруженных сил на основе всеобщей воинской обязанности, и таких объектов требовалось превеликое множество, а также аэродромов для стремительно рас-

тущей авиации. Но, похоже, новые успехи разозлили врагов еще больше.

Мехлис обвинил Андрея Васильевича в участии в заговоре Тухачевского. Кажется, на этот раз стрела попала в цель. Корпусный комиссар чувствовал, как сгущаются грозовые тучи, но, преодолевая тяжесть на сердце, работал еще больше, чем прежде. Но вот — отстранение от должности, вывод в резерв. Что дальше, догадаться нетрудно.

Он ждал ареста, а получил... приказ возглавить управление военного строительства Киевского округа.

— Скажите спасибо Ворошилову, — с пугающей откровенностью сказал Мехлис при встрече. — Он вас прикрыл и не дал мне поступить с вами так, как следовало бы поступить. Но я постараюсь сделать все возможное, чтобы мое желание сбылось.

Андрей Васильевич приехал в Киев поздно вечером и прямо с вокзала отправился в управление, где застал нескольких припозднившихся сотрудников. Началась беседа, непринужденная и долгая. К исходу ее новый начальник четко уяснил положение дел, а также сформулировал принципиально новые задачи по скоростному строительству и организации специальных монтажных управлений.

Доверие подчиненных было завоевано в кратчайшие сроки и здесь: к Хрулеву по вопросам служебным и личным. Обычно импульсивный от бившей ключом энергии, в сложных ситуациях он становился спокойным и уравновешенным, передавая веру в свои силы подчиненным. Андрей Васильевич умел выслушать человека, внимательно разобраться в деталях вопроса, принять добрый совет. Временами, раздраженный ошибками и упущениями, мог устроить и шумный разнос, но всегда без личных выпадов и тем более оскорблений. На подобные вспышки не обижались и смотрели на них как на родительский нагоняй.

Быстро выросли важные объекты военной инфраструктуры, дела, кажется, шли хорошо, но в начале сентября в кабинете корпусного комиссара прозвучал телефонный звонок. С. К. Тимошенко, в ту пору командо-

вавший Киевским Особым военным округом, коротко передал приказ срочно прибыть в Москву. И ничего о причинах вызова.

В тревожном раздумье ходил Андрей Васильевич по кабинету. По службе к нему претензий нет, но ведь неутомимый Мехлис продолжает вести под него подкоп, словно шахтер-стахановец в забое.

Опасения рассеялись только после встречи с К. Е. Ворошиловым. В Кремль они отправились вместе.

— Есть намерение, — сказал Сталин, — создать управление снабжения Красной армии во главе с начальником снабжения и назначить на эту должность вас.

Испытующий взгляд, пауза. А затем со стороны Андрея Васильевича вместо «приложу все силы, чтобы оправдать ваше высокое доверие» неожиданно последовал целый ряд конкретных вопросов о задачах и методах работы нового управления. Состоялась долгая беседа, в ходе которой Сталин высказал мысль, что наименование «начальник снабжения» уже не соответствует современности. Позже верность этого замечания была подтверждена практикой.

Опыт как жизненный, так и служебный давал некоторое представление о характере предстоящей деятельности, но все же с чего начать? Ведь с задачами такого масштаба и такой сложности прежде сталкиваться не приходилось.

Знал бы Мехлис, с кем встретился новый начальник снабжения РККА сразу же после назначения на должность! С самим К. Е. Горецким, генералом царской армии и главным интендантом в годы Первой мировой войны! Андрей Васильевич внимательно слушал советы корифея, оказавшегося полностью в русле требований современной войны. Более того, добился зачисления его научным консультантом в штат управления. Бывало, они часами засиживались в кабинете. Горецкий помогал решить тот или иной запутанный вопрос, рассказывал об истории тыла русской армии. Сам же Андрей Васильевич при каждом удобном случае раскрывал книги своего научного консультанта, а также Ф. А. Макшеева, Н. Н. Янушкевича и других знатоков интендант-

ской службы. Теория тыла постигалась в ходе напряженной работы — опасность подбиралась к границам СССР все ближе и ближе.

1 сентября 1939 года разразилась Вторая мировая война. В тот же день на внеочередной сессии Верховного Совета СССР был принят закон о всеобщей воинской обязанности. Началось развертывание массовой кадровой армии, а вместе с нею и мобилизация промышленности для нужд Вооруженных сил.

Андрей Васильевич требовал от офицеров управления, выезжавших в части, не только проверять, но прежде всего учить людей, как организовать войсковое хозяйство, как правильно поставить учет и отчетность, чтобы как можно эффективнее использовать все то, что давала страна. А давала она своим защитникам немало! Но тем важнее было прививать бойцам и командирам чувство ответственности за имущество и бережливость. Недостатки былых времен как в высших звеньях управления, так и в подразделениях искоренить было можно и должно...

В 1940 году, сразу же после окончания советско-финской войны, Андрей Васильевич приказал органам снабжения Северо-Западного фронта и Ленинградского округа собрать оставшееся в районах боевых действий военное имущество, привести в порядок и полностью сохранить. И эта огромная работа, потребовавшая создания специальных мастерских, была проделана в кратчайшие сроки.

Анализируя свежий опыт недавней войны, начальник снабжения РККА пришел к выводу о необходимости очередного крупного заказа промышленности. Обмундирование, снаряжение, походные кухни и хлебопечкарни, мастерские для ремонта техники, вооружения и другое интендантское имущество — все это в будущем потребуется в объемах, дотоле невиданных. Сначала он убедил своими доводами Ворошилова, а затем они вместе убедили и самого Сталина.

Андрей Васильевич взялся за размещение заказов. В отношениях с подрядчиками он был требователен, настойчив, но в то же время терпелив и гибок. Так, руко-

водство одного из заводов упорно отказывалось делать походные кухни, ссылаясь на отсутствие дефицитной красной меди. «Делайте из чугуна!» — нейтрализовал их аргументы начальник снабжения РККА.

В июле 1940 года заслуги Андрея Васильевича были отмечены орденом Ленина, а возглавляемый им аппарат реорганизован в Главное интендантское управление Красной армии. Тогда же он получил и новое воинское звание — «генерал-лейтенант интендантской службы». На его плечах лежала ответственность за продовольственное, вещевое, ободно-хозяйственное снабжение и квартирно-эксплуатационное обеспечение, за торговлю в войсках. Ему подчинялись Ярославское военно-хозяйственное училище и Военно-хозяйственная академия.

Приобретая в короткий срок огромный опыт, генерал-лейтенант Хрулев смотрел далеко вперед. В первой половине 1941 года в войсках была проведена широкая инвентаризация. В итоге масштабной, трудной и кропотливой работы появилась полная ясность в том, сколько и какого имущества имеется в частях и на складах, чего не хватает, что и в каком объеме следует заказать промышленности. Был сделан важный вывод — мобилизационное развертывание обеспечить можно.

В тот же период по инициативе главного интенданта в механизированные войска начали поступать автомобильные походные мастерские для ремонта обуви и шорно-седельных изделий, были внесены изменения в форму одежды, разработаны новые нормы вещевого и продовольственного снабжения. Общая калорийность суточного пайка красноармейца составляла 3622 калории — такого питания не имел солдат ни одной армии мира!

Огромные запасы материальных средств следовало правильно разместить как в стратегическом, так и в оперативно-тактическом отношении. Важнейший вопрос рассматривался еще в 1940 году. Командование Красной армии придерживалось точки зрения вполне обоснованной и, как показали дальнейшие события, правильной — разместить запасы за Волгой.

Логичное решение вызвало тем не менее решительный протест со стороны Мехлиса. Он требовал, чтобы материальные средства накапливались в приграничных районах, как можно ближе к вероятному противнику. Рациональные доводы начальник Главного политического управления воспринимал как вредительские и пораженческие.

— Но хоть полушубки, валенки и прочее зимнее имущество надо оставить за Волгой, — говорили военные специалисты.

— А откуда вы знаете, когда начнется война? — подозрительно спрашивал Мехлис, намекая на измену более чем прозрачно.

В конце концов Сталин, поддавшись уговорам начальника Главного политического управления, принял его точку зрения. В 1941 году, когда И. В. Сталин уже был председателем Совета народных комиссаров, Андрей Васильевич еще раз докладывал ему предложения о размещении неприкосновенных запасов, и снова безуспешно!

Генерал Хрулев представлял небывалый размах будущей войны и понимал, каким в этих условиях должен быть тыл Вооруженных сил. Коренной перестройке подверглись железнодорожные войска, медицинская служба получила большое количество необходимого имущества и оборудования, широкую сеть лечебных учреждений, укрепились высококвалифицированными кадрами.

Главный интендант намечал полностью оснастить тыловые части автотракторной техникой, создать специальные части военно-транспортной авиации. А главное — единый орган управления тылом. Но решать эти задачи пришлось уже в ходе войны.

Вот когда сказалось упрямство Мехлиса. На складах Белорусского и Киевского особых военных округов противник захватил более половины всего заготовленного вещевого имущества, а в Прибалтийском военном округе — так и все 100%. На Юго-Западном фронте пришлось уничтожить, чтобы не достались врагу, 38 000 тонн горюче-смазочных материалов. Кроме того, по всем округам

потеряны были 31 000 пароконных и 5000 одноконных повозок, 8000 походных кухонь, 389 хлебопекарен, десятки тысяч комплектов упряжи и седел. Что касается лечебных учреждений, то их утрачено было в общем на 88 000 коек, — подводил Андрей Васильевич неутешительные итоги первых недель войны.

Все это теперь надлежало восстановить в кратчайшие сроки. А параллельно выводить из-под ударов уцелевшие ресурсы и решать главную задачу — обеспечивать материальными средствами войска, на одних направлениях отходившие с тяжелыми боями, на других державшие упорную оборону. При этом действия тыловых частей должны были более строго соответствовать оперативно-тактической обстановке, сложной и не всегда ясной.

Сложность проблемы усугублялась тем, что тыловые части фронтов и армий, предназначенные для выполнения этого сложнейшего комплекса задач, развертывались и доводились до штатной численности уже после того, как нападение на Советский Союз стало свершившимся фактом. И по той же самой причине уже непосредственно в ходе войны они учились, как эти самые задачи выполнять. Кроме того, действовать им приходилось под вражескими бомбами, в условиях постоянной угрозы нападения гитлеровских диверсантов и встречи с прорвавшимися танками противника.

Не выдержало испытания и управление службами тыла. По довоенным взглядам осуществлять его должны были общевойсковые штабы, но те, перегруженные своими прямыми обязанностями, оказались не в состоянии распутывать еще и сложные узлы военно-хозяйственной работы. Требовалась срочная перестройка как системы управления, так и всей организационной структуры тыла Красной армии.

Генерал Хрулев, ставший в июле 1941 года, кроме того, и заместителем наркома обороны СССР, к ее проведению был готов. Ни долгие беседы с К. Е. Горецким, ни глубокое постижение опыта тылового обеспечения русской армии от войн далекого прошлого до последних военных конфликтов не прошли для него даром. Свои

тщательно продуманные предложения он изложил А. И. Микояну, ведавшему в Государственном комитете обороны вопросами снабжения армии. Тот немедленно сообщил о них Сталину, и уже на следующий день последовало поручение Верховного главнокомандующего о подготовке проекта соответствующего решения.

Работа, в которой участвовали офицеры Генерального штаба и лучшие специалисты тыла, закипела. Вскоре проект постановления Государственного комитета обороны об организации тыла Красной армии на военное время был готов. Сталин подписал его 30 июля, сразу же по представлении. А чуть позже, в августе, он подписал приказ об организации Главного управления тыла Красной армии, управлений тыла фронтов и армий.

Теперь генерал Хрулев ведал организацией тыла Красной армии, его устройством, перевозками войск и пополнений, подвозом всех видов материальных средств фронтам, эвакуацией раненых и больных. Свою работу он вел в тесном контакте с А. И. Микояном, возглавлявшим Комитет продовольственно-вещевого снабжения Красной армии, и его заместителем А. Н. Косыгиным.

В состав комитета входили ведущие представители от соответствующих наркоматов. В свою очередь они выдвигали в органы Главного управления тыла крупнейших специалистов от различных отраслей народного хозяйства, благодаря чему получение действующей армией всего необходимого значительно ускорилося. Вскоре была установлена стройная система снабжения войск вооружением, боеприпасами, продовольствием, горюче-смазочными материалами, техническим и многими другими видами военного имущества. Оперативно решались вопросы подвоза, организовывалась эвакуация раненых и больных.

Андрей Васильевич не забывал ни об охране тыловых районов, ни о восстановлении негодного или использовании трофейного имущества — все шло в дело. В своей работе он постоянно опирался на штаб во главе с замечательным специалистом генералом М. П. Миловским и потому всегда, в любое время дня и ночи,

знал, как обеспечены войска, как выполняются планы заказов и поставок промышленностью и сельским хозяйством. Точная и своевременная информация помогла принимать верные решения.

Тыл быстро набирал силу, выходил на расчетные возможности и даже перекрывал их, что позволило даже... прийти на помощь промышленным предприятиям, оказавшимся во время эвакуации в крайне сложном положении. Автомобильные части тыла доставляли предприятиям от поставщиков топливо, хлопок, шерсть, кожевенное и табачное сырье. Рабочие батальоны заготавливали для оборонных заводов дрова и торф, выполняли погрузочные работы, помогали в монтаже оборудования, расширении производственных площадей, выпуске повозок, фляг, котелков и многих других на войне совершенно необходимых изделий.

Андрей Васильевич не раз замечал: армия по природе своей является потребителем. Но в противном случае она могла бы остаться без достаточного количества крайне нужных средств, потребность в которых неуклонно росла.

Формировались новые соединения и части, в строй становились сотни тысяч народных ополченцев, и всех нужно было снабдить обмундированием, снаряжением, обеспечить регулярным питанием. В тяжелые дни битвы за Москву стараниями тыла в кратчайшие сроки завершилось формирование кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова, позднее отличившегося в сражениях. Тогда же Верховный главнокомандующий приказал А. В. Хрулеву выделить в распоряжение трех армий, сосредоточенных в районе столицы, по два автотранспортных и по одному гужевому батальону.

Легко сказать, но где взять автомобили? В резерве их нет.

Задача казалась невыполнимой и все же была решена. Генерал Хрулев тут же позвонил Косыгину, и с его разрешения офицеры автодорожного управления вместе с представителями районных советов депутатов провели рейд по гаражам и мастерским эвакуированных ведомств и предприятий, собирая оставшиеся из-за неисправностей машины, запасные части, резину. Немало

брошенной автомобильной техники удалось найти также и на дорогах Подмосковья.

Всего лишь двое суток напряженной работы, и весь необходимый транспорт был собран. Правда, — вот беда, — практически каждая машина нуждалась в капитальном ремонте. Но Андрей Васильевич подготовил следующий ход заранее. По его приказу на Шлюзовой набережной уже был развернут авторемонтный завод, и в указанный срок автомобильные батальоны были готовы.

Верховный главнокомандующий изобретательность начальника тыла оценил и почти в те же дни по его рекомендации ввел обозначенные лимиты на расход войсками боеприпасов и горюче-смазочных материалов. Сначала в Москву излился целый поток жалоб, но вскоре командующие и командиры поняли, что новая система отнюдь не ограничивает возможности войск, а всего лишь учит просчитывать их, заставляет бережно относиться к материальным ресурсам, накапливать необходимые средства для ответственных операций заблаговременно. Да и в самом деле, государство, даже при всех возможностях Советского Союза, бездонной бочкой отнюдь не является.

Москва готовилась к обороне основательно: одних только водозаборных скважин было оборудовано почти полторы тысячи. К счастью, применить их так и не довелось, а вот обводная железная дорога, еще в августе построенная по инициативе предвидевшего подобное развитие событий Хрулева, и тогда же реконструированный Московский железнодорожный узел сыграли в битве за столицу роль поистине исключительную.

Важным фактором победы в развернувшемся сражении стало теплое обмундирование. «Гитлеровцы, надеясь на молниеносную войну, оказались накануне холодов в летнем обмундировании, — говорил Андрей Васильевич руководителям текстильной промышленности на расширенном заседании у Косыгина. — Советский народ оденет свои войска в добротные шинели, полушубки, шапки и телогрейки. Все будут обеспечены валенками».

За этими словами стояли напряженный труд и решение сложнейших административно-хозяйственных задач, напоминавших длинные уравнения со многими неизвестными. Но миллионы комплектов зимнего обмундирования и теплых вещей, собранных населением, были вовремя доставлены войскам. А доставка материальных средств на войне — дело само по себе не легкое.

Если связь часто называют «нервом армии», то пути подвоза и эвакуации вполне можно считать ее кровеносными сосудами. С чем, как не с губительными тромбами, заслуживают сравнения пробки на дорогах, особенно в период ведения важных операций? Генерал Хрулев размышлял об этом давно, ведь специальное постановление Государственного комитета обороны «Об организации автодорожной службы на шоссеино-грунтовых дорогах» появилось еще в июле 1941 года!

Главным врагом своевременного подвоза была распутица, надолго выведившая из строя грунтовые дороги. Она-то и вызвала заметное ухудшение снабжения на Волховском, Ленинградском, Калининском и Западном фронтах. И тут генерал Хрулев снова блеснул находчивостью, предложив сформировать гужевые транспортные батальоны.

— Вот новости! — сказал Верховный главнокомандующий. — В век техники и вдруг торба с овсом, повозочные, сани...

Но другого выхода не нашлось, и первые 76 гужевых батальонов по 250 повозок или саней в каждом были сформированы в рекордные сроки. Вскоре выяснилось, что лошадка выручает даже там, где подчас сдает и гусеничная техника. Москву засыпали просьбами о конных обозах, вслед за которыми появились формирования оленьих упряжек на Севере и верблюжьих — в прикаспийских степях, а в горах Кавказа прекрасно зарекомендовали себя... горно-вьючно-ишачьи роты.

В начале 1942 года Андрей Васильевич выехал на Волховский фронт, где сложилось тяжелое положение с эвакуацией раненых. Из-за отсутствия специальных санитарных поездов их нельзя было отправить для лече-

ния даже в ближайшие области — Ярославскую, Ивановскую, Горьковскую...

Генерал Хрулев лично оценил обстановку на месте, установил, что в районе Боровичи можно разместить до 10 000 госпитальных коек, и немедленно дал указание штабу тыла поставить необходимое медицинское оборудование. Распоряжение было исполнено четко и быстро, так что нужда как в эвакуации, так и в дефицитных санитарных поездах отпала сама собой.

На обратном пути Андрей Васильевич заехал в штаб Северо-Западного фронта, чтобы выяснить положение и нужды его войск. Командный пункт располагался в доме отдыха Ленинградского обкома ВКП(б), недалеко от Валдая. Было уже довольно поздно, когда Хрулев приехал туда и встретился с командующим, генералом П. А. Курочкиным.

Они беседовали, обсуждая насущные вопросы снабжения, и вошел член Военного совета А. М. Пронин. Он принес на утверждение решение военного трибунала по делу начальника тыла фронта генерала Н. А. Кузнецова. Главный интендант заинтересовался сутью вопроса. Оказалось, что Кузнецова обвинил в преступном отношении к обеспечению войск другой член Военного совета фронта, могущественный Н. А. Булганин. Трибунал ослушаться его не посмел и вынес приговор самый суровый.

— Николай Александрович Кузнецов — очень образованный генерал, добросовестный человек, трудолюбивый и исполнительный, — выразил недоумение Андрей Васильевич. — В чем конкретно его вина?

Командующий фронтом, подумав, отказался утверждать расстрельный приговор:

— Я Кузнецова под суд не отдавал и с трибуналом не разговаривал. А решение это пусть утверждает сам Булганин, который затеял дело.

Жизнь человека была спасена. Н. А. Кузнецова разжаловали. Позже он возглавил тыл армии, а затем отлично проявил себя на более высоких должностях и закончил службу в звании генерал-лейтенанта.

Булганин долго ругался, узнав, что расправа чужими руками с негодным человеком не состоялась. Сам

он, будучи политиком в гораздо большей степени, чем военным, протокол трибунала не утвердил, ибо прекрасно понимал, как опасно оставлять подписи на подобных документах. Так генерал Хрулев приобрел еще одного врага, столь же непримиримого и злонамеренного, как и Мехлис, но гораздо более изощренного, умеющего ждать своего часа. Чем конкретно не угодил ему Кузнецов, так и осталось тайной, известной только главному интенданту. Андрей Васильевич ее так и не открыл, разве что, сетуя, говорил о проблемах, которые нет-нет да и возникают у честных работников тыла из-за отказа удовлетворять сомнительные требования некоторых представителей командования и лиц, облеченных властью.

Впрочем, в ту пору мысли генерала Хрулева занимал не могущественный недоброжелатель, а кризис снабжения, нависший над осажденным Ленинградом. Организация снабжения города в целом была поручена А. И. Микояну, а решение практических вопросов Верховный главнокомандующий доверил начальнику тыла Красной армии. Андрей Васильевич отправился в Северную столицу.

— Что будем делать, товарищи? — спросил он собравшихся на совещание представителей командования Ленинградского фронта, руководства города и области.

Единое мнение было выработано скоро: транспортной авиацией ни в коем случае не пренебрегать, но главной артерией снабжения считать путь через Ладожское озеро.

Генерал Хрулев установил четкую систему контроля погрузки вагонов и движения грузов, отдавая предпочтение продовольствию. Особенно много сил приложил он к организации движения материальных средств по ледовой трассе через Ладожское озеро, «Дороге жизни», или, согласно официальным документам, «Военно-автомобильной дороге № 102».

Это был сложный организм — или аппарат — численностью в 19 тысяч человек. Четыре дорожно-эксплуатационных полка, стрелковый полк охраны, три мостостроительных, 9 автотранспортных и два авторемонт-

ных батальона, 8 госпиталей — таков перечень лишь основных структур, входивших в его состав.

Дорожники непрерывно расчищали и ремонтировали трассу — временами авиация противника разрушала до 6 квадратных километров льда, — строили мосты, сооружали объезды, местами отводили трассу в сторону. Днем и ночью, в любую погоду, часто под ударами вражеских авиабомб непрерывным потоком более трех тысяч грузовых автомобилей везли в осажденный город то, в чем так нуждались его защитники, жители, продолжавшие работу предприятия.

В свою очередь блокадный Ленинград давал стране оружие и боеприпасы, уникальное оборудование для электростанций, ценный хирургический инструмент, сыворотки, вакцины, оборудование для госпиталей, в снабжении медицинским имуществом роль осажденного города была чрезвычайно велика.

Ледовая трасса действовала четко и бесперебойно, но с наступлением теплого времени года солнечные лучи сделают то, что оказалось не под силу гитлеровской авиации. Андрей Васильевич нашел выход и здесь. Он предложил построить 10 металлических барж и четыре железнодорожных парома грузоподъемностью по 1000 тонн каждый. Скептики уверяли, что это нереально. Однако задача была выполнена силами ленинградцев, ценой их героических усилий на судоверфях, причалах и пристанях, в цехах заводов и фабрик, в научно-исследовательских учреждениях и институтах.

Но сам по себе водный транспорт — еще не все, что требуется для обеспечения грузопотока. Требовалось строить пирсы с причалами, оборудовать пристани и подъездные пути, восстанавливать разрушенные шлюзы и плотины, очищать бассейн от мин и препятствий, создавать порты и организовывать их работу... Трудовой подвиг. Именно он позволил войскам Ленинградского фронта с честью выдержать тяжелые бои летней кампании 1942 года.

Водная артерия не утратила своего значения и позже, когда операция «Искра» была завершена, а блокада прорвана. Летом 1943 года суда доставили в город почти

80 тысяч тонн различных грузов; пригодились они также в ходе прокладки телефонного и 6 нитей силового кабеля для подачи в Ленинград электрического тока с Волховской ГЭС.

И все же возможности ледовой трассы зимой и водной артерии летом имели свои пределы. Как увеличить грузопоток для города и фронта? Да очень просто: использовать для доставки горючего не автомобили и баржи, а трубопровод!

Государственный комитет обороны принял соответствующее решение, возложив общее руководство строительством на А. Н. Косыгина, и работа закипела, — разумеется, при самом активном участии генерала Хрулева. Именно он помог найти и нужных специалистов, и сами трубы, причем на месте, в Колпино. Сложная задача решалась совместными усилиями фронта, представителей флота, соответствующих министерств и ведомств. Менее чем через месяц уникальное по тому времени сооружение было готово, и в осажденный город пошел непрерывный поток нефтепродуктов.

Андрей Васильевич внимательно изучал и обобщал полученный опыт, словно предвидя его ценность в недалеком будущем. В череде сменявших одна другую ответственных задач, в условиях нечеловеческой нагрузки он вдруг вспомнил: а как чувствует себя архитектор Лев Владимирович Руднев, автор проекта знаменитого здания академии имени М. В. Фрунзе? Ведь он постоянно живет в Ленинграде.

Оказалось, академик действительно в блокадном городе и категорически отказывается покидать его, желая разделить все трудности с ленинградцами. А между тем его физическое состояние иначе, как тяжелым, не назовешь! Тогда генерал Хрулев начал лично уговаривать упрямого архитектора, потратил немало времени и, в конце концов, добился успеха...

Стойко обороняется непокоренный Ленинград, одержана блестящая победа под Москвой. В ходе осенне-зимней кампании 1941–1942 годов тыл проделал огромную работу, без которой успехи войск были бы невозможны. А. И. Микоян лично убедился в этом, выехав

для проверки вместе с генералом Хрулевым в район упорных боев.

Деятельность органов снабжения можно проверять, исследуя документы и графики, а можно так, как делал это Наполеон: выйти на конечное звено — солдата — и посмотреть, как он одет, обут и накормлен. И не на строевом смотре, а на линии боевого соприкосновения с противником! Анастас Иванович и Андрей Васильевич ходили по траншеям переднего края, беседовали с младшими офицерами и солдатами. Видели: зимним обмундированием обеспечены хорошо, горячую пищу получают своевременно.

Но поводов для беспокойства было куда больше, чем для радости. Ситуация на железнодорожном транспорте стремительно ухудшалась и грозила серьезными перебоями в снабжении. Положение могло быть еще хуже без железнодорожных войск, существование которых в тяжелые месяцы 1941 года едва удалось отстоять. Тогда в чьюто не отягощенную военными знаниями голову пришла идея расформировать их для компенсации огромных потерь и преобразовать в обычные стрелковые части. Нашлись и горе-теоретики, подкрепившие идею «научной» основой: армия сейчас отходит, а стало быть, и задачи по строительству железнодорожных путей не возникают.

Верховный главнокомандующий от скоропалительного решения отказался и приказал изучить вопрос специальной комиссии. Впрочем, заседание ее ничего хорошего не сулило. Ведь председателем был назначен Л. З. Мехлис, заинтересованный в том, чтобы ликвидировать железнодорожные войска и тем самым ослабить позиции ненавистного ему главного интенданта. Искушенный начальник Главного политического управления собрал комиссию именно в тот день, когда самого Андрея Васильевича в Москве не было.

Все шло, как было задумано. Лишь начальник военных сообщений, подчиненный Хрулеву, генерал-лейтенант Ковалев категорически отказался голосовать за расформирование, называя подобное решение пораженческим. Мехлис снял телефонную трубку и пожаловался на упряма Сталину.

— Почему вы считаете ликвидацию железнодорожных войск поражением? — спросил Верховный главнокомандующий, пригласив генерала к телефону.

— Потому, что мы готовим под Москвой контрудар и позже будем готовиться к наступлению, а наступать без железнодорожных войск и восстановительных средств, которые являются орудием наступательных операций, невозможно, — ответил Ковалев.

— Правильно, — сказал Сталин. — Передайте трубку Мехлису.

— Вы пораженец, Мехлис, — услышал тот. — Комиссия тоже. Комиссию распустить, войска сохранить!

Мехлис был посрамлен, а зимнее контрнаступление еще раз подчеркнуло значение железнодорожных войск. Но главная роль, причем не только в подвозе материальных средств и пополнений, но и в обеспечении оперативно-стратегического маневра, принадлежала наркомату путей сообщений (НКПС). А там положение дел складывалось далеко не блестяще.

Потеря почти половины самой развитой железнодорожной сети, нехватка топлива, электроэнергии, паровозов, парка товарных вагонов и ремонтных мощностей дезорганизовали привычный ритм и разрушили отлаженный порядок работы. Следствием административной неразберихи стали чудовищные пробки, забившие железнодорожные магистрали. Движение поездов было блокировано, а среднесуточная погрузка вагонов сократилась более чем в два раза.

Народный комиссар путей сообщения устраивал картинные разборки, но метод «административной накачки» уже не работал. В таких условиях железнодорожному транспорту требовался руководитель, чьим главным достоинством было бы не умение запугивать подчиненных, а способность быстро находить верные решения.

Однажды в марте 1942 года после одного из заседаний Государственного комитета обороны Сталин попросил Хрулева остаться.

— Вам придется быть наркомом путей сообщения, — сказал он. — Этот вопрос решен. Задачи яс-

ны. — И, заметив замешательство, объяснил: — Я отдаю себе отчет в том, как сложна и ответственна выпавшая вам работа начальника тыла Красной армии. Но снабжение фронтов — это прежде всего подвоз. Поэтому соединение в одном лице двух должностей — наркома путей сообщения и начальника тыла — позволит наиболее надежно решить вопрос о подаче в действующую армию всего, что необходимо для разгрома врага. На посту наркома путей сообщения вы станете ближе ко всему народному хозяйству, которое тесно соприкасается с железнодорожным транспортом и во многом от него зависит...

«Ты хорошо потрудились, Золушка. Вот тебе награда — список новых поручений». Вряд ли у Андрея Васильевича в тот момент возникли ассоциации со сказочной героиней Перро, хотя ситуация была схожей. Все его попытки отказаться от новой, еще одной должности Верховный главнокомандующий решительно отклонил.

Обратный путь из Кремля генерал Хрулев проделал в тревожном раздумье. С одной стороны, к многочисленным, требующим неимоверного напряжения сил обязанностям добавились заботы о пятимиллионной (!) армии железнодорожников, с другой — наконец-то претворялась в жизнь идея его научного консультанта К. Е. Горецкого, со времен Первой мировой войны мечтавшего о сосредоточении управления стратегическим тылом и подвозом в одних руках.

Работники наркомата путей сообщения, где Андрей Иванович отныне пребывал постоянно, отнеслись к появлению нового начальника с должным пониманием. Возложив текущую работу в Главном управлении тыла на своего заместителя, генерала Виноградова, он сконцентрировал усилия на решении ближайшей задачи — ликвидации огромных пробок на железных дорогах. Прежде всего следовало внимательно выслушать мнение специалистов.

Л. М. Каганович, ранее занимавший пост наркома путей сообщения, чужих советов терпеть не мог, а о паровозах, эвакуированных из западных областей страны,

просто... забыл. Теперь из этих паровозов были сформированы специальные группы, при помощи которых заторы, ко всеобщему удивлению, удалось ликвидировать в кратчайшие сроки.

На очереди стояла следующая, более масштабная задача. Требовалось привести работу всех железных дорог в соответствие с пульсом времени. Развивая идею о группах локомотивов и опираясь на ведущих сотрудников наркомата, генерал Хрулев 6 мая 1942 года приступил к формированию первых 11 паровозных колонн резерва НКПС.

В дальнейшем число этих структур с детально продуманной организацией возросло до 87. По штату в каждой из них полагалось иметь 30 локомотивов, а всего общий паровозный парк насчитывал почти две тысячи машин. Колонны сыграли огромную роль во всех крупнейших операциях войны и, можно сказать без преувеличения, провезли победу от Сталинграда до Берлина.

Железнодорожники приобретали навыки вождения поездов под ударами авиации и огнем артиллерии противника, доставляли важные грузы в нужное место и в нужное время, несмотря на разрушения путей. Генерал Хрулев ценил своих подчиненных: 22 работника паровозных колонн были удостоены звания Героя Социалистического Труда, сотни награждены орденами и медалями. Не забывал он и о материальном стимулировании — была разработана целая система поощрений, а денежное содержание железнодорожников повышено. Андрей Васильевич сочетал воспитательно-патриотическую работу с подлинной заботой о людях; от его внимания не ускользнула даже такая, казалось бы, мелочь, как снабжение поездных бригад постельным бельем.

Железнодорожники отвечали героизмом, причем не только трудовым. Так, на одном из участков появился истребитель противника, специально охотившийся на советские локомотивы. Изучив повадки «паровозника», машинисты разместили в тендерах пулеметные расчеты, выманили его на казавшуюся беззащитной цель и смело вступили в бой. Победу они одержали.

На допросе пилот сбитого самолета сообщил, что учился выводить из строя паровозы в специальной школе воздушных снайперов под Берлином.

Вскоре тыл армии и железнодорожный транспорт слились в единую систему, ведомственные перегородки исчезли сами собой. Неразбериха в движении составов была ликвидирована при помощи вновь созданных отделов планирования перевозок и контроля за движением грузов для оборонной промышленности, чьи поезда шли наравне с воинскими.

Кабинет генерала Хрулева постепенно превратился в место непрерывных встреч: с руководителями различных отраслей промышленности, сельского хозяйства, начальниками довольствующих управлений Вооруженных сил, членами Военных советов и начальниками тыла фронтов. Усилия народного хозяйства и наркомата обороны сливались здесь в единый поток. Тыл армии в единстве с железнодорожным транспортом обрел новые возможности и колоссальную мощь. Несмотря на огромные трудности и еще более возросшую нагрузку, Андрей Васильевич успешно справлялся с руководством двумя важнейшими ведомствами.

...Лето 1942 года готовило новые тяжелые испытания. Но еще раньше, в марте, генерал Хрулев получил разведывательную информацию о возможных ударах противника в направлении Северного Кавказа и Сталинграда, оценил ее с военно-экономической точки зрения и сделал серьезные выводы. Необходимо создавать запасы нефти на Урале, искать и строить обходные пути снабжения!

С этой целью он отправил в Среднюю Азию оперативную группу работников наркомата, поставив им задачу во что бы то ни стало поднять пропускную способность железной дороги между Илецком и Красноводском на Каспийском море. Не было рельсов, не было шпал. И тогда нарком путей сообщения решил разобрать малонагруженный участок дороги Коканд — Наманган длиной в 91 километр.

Власти Узбекистана по его просьбе привлекли к работам три с половиной тысячи человек, объяснив, что

их труд нужен для победы над врагом. Люди пришли со своим транспортом — верблюдами, лошадьми, ослами. Титаническую работу — одних только дополнительных разездов было сооружено 35 — закончили в полуторамесячный срок. Отгрузка нефтепродуктов увеличилась втрое!

Одновременно во взаимодействии с наркоматом морского флота удалось, также рекордными темпами, организовать перевозку горючего через Каспий на Гурьев, для чего его порт оборудовали всеми необходимыми сооружениями. Тогда же впервые был проведен столь же смелый, сколь и успешный эксперимент по массовой переброске порожних цистерн морем, на плаву, вслед за буксиром.

Железная дорога от Кизляра до Астрахани строилась в то же время и в таких же тяжелых условиях. Ее сооружение по инициативе Хрулева началось еще в 1941 году, но затем по непонятным причинам было остановлено Кагановичем. Теперь все пришлось начинать заново, но в обстановке более сложной.

Трудовой героизм, оперативное управление и передовые методы укладки пути позволили открыть движение по 350-километровой магистрали уже 4 августа 1942 года. Успели вовремя, ибо шестью днями позже фашистские войска взяли Майкоп. Группа армий «А» выполнила план гигантской стратегической операции на две трети, и в ее успешном завершении гитлеровское командование не сомневалось.

Майкоп — это нефть, отнятая у советской армии и способная отныне питать моторы вермахта. Но главные запасы ее впереди, в Баку. Еще один бросок...

2 сентября противник, завершив перегруппировку, приступил к форсированию Терека. Вот когда сказалось значение железной дороги Кизляр — Астрахань, благодаря которой советские войска, оборонявшие Кавказ, имели возможность получать все, что нужно для победы!

Гитлеровская военная машина забуксовала, каждый следующий километр давался ей труднее предыдущего. Еще немного — и обозленный Гитлер отстранит генерал-фельдмаршала Листа от должности командую-

щего группой армий «А» как не справившегося с задачей, а сменивший его генерал-полковник фон Клейст будет, не веря своим глазам, с отчаянием смотреть на гибель своих лучших моторизованных соединений в огненном аду близ Эльхотовских ворот.

Гитлеровский поход на Кавказ за бакинской нефтью провалился, но гигантское сражение у берегов Волги разгоралось в полную силу. Генерал Хрулев и к нему сумел подготовиться заранее. Уже действовали и паромная переправа близ Астрахани, и уникальный наплавной железнодорожный мост, и рокадная железная дорога вдоль правого берега Волги на Баскунчак — Урбал. Верховный главнокомандующий поставил задачу на ее строительство еще летом, предвидя масштабы грандиозного сражения у великой русской реки.

Работы велись, как всегда, с предельным напряжением сил, на широком фронте, из 16 пунктов в 19 направлениях одновременно. Собранные рельсовые секции везли с Байкало-Амурской магистрали (ее сооружение было начато еще до войны), а также со вторых путей ближайших дорог, где не было интенсивного движения. Темпы строительства достигали 8–10 километров в сутки, и это при том, что почти все делалось вручную, а противник, поняв значение работ, пытался сорвать их ударами авиации.

В августе магистраль ожила, и поезда с боеприпасами, горючим, продовольствием двинулись по ней один за другим, с дистанцией всего 800–1200 метров! Противник бомбил, выводя из строя пути, вагоны, паровозы, но по грунтовой дороге, проложенной в 300 метрах параллельно железной, ехали, сопровождая каждый состав, ремонтно-восстановительные команды на автомобилях. Каждая из них имела набор путевых инструментов и запасных частей для подвижного состава, а также все необходимое для заделывания пробоев в цистернах.

Последствия налета быстро устранялись, и команда сопровождала поезд до станции, граничившей с зоной ответственности другого подразделения. Там она передавала состав соседу и принимала от него поезд,

следовавший в обратном направлении. Движение команд непрерывно контролировалось дежурным офицером штаба.

Так в короткие сроки был создан крупный, постоянно действовавший выгрузочный район, служивший материальной базой для победы в оборонительном сражении и подготовки грядущего контрнаступления. Вот когда во всей яркости проявилась роль железнодорожных войск, едва не ликвидированных горе-стратегами в 1941 году!

Днем и ночью, в любую погоду, часто под вражескими бомбами воины-железнодорожники спасали пути, мосты и составы, а в критические моменты шли как пехота в бой.

Прибывшие по железной дороге грузы доставлялись автомобильными частями в армии, дивизии, полки. Генерал Хрулев постоянно держал руку на пульсе сложнейшего организма, — вернее, двух синхронно работающих организмов — Тыла и Транспорта.

На исходе осени 1942 года все солдаты и офицеры получили новое зимнее обмундирование. Следующей весной оно было заменено летним, также новым. Такой порядок, введенный еще в начале войны, существовал до ее последнего дня.

Успешно справлялась со своими задачами и медицинская служба. Количество раненых, прошедших лечение и вернувшихся в строй — а это бывалые солдаты и опытные офицеры — достигало 7096! При этом смертность в госпиталях сократилась до 2%, в то время как у противника, по данным разведки, этот показатель не опускался ниже 10. Недаром такой военачальник, как А. И. Еременко, сам не раз раненный и в госпитальном деле толк понимавший, хвалил организацию медицинской службы.

Претензии к работе тыла на имя Верховного главнокомандующего поступали только от двух членов Военных советов фронтов: Н. А. Булганина и Л. З. Мехлиса. Но поскольку генерал Хрулев знал положение дел с материальным обеспечением на их фронтах лучше них самих, то недоброжелатели с завидным постоянством по-

падали пальцем в небо. Дошло до того, что Сталин взял за правило направлять жалобы Булганина на генерала Хрулева без резолюций... самому генералу Хрулеву.

Что же касается Мехлиса, то после майской катастрофы 1942 года в Крыму, причиной которой стала его бурная военно-истерическая деятельность, он был разжалован, понижен в должности и в значительной степени утратил влияние, но все же при каждом удобном случае старался хоть немного, но навредить главному интенданту.

Однажды, во время совещания с группой командующих и членов Военных советов фронтов, Сталин спросил, есть ли у них претензии к тыловому обеспечению. Все промолчали, и лишь Мехлис заявил:

— Я считаю, тыл очень плохо работает. Интендантство не обеспечивает войска полностью продуктами. Следует принять меры к тому, чтобы улучшить работу органов тыла.

Сталин тут же вызвал генерала Хрулева.

— Вот, жалуются на вас фронты. Плохо работаете, не обеспечиваете войска, — сказал Верховный главнокомандующий, когда начальник тыла вошел в кабинет.

— А кто жалуется и на что жалуется? — поинтересовался Андрей Васильевич.

— А как вы думаете, кто бы мог жаловаться? — с едва заметной усмешкой спросил Сталин.

— Единственный, кто может жаловаться, это Мехлис, — с ходу решил загадку главный интендант.

Последовал общий врыв хохота.

— Желательно бы услышать от товарища Мехлиса конкретные претензии, — продолжил Андрей Васильевич, когда смех умолк. — Какие продукты вам не дают? Может быть, не дают обмундирования, или не обеспечивают медико-санитарным имуществом, или еще что-либо?

— Вы все время не отпускаете нам лавровый лист, уксус, перец и горчицу, — обиженно произнес Мехлис под новый взрыв смеха...

Это произошло в мае 1943 года, незадолго до Курской битвы. Подготовка к ней началась еще в феврале.

— Сколько времени вам потребуется для того, чтобы войска Донского фронта, а также ряд армий Сталинградского фронта перевезти под Курск и Осташков? — спросил тогда Верховный главнокомандующий генерала Хрулева.

Андрей Васильевич мгновенно произвел в уме сложные расчеты. Для выполнения стратегической переброски необходимо около 75 000 вагонов, или полутора тысяч воинских поездов. А если учесть состояние практически разрушенной линии Поворино — Сталинград, состояние станций погрузки и выгрузки, удаление от них группировок войск, то...

— Для осуществления этой перевозки потребуется два-три месяца, — ответил он.

— Вы не хотите разбить Гитлера! — воскликнул Сталин. — Нам нужно перевезти войска как можно скорее, чтобы еще до весенней распутицы разгромить немцев под Курском и нанести сокрушительный удар на Западном фронте. Для этого надо, чтобы все перевозки войск из-под Сталинграда были осуществлены максимум за три недели.

— Что хотите с нами делайте, но в такой срок такая перевозка не может быть осуществлена, — убежденно произнес генерал Хрулев. — Разрешите мне, товарищ Сталин, в течение суток вместе с органами военных сообщений и представителями Генерального штаба рассмотреть вопросы детального плана этих перевозок и доложить вам окончательно свои соображения.

Верховный главнокомандующий согласился. Но следующим утром Хрулеву один за другим позвонили Л. П. Берия и Г. М. Маленков. Оказывается, они уже были назначены уполномоченными Государственного комитета обороны по перевозке войск, один под Курск, другой в Осташков, для ликвидации демянской группировки противника. Очевидно, Сталина подкупило их обязательство справиться с задачей... в двухнедельный срок! Реального же, кроме угроз и грубого нажима, они ничего предложить не могли.

Вскоре устроенная ими административная вакханалия полностью парализовала работу наркомата путей

сообщения. В этих условиях Андрей Васильевич попросил освободить его от руководства железнодорожным транспортом и получил согласие. Но уже в начале марта Верховный главнокомандующий понял, что перевозка войск из-под Сталинграда терпит полный провал. Тогда он приказал генералу Хрулеву вместе с Маленковым выехать в штаб К. К. Рокоссовского для организации сосредоточения войск под Курском.

Ликвидировать хаос, вызванный воинствующим дилетантизмом на железных и автомобильных дорогах, было нелегко. Немало времени оказалось потерянным попусту, оставшееся уходило катастрофически быстро, между тем как, по данным разведки, сосредоточение войск противника шло весьма интенсивно.

Распутывать сложные узлы на железнодорожном транспорте приходилось буквально в лихорадочном темпе. В то же время генерал Хрулев продолжал решать задачи тылового обеспечения войск, причем не только прямые, но и связанные с ним косвенно, — от строительства завода по производству авиационных дизелей до организации сбора лечебной ромашки в Дагестане. Одних только овощных баз общей емкостью почти на 110 тысяч тонн картофеля и более чем на 26 тысяч тонн капусты, оборудованных железнодорожными подъездными путями, строилось тогда 17! Сметная стоимость работ — 19 856 000 рублей, экономия — 3 590 000, и при этом, несмотря на организационную импровизацию, не было ни одной хозяйственной махинации, ни одного случая хищения!

Когда-то французский король Людовик XIV и его министры финансов, последовательно сменившие один другого отец и сын Лувуа, при помощи правительственных комиссаров¹⁸, эшафота и Бастилии сумели одолеть хищения в армии. Их упорная, непримиримая борьба с казнокрадами длилась почти полвека.

Генерал Хрулев таким временем не располагал. Исторические обстоятельства требовали решать подобные задачи в кратчайшие сроки¹⁹. Он прекрасно понимал, что расхитители не только приносят прямой вред, но и являются желанной целью для разведки противника.

Кроме того, если расхититель обладает достаточно высокими возможностями, то ущерб от его деятельности таков, что целым отрядам лучших диверсантов врага остается только молча завидовать. Поэтому, кем бы ни был расхититель, заведующим небольшим складом или начальником тыла фронта, он мог быть уверен и в неотвратимости возмездия, и в отсутствии снисхождения.

Обычно дела виновных в хищениях рассматривались военным трибуналом, и чаще всего им предоставлялась возможность искупить вину в рядах штрафных батальонов. Кроме того, прозрачность хозяйственных операций и система контроля, не только прямого, со стороны тыловых служб, но также командования, политических органов и особых отделов, делали махинаторство занятием весьма опасным и практически заведомо безнадежным. Вероятность того, что в одной части окажутся четыре нечестных представителя всех этих линий руководства да еще сумеют найти общий язык с вышестоящим командованием, математически была величиной ничтожно малой. Но все же она существовала!

Однажды некий офицер Рыженков отправился в клуб, на праздник, посвященный годовщине запасного артиллерийского полка. Он вошел в зал, и тут командир части, не стесняясь присутствующих, обрушился на него с нецензурной бранью и грязными угрозами. Рука оскорбленного офицера машинально рванулась к кобуре. Грохот выстрела и стук падения грузного тела слились почти воедино...

Следствие установило, что убитый был матерым расхитителем, солдаты вверенной ему части не получали положенного довольствия месяцами, словно ожили худшие страницы истории русской армии времен Крымской войны, а Рыженков не желал мириться с безобразием. Он пытался привлечь внимание командования, а потому стал объектом преследования и травли. Офицер был предупрежден о недопустимости самостоятельного применения оружия в дальнейшем, продолжил службу и оставил ее спустя много лет после войны в звании полковника.

В целом же подобные случаи являлись большой редкостью...

Огромный, сложный механизм тыла работал без сбоев, а вскоре Андрею Васильевичу удалось наладить и работу наркомата путей сообщения, уверенно сползавшего в пучину административного хаоса после недолгого руководства Берии. По восстановленным железнодорожным путям прошло около полутора тысяч составов общей численностью в 72 000 вагонов — вот насколько точной оказалась цифра, с ходу названная генералом Хрулевым в беседе со Сталиным! И хотя часть драгоценного времени оказалась упущенной, теперь сосредоточение главной группировки шло неуклонно.

Прибывшие грузы немедленно доставлялись к пунктам назначения по военно-автомобильным дорогам, где были организованы пункты технической и медицинской помощи, питания, обеспечения горючим и площадки-накопители для неисправных машин. Именно в те дни по инициативе начальника тыла постановление Государственного комитета обороны закрепило ставший основным принцип подвоза — «сверху вниз», при котором ответственность за доставку всех видов материальных средств в нижестоящие звенья возлагалась на вышестоящего начальника.

Своевременная доставка грузов поощрялась — водители получали премии. Обратные рейсы порожнего автотранспорта применялись для эвакуации раненых. Водитель, доставивший в тыл 300 раненых, представлялся к медали «За боевые заслуги», а 600 — к ордену Красной Звезды.

Всего к началу и в ходе Курской битвы всем необходимым, от махорки и папирос до запасных частей к сложной технике, были обеспечены 132 стрелковые дивизии, 19 танковых и механизированных корпусов, две воздушные армии, а также множество частей и соединений других родов войск. Наступление противника советские солдаты и офицеры встретили в новом, с иголочки, обмундировании!

На врага обрушился непрерывный ливень авиабомб, снарядов, пуль — перебоев в снабжении не было. Авто-

транспорт перешел к так называемому «челночному» методу подвоза, когда машины отправлялись в рейс не колоннами, а, по мере готовности, группами по две-три. При этом сократились простои и потери от ударов авиации противника, а кругооборот транспорта возрос. Подобный метод требовал опытных, самостоятельных, инициативных водителей, но к лету 1943 года в советской армии таких было немало.

Еще в период подготовки к сражению на Курской дуге постановлением Государственного комитета обороны Главное управление тыла было упразднено, зато официально учреждалась должность начальника тыла Красной армии — заместителя народного комиссара обороны. Теперь генералу Хрулеву подчинялись 11 управлений, от финансового до ветеринарного, занимавшихся практически всем спектром материально-технического и медико-санитарного обеспечения. В его ведении находились также две академии — Тыла и снабжения Красной армии и Военно-транспортная, их интеллектуальный потенциал Андрей Васильевич умело использовал как для решения практических вопросов, так и для разработки теории тыла.

Победа под Курском радовала: генерал Хрулев почувствовал новый прилив сил. Он по-прежнему успевал все и даже больше, чем прежде: следил за подвозом и восстановлением железных дорог, организовывал использование трофейного автотранспорта и хлебозаготовки на освобожденных территориях, приближая, таким образом, источники продовольствия к войскам, контролировал все виды довольствия. Одновременно Андрей Васильевич предпринимал энергичные меры по разведке и разработке нефтяных месторождений Зауралья и Сибири. 25 августа 1943 года Сталин, закончив анализ уроков недавнего прошлого, дал указание образовать там «второе Баку», заложив, таким образом, основы энергетической мощи современной России. Но главным оставалось руководство тыловым обеспечением целых серий стремительных и глубоких наступательных операций.

Беда пришла с неожиданной, неслужебной стороны. Сын наркома авиационной промышленности А. И. Ша-

хурина выстрелом из пистолета убил свою юную подругу — ее отец, дипломат, получил новое назначение, и девушка собиралась вместе с ним уехать за границу, — а потом застрелился и сам. Разбирая бумаги самоубийцы, следователи обнаружили тетрадь со странными схемами и записями.

Оказалось, что молодой человек, представляя себя главой страны, вычерчивал структуру будущего правительства СССР, расставляя на различные должности своих друзей и знакомых. Нашлось среди них место и для старшего сына Андрея Васильевича. И хотя последствия инцидента для семьи генерала Хрулева были скорее неприятными, чем трагическими, Берия еще раз напомнил, что не дремлет.

Отношения с могущественным наркомом внутренних дел, и без того не блестящие, еще более ухудшались по мере продвижения советской армии и освобождения оккупированных территорий. Войска НКВД, на которые возлагалась охрана тыла, не всегда справлялись со своими обязанностями. Поэтому солдатам и офицерам тыловых служб, людям, как правило, уже не юным да и не самым здоровым, приходилось все чаще браться за оружие и вступать в неравные схватки с бандами украинских националистов, отрядами польской армии Крайовой, гитлеровскими диверсантами.

Террор приобретал особый характер. Безжалостным нападениям подвергались госпитали, колонны, склады и штабы тыловых учреждений. Андрей Васильевич, разумеется, жаловался Верховному главнокомандующему, тот пенял наркому внутренних дел, отчего раздражение и неприязнь со стороны Берии возрастали еще более. Но даже будь он преисполнен искреннего желания помочь, то вряд ли сумел бы обеспечить надежную защиту огромного механизма тыла советской армии.

Генерал Хрулев понял это и взялся за организацию охраны тыловых частей сам, в то время как сложность задач материального снабжения возрастала буквально в геометрической прогрессии. Наступающим войскам требовалось уже не тысяча, а десятки тысяч тонн различных грузов. А ведь, как известно, размеры железно-

дорожной колеи восточноевропейских стран и магистралей СССР не совпадают!

Нужно было решать вопросы использования водных путей, оказывать помощь местному населению, исполнять поручения Верховного главнокомандующего по восстановлению угольной промышленности Польши и нефтяной — Румынии. Вид горящих приисков Плоешти оставил неизгладимое впечатление даже у опытных, всякое повидавших офицеров. (Кстати, тогда не только восстановили производство нефтепродуктов в кратчайшие сроки, но и развернули для снабжения войск горючим два полевых трубопровода. Вон когда пригодился опыт Ленинграда!)

Ни генерал Хрулев, ни его подчиненные не знали ни сна, ни отдыха. Конечно, танкисты, уходившие в рейд по тылам противника, были герои; но не герои ли были воины тыла, шедшие за ними в прорыв на обычных грузовиках со снарядами и горючим? А какого искусства и напряжения сил требовало материальное обеспечение такой операции, как Висло-Одерская, когда на фронте в 500 километров на врага шла руководимая лично Верховным главнокомандующим лавина численностью в 2,2 миллиона человек, 34 тысячи артиллерийских орудий, 6,5 тысячи танков и 4,8 тысячи самолетов? Темпы наступления при этом достигали порой 30 километров в сутки.

«Европа не знала ничего подобного со времен гибели Римской империи!» — писал участник тех событий генерал фон Меллентин.

А на очереди была уже подготовка следующей гигантской наступательной операции, Берлинской, ей суждено было поставить точку в войне с фашизмом.

Советские войска шли по территории Германии, чей народ, как выяснилось, был поставлен режимом нацистов под угрозу голодной смерти. «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается», — сказал еще в 1941 году Сталин, дав понять, что непримиримая борьба ведется лишь с носителями преступной идеологии.

Населению городов, прежде всего детям, была оказана немедленная помощь. А 25 апреля, когда советские войска только подходили к столице рейха, из Москвы

пришло указание Верховного главнокомандующего обеспечить население Берлина продовольствием и медикаментами. Три миллиона жителей! Снова решение уравнения со многими неизвестными, на этот раз из области продовольственного снабжения.

Полевые кухни разворачивались с ходу, почти сразу же вслед за боевыми подразделениями. Сначала робко, не веря своим глазам, а потом все смелее потянулись к ним женщины, старики, дети. А уже 15 мая в городе открылись магазины, ларьки, началась организованная выдача населению продовольствия, для чего только муки и макаронных изделий ежемесячно поставлялось 24 000 и 2700 тонн соответственно.

Подписание исторического акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии состоялось ночью 9 мая, после чего работники советской продовольственной службы приятно удивили иностранных гостей сервировкой праздничных столов, изысканными напитками и разнообразными блюдами. Тогда-то и сплясали на радостях, стараясь превзойти друг друга сложными пируэтами, маршал Г. К. Жуков и французский генерал Делатр де Тасиньи.

Вскоре, 25 мая, Верховный главнокомандующий дал прием в Кремле в честь полководцев Великой победы. По завершении его военачальников пригласили в Георгиевский зал для памятной фотографии. Андрей Васильевич собрался было скромно занять место в третьем ряду, но Сталин позвал его и, сказав полководцам: «Без труда этого генерала не было бы ваших побед», усадил в первом.

Не обошелся без усилий начальника тыла и знаменитый Парад Победы 24 июня 1945 года. Участники его стараниями вещевого снабжения были одеты в новую, индивидуально для каждого сшитую форму...

Война закончилась не для всех, в том числе и для генерала Хрулева. Впереди была Дальневосточная кампания; сроки начала ее приближались. Туда вела одна-единственная железнодорожная магистраль. Хрулев хорошо представлял, что начнется при массовой переброске по ней войск. Как сократить количест-

во поездов, как разгрузить магистраль? Очевидно, двумя путями: заблаговременным созданием запасов материальных средств, чем Хрулев благодаря своему дару предвидения начал заниматься еще в декабре 1944 года, и максимальным использованием местных ресурсов. Так, лишь в подсобных хозяйствах Забайкальского фронта — одного из трех, предназначенных для участия в предстоящей стратегической операции, — собрали столько сельскохозяйственной продукции, что экономия в перевозках составила 28 тысяч вагонов с продовольствием!

К операции готовились тщательно, используя богатейший опыт войны, и тем не менее предусмотреть удалось не все. Вот, например, часть походных кухонь Забайкальского фронта пришлось буквально на ходу переводить на жидкое топливо. И в самом деле, где взять дрова в песках пустыни, которую преодолевали соединения? Кроме того, продвижение войск было настолько стремительным, что передовые танковые части и конно-механизированные группы пришлось снабжать по воздуху в масштабах куда более значительных, чем в Европе.

Объем работ по материально-техническому обеспечению кампании выглядит грандиозным даже многие годы спустя. К боевым действиям на Дальнем Востоке готовились три фронтовых объединения, Тихоокеанский флот, Краснознаменная Амурская флотилия. В их составе — 11 общевойсковых, одна танковая, три воздушные армии, три армии ПВО, множество отдельных соединений и частей. Они развернуты на гигантской, в полтора миллиона квадратных километров, площади со слаборазвитой сетью автомобильных и железных дорог, но при этом отличавшейся чрезвычайным разнообразием природных и климатических условий. Тут и крутые, покрытые густыми лесами склоны высоких гор, и глубокие реки, и жаркие пустыни.

Генерал Хрулев, как всегда в предвидении крупных операций, предпринял усилия по развитию дорожной сети заранее. Автомагистраль от Иркутска до Улан-Удэ

не отвечала требованиям войны и была реконструирована практически полностью, в районе озера Байкал по гребням гор проложили новую трассу. Масштабное строительство удалось завершить не за три месяца, как предусматривалось планом, а за три недели раньше. Последнее обстоятельство имело особое значение, ибо времени для сосредоточения войск катастрофически не хватало.

Генерал Хрулев, маршал Василевский и сменивший его на посту начальника Генерального штаба генерал Антонов напряженно размышляли, как уложиться в указанные сроки. Ответ нашли вместе с Верховным главнокомандующим: следует отказаться... от переброски по железной дороге автотранспорта! Союзники, крайне заинтересованные в скорейшем вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке, доставили морем не только автомобили, но и паровозы, производство которых в годы войны практически свернули.

Наступление началось в ночь на 9 августа и носило характер поистине молниеносный. Очень скоро к проблемам снабжения стремительно шедших вперед группировок войск добавились заботы о трофейном вооружении и военном имуществе (всего за годы войны через соответствующую службу тыла прошло 24 615 танков и самоходных установок, 72 204 артиллерийских орудия, а стрелкового оружия столько, что хватило бы почти на четыре сотни дивизий), о размещении, питании и оказании медицинской помощи военнопленным, причем не только японским.

В Мукдене советские войска освободили большой лагерь с американцами и англичанами, находящимися в японском плену. Они радостно, бросая в воздух пилотки, устремились навстречу советским воинам, зазвучало русское слово «свобода». В числе бывших военнопленных оказались американские генералы, в том числе командиры армейских корпусов Джонс и Шарп Ченович, пять командиров дивизий и вице-маршал ВВС Великобритании Малтби.

Старшим по возрасту и званию среди них был генерал Паркер, по просьбе советского командования при-

нявший на себя обязанности временного коменданта лагеря. Быстрота и четкость организации тылового и медицинского обеспечения бывших военнопленных получили самую лестную оценку со стороны высших офицеров союзников.

Советские войска здесь, как и в странах Европы, делились с местным населением продовольствием, помогали восстанавливать предприятия и налаживать мирную жизнь. Поведение солдат и офицеров на освобожденных территориях было образцовым...

Победа означала скорое возвращение к мирному труду 8,5 миллиона человек. Кроме того, в народное хозяйство следовало передать сотни тысяч автомобилей и тракторов, много другой техники, а также большое количество лошадей, — гужевого транспорт в армии быстро заменялся механическим. Демобилизация, особенно массовая, процесс далеко не простой.

А строительство казарм, домов для офицерского состава, госпиталей и медицинских пунктов, складов, зданий для штабов и учреждений, артиллерийских и танковых парков? Ведь военная инфраструктура была разрушена, как сотни городов и тысячи деревень, как заводы и фабрики, культурные и научные центры, к восстановлению которых, наряду с решением своих прямых задач, самым активным образом привлекался и тыл Вооруженных сил²⁰.

С началом мирных дней забот у генерала Хрулева не убавилось. Но это были радостные хлопоты.

Вводились новые, повышенного качества, обмундирование, обувь, снаряжение, в том числе для районов с жарким и холодным климатом. Можно без преувеличения сказать, что полевая форма одежды, в основе которой с конца XIX века лежал русский национальный костюм, рассчитанная на ведение боя в пешем порядке в условиях средней полосы, именно в этот период приблизилась к пределу своего совершенства. Все работы велись одновременно и не за счет снижения боеготовности частей тыла, находившейся под особым вниманием генерала Хрулева. И конечно же думал он о том, как сохранить бесценный опыт и уровень мастерства, достиг-

нутый службами тыла в ходе войны. Для этого практику следует превратить в теорию! Ведущая роль в решении сложной, требующей глубоких знаний и высокого интеллекта задачи принадлежала центральным управлениям, штабам тыла различных уровней и конечно же в первую очередь академиям.

«Было бы неверно представлять себе дело так, что если каждая служба тыла обобщила свой опыт, то этим можно и ограничиться. Бесспорно, и такие работы имеют значение. Но мы имеем в виду теоретическое обобщение всего комплекса вопросов тылового обеспечения войск в войне с точки зрения взаимодействия и взаимозависимости всех служб тыла, организационного единства системы тыла. Именно в этом и сущность, и новизна решения проблемы, поставленной войной», — говорил генерал Хрулев. Вот подлинно научный подход к постановке задачи! Он и сам писал статьи в журнал «Тыл и снабжение Вооруженных сил» и следил за подобными изданиями, как отечественными, так и зарубежными.

...Между тем с окончанием войны конкуренция в политической среде усилилась. При этом практически все складывавшиеся группировки были заинтересованы в максимальном ослаблении и удалении от центра власти военачальников, чьи популярность в народе и авторитет в армии вызывали зависть и опасения.

В 1945 году начальник штаба тыла генерал В. М. Миловский, прекрасный специалист и кристально чистый человек, чем-то не угодил В. М. Молотову во время поездки в Югославию. Последовало молниеносное отстранение от должности, о чем, вопреки золотым правилам субординации, Андрею Васильевичу даже не сообщили. Жаловаться было некому, ибо Сталин тогда болел и обязанности главы государства исполнял не кто иной, как сам Молотов.

Начальник тыла укрыл опального генерала в своем резерве кадров, а в ноябре, после возвращения Верховного главнокомандующего в Кремль, добился назначения соратника на должность начальника Академии тыла и транспорта. Генерал-лейтенант Миловский стал

профессором и в течение 10 лет возглавлял это замечательное высшее учебное заведение.

В 1947 году пост министра обороны СССР занял Н. А. Булганин. И в том же году — вот ведь какое совпадение! — стали отмечаться случаи отстранения работников тыла лишь за то, что они категорически отказывались исполнять незаконные требования начальства. Но как иначе? Личная честность и способность твердо стоять на страже государственных интересов являлись едва ли не важнейшими критериями, которыми руководствовался генерал Хрулев, продвигая своих сотрудников по служебной лестнице.

Андрей Васильевич постепенно становился все более неудобен тем, кто был не прочь, так сказать, «повысить комфорт своей среды обитания» за государственный счет. А ведь кроме давнего недоброжелателя, ставшего теперь его прямым начальником, за генералом Хрулевым пристально наблюдали и Мехлис, возглавивший министерство госконтроля, и Абакумов, сменивший Берия на его ответственном посту. Сам Лаврентий Павлович, ставший заместителем председателя Совета министров, вплотную занимался «атомным проектом», но в силу своего характера старых разногласий — или обид — забывать не собирался.

В один из январских дней 1948 года в квартире генерала Хрулева раздался телефонный звонок. Его супруга, Эсфирь Семеновна, сняла трубку и услышала предложение зайти в «Стол заказов»: забрать готовый набор. Накинув поверх легкого платья пальто, она в туфельках, как была, вышла на улицу и... не вернулась.

Напрасно ждали ее сыновья, Дор и Юрий, дочь Валерия. Почувствовав недоброе, девушка в холодную ночь отправилась на Лубянку.

«Уходи, девочка, — сказал ей дежурный офицер, — и никогда больше сюда не приходи». В голосе его звучало сочувствие...

Позже выяснилось: закрытое судебное заседание, приговор — 10 лет лишения свободы.

Н. А. Булганин тут же воспользовался происшедшим, чтобы добиться отстранения генерала Хрулева от

занимаемой должности. Но торжество недоброжелателей Андрея Васильевича все же было неполным: Верховный главнокомандующий не позволил ни исключить его из списка Вооруженных сил, ни тем более лишить генеральского звания.

Выбрав благоприятный момент, Андрей Васильевич отправился на прием к Сталину — ходатайствовать за дорогого человека. Генералиссимус выслушал его, постепенно мрачней, а потом сказал:

— Не ищи ее. Забудь. Она никогда не вернется. И ты, и Молотов даже можете жениться.

Эти слова позволяют предположить, что Эсфирь Семеновна «проходила» по тому же делу, что и супруга В. М. Молотова, Полина Жемчужникова, обвиненная в разглашении — или передаче — сведений огромной государственной важности послу молодого государства Израиль Голде Меир. Скорее всего здесь имела место простая утрата бдительности в доверительных «женских» беседах на приемах и встречах: ведь Голда Меир уже в ту пору была умелым дипломатом и политиком.

Молотов тоже обращался к главе государства с просьбой о смягчении участи жены. В ответ Сталин молча положил перед ним папку, ознакомившись с которой, Вячеслав Михайлович увидел характер разглашенных сведений и понял — ходатайствовать бесполезно. Да и сама Полина Жемчужникова, оценив значение неосторожно разглашенной информации, сочла наказание справедливым и, выйдя на свободу, никому не позволяла осуждать Сталина.

Но ее арест состоялся годом позже, чем жены генерала Хрулева, да и каких-либо особо дружеских, «неформальных» отношений между обеими дамами не отмечалось. Зато в том же 1948 году, как «участницы антисоветских сборищ и распространительницы всякого рода измышлений о товарище Сталине», были арестованы родные тетки дочери вождя Светланы.

Одна из них, Евгения Александровна, действительно дружила с Эсфирью Семеновной и часто заходила к ней «поболтать по кремлевке», то есть по телефону правительственной связи. При этом она, не задумыва-

ясь, пространно излагала собственные суждения об Иосифе Виссарионовиче, — разумеется, с точки зрения хозяйственно-бытовой, а не высокой политики.

Евгения Александровна старалась заходить к подружке, когда генерала Хрулева дома не было: он предупреждал, что телефоны прослушиваются и что эти разговоры добром не кончатся. Так и вышло...

Между тем жестокая, невидимая закулисная борьба, целью которой была власть после ухода вождя, продолжалась. Смерть А. А. Жданова в результате заведомо неправильного, по сути, в приказном порядке поставленного медицинского диагноза, репрессии против ряда военачальников, «Ленинградское дело» практически являлись следствием и отголоском схватки за «кремлевское наследство».

Последовали вскоре арест и физическое уничтожение самого яркого и талантливого руководителя народного хозяйства, с которым генерал Хрулев тесно сотрудничал в годы войны. Блестящий экономист, первый заместитель председателя Совета народных Комиссаров академик Н. А. Вознесенский с честью провел советскую промышленность сквозь самые тяжелые испытания, создавая материальную базу Великой победы. Но именно выдающиеся качества этого человека, полезные для страны, с точки зрения «подковерной логики» делали его наиболее вероятным претендентом на высшие государственные посты. Научно-теоретические труды академика Вознесенского оказались незавершенными и невостребованными, что явилось одной из причин системного кризиса, поразившего страну три десятилетия спустя.

Каждая из группировок старалась подставить соперника под удар, но и сама опасалась гнева вождя. Судя по всему, И. В. Сталин понимал, что происходит в его ближайшем окружении, и готовился принять собственные меры, но 3 марта 1953 года его не стало. Группировки, вздохнув с облегчением, приготовились к решающей схватке.

Осознавал ли Андрей Васильевич суть тех событий? С одной стороны, такое видится на расстоянии времени,

с другой — его мощный интеллект выходил далеко за границы высокой военной образованности. Во всяком случае почти сразу же после кончины Сталина он позволил вернувшемуся к своей прежней деятельности Берии и спросил, не пора ли прекратить надругательства над невинными людьми.

Генерал Хрулев готовился к разговору резкому и нелицеприятному, но Лаврентий Павлович удивил — была сама любезность! Оно и понятно: зачем же приобретать еще одного противника в последнем раунде борьбы за власть?

Так или иначе, Эсфирь Семеновна вскоре вернулась домой. Забота мужа и детей позволила ей быстро восстановить силы, и в квартире вновь зазвучал дружный смех, — замечания хозяев были всегда остроумными, а шутки веселыми, так что гости разных профессий и поколений чувствовали себя в их обществе легко и непринужденно. Здесь бывали видные военачальники, особенно часто К. К. Рокоссовский — с Хрулевым его связывала давняя симпатия, — артисты особо любимого в семье Малого театра М. И. Царев, И. М. Москвитин, А. Н. Грибов.

Сам Андрей Васильевич в те годы много читал, большей частью произведения своих любимых писателей — Л. Н. Толстого, А. И. Куприна, А. П. Чехова, — свободного времени теперь у него было гораздо больше, но генерал Хрулев знал, как его использовать. Он боролся за освобождение и реабилитацию невинно пострадавших, число которых в период обострения борьбы за власть значительно возросло,

В то непростое время посредственности, стараясь занять более выгодное «место под солнцем», часто прибегали к политическим обвинениям, клевете, ложным доносам, анонимным письмам, а то и просто похищали у конкурента важные служебные документы, подводя человека под суд.

В судьбе же самого Андрея Васильевича, переведенного после ареста жены на должность заместителя министра строительных материалов, перемен к лучшему после восстановления справедливости не происходило.

Более того, Н. А. Булганин вскоре после кончины Сталина постарался исключить генерала Хрулева из списка Вооруженных сил.

Схватка за власть завершилась арестом Берии, после чего могущественный недоброжелатель сумел занять еще более высокое положение. Следовательно, ничего хорошего ждать не приходилось.

Но в октябре 1957 года министром обороны СССР стал Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский. Он ценил способности главного интенданта чрезвычайно высоко и сразу, ни на кого не оглядываясь, восстановил Андрея Васильевича в кадрах Вооруженных сил. А вскоре очередное противостояние в высших эшелонах власти привело к отстранению Булганина от должности председателя Совета министров СССР и лишению его звания Маршала Советского Союза.

Казалось, теперь недюжинный ум и яркий талант генерала Хрулева вновь могли послужить Родине. К сожалению, здоровье, подорванное интенсивным трудом в крайне тяжелой психологической обстановке, уже не позволяло ему занимать должности, требующие максимальной отдачи. Но и на посту инспектора-советника группы генеральных инспекторов министерства обороны Андрей Васильевич старался сделать все, что мог.

Он, как никто, понимал связь армии с хозяйством страны и, как никто, видел тысячи нитей, эту связь составляющих. Отражая эту связь и обобщая ценнейший опыт, великий интендант писал книгу, которую хотел назвать «Все для победы». Закончить не успел: 9 июня 1962 года генерала армии Андрея Васильевича Хрулева не стало.

Проститься с ним долгой вереницей шли государственные деятели, руководители промышленности и сельского хозяйства и конечно же генералы и офицеры, как знавшие его в годы испытаний, так и принявшие эстафету защитников Отечества уже после войны. Похороны собирались провести на Новодевичьем кладбище, но после обращения А. И. Микояна к высшим представителям власти местом последнего упокоения была избрана Кремлевская стена.

Прогремел салют, прошли торжественным маршем, отдавая честь Великому интенданту, воины Московского гарнизона. Дело его продолжили достойные преемники: Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, генералы армии С. К. Куркоткин и М. В. Архипов.

Адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов

Военный моряк, затянутый в черную, блестящую в лунном свете кожаную форму, возник на пристани Котласа внезапно, словно ниоткуда. Рядом катила волны Северная Двина, юноша, пришедший сюда любоваться ее темными водами, зачарованно слушал рассказ незнакомца о дальних странах и морских походах, о стремительных, красивых кораблях, о сильных, удивительных людях.

Что это было? Туман рассеялся, таинственный моряк исчез так же загадочно, как и появился. Больше Николай Кузнецов никогда его не видел.

Впечатление от услышанного оказалось настолько глубоким, что молодой человек уже следующим утром отправился записываться добровольцем в Северо-Двинскую флотилию. В штабе его словам о возрасте, несмотря на высокий рост и крепкое сложение, не поверили. Пришлось возвращаться в деревню Медведки, где 24 июля 1904 года он родился в крестьянской семье Герасима Федоровича и Анны Ивановны Кузнецовых.

Раздобыв справку сельсовета, согласно которой ему уже исполнилось 17 лет, юноша вновь двинулся в штаб флотилии. На этот раз успешно. Осенью 1919 года Николай стал военным моряком.

Он был готов делать все, что прикажут: с тяжелым крестьянским трудом познакомился рано, а после смерти отца в 1914 году и посуду в чайной мыл, и на речном буксире работал. Его усадили за пишущую машинку, как самого грамотного: все-таки три класса церковно-

приходской школы окончил, а потом — спасибо дяде Павлу, приютившему мальчика после смерти отца, — еще и в городскую школу Архангельска ходил. Несколько месяцев Николай просил начальство и добился наконец зачисления в боевой экипаж канонерской лодки. А два года спустя подал заявление в подготовительную морскую школу. Военно-морская наука сложна, и одолеть ее с таким, как у него, багажом знаний практически невозможно.

Два года занятий подготовили к усвоению полного курса Петроградского военно-морского училища, получившего впоследствии имя М. В. Фрунзе. Там преподавали маститые профессора, подчас с мировыми именами, офицеры еще царского флота, такие как Б. Винтер, Н. Бологов, Л. Гроссман. Учился Николай целеустремленно, с полным напряжением сил, при этом еще изыскивая возможность для дополнительных занятий французским и немецким языками, для посещения театров, концертов, музеев.

«Развитие выше среднего. Решителен, выдержан... Говорит коротко, толково, командирским языком... Специальная подготовка отличная, отношение к службе отличное, будет хороший артиллерист» — так характеризовали курсанта командиры.

Время летело. Вот, кажется, знаний уже столько, что можно принять участие в дискуссии, какой флот нужен стране? Океанский, с огромными мощными кораблями, или прибрежный, «москитный», чисто оборонительный, основу которого составляют подводные лодки и торпедные катера? В то время об этом спорили и опытные командиры, и безусые курсанты, светила науки и дилетанты.

Вопрос был не праздный. В последней четверти XIX века Россия, преодолев последствия неудач в Крымской войне, вновь стала одной из сильнейших морских держав мира. Вот только достоинства матросов, младших и отчасти старших офицеров, а также количество и качество кораблей в значительной степени обесценивались безграмотностью и трусоватостью адмиралов. Конечно, были и такие, как С. О. Макаров, но не они «правили

бал». В силу закона «обреченного социума» в решающие моменты у руля флота оказывались В. К. Витгефт и З. П. Рожественский. Гибель 1-й Тихоокеанской эскадры при осаде Порт-Артура и 2-й в сражении при Цусиме предопределили дальнейшие неудачи России в войне с Японией и рост революционных настроений.

Флот пришлось восстанавливать в условиях назревшей Первой мировой войны и конечно же за счет сухопутных войск. А потери были немалые: величина их, только прямых и только в корабельном составе, определялась в 417 миллионов рублей!

Результат — острейшая нехватка орудий, особенно тяжелых, пулеметов и даже винтовок, снарядов и патронов. Крепости на западной границе пребывали в состоянии довольно жалком, а те, что на юге, грозили противнику гладкоствольными пушками-«единорогами», помнившими атаки солдат Наполеона. Армия чувствовала себя обиженной: ведь из-за поражений флота вся тяжесть войны легла на ее плечи, а теперь еще и обделили! Тогда-то среди сухопутных генералов, кстати, самих военным искусством особо не блеснувших, и салонных офицеров, далее чем в Москву для подавления восстания не выезжавших, и родилось обидное для моряков прозвище — «самотопы».

Ошибки в военном строительстве сказались в ходе Первой мировой войны. Уже к 1915 году русская армия осталась без боеприпасов и понесла ряд тяжелых поражений. При этом флот, забравший на свое восстановление столько средств, вел себя довольно пассивно. Мощные, недавно построенные линкоры если и внесли вклад в ход вооруженной борьбы, то лишь фактом своего существования.

Военные неудачи сделали революционный процесс необратимым, а последующие события нанесли флоту потери куда более существенные, чем пушки японских броненосцев. После гражданской войны в строю — или, точнее, на плаву — оставалось 120 преимущественно легких, нуждавшихся в ремонте кораблей. И тут последовал новый удар.

По инициативе Л. Д. Троцкого и М. Н. Тухачевского из состава флота были выведены, разобраны или не

достроены два линкора, четыре линейных и пять легких крейсеров, 22 эсминца и 6 подводных лодок. Величина ущерба составила 591 миллион рублей в ценах 1927 года!

Оправдать подобный шаг соображениями военного порядка невозможно, хозяйственного — тем более. Ведь чем труднее живется, тем бережнее следует относиться к тому, что имеешь! Остается лишь единственный мотив, политический: стремление «наказать» моряков за кронштадтский мятеж.

Теперь флот опять приходилось воссоздавать заново, и, естественно, возникал вопрос: а каким он должен быть? В памяти многих появлялись броненосные эскадры времен морского могущества России, но разве можно создать нечто подобное в условиях экономической разрухи? Отсюда и концепция «москитного» флота: уж лучше иметь такой, чем никакого.

Диспуты были горячими. Мог ли подумать тогда их активный участник, курсант Кузнецов, что проблема выбора между флотами океанским и прибрежным красной нитью пройдет через всю его жизнь?

Помимо Троцкого и Тухачевского, смотревших на флот как на обузу, «москитчиков» поддерживали весьма образованные военные специалисты, еще при царе получившие звания генералов и полковников, а ныне обучавшие красных командиров. «Нужна была армию вооружать, а мы все кораблики строили», — говорили они, анализируя опыт Первой мировой войны. Так или иначе, эти взгляды в определенной степени передавались их ученикам, тем, чьи слова два-три десятилетия спустя будут во многом определять строительство Вооруженных сил...

Победа сторонников «москитного» флота в тех конкретных исторических условиях была неизбежна и правомерна. Выражением ее стала первая советская судостроительная программа 1926 года. В том же году Николай Кузнецов, блестяще закончив училище, отправился с моря Балтийского к берегам моря Черного, на крейсер «Червона Украина», один из самых современных кораблей советского флота.

Наряду с передовой техникой своего времени молодой командир нашел там и слабую подготовку личного состава, и хромающую дисциплину. Порядок он принялся наводить без крика и шума, в ходе кропотливой повседневной деятельности.

Результаты этой внешне незаметной работы сказались во время визита корабля в Турцию. Возникший на борту пожар был потушен под руководством Н. Г. Кузнецова так быстро и умело, что принимающая сторона приняла действия моряков за обычные занятия. А в 1929 году он вновь отличился на учениях, за которыми наблюдал сам К. Е. Ворошилов. Нарком обороны пожал ему руку, поблагодарил за умелые действия и попросил передать благодарность краснофлотцам.

После такого успеха следовало ожидать повышения по службе, но молодой командир предпочел оперативный факультет Военно-морской академии. Он снова погрузился в напряженную учебу и в атмосферу творческих дискуссий, но уже на ином, качественно более высоком уровне.

Каким быть флоту? Каким кораблям следует отдать предпочтение, надводным или подводным? Каковы роль и место морской авиации, а также береговой обороны в системе Военно-морских сил? Шел процесс теоретического осмысления комплекса сложнейших проблем и формирования взглядов, во многом определивших дальнейшую службу.

Лекции, семинары, военные игры на картах, стажировки на кораблях, в морской авиации и береговой артиллерии, труды Н. Л. Кладо, Б. Б. Жерве, М. А. Петрова, усиленные занятия языками немецким и французским... А еще нужно постараться как можно лучше использовать время пребывания в очаге культуры: ведь искусство обладает важным свойством шлифовать оперативно-тактическое мышление. В награду за успехи в учебе Кузнецов по выпуску из академии в мае 1932 года получил миниатюрный пистолет ТК и право выбора места службы. Снова на Черное море, чьи волны бороздит оснащенный новейшими приборами и оборудованном крейсер «Красный Кавказ».

Должность старшего помощника командира на таком корабле было пройти весьма полезно. На сердце легко, ибо изменения в отношении руководства страны к флоту радовали. И если в 1928 году Тухачевский в докладе на заседании Совета труда и обороны отводил ему роль прибрежного помощника сухопутных армий, то в ходе второй пятилетки предусматривалось строительство не только сотен подводных лодок и торпедных катеров, но также 10 лидеров²¹ и 40 эсминцев. Значит, Сталин и Ворошилов придерживаются иной точки зрения. Так среди флота «москитного» появились ростки флота будущего, океанского.

Вскоре экипаж крейсера смог оценить и высочайший уровень подготовки выпускника академии, и методы его работы, в основе которых лежали плановость и железный порядок. На изменение обстановки он реагировал чутко, а внезапно возникавшие задачи решал быстро. Несколько месяцев упорной целенаправленной работы, и боевой коллектив начал действовать с точностью доброго корабельного хронометра.

Заслуги старшего помощника были оценены, и в 1933 году Кузнецов стал командиром, крейсера «Червона Украина». И здесь те, кто видели в нем только хорошо подготовленного, педантичного службиста, обнаружили и научный склад ума нового командира, и его творческий подход к делам, казалось бы, давно привычным. Например, время экстренного прогрева турбин удалось сократить с 4 часов до 15–20 минут, а результаты стрельб не только впечатляли, но восхищали: крейсер под командованием Кузнецова первым же 180-мм снарядом поражал корабельный щит с расстояния в 28 километров, и это при собственной скорости в 20 узлов! Такие попадания и много позже, в эпоху высокоточного оружия, заслуживали высокой оценки.

Но главным достижением, безусловно, стала система боевой готовности одиночного корабля, впервые в истории страны разработанная, опробованная и внедренная на крейсере «Червона Украина». Результаты труда Николай Герасимович обобщил в собственноручно на-

писанном наставлении, которое получило широкое распространение.

К. Е. Ворошилов наградил его грамотой и золотыми часами — в годы всеобщего энтузиазма, охватившего страну, поиск и новаторство поощрялись.

Чуть позже последовала и правительственная награда — орден «Знак Почета». В следующем, 1935 году крейсер «Червона Украина» по итогам соревнования занял первое место среди всех кораблей Советского Союза, а его командир стал капитаном 1-го ранга. Самым молодым среди носивших это звание во всех флотах мира!

Август 1936 года удивил неожиданным вызовом в Москву. Странно, ведь он был там совсем недавно, на вручении ордена «Красная Звезда». Николай Герасимович предполагал всякое, но причина вызова превзошла все ожидания: назначение военно-морским атташе в объятую гражданской войной Испанию! Дело незнакомое, но ведь каждый моряк должен быть немного дипломатом хотя бы в силу избранной профессии.

Модный костюм, сшитый за одну ночь, широкополая шляпа — и через Кенигсберг, Кельн, Париж самолетом в Мадрид, сразу же по прибытии беседа с советским военным атташе В. Е. Горевым, встреча с будущим военно-морским министром Испании социалистом Идалецио Прието в его роскошно убранном, похожем на будущар великосветской львицы кабинете и поездка в Картахену, крупную базу республиканского флота на восточном побережье.

Узкие, кривые улицы. Зной, пыль. И все же этот город вызвал у «товарища Лепанто» — так теперь назывался капитан 1-го ранга Кузнецов — необыкновенные чувства. Ведь именно отсюда в 218 году до новой эры двинул на Рим свои войска Ганнибал!

А вот современность восторга не вызывала: противовоздушная оборона базы слаба на редкость, судоремонтные мастерские, оказывается, принадлежат смешанному англо-испанскому капиталу, поставкой пресной воды на корабли ведает британский консул, он же, по совместительству, и владелец водопровода. «Товарищ Лепанто» удивился еще больше, узнав, что кораб-

ли для франкистов и республиканцев достраивают филиалы одной к той же компании, а планы и материалы они получают из центрального офиса фирмы в Лондоне. Что касается связи... то ее обеспечивает зависимость от американского капитала компания, чьи линии кое-где проходят по занятой мятежниками территории. Последние обстоятельства в Советском Союзе не могли присниться даже в страшном сне.

Если в двух крупных базах западного побережья, Эль-Ферроле и Кадисе, дела обстоят так же, то боеспособность немалого — два линкора, 7 крейсеров, 17 эсминцев и 12 подводных лодок — республиканского флота гораздо ниже расчетной. Кроме того, на нее пагубно влияют разногласия между офицерами, среди которых много сторонников Франко, и матросами-республиканцами.

Задуманный правительством поход на север лишь подтвердил опасения «дона Николаса». Эскадра вышла из Малаги 21 сентября 1936 года. Маршрут — мыс Европа, Гибралтар, мыс Трафальгар, Кадис, Виго... Тот же, что у «Непобедимой армады»²². Вряд ли подобная ассоциация могла вызвать радужные предчувствия у знатока военно-морской истории.

Обстрел побережья, доставка республиканцам пары тысяч винтовок — вот и все плоды операции. Предотвратить потери северных провинций она не смогла, флоту же стоила гибели одного и серьезного повреждения другого эсминца. Зато мятежники воспользовались обстановкой, перебазировали свои корабли на юг и овладели районом Гибралтара.

Идалесио Прието вернул эскадру, а «товарищ Лепанто» занялся организацией приема транспортных судов, следовавших из черноморских портов с важными грузами. Франкисты, а также помогавшие им Италия и Германия прекрасно понимали роль морских коммуникаций и, не жалея сил, стремились их перерезать. Три советских парохода были потоплены, четыре захвачены в плен. Действовали франкисты и чьи-то «неизвестные подводные лодки» чрезвычайно дерзко, — ведь океанским флотом, способным защитить суда, Советский Союз не располагал.

Темпераментные военно-морские начальники республики жаждали громких побед в славных битвах. Убедить их в том, что главной задачей флота сейчас является обеспечение перевозок и снабжения армии, было нелегко. Впрочем, «альмиранте»²³ Николас» благодаря обаянию, коммуникабельности, а также лингвистическим способностям успешно справлялся и с этой трудностью.

Организация охраны, встречи, разгрузки судов и ПВО Картахены стоили немалых усилий, но дело постепенно налаживалось, разгрузку транспортов Кузнецов контролировал лично, испытывая, пожалуй, больше тревоги, чем радости. Отважным республиканцам, наследникам славных морских традиций, потомкам искусных кораблестроителей, готовым смело пойти в бой, ничего не стоило закурить, сидя на бочке с бензином, или бросить на землю ящик с боеприпасами так, будто в нем апельсины. Предотвращать опасные ситуации помогали экипажи судов, а однажды выручили танкисты Г. И. Кривошеина, с которым Николай Герасимович встретился в Картахене.

В те дни военная судьба свела его также с такими людьми, как Р. Я. Малиновский, П. И. Батов, А. И. Родимцев, Н. Н. Воронов, К. А. Мерецков, кинорежиссер Р. Кармен, журналист М. Кольцов. С его братом, художником Борисом Ефимовым, Кузнецов познакомился раньше, когда тот вместе с писателями И. Ильфом и Е. Петровым посещал крейсер «Красный Кавказ».

Год завершился, когда республиканское правительство приняло решение перевести в СССР часть своего золотого запаса с целью оплаты оружия и боеприпасов. Ответственность за охрану «золотых транспортов» как в порту, так и в открытом море, выбор места для стоянки, принятие решения о времени выхода и курсах движения до безопасных территориальных вод Африки Москва возложила на капитана 1-го ранга Кузнецова.

Операция готовилась и проводилась в глубокой тайне. «Кинта колумна» — «пятая колонна», как звали тайных сторонников Франко, не дремала. Золото укрыли в пороховых складах Картахены. Драгоценный груз

следовало разместить на возможно большем числе судов, и в дополнение к двум имевшимся Николай Герасимович привлек еще два находившихся поблизости транспорта. Один из них носил имя Н. С. Хрущева, человека, впоследствии сыгравшего роковую роль и в личной судьбе Кузнецова, и в судьбе флота.

Пароходы в ночной тьме выходили в море и в сопровождении республиканских кораблей преодолевали опасные участки пути, такие как Тунисский залив, где вероятность встречи с противником была особенно велика. От берегов Африки им предстояло двигаться самостоятельно, на свой страх и риск, флот Испанской республики больше ничем помочь им не мог. А ведь каждый «золотой транспорт» — желанная добыча, и не только для франкистов. Советские торговые и рыболовные суда вдали от родных берегов часто задерживали, подвергая досмотрам, арестам, унижая достоинство экипажей и страны, — все, кому не лень. Знали, океанского флота у Советского Союза нет и в ответ последуют разве что запоздалые дипломатические протесты.

Пароходы один за другим приближались к Дарданеллам; волнение «дона Николаса» достигло предела — уж очень был удобен этот район для перехвата. Успокоился он, лишь когда последний транспорт прошел в Черное море.

Передача около 500 тонн драгоценного металла была проведена в полном соответствии с правилами международных трансфертов золота и оформлена актом от 5 февраля 1937 года. Позже республиканское правительство обратилось с просьбой реализовать все оставшееся золото, что и было сделано. Затем Советский Союз предоставил Испанской республике кредит на 85 миллионов долларов. Но республиканское правительство успело оплатить только 35 миллионов...

3 января 1937 года капитан 1-го ранга Н. Г. Кузнецов был награжден орденом Ленина «за активное участие в национально-революционной войне в Испании». Конечно, четкая организация доставки драгоценного груза сыграла в оценке его заслуг роль далеко не последнюю.

Между тем итальянский флот развил деятельность настолько бурную, что фактически парализовал доставку материальных средств из черноморских портов Советского Союза. Теперь суда приходилось направлять из Архангельска в порты Франции, откуда грузы уже по железной дороге следовали в Испанию. При этом возрастал расход времени, сил и денег — они требовались для подкупа железнодорожных чиновников.

«Нет такого буржуазного деятеля, который бы не продавался за деньги, — учил Сталин. — А если он все-таки не продается, значит, вы пожадничали».

Советское оружие и боеприпасы помогли республиканцам отстоять Мадрид и нанести противнику поражение под Гвадалахарой. Тогда генерал Франко перенес удар в направлении Малаги. Фалангисты штурмом взяли ключевой город-порт на юге, а затем овладели и всей провинцией Андалусия. Но положение республики все еще оставалось прочным, и флот выходил в море для поиска кораблей противника и обстрела занятых им побережий. Участвовал в этих походах и «альмиранте Николас».

Республиканские эсминцы к этому времени уже неплохо маневрировали, а порядок на них, во многом благодаря деятельности советских военных специалистов, изменился к лучшему.

В мае 1937 года республиканские самолеты нанесли удар по франкистскому порту Ивиса, где оказался и германский линкор «Дойчланд». Его командир решил не оставаться в стороне и приказал зенитной артиллерии открыть огонь. Республиканским летчикам пришлось ответить атакой. Бомбы попали в кормовую часть корабля и вызвали серьезные повреждения, что еще больше укрепило мнение Н. Г. Кузнецова о неуклонном возрастании роли морской авиации. Она появилась в России еще накануне Первой мировой войны; в 1920 году ее вывели из состава флота и лишь 15 лет спустя, в результате напряженных усилий руководства флота, воссоздали вновь.

Вскоре после налета на Ивису произошел и настоящий морской бой между республиканским крейсером «Либертад» и франкистским «Балеарес», после чего ко-

рабль мятежников ушел на ремонт. Фалангисты смогли его восстановить, но полгода спустя в ночном бою «Балеарес» был отправлен на дно республиканскими эсминцами, — кстати, итальянскими торпедами, подготовить которые к применению помогли советские специалисты.

Но «альмиранте Николас» в это время находился уже на другом краю континента. Приказ о назначении заместителем командующего Тихоокеанским флотом пришел еще в августе вместе с присвоением звания «флагман 2-го ранга».

Двадцать суток на поезде к новому месту службы — достаточный срок, чтобы осмыслить опыт современной морской войны. Здесь и роль авиации, и значение первого внезапного удара, способного повлиять на весь последующий ход боевых действий, и мощная противовоздушная оборона, и тщательно продуманная, до мельчайших деталей отработанная система боевой готовности.

Николай Герасимович лишь осваивался в новой должности, когда последовало очередное назначение: командующим Тихоокеанским флотом! Предшественник его, флагман 1-го ранга Г. П. Киреев, был арестован и осужден как «враг народа».

Круг обязанностей расширился еще больше, времени, того, что называют «свободным», и вовсе не стало: молодой Тихоокеанский флот рос на глазах, и, хотя крупных надводных кораблей явно недоставало, по числу подводных лодок он уже превосходил Японию.

Выбор мест базирования, ускоренное строительство объектов береговой обороны, аэродромов, развитие дорожной сети на огромном пространстве от Владивостока до бухты Провидения; стрельбы, учения, совещания... При этом командующий успевал посещать военные городки, беседовать с семьями моряков, улучшать их быт и снабжение, организовывать строительство клубов, Домов офицеров, спортивных комплексов. Особое внимание уделялось недавно открытому во Владивостоке военно-морскому училищу: ведь там ковались кадры для флота.

Кузнецов внимательно изучал старые планы подземных сооружений, угадывая идеи и замыслы их создателей, осматривал заброшенные форты Владивостока — все восемь. Вскоре они без особых затрат были восстановлены, оказавшись весьма полезными в системе обороны Приморья. И все это в условиях далеко не спокойных: с одной стороны, ощущалась угроза Японии, чьи корабли все чаще вторгались в территориальные воды СССР, а с другой — по флоту катилась волна арестов, причем командующего о них часто даже в известность не ставили.

Николай Герасимович направил телеграмму в ЦК ВКП(б). Репрессии на какое-то время стихли. Но вот на Дальний Восток прибыл сам народный комиссар ВМФ П. А. Смирнов; армейский политработник, он знал о море и кораблях весьма немного, но главной своей задачей считал «очищение рядов от врагов народа». Последовали новые аресты, при этом, как правило, страдали опытные офицеры.

Командующий флотом смело вставал на их защиту, что вызывало наставительные замечания наркома: «Вы еще недостаточно зрелы политически». Нетрудно догадаться, к чему привел бы такой вывод, но, во-первых, тучи сгущались уже и над самим Смирновым, а во-вторых, в конце июля японские войска развязали военный конфликт в районе сопок Заозерная и Безымьянная, потеснив советские части.

Цель была очевидна: создать плацдарм в районе Посыета для дальнейшего наступления на Владивосток. Наиболее упорный характер бои приняли у озера Хасан. Туда и отправился командующий флотом вместе с маршалом В. К. Блюхером и комкором Г. М. Штерном.

Сильные дожди не только размыли дороги, но и создали целые районы затопления, полностью лишив советские войска снабжения. Николай Герасимович быстро нашел решение проблемы. Сотни мелких рыболовецких судов, мобилизованных и организованных в отряды, под руководством морских офицеров двинулись по залитым полям к переднему краю, доставляя пополнение, боеприпасы, продовольствие.

Цели противником достигнуты не были, и 11 августа 1938 года бои прекратились. Н. Г. Кузнецов не был склонен считать эту пробу сил последней, ибо японское командование по-прежнему воспринимало Советский Союз как Россию начала XX века да еще ослабленную социальными потрясениями. И если Русско-японская война 1904–1905 годов началась внезапным нападением миноносцев на Порт-Артур, то ныне скорее всего следовало ждать внезапного удара авиации по Владивостоку. Нужно было срочно принимать меры к маскировке и рассредоточению кораблей, совершенствованию ПВО, а главное, скорее ввести систему боевой готовности.

Опыт «Красного Кавказа» был воспроизведен на новом, более высоком уровне и успешно прошел проверку. Одновременно командующий флотом внимательно изучал кадры — нужны были талантливые люди для замещения должностей, оставшихся свободными после арестов опытных офицеров. Кадровые ошибки здесь могли стоить слишком дорого. Но тут грозовая молния сверкнула над самим Кузнецовым.

Новый эсминец «Решительный» следовал на буксире во Владивосток, но внезапная буря в Татарском проливе выбросила его на камни. Люди, к счастью, спаслись. М. П. Фриновский, поставленный во главе наркомата ВМФ после П. А. Смирнова, потребовал строго наказать — нет, даже не «виновных», но «вредителей». Очередной начальник вышел из рядов НКВД и представление о флоте имел еще более смутное, нежели его предшественник. Доказывать ему что-либо было бесполезно.

Подавленное настроение все же не помешало Николаю Герасимовичу выступить с обстоятельным докладом на заседании Главного военного совета ВМФ, где присутствовали члены политбюро и сам Сталин.

— Вы считаете, что было сделано все для спасения корабля? — Голос с кавказским акцентом был строг, даже суров.

— Все, — ответил Николай Герасимович и вновь заверил собрание в невинности командира эсминца С. Г. Горшкова, взяв ответственность на себя.

На этот раз все обошлось благополучно: и командир эсминца, и сам командующий получили только по выговору.

Обратно Кузнецов возвращался не один, а с молодой женой, Верой Николаевной. Поездка по Транссибирской магистрали — вот и все свадебное путешествие.

Три месяца спустя — снова вызов в Москву, теперь в качестве делегата XVIII съезда ВКП(б). Был там и нарком М. П. Фриновский, отчего-то мрачный. Выступать Николай Герасимович не собирался, и предложение В. М. Молотова сделать доклад оказалось неожиданным. Всю ночь он работал над текстом, извлекая данные и цифры из памяти, а 17 марта выступил вполне успешно с докладом о необходимости строительства кораблей различных типов.

Следующая ночь прошла в кабинете Сталина, где в присутствии нескольких членов политбюро обсуждался вопрос о переводе флагмана 2-го ранга в Москву. Нет, далеко не случайно предложил ему Вячеслав Михайлович взойти на трибуну...

Днем на экстренном заседании Главного военного совета ВМФ Н. Г. Кузнецов был представлен как новый заместитель народного комиссара, а еще через сутки, 20 марта, стало известно об отстранении от должности и аресте М. П. Фриновского. Так вот почему на съезде он выглядел печальным! Должно быть, как опытный следователь, что-то предчувствовал.

Первое поручение Кремля последовало сразу же — выехать на Дальний Восток для изучения целесообразности строительства торгового порта в бухте Находка. Ответ на вопрос следовало дать вместе с А. А. Ждановым; влиятельный член политбюро входил в состав Главного морского штаба и курировал Военно-морской флот.

Итоги поездки обсуждали на заседании политбюро 27 апреля. Решили порт в бухте Находка строить, а Н. Г. Кузнецова... назначить народным комиссаром Военно-морского флота. В 34 года! Очевидно, Жданов помимо официального поручения имел еще и конфиденциальное — присмотреться в ходе совместной работы

к подающему надежды морскому военачальнику, а затем доложить свои выводы.

На флоте вздохнули с облегчением: наконец-то пришел настоящий моряк! Те, кто знал нового наркома по прежней службе, говорили: к людям инициативным, дельным, решительным он относится хорошо, а подхалимов, хитрецов, приспособленцев не терпит; к подчиненным требователен, но к себе еще более; обиду таить не умеет, промахи и старое плохое припоминать не любит, морское же дело знает, как немногие.

Крупных знатоков, увы, действительно оставалось не так уж много. В их числе был начальник Главного морского штаба Л. М. Галлер, в лице которого молодой нарком нашел не только заместителя, но и наставника. Отношения между ними сложились доверительные, чему способствовало совпадение взглядов на строительство Большого флота, необходимость которого наконец-то поняли и в руководстве страны.

...Кильватерные колонны огромных линкоров, могучих орудий, уходящие в серую пучину морские гиганты и подобные муравьям люди: спасаясь от гибели, они бегут по скользкому борту давшего безнадёжный крен корабля. Ютландское сражение²⁴. Одиноким зритель кремлевского кинозала не раз и не два смотрел беспощадные кадры хроники, размышляя о чем-то, известном лишь ему.

— У могучей советской державы должен быть соответствующий ее интересам, достойный нашего великого дела морской и океанский флот, — решительно произнес Сталин в ходе объединенного заседания палат Верховного Совета СССР 15 января 1936 года.

Сама же программа крупного морского судостроения была принята еще раньше и предусматривала к 1943 году иметь 24 линкора типа «А», с 9 мощнейшими 406-мм пушками каждый, и 16 линкоров типа «Б» — с таким же количеством орудий, но калибра 356 мм.

А авианосцы? Н. Г. Кузнецов считал, что на океанских просторах этот новый класс кораблей уже в недалеком будущем займет ведущую роль. Линкоры, крейсера, эсминцы и подводные лодки без авиационного

прикрытия лишатся боевой устойчивости. Оказалось, что и здесь взгляды военно-морского и политического руководства совпали: Л. М. Галлер уже утвердил тактико-технические требования, и закладка двух первых авианосцев планировалась в 1941–1942 годах.

— По копеечке соберем, а корабли построим, — говорил Сталин.

Ради осуществления этих планов отказались даже от замысла воздвигнуть грандиозный Дворец Советов на месте храма Христа Спасителя. И все же программу пришлось значительно сократить: для развертывания танковых войск и обновления парка артиллерийских орудий, пришедшего в упадок при М. Н. Тухачевском, требовался металл. Много металла!

Уточненный вариант, доложенный Н. Г. Кузнецовым 6 августа 1939 года, предусматривал строительство в течение ближайших 8 лет 6 линкоров, 4 тяжелых и 21 легкого крейсера. Кроме того, предполагалось ввести в строй 12 лидеров, 86 эсминцев, 201 подводную лодку, а еще речные мониторы²⁵, сторожевые корабли, тральщики, охотники за подводными лодками, торпедные и другие катера. Удалось отстоять и авианосцы, по одному для Северного и Тихоокеанского флотов. Главное вооружение их должно было включать 70 самолетов — истребители И-16, И-153, бомбардировщики Су-2.

Конечно, для такой державы, как Советский Союз, двух авианосцев недостаточно, но, как говорят в Китае, «дорога в тысячу ли начинается с первого шага».

В дальнейшем Николаю Герасимовичу приходилось довольно часто бывать в кабинете И. В. Сталина. С одной стороны, радовало, что глава страны пристально вникает в проблемы строительства флота и характеристики кораблей, особенно крупных, с другой — разногласия оставались, доказать удавалось не все и не всегда.

Так, нарком очень волновался из-за явно малого числа зенитных и универсальных орудий на кораблях новых проектов. Кроме того, их зенитная артиллерия, в отличие от кораблей британских, американских или германских, не имела системы стабилизации. Следова-

тельно, в условиях морской качки стрельба по воздушным целям будет менее эффективной.

В ответ на просьбу усилить корабельную ПВО Сталин, поразмыслив, ответил: «Не у берегов Америки собираемся воевать». Напрасно пытался доказывать нарком, что главным врагом крупных кораблей, особенно в акваториях Балтийского и Черного морей, будет авиация и при слабой зенитной артиллерии суда смогут успешно действовать лишь в зоне прикрытия своих истребителей. В то же время Николай Герасимович понимал, отчего Сталин, трезво оценивая возможности промышленности, не может принять многие из его предложений, даже если и внутренне согласен с ними...

Судостроительная промышленность едва успела приступить к выполнению уточненной программы, как началась финская война. В течение нескольких месяцев флот, действуя в тяжелейших метеорологических условиях, получил ценный опыт, а морская авиация показала себя грозной силой и полностью оправдала возлагаемые на нее надежды.

Конечно, не все шло гладко. Сказывались недостатки морской выучки, слаженности экипажей, образования командного состава. Но, пожалуй, еще более опасными оказались действия начальника Главного политического управления РККА Л. З. Мехлиса и заместителя наркома обороны СССР Г. И. Кулика, шокировавших командование Балтийского флота своим некомпетентным вмешательством. Разговор с ними состоялся острый; нарком ВМФ строго потребовал никаких приказов без его ведома флоту не отдавать.

Мехлис оторопел — так разговаривать с ним еще никто не осмеливался, Кулик был обескуражен. В Кремль пошла жалоба. Но Сталин, разобравшись в причинах обид горе-флотоводцев, лишь усмехнулся.

Обстановка позволяла обойтись без непосредственного участия Большого океанского флота, и тем не менее нужда в нем сказывалась даже в этой войне. Отношения с Великобританией и Францией обострились; понятно, на чью помощь рассчитывало правительство Финляндии. Счет советским пароходам, захваченным

в тот период французскими и английскими кораблями, шел уже на десятки. Разумеется, такое было бы невозможно при наличии у Советского Союза достаточного числа линкоров, крейсеров и авианосцев.

Свежий опыт боевых действий на море, не только свой, но и зарубежный, — ведь Вторая мировая война уже началась — немедленно анализировался и тут же внедрялся в практику боевой подготовки. Флот — это не только корабли, но и люди с их морально-боевыми качествами, знаниями и навыками. Прежде всего люди. А положение здесь желало много лучшего.

Аресты и «чистки» привели к потере более трех тысяч человек, в основном квалифицированных специалистов. Среди репрессированных оказались практически все командующие флотами и флотилиями. Некомплект командного состава достигал 30%, в штабах лишь 40% офицеров имели военно-морское образование, и то в объеме училища. Число же лиц с высшим военным образованием едва превышало 8% от общего количества офицерского состава.

Кузнецов нашел пути выхода из сложной ситуации быстро и безошибочно. Он решил для начала возместить недостаток офицеров широким привлечением сверхсрочнослужащих из опытных моряков торгового флота путем увеличения их денежного оклада, предоставления жилья и различных льгот. Что касается выпускников военно-морских училищ, то они теперь через два-три года после назначения на первичные должности направлялись в Высшие офицерские классы, после чего занимали более высокую служебную ступень. Главное учебное заведение флота, Военно-морская академия, переводилось в непосредственное подчинение наркома с целью максимального использования ее интеллектуального и научного потенциала.

Уровень боевой подготовки рос также и вследствие развертывания сети специальных школ, готовивших юношей к поступлению в училища, а также увеличения срока службы до четырех лет в береговых частях и до пяти — на кораблях. Многовато, быть может, но приближение военной опасности выбора не оставляло.

Проблемы младшего и отчасти среднего командного состава удалось решить в относительно короткие сроки. Иное дело — старшие офицеры и адмиралы, на чью подготовку уходят десятилетия. Поднять, да и то лишь немного, теоретический уровень молодых выдвиженцев могли только краткосрочные сборы, начало систематическому проведению которых положил нарком ВМФ.

Результаты напряженного труда были налицо. Флот превращался в предмет национальной гордости, слова «матрос», «морской офицер» произносились с уважением. По инициативе Н. Г. Кузнецова каждое последнее воскресенье июля стало праздничным Днем Военно-морского флота.

...Когда-то, в далеком 1904 году, немецкий поэт Рудольф Гренц, узнав о подвиге крейсера «Варяг», поразился так, что слова будто сами полились из-под его пера. Стихи перевели на русский язык, положили на музыку, песня стала любима в народе, но после революции ее словно забыли. Теперь усилиями наркома она вернулась. Вернулась как гимн уже советских моряков, как прочный символ связи с героическим прошлым.

И еще одна песня вернулась из забвения благодаря Николаю Герасимовичу — знаменитая «Калинка», ставшая ныне музыкальным опознавательным знаком России за рубежом. Однажды при посещении крейсера «Червона Украина» ее исполнил сам И. С. Козловский, чем вызвал восторг экипажа. Тогда, кстати, и началась дружба великого певца и великого моряка. Кузнецов рассказал о песне К. Е. Ворошилову, и вскоре она зазвучала уже на всю страну в исполнении ансамбля под управлением Б. А. Александрова...

Нарком ВМФ в ту пору решал вопросы самые разнообразные, но в центре его внимания по-прежнему оставалась боевая готовность. Созданная им трехступенчатая система, определявшая место и действия каждого моряка, от матроса до командующего, активно внедрялась в масштабе всего флота.

Оперативная готовность № 3 предусматривала наличие на кораблях всех необходимых запасов и способность приступить к исполнению обязанностей по боево-

му расчету не более чем через 6 часов; готовность № 2 определяла возможность всех составных частей флота к действиям в течение трех часов и позволяла пребывать в таком состоянии довольно долго. При боевой готовности № 1 кораблям и судам, находившимся в открытом море, запрещалось заходить в иностранные порты, усиливались дозоры, а все силы и части флота немедленно могли приступить к от мобилизованию.

Но между разработкой теории и претворением ее в жизнь лежит, как писал А. С. Грибоедов, «дистанция огромного размера». Начались долгие тренировки, в ходе которых действия личного состава оттачивались до автоматизма, а положения инструкций уточнялись.

Флот креп на глазах. Состоялась закладка двух первых линкоров типа «Советский Союз». Несомненно, эти лучшие в своем классе корабли должны вернуть стране ранг океанской державы! Строительство шло энергично, и уже летом 1940 года на полигоне Ржевка начались испытания нового 406-мм орудия, предназначенного для вооружения линкоров.

Николай Герасимович прибыл на полигон по приглашению своего учителя, замечательного артиллериста, полковника И. И. Грена. Испытания шли успешно. Гигантский стальной монстр уверенно метал снаряды весом более тонны на дальность почти в 46 км, причем с весьма высокой точностью. И хотя кое-что еще нуждалось в доводке, нарком с полным основанием назвал новое орудие «лучшей пушкой в мире».

Теперь можно было прекращать затянувшиеся опыты с 305-мм динамо-реактивными, или безоткатными, орудиями. Начатые почти 10 лет назад по инициативе М. Н. Тухачевского, они выявили полную непригодность подобных систем для боя с кораблями противника и весьма ограниченную способность поражать береговые цели. Что ж, как говорится, в науке отрицательных результатов не бывает, но в данном случае эксперимент, чья сомнительность была понятна специалистам, обошелся немалой затратой времени и средств, необходимых, к примеру, для разработки систем стабилизации морских зенитных орудий.

В свою очередь адмирал Кузнецов — таким стало его звание с 4 июля 1940 года — поручил И. И. Грену возглавить комиссию по выбору огневых позиций береговой артиллерии в районах Финского залива, на островах Моонзундского архипелага и полуострове Ханко. Вхождение стран Прибалтики в состав СССР, успехи советского правительства в улучшении стратегического положения государства и перебазирование управления Балтийского флота в Таллин придавали задаче укрепления передовых морских рубежей особую важность.

Планы усиления береговой обороны часто рассматривались в Кремле, нарком ВМФ лично докладывал о ходе работ. 19 октября 1940 года он вышел с заседания Совета народных комиссаров в подавленном настроении: осуществление его мечты, строительство авианосцев, откладывалось. Сталин объяснил, что авиационная и смежные с нею отрасли промышленности перегружены заказами, а потому не справляются с разработкой палубных самолетов и взлетно-посадочных устройств, без которых эти гигантские корабли бесполезны. Без необходимого оборудования авианосцы невозможно ввести в строй, а если — что маловероятно — и удастся оснастить хотя бы пару кораблей, то каждый из них, действуя в одиночку на своем флоте, будет почти бесполезен. А ведь еще предстоит обучение экипажа и летного состава, отработка тактики применения авианосцев и способов их взаимодействия с другими кораблями... Времени на это практически не оставалось.

Главное же заключалось в том, что мощности, необходимые для строительства авианосцев, были заняты сейчас линкорами и, судя по всему, освободились бы не скоро. Именно эти корабли являются символом морской мощи державы. И конечно же, напомнил Сталин, следует всячески форсировать строительство легких сил флота.

Не согласиться с его доводами было трудно, и все же отказ от мечты, пусть и временный, дался нелегко. Впрочем, лавина срочных дел возможностей для переживаний не оставляла. Один лишь контроль строитель-

ства военно-морских баз чего стоил! А развитие военно-морской науки? При самой высокой занятости практическими вопросами адмирал Кузнецов ежедневно — вернее, еженежно — успевал внимательно читать множество теоретических трудов, следить, чтобы самое ценное из них нашло отражение в руководящих документах, таких, как «Наставление по боевой деятельности подводных лодок» (НПЛ-39), «Временное наставление по ведению морских операций» 1940 года, новый Корабельный устав ВМФ.

Кроме того, внимание наркома простиралось на все бассейны морей, рек и озер страны со всем их промышленным и научным потенциалом, складами, узлами коммуникаций и другими имеющими отношение к флоту предприятиями. Ибо только лишь в СССР существовала отраслевая система управления водным хозяйством страны, предусмотрительно созданные в 30-е годы наркоматы морского и водного (речного) транспорта, рыбного хозяйства. Такие организации, как «Главсевморпуть», «Гидрография» и «Метеорология», «Экспедиция подводных работ особого назначения» (ЭПРОН) являлись, по сути, резервом ВМФ. С началом войны многие пароходства переходили в подчинение командующих флотами и флотилиями, а командиры судов и руководители получали соответствующие воинские звания, вплоть до контр-адмирала включительно. Ответственность за быстрое превращение гигантской административно-хозяйственной машины в военную также лежала на плечах адмирала Кузнецова.

Силы восстанавливать помогала дача в Архангельском, где молодые супруги жили почти круглый год. Здесь всегда тепло принимали гостей, среди которых бывал и маршал Б. М. Шапошников. Между ним и Кузнецовым установились теплые взаимоотношения и полное взаимопонимание. Беседы с этим наделенным подлинно стратегическим даром человеком Николай Герасимович находил для себя очень полезными. Возможно, тогда и пришел он к идее сделать труды выдающихся военных мыслителей прошлого настольными книгами морских офицеров.

Вскоре по указанию адмирала Кузнецова в кратчайшие сроки были подготовлены к изданию и вышли в свет работы Ф. Ф. Веселовского, С. О. Макарова, А. Ф. Мэхэна, А. В. Егорьева. Вновь организованный исторический отдел Главного морского штаба внимательно следил за ходом боевых действий на морских театрах разгоравшейся Второй мировой войны. Еще недавно советские суда задерживались главным образом кораблями Великобритании и Франции. Теперь, после того как германские войска вошли в Париж, вектор угрозы сместился в иную сторону.

Сообщения о нарушениях границ гитлеровскими разведывательными самолетами поступали все чаще. Воздушные лазутчики фотографировали военно-морские базы, аэродромы, боевые корабли, фарватеры, что более чем ясно говорило о намерениях военно-политического руководства рейха. Советская сторона четко исполняла указание «не поддаваться на провокации», но это лишь усиливало наглость разведчиков. В конце концов терпение лопнуло, и адмирал Кузнецов приказал открыть огонь.

17 марта самолеты-нарушители были обстреляны в районе Либавы и в местах базирования Северного флота. Из Кремля последовали выговор и очередное указание «огонь не открывать». И все же Николай Герасимович, пользуясь относительной независимостью от наркомата обороны и Генерального штаба, на свой страх и риск занимался вопросами повышения боевой готовности флота, уточнял задачи на прикрытие границы, проверял мобилизационные планы, выявлял критические направления развития техники и предпринимал энергичные усилия, чтобы ликвидировать отставание в области приборов управления стрельбы и радиолокационного вооружения. Вот когда стала очевидной цена увлечения маршала М. Н. Тухачевского тяжелыми безоткатными пушками и радиоуправляемыми катерами-брандерами²⁶¹

Для решения вопроса нарком ВМФ привлек такого ученого, как А. И. Берг. В мае 1941 года академик получил воинское звание «контр-адмирал-инженер»

и возглавил работы по созданию радиолокационного вооружения кораблей. Тогда же Кузнецов под видом учений усилил разведку и дозорную службу.

Донесения следовали одно тревожнее другого: в Румынии проводится скрытая мобилизация, а ее войска совместно с германскими тайно выдвигаются к границе; в Финляндии, стараясь не привлекать внимания, высадились около 30 тысяч немецких солдат и офицеров, и там тоже идет скрытая мобилизация. Неслучаен также и массовый отъезд из Советского Союза специалистов, занятых достройкой купленного в Германии крейсера «Лютцов».

«Война может начаться в ближайшие дни», — сделал вывод нарком ВМФ и по собственной инициативе «с учебной целью» 16 июня 1941 года перевел Балтийский флот в готовность № 2. Черноморский флот, закончив учения 20 июня, так и остался в повышенной готовности 21 июня, во второй половине дня. Вероятность близкого начала войны признал и Сталин. Он приказал задержать на рабочих местах секретарей райкомов и запретить им выезжать из столицы. «Возможно нападение немцев», — предупредил он секретаря Московского городского комитета партии А. С. Щербакова.

Вечером того же дня С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков убедили Сталина отдать войскам приграничных округов директиву о приведении сил в боевую готовность, хотя и с существенными ограничениями. Флота она не касалась: ведь адмирал Кузнецов подчинялся лишь Сталину.

Тем не менее в 0 часов 20 минут 22 июня узлы связи всех флотов получили телеграмму: «Оперативная готовность № 1 немедленно. Кузнецов». А затем нарком лично продублировал указания штабам и командующим открытым текстом по телефону. Да, грубое нарушение правил скрытого управления, но время не терпит...

В 3.15 ночи последовал доклад командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского о воздушном налете противника и ответном огне зенитной артиллерии. Николай Герасимович немедленно сообщил об этом маршалу С. К. Тимошенко. Тот, видимо,

не поверил и повесил трубку. Тогда адмирал Кузнецов приказал срочно передать флотам официальное извещение о начале войны и отражении ударов противника. Второго Порт-Артура не будет!

Шквальный огонь надежно прикрыл воздушные подступы к военно-морским базам. Флот оказался единственным видом Вооруженных сил, встретившим врага организованным сопротивлением. В тот день не был потерян ни один корабль, ни один самолет морской авиации! Напротив, истребители только Черноморского флота сбили 5 бомбардировщиков противника, а следующей ночью летчики приступили к нанесению ударов по территории Румынии. Но вот среди торговых судов потери были, и немалые.

Незадолго до рокового дня нарком ВМФ обратил внимание на массовый и почти одновременный выход немецких пароходов из советских портов. Он тут же предложил вывести советские транспорты из портов Германии, но Сталин отказался, объяснив, что «все наши враги и ложные друзья пытаются сравнить нас с Гитлером в своих интересах». В результате противнику достались 40 советских пароходов, а 900 моряков оказались в плену...

Сразу же с началом войны адмирал Кузнецов приказал выставить минные заграждения в соответствии с ранее утвержденными планами. Эффективность советских мин подтвердил гитлеровский гросс-адмирал Редер. Он писал: «Много судов нарвались на мины на южном краю заграждений в Балтийском море, что повлекло за собой большие потери в людях и технике». А в сентябре на mine подорвался и затонул финский броненосец береговой обороны «Ильмаринен», после чего попытки обстреливать советские укрепления на полуострове Ханко с моря прекратились.

Но если целесообразность минных заграждений на Балтике была очевидна, то от кого же собирались защищаться при помощи мин на море Черном? Неужели от единственной подводной лодки Румынии? Стоило ли затруднять собственное судоходство, тем более что на этих минах подорвались несколько советских кораблей и судов?

Не все так просто. Опыт Первой мировой войны говорил, что внезапное вступление Турции в войну на стороне Германии способно существенно осложнить обстановку как на суше, так и на море. Еще не были забыты дерзкие набеги на важные объекты черноморского побережья России германских быстроходных крейсеров «Гебен» и «Бреслау», ходивших под турецким флагом.

А в 1941 году выступление Турции на стороне фашистского блока означало немедленное появление в Черном море итальянских тяжелых крейсеров и линкоров! Надежно прикрытые германской авиацией от ударов британского флота, они вполне могли беспрепятственно миновать проливы, а затем оказать серьезное влияние на ход боевых действий на всем приморском направлении.

К счастью, правительство Турции извлекло уроки из прошлого и заняло выжидательную позицию, но военачальник должен учитывать и худший вариант развития событий. Вот почему постановка пассивных минных заграждений была целесообразной и вполне оправданной.

Третий день войны порадовал успехом Дунайской флотилии. Отразив атаки противника, ее моряки сами перешли в наступление, высадили десант в районе Килийского горла и совместно с 14-м армейским корпусом овладели румынским побережьем на протяжении 70 километров. Первый десант начавшейся войны и сразу удачный.

Но общее ухудшение стратегической обстановки не могло не сказаться на флоте. При эвакуации героически оборонявшейся передовой военно-морской базы Ливава были потеряны эсминец и пять бывших там на ремонте подводных лодок — их взорвали экипажи, чтобы они не достались врагу. Еще одну подводную лодку потопили торпедные катера противника. Кроме того, погибли четыре вспомогательных и транспортных судна, утрачено много ценного имущества...

Главная угроза флоту нависла со стороны суши, где никакой обороны предвоенными планами даже не предусматривалось. Ведь проект Полевого устава РККА 1939 года гласил: «Если враг навяжет нам войну, рабо-

че-крестьянская Красная армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника...» Теперь оборону приходилось создавать с нуля, буквально на ходу решая сложные вопросы взаимодействия с сухопутными войсками и авиацией.

12 июля Николая Герасимовича срочно вызвали в Кремль: ему предстояло участвовать в заключительном соглашении между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне. К этому времени Сталин уже провел длительные беседы с английским послом Стаффордом Криппсом, а в Москву прибыли представители британской военной миссии.

Благодаря отличному знанию адмиралом Кузнецовым состояния дел вопросы, касавшиеся флота, решили быстро. Вскоре его подпись появилась на итоговом документе рядом с подписью маршала Б. М. Шапошникова и самого Верховного главнокомандующего. А 28 июля в устье Северной Двины приводнилась летающая лодка «Каталина», чью хвостовую кабину стрелка занимал личный посланник президента США Гарри Гопкинс.

Встреча и проводы важного гостя были поручены адмиралу Кузнецову. Обед на яхте командующего Беломорской флотилией произвел на утомленного почти 20-часовым перелетом Гопкинса весьма благоприятное впечатление. Дальше — полет в Москву, решение вопросов о размерах помощи СССР и путях ее доставки.

Работали напряженно. Американца интересовали возможности портов и порядок проводки транспортов, а наркома ВМФ — современные радиолокационные и гидроакустические станции союзников. Ведь британский флот еще во время Первой мировой войны приобрел уникальный опыт борьбы с подводными лодками. А еще хотелось получить средства против магнитных мин, куда более коварных, чем обычные, якорные. Они уже доставили немало бед в акватории Севастополя, но британская сторона не спешила делиться секретами. Пришлось обратиться к ученым Ленинградского физико-технического института. На Черноморский флот прибыла специ-

альная группа во главе с И. В. Курчатовым и А. П. Александровым. С риском для жизни они раскрыли тайну оружия врага и разработали надежную защиту методом размагничивания корабельных корпусов.

Гарри Гопкинс завершил переговоры, но еще раньше сообщил телеграммой президенту Рузвельту, что Советский Союз полон решимости одержать победу в войне. Выяснение этого вопроса и было главным, секретным содержанием его миссии. В самом деле, зачем слать оружие тому, кто готов сложить его перед врагом?

Адмирал Кузнецов со своей стороны действовал решительно. Вскоре в Архангельске, Мурманске и Полярном разместились военные миссии союзников, в Лондон убыла советская, а в Главном морском штабе заработал отдел внешних сношений.

Флот стойко сражался и на уходящих в море флангах гигантского фронта, и в центре континента. Недаром адмирал Кузнецов так упорно занимался в предвоенные годы созданием речных флотилий, оснащением их современной техникой и оружием. Зато ныне Пинская и Дунайская военные флотилии, действуя бок о бок с общевойсковыми соединениями, показывают прекрасные результаты.

Но этого было мало. «Все русские реки и озера должны включиться в войну», — делает вывод нарком и, предвидя развитие событий, формирует Ладожскую, Ильменскую, усиливает Чудскую и Днепровскую, воссоздает Азовскую военные флотилии.

Избранный курс оказался верен, о чем свидетельствовали успехи речных кораблей. Так, ночью 3 августа к селу Гребни, где противник, готовясь форсировать Днепр, сосредоточил немалые силы и переправочные средства, приблизились монитор «Левачев», два бронекатера и плавбаза. Их орудийно-пулеметный огонь был внезапным и эффективным. Противник, охваченный паникой, метался в свете пожаров и прожекторов; тем временем подошла советская пехота и внезапной атакой завершила разгром. Более 600 убитых солдат и офицеров противника, разбитые автомашины, понтоны, мотоциклы и сорванная переправа — вот итог ночного боя.

Достиг также цели и дерзкий десант в тыл врага под Мурманском, в районе губы Западная Лица. Он предотвратил захват важнейшего порта гитлеровцами и позволил советским войскам закрепиться на подготовленных рубежах. А ведь в составе десанта числом в 2000 человек не было специально обученных подразделений морской пехоты, да и организация проходила в столь сжатые сроки, что все приказы и указания отдавались только устно.

К сожалению, отдельные тактические и даже оперативно-тактические успехи не могли изменить общую обстановку. Противник овладел Ригой и завязал бои за Таллин. Взять город с ходу не удалось: моряки, пехотинцы и ополченцы, опираясь на три созданных в короткие сроки оборонительных рубежа, стойко отразили все атаки.

Гитлеровское командование было вынуждено стянуть сюда войска с других участков, отвлекая их от главной цели — Ленинграда. Завершив планомерную подготовку, 19 августа противник вновь пошел на штурм. И снова неудача, во многом благодаря огню мощных орудий крейсера «Киров», двух лидеров, 9 эсминцев, а также бронепоездов. Гитлеровцы понесли тяжелые потери, но и возможности обороны иссякали.

Адмирал И. С. Исаков, представлявший флот при штабе северо-западного направления, распорядился продумать отвод флота еще 12 августа. Командующий направлением К. Е. Ворошилов, узнав о подготовке, предупредил, что об этом не может быть и речи.

Требовалась изрядная смелость, чтобы в предвидении худшего варианта развития событий все же начать вывоз материальных средств мелкими конвоями и на одиночных судах. Разумеется, втайне как от противника, так и от органов НКВД, иначе обвинение в поражечестве и паникерстве последовало бы неизбежно. Удалось почти полностью вывезти арсенал, немалую часть запасов технического имущества — его хватило на целых два года ремонтных работ, — эвакуировать почти 9 тысяч раненых, 17 тысяч женщин и детей.

Все это время адмирал Кузнецов пытался убедить

Верховного главнокомандующего в необходимости эвакуации и в конце концов добился успеха.

«А что, корабли еще в Таллине?» — спросил Сталин маршала Шапошникова, сменившего Г. К. Жукова на посту начальника Генерального штаба. Разумеется, приказ был отдан тут же, 27 августа в 11.00, а 29-го в 16.30 корабли уже прибыли в Кронштадт. Увы, далеко не все.

Удары авиации, а главное, мины отправили на дно более 100 судов и боевых кораблей, унесли почти 12 тысяч человеческих жизней. Потери огромные, но можно ли было избежать их в тех конкретных оперативно-тактических условиях? Если и да, то лишь частично, ибо главным фактором потерь являлось упущенное время.

Иногда, сосредоточивая внимание лишь на цифрах потерь, Таллинский переход сравнивают с разгромом русского флота при Цусиме, вызывая в подсознании горькое слово «поражение». Но Таллинский переход при всех его издержках поражением не был! Тогда, в мае 1905 года, 2-я русская Тихоокеанская эскадра перестала существовать, так и не достигнув цели долгого, тяжелого похода. В августе же 1941 года удалось спасти и ядро Балтийского флота, и достичь цели спонтанно подготовленной операции.

Для самого же адмирала Кузнецова Таллинский переход стал тяжелым воспоминанием на всю жизнь. Вновь и вновь возвращался он к тем дням, анализировал события и решения, размышлял...

Урок, полученный дорогой ценой, не будет забыт и пригодится в дальнейшем. Но и тогда флот в долгу не остался, ибо еще 8 августа по инициативе наркома ВМФ морские бомбардировщики с острова Эзель взяли курс на Берлин. Это был первый налет советской авиации на столицу рейха, а всего их в тот период произвели 10, причем подготовку каждого адмирал Кузнецов контролировал лично. Последние налеты состоялись 5 сентября, после чего наступление гитлеровских войск сделало их невозможными.

В это время Н. Г. Кузнецов находился в Ленинграде, куда прибыл в составе правительственной комиссии для

подготовки города к обороне. Он видел линкор «Октябрьская революция» — с носовой частью, разрушенной попаданием авиабомбы, тот стоял у стенки Балтийского завода и вел огонь по наседавшему противнику. Линкор «Марат» пострадал еще больше, но даже в таком состоянии эти корабли представляли собой грозную силу благодаря мощной артиллерии и средствам ПВО.

Помимо организации сил флота в обороне города адмирал Кузнецов имел еще одну, лично Сталиным поставленную задачу: заминировать корабли, чтобы взорвать их при угрозе захвата противником. Тяжело, но необходимо...

Обстановка между тем осложнялась. Внезапно в кабинете адмирала раздался телефонный звонок, и взволнованный женский голос сообщил, что немцы в районе Ивановских порогов вышли к Неве. Для проверки сообщения выслали катера, их обстреляли. Информация подтвердилась.

Противник рвался к городу, но встретил настоящую огненную стихию. К наземной артиллерии добавились орудия двух линкоров, трех крейсеров, двух лидеров, 9 эсминцев, береговых стационарных и железнодорожных установок, и даже 406-мм гигант на опытном полигоне. Централизованное руководство морской артиллерией осуществлял учитель наркома, контр-адмирал И. И. Грен.

Путь врагу преградили не только разрывы снарядов, но и моряки, сошедшие на берег, чтобы в составе морских бригад сражаться вместе с защитниками города.

20 сентября в состав грозного артиллерийского оркестра включились только что введенные 203-мм пушки недостроенного крейсера «Петропавловск», бывшего «Лютцов». Первые же его залпы нанесли противнику изрядный ущерб, но, когда гитлеровцы приблизились к стоянке корабля на расстояние всего четырех километров, преимущество оказалось на стороне многочисленной артиллерии вермахта. Получив 73 попадания, крейсер затонул практически сразу же, под огнем, был поднят, отбуксирован к стенке завода, замаскирован, отремонтирован и вскоре снова открыл огонь!

Если с ремонтом крупных и даже строительством небольших кораблей промышленность справлялась, то о новых крейсерах и линкорах пришлось забыть до самого конца войны. Работы по ним стали невозможны, и адмирал Кузнецов сосредоточил усилия на эсминцах, тральщиках, подводных лодках и катерах. Несмотря на трудности, нарком требовал, чтобы корабли строились качественно и обладали высокими боевыми свойствами. До конца первого года войны флот получил 14 эсминцев, 23 подводные лодки, тральщик и 97 катеров.

Поняв, что взять Ленинград с ходу не удастся, 19 сентября гитлеровцы начали переходить к обороне. В тот же день пришло сообщение о последних боях Пинской флотилии под Киевом, угроза захвата которого стала реальностью. Четыре монитора и бронекатера вели огонь по фашистским войскам на переправе, а когда закончились боеприпасы, моряки подняли сигнал «Погибаю, но не сдаюсь» и взорвали корабли. Прорыв флотилии в Черное море исключался, так как противник успел занять оба берега Днепра.

Были в действиях моряков и героизм, и тактическое мастерство, подчас незаурядное. Так, например, высадка морского десанта в районе Одессы, лишившая противника возможности обстреливать порт. Радовали не столько масштабы небольшой, но сложной операции — в составе морского был и воздушный десант, — сколько изящество замысла и четкость проведения. Руководил ею контр-адмирал С. Г. Горшков, некогда спасенный наркомом от скорого суда.

Анализ первых же высадок десантов подтвердил выводы еще мирного времени: флоту необходимы специальные части для ведения боевых действий на суше. Скоро они появились, причем в немалом количестве. Противник рвался к Москве, и 18 октября Государственный комитет обороны принял решение о формировании 25 морских стрелковых бригад. Создание их шло быстро, во многом благодаря контролю и личному участию наркома ВМФ.

Практически все эти новые соединения отличились в боях и покрыли себя славой. Обычно уступая в два ра-

за по численности стрелковой дивизии, морская стрелковая бригада была равна ей по боевым возможностям за счет высоких качеств личного состава.

Впрочем, накал сражения за столицу был таков, что в нем приняли участие не только морские бригады, но даже пушки, снятые с крейсера «Аврора» и доставленные под Москву!

Важные, требующие постоянного внимания адмирала Кузнецова события разыгрывались и на флангах гигантского фронта.

16 октября завершилась хорошо спланированная и умело проведенная эвакуация Одессы. Закончилась одна, длившаяся 73 дня, героическая эпопея, но началась другая, Севастопольская.

«Главной задачей Черноморского флота считать оборону Севастополя и Керченского полуострова, — гласила телеграмма за подписью Верховного главнокомандующего и наркома ВМФ. — Севастополь не сдавать ни в коем случае. Руководство обороной возложить на командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского с подчинением его вице-адмиралу Левченко».

Так по инициативе адмирала Кузнецова, на основе его глубокого анализа опыта обороны военно-морских баз устанавливалась система управления, объединявшая силы флота и сухопутные войска. При этом вице-адмирал Левченко, хорошо показавший себя при обороне Одессы, назначался командующим всеми войсками Крыма.

Первый штурм Севастополя начался 11 ноября и продолжался 10 дней без перерыва. Отразить его удалось во многом благодаря сокрушительному огню береговой и корабельной артиллерии флота. Сначала огневую поддержку сухопутных войск осуществляли три крейсера и пять эсминцев, базировавшихся в Севастополе, но вскоре авиация противника сделала их пребывание там невозможным. Теперь огонь по противнику вели все корабли, сопровождавшие транспорты с грузами для приморской крепости. Чтобы избежать поражения артиллерией гитлеровцев, им приходилось часто

менять позиции, но главную угрозу все же представляла авиация. 12 ноября в Севастопольской бухте от ее бомб затонул крейсер «Червона Украина», а два эсминеца получили тяжелые повреждения.

Ощувив силу приморской крепости, фон Манштейн, командуя 11-й армией вермахта, молниеносно провел перегруппировку и, продолжая атаковать Севастополь, стремительно обрушил главные силы на Керчь. Именно в это время там помимо вице-адмирала Левченко находились высокопоставленные представители Ставки — Л. З. Мехлис и Г. И. Кулик. Властные, самоуверенные и некомпетентные, они оттеснили командующего войсками Крыма от руководства, создав неразбериху в звеньях управления. Адмирал Кузнецов не раз ставил их на место, подчас в довольно резкой форме, но, разумеется, не мог контролировать каждый их безрассудный поступок.

16 ноября Керчь пала. Мехлис на этот раз сумел уйти от ответственности, «переведя стрелки» на других. Кулик был разжалован до генерал-майора и лишен звания Героя Советского Союза, а Левченко, смещенный с поста заместителя наркома ВМФ, стал капитаном 1-го ранга. Наказание могло быть куда более суровым, но спасло ходатайство адмирала Кузнецова.

Теперь фон Манштейн сосредоточил главные силы на штурме Севастополя, ибо не опасался деблокирующего удара. Чтобы облегчить положение защитников города, следовало вновь создать угрозу для противника извне. Задача имела только один способ решения — проведение самой сложной из всех совместных операций, морской десантной. А для ее планирования и осуществления нужны были не только специалисты флота, но и отлично подготовленные представители сухопутных войск. К счастью, именно таким и был начальник штаба Закавказского фронта генерал-майор Ф. И. Толбухин.

Адмирал Кузнецов одновременно видел, анализировал и предвидел много событий. В то время, как Черноморский флот участвовал в обороне Севастополя и готовил крупную десантную операцию, а морские стрелко-

вые бригады, речные и озерные флотилии сражались в центре континента, Балтийский флот завершал эвакуацию гарнизонов военно-морской базы полуострова Ханко и соседних островов. Они 165 дней оттягивали на себя значительные силы противника, не давая перебросить их под Ленинград, исполняя свой долг с мужеством и честью. Одних только самолетов «люфтваффе» сбили 46!

Вот когда сказался урок Таллинского перехода: 2 декабря эвакуация завершилась почти без потерь, и 23 тысячи опытных бойцов влились в ряды защитников Ленинграда.

Северный флот совместно с сухопутными войсками защищал подступы к важнейшим портам страны и готовился к проводке и встрече союзных конвоев с военной помощью, а в это время на Тихом океане... На Тихом океане обстановка складывалась тревожная.

В советском военно-политическом руководстве не сомневались, что мир с Японией шаток и ее правительство лишь выжидает удобный момент для нападения, наблюдая за ходом боевых действий на советско-германском фронте.

В первой половине ноября в районе острова Итуруп отмечалось появление крупных кораблей, включая авианосцы. Что это? Демонстрация с целью поддержать Гитлера или действительно подготовка к вторжению?

Палубная авиация способна к мощному удару по любому району огромного дальневосточного побережья Советского Союза... Но вдруг корабельная группировка исчезла. Где японская эскадра? Пропавшее объединение не давало покоя.

Загадка разрешилась внезапно, 7 декабря, когда советские войска перешли в решительное контрнаступление под Москвой, а Ставка утвердила план Керченско-Феодосийской операции. В этот день японская палубная авиация нанесла внезапный удар по главной военно-морской базе американского флота Пёрл-Харбор. Уничтожено 4 линкора и 4 повреждено, нанесены ощутимые потери в самолетах и живой силе. США вступили в войну.

И японский удар, и развернувшиеся на тихоокеанских просторах боевые действия подтвердили взгляды адмирала Кузнецова на возрастающую роль авианосцев в морских сражениях.

17 декабря войска фон Манштейна приступили к очередному штурму Севастополя, а тремя днями позже началась Керченско-Феодосийская морская десантная операция, крупнейшая из подобных, проведенных советскими Вооруженными силами. Подготовка ее шла в обстановке весьма динамичной, из-за чего войска, предназначенные к действию в составе десанта, получали новые задачи и планирование приходилось постоянно корректировать.

Остро сказывались и плохая погода, и отсутствие специальных десантных кораблей. Привлекали даже рыболовные шхуны, а всего в операции участвовали 300 кораблей и судов. Иногда удавалось высадить подразделения первого броска прямо на причал, как в порту Феодосии, но чаще применялся метод «Берег — корабль — берег»²⁷, и воины десанта следовали к пунктам высадки на гребных шлюпках, словно во времена парусного флота. Развернуть строительство десантных катеров до войны не удалось, теперь это и вовсе было невозможно.

Между тем противник подобными средствами располагал. И если крупные надводные корабли он по-прежнему старался держать против Англии, то в Балтийском и Черном морях его специальные быстроходные десантные баржи доставляли немало хлопот. Эти универсальные бронированные корабли благодаря малой осадке могли успешно действовать в шхерах, в узостях, на мелководье, а их 88-мм орудия представляли опасность даже для эсминцев. Обидно: ведь строить и применять специальные десантные корабли начали именно в России, еще в Первую мировую войну.

Позже нарком ВМФ нашел пути решения проблемы: по его приказу были спроектированы и построены специальные мотоботы «проект 165», всего более ста. Конечно, это не десантные корабли и даже не катера, но все же они позволяли быстрее преодолевать простре-

ливаемые ружейно-пулеметным огнем пространства и не пробираться к берегу по горло в ледяной воде, или даже вплавь.

Керченско-Феодосийская операция, несмотря на трудности, целенаправленно развивалась. Удалось захватить плацдармы на северо-восточном побережье Керченского полуострова и в феодосийском порту, высадить 6 дивизий и несколько отдельных частей. В начале января 1942 года весь Керченский полуостров был очищен от противника, и на освобожденных территориях развернулись войска вновь созданного Крымского фронта.

Фон Манштейн вынужденно ослабил натиск на Севастополь, но тут в качестве представителя Ставки на Крымский фронт отправился Л. З. Мехлис...

В самый разгар всех этих грозных событий адмиралу Кузнецову пришлось решать еще один сложный и важный вопрос. В конце октября 1941 года Верховный главнокомандующий приказал: «Вам нужно срочно отправиться на Северный флот. Не уверен, все ли там подготовлено для встречи союзников».

Николай Герасимович срочно вылетел в Архангельск, где уже работал штаб известного полярника И. Д. Папанина, только что назначенного уполномоченным по перевозкам на севере и получившего звание контр-адмирала. Вот когда пригодились испанские навыки организации морских перевозок!

Адмирал Кузнецов уточнял выделенные в помощь британским кораблям сопровождения силы, определял порядок взаимодействия с ними, проверял готовность к зимней проводке и разгрузке транспортов. Под его личным надзором ударными темпами ремонтировались и вооружались ледоколы, строились дополнительные железнодорожные пути. Часть из них вели по льду Северной Двины, толщину которого, по рекомендации профессора МГУ Н. Н. Зубова, увеличивали, заливая водой из пожарных насосов. Огромную работу проделали в рекордно короткий срок, а свежий опыт переброски железнодорожных грузов очень скоро вновь потребовался для прокладки знаменитой «Дороги жизни» через Ладогу.

Зимнее наступление советских войск продолжалось. Нарком ВМФ предпринимал энергичные меры для пополнения морской авиации новыми истребителями и бомбардировщиками, а гитлеровское командование уже вынашивало идеи реванша за провал плана «Барбаросса». Составной частью замысла являлся срыв арктической навигации, чтобы лишить СССР помощи союзников. К решению задачи привлекались до 20 подводных лодок, столько же эсминцев, четыре крейсера, из них три тяжелых, и даже линкор «Тирпиц».

Оценив трассу, которую обслуживали десятки боевых кораблей и до 800 торговых судов под флагами 12 стран, гитлеровские подводники избрали местом своих атак сравнительно узкий — около 350 километров — проход между мысом Нордкап и островом Медвежий.

Адмиралы противника наращивали силы. 11–12 февраля 1942 года они сумели организовать прорыв «карманных» линкоров «Шарнхорст» и «Гнейзенау» из французского порта Брест в базы Северного моря. Новые, 1936 года постройки, весьма совершенные для своего времени корабли, вооруженные девятью 280-мм и двенадцатью 150-мм орудиями, вполне могли стать настоящими «убийцами» конвоев, тем более что с ними вместе прорвались тяжелый крейсер и 9 эсминцев. А могущество зенитной артиллерии «карманных» линкоров было таково, что все попытки британской авиации помешать им заканчивались только потерями самолетов.

Помогли морские мины. Дважды подорвавшийся «Шарнхорст» надолго встал на ремонт в Вильгельмсхафене, «Гнейзенау» также подорвался на mine, затем, уже в базе, получил повреждения от авиабомб и так и не был введен в строй.

1 марта 1942 года от берегов Исландии двинулся очередной конвой PQ-1228. Помимо общего прикрытия он имел также собственное охранение, в состав которого входили авианосец «Викториес» и линкор «Король Георг V».

На перехват конвоя вышел линкор «Тирпиц». Британская подводная лодка вовремя обнаружила угрозу,

и самолеты с «Викториес» нанесли по «Тирпицу» удар торпедами. Линкор избежал попаданий, но, очевидно, помня о судьбе «Бисмарка»²⁹, предпочел не связываться с авианосцем и вернулся восвояси. Что ж, еще один довод в пользу авианосцев...

Британские моряки кораблей и судов в этих трудных переходах действовали совместно с советскими и заслужили самую высокую оценку. Даже в самых опасных ситуациях они проявляли высокую стойкость, подлинный профессионализм, сохраняли спокойствие и уверенность.

Старшими британских конвоев назначали опытных, бывалых, не один шторм повидавших морских волков. Советские моряки отдавали должное их умению, знаниям и мужеству. Иное дело лорды адмиралтейства, смотревшие на необходимость охраны конвоев как на тяжелую обузу. Советские корабли могли осуществлять прикрытие лишь на ближних подступах, вот и случалось, что конвой теряли до 7 транспортов за переход.

Зимнее контрнаступление советских войск, исчерпав силы, остановилось. Фронт на какое-то время стабилизировался, а затем последовали мощные и неожиданные удары противника.

...В начале мая адмиралу Кузнецову пришлось срочно лететь на Черноморский флот. Свирепый дилетантизм Мехлиса, подменившего командование Крымского фронта, парализовал как систему управления, так и сами войска.

Удар фон Манштейна оказался сокрушительным. Вскоре остатки разбитого фронта превратились в плотную многотысячную толпу, прижатую к берегу Керченского пролива. Катера Черноморского флота пытались эвакуировать людей, но часто сами гибли под бомбами и снарядами, да и принять они могли только малую часть солдат и офицеров.

Спасти удалось далеко не всех. Потери одними только пленными составили 176 тысяч человек! Кроме того, противник захватил артиллерийские орудия, боеприпасы, исправные автомашины и тут же обратил трофеи против Севастополя. Возможности войск фон Манштей-

на увеличили также уникальная 800-мм железнодорожная установка, 420-мм и 600-мм мортиры, прибывшие в его распоряжение.

Операция «Лов осетра» — так назвал фон Манштейн штурм приморской твердыни, — началась 7 июня. Стойко оборонялись защитники города, до последнего снаряда вели огонь береговые батареи, но силы были слишком неравны, а общая стратегическая обстановка слишком неблагоприятна.

Корабли под огнем противника доставляли боеприпасы, пополнение, эвакуировали раненых и гражданское население. Лидеру «Ташкент» удалось даже вывезти знаменитую панораму «Оборона Севастополя»; ее спасли прямо из горящего здания. Это был один из последних подвигов героического корабля. В конце июня он погиб под вражескими бомбами в гавани Новороссийска.

Эвакуация защитников Севастополя завершилась к 1 июля, но флот не смог переправить на Большую землю всех: противник захватил мыс Херсонес и обстреливал водные подступы к городу. Часть защитников ушли в горы и присоединились к партизанам. Фон Манштейн получил благодарность фюрера, звание генерал-фельдмаршала и приказ использовать свежеприобретенный опыт для штурма другой приморской твердыни — Ленинграда. Там его войскам вновь придется побывать под снарядами морской артиллерии, ощутить силу ударов авиации Балтийского флота, а сам штурм закончится неудачей.

Тем временем гитлеровские танки уже приближались к Волге. Вот когда сказала дальновидность адмирала Кузнецова, еще год назад предложившего создать здесь учебный отряд, позже преобразованный в Волжскую речную флотилию. Теперь ее час пробил!

Пятнадцать бронекатеров, 7 канонерок из вооруженных гражданских судов и 30 тральщиков; роль последних была очень велика, ибо противник, стремясь прервать речное сообщение, забрасывал Волгу минами, в том числе и магнитными.

Вопрос «О значении Волги и перевозок по ней» стал темой особого заседания Государственного комитета

обороны, чей весьма трудоемкий транспортный отдел возглавлял сам Сталин. Сразу же после заседания адмирал Кузнецов и нарком речного флота Шашков вылетели на Волгу, чтобы на месте решать важные задачи.

Итоги работы, проделанной в рекордно короткие сроки, впечатляли: так, в целях усиления ПВО были сформированы 200 отдельных зенитно-пулеметных взводов и 400 постов наблюдения, а 200 гражданских судов, почти все пригодные, переоборудованы в тральщики. Гремели взрывы, исчезали в воде объятые пламенем бронекатера, но движение по главной речной артерии не прекращалось.

Гигантская битва разгоралась, требуя все больше техники и вооружения, а тут в море разыгралась трагедия. Гитлеровские подводные лодки и авиация разгромили конвой PQ-17. Потери составили 24 судна, а с ними 430 танков, 210 самолетов, 3350 автомашин и тягачей. В холодных волнах погибли 153 моряка — англичан, русских, американцев.

Противник начал атаки с раннего утра 4 июля — что ж, дело обычное. Но вдруг случилось непонятное: корабли охранения по приказу адмиралтейства покинули конвой.

Винновником трагедии, конечно, являлся первый лорд адмиралтейства сэр Дадли Паунд, откровенно считавший охрану конвоев «камнем на шее британского флота» и не желавший рисковать крупными кораблями.

Он узнал, что «Тирпиц», оставив свою базу, двинулся на перехват конвоя, и отдал приказ, который Сталин в письме Черчиллю назвал необъяснимым.

Гитлеровский линкор ушел недалеко: он был атакован подводной лодкой Н. А. Лунина и вернулся на базу. Вот только в британском адмиралтействе об этом не знали, потому и стали беззащитные суда жертвами бомб и торпед.

Правда, британский историк Д. Ирвинг выдвинул иную версию. Он считает, что операция по проводке конвоя изначально планировалась как ловушка для «Тирпица», с приманкой из транспортных судов, чтобы подвести его под удар авианосца «Викториес» и огонь

двух линкоров — «Дьюк оф Йорк» и «Вашингтон». А раз так, то злополучный приказ был отдан еще до выхода гитлеровского «чудища» на охоту.

Разгром конвоя PQ-17 помимо крупного прямого ущерба принес и весьма ощутимый косвенный: сэр У. Черчилль воспользовался случаем, чтобы «заморозить» отправку очередных конвоев.

Реакция советского правительства была энергичной, ибо задержка даже одного-единственного судна вызвала озабоченность Верховного главнокомандующего. Для усиления Северного флота по приказу адмирала Кузнецова с Дальнего Востока сквозь льды, преодолевая неимоверные трудности, двинулись лидер «Баку» и два эсминца.

В то же время по внутренним северным коммуникациям на запад шел крупный караван транспортных судов. Германское военно-морское командование, получив разведывательную информацию, спланировало операцию «Вундерланд» и направило на его уничтожение тяжелый крейсер «Адмирал Шеер» и три подводные лодки.

25 августа 1942 года «Адмирал Шеер» обнаружил советский пароход «Александр Сибиряков» и, подняв американский флаг, потребовал сообщить обстановку. Хитрость не удалась. Командир «Сибирякова» старший лейтенант А. А. Качарова опознал рейдер по силуэту, о чем и передал сообщение в эфир открытым текстом. Затем последовал неравный бой, длившийся около 20 минут...

Сообщение принял капитан ледокола «Ленин» и решил вести суда сквозь льды в море Лаптевых. Благодаря подвигу «Сибирякова» время удалось выиграть, и, когда «Адмирал Шеер» подошел к ледовой кромке, караван уже скрылся из виду. Тогда крейсер двинулся к порту Диксон, разрушить который также имел приказ. Но там тоже получили сообщение «Сибирякова» и приготовились к бою. Встретив ожесточенное сопротивление береговых батарей и вооруженных судов, противник предпочел отступить: ведь серьезные повреждения для него в этих водах были равноценны гибели!

Меры по усилению Северного флота и настойчивость Верховного главнокомандующего в конце концов привели к тому, что 7 сентября к берегам Советского Союза отправился очередной конвой. Германское командование, воодушевленное успехом с PQ-17, решило повторить операцию. О масштабах развернувшегося сражения говорит хотя бы то, что британские моряки потопили 4 подводные лодки и сбили 40 самолетов противника. Советские моряки добавили к ним еще 6, а 20 уничтожила авиация Северного флота на аэродромах.

Но британское адмиралтейство, ссылаясь на потери — 14 транспортов³⁰, — все же отказалось выделять корабли прикрытия до конца года. Тогда адмирал Кузнецов сумел организовать доставку грузов отдельными транспортами, под прикрытием только эсминцев и тральщиков. Таким образом, грузопоток не прерывался, а процент потерь, вопреки ожиданиям скептиков, даже несколько снизился.

В это трудное время Николаю Герасимовичу приходилось решать не только морские, но и чисто «сухопутные» задачи. Так, из-за удаленности войск, защищавших полуострова Средний и Рыбачий от основных сил, их оборона была целиком возложена на Северный флот. Оценив обстановку, адмирал Кузнецов создал Северный оборонительный район в составе трех морских бригад, нескольких отдельных батальонов и береговых батарей под общим командованием генерала С. И. Кабанова, отличившегося при обороне полуострова Ханко.

Гитлеровские дивизии в Сталинграде все еще напрягали силы, а под Ленинградом Ладожская военная флотилия во взаимодействии с авиацией отразила попытку противника захватить небольшой остров Сухо и прервать снабжение города по «Дороге жизни». Разыгравшееся 22 октября сражение можно было бы смело назвать морским, не происходи оно в водах озера. В результате из 30 катеров и грозных десантных барж противника на свои базы вернулись только 13, да и то изрядно потрепанные.

19 ноября залпы советских орудий возвестили о начале контрнаступления под Сталинградом. Днем позже

погиб эсминец Северного флота «Сокрушительный». Не от бомб или торпед противника, а от шторма. Неприятности с эминцами этого типа, образцами для которых в свое время послужили рассчитанные на Средиземное море итальянские корабли, случались и раньше. Узнав о происшествии, застрелился контр-адмирал А. А. Жуков. Перед войной он ведал управлением кораблестроения для ВМФ и считал себя виновником крушения.

Адмирал Кузнецов сделал свои выводы: он думал уже о послевоенном флоте. Точнее, он никогда не переставал думать о нем, даже в самые напряженные дни Сталинградской битвы, где вместе с общевойсковыми соединениями сражались Волжская флотилия и две морские стрелковые бригады. Позже, оценивая роль флота в победе на Волге, маршал В. И. Чуйков сказал: «Если бы их (моряков) не было, 62-я армия погибла бы без боеприпасов и продовольствия и не выполнила своей задачи»...

В последний день уходящего 1942 года британские моряки преподнесли подарок: у мыса Нордкап они вступили в бой с тяжелым крейсером «Хиппер» и 6 эминцами противника. Ценой собственных потерь им удалось нанести тяжелые повреждения крейсеру, потопить один из эминцев и сорвать попытку гитлеровцев атаковать конвой. Этот бой, вошедший в историю как «новогодний», стоил поста гросс-адмиралу Э. Редеру. ВМС фашистской Германии возглавил адмирал К. Дениц, сторонник «подводной войны».

Роль подводных лодок, как показывали события, действительно возрастала. В первый период войны советским подводникам пришлось тяжело, особенно на Балтике, где малые глубины серьезно затрудняли их боевую деятельность. Случалось, форсируя минные поля, подводные лодки буквально ползли по грунту, так что днище полировалось до блеска. Потери в этих условиях были неизбежны, но и победы сверкали особенно ярко: например подводная лодка капитана 3-го ранга Е. Я. Осипова Щ-406 потопила пять транспортов противника, три из которых везли пополнение для группы

армий «Север». Приобретая ценный опыт, советские подводники только на Северном флоте и только в 1942 году торпедами и артиллерийским огнем потопили 46 транспортов и 5 боевых кораблей противника.

Адмирал Кузнецов предпринимал энергичные меры для того, чтобы повысить эффективность их действий еще больше. Пять подводных лодок «Малютка» были отправлены на Северный флот из Горького по железной дороге, еще пять, в том числе четыре типа С, перебрасывались туда с Каспия по речным системам, а 24 января 1943 года в Полярный прибыла первая из 6 подводных лодок типа К, направленных с Тихого океана.

Скрытно пройдя водами, где хозяйничали японские корабли, они спустились к экватору, прошли через Панамский канал в Атлантику, миновали районы активных действий гитлеровских подводных лодок, поднялись выше Северного полярного круга и оттуда двинулись к базам назначения. При этом две лодки, по просьбе наркома ВМФ, союзники во время перехода оснастили новейшими гидроакустическими и радиолокационными станциями, и еще четыре комплекта такой же аппаратуры отправили с ближайшими конвоями.

К сожалению, завершить героический переход удалось не всем: подводный корабль Л-16, находясь в 820 милях от Сан-Франциско, погиб в результате попадания торпеды неизвестной подводной лодки...

1943 год начался яркой вспышкой операции «Искра», положившей конец блокаде Ленинграда. Весомый вклад в ее успех внесла и морская артиллерия, чьи огневые позиции простирались от Кронштадта до устья Невы.

К исходу января советская армия освободила от противника северный берег Азовского моря, и адмирал Кузнецов тут же принялся воссоздавать Азовскую флотилию, словно предугадывая ее славное будущее. В Ейск потянулись железнодорожные составы с береговыми орудиями, катерами, малотоннажными кораблями, а главное, людьми, ранее служившими в этом объединении. Во главе флотилии был поставлен ее прежний

командующий, контр-адмирал С. Г. Горшков. Несколько месяцев спустя в ходе Донбасской наступательной операции Юго-Западного и Южного фронтов Азовская флотилия высадила десанты в районах Таганрога, Мариуполя и Осипенко. Все — в назначенное время, все достигли цели.

В это время по решению адмирала Кузнецова авиация Черноморского флота ставила минные заграждения с целью нарушения снабжения противника на Днестре и Дунае, а корабли начали уничтожение фашистских транспортных судов. Тогда же нарком ВМФ был ознакомлен с приказом Верховного главнокомандующего по освобождению Новороссийска, согласно которому флоту поручалась высадка десантов — основного в районе Южной Озерейки и вспомогательного в Станичках. Николай Герасимович позаботился, чтобы высадка, чьей непосредственной организацией занимался адмирал Ф. С. Октябрьский, была подготовлена как можно лучше.

27 января советские войска перешли в наступление, и, хотя оборону противника к востоку от Новороссийска прорвать не удалось, высадка основного морского десанта, включавшего также и небольшой воздушный, все же состоялась в ночь на 4 февраля. Но то ли аналитические способности гитлеровских штабистов, то ли тактическое чутье их командиров, заслуга разведки или утечка информации... Так или иначе, противник успел стянуть к Южной Озерейке дополнительные силы. А тут еще и шторм начался!

Высадку пришлось прекратить, а снабжение тех, кто уже сражался на берегу, стало невозможным. Двое суток упорно оборонялись десантники, а затем, получив приказ, сумели главными силами пробиться в Станички. Там обстановка складывалась по-иному: кораблям удалось внезапно приблизиться к берегу и высадить десант под командованием майора Цезаря Куникова.

Внимание противника было приковано к району Южной Озерейки, и все же бой принял ожесточенный характер. Мастерство и отвага помогли героям-черноморцам захватить плацдарм размерами до четырех километров по фронту и до двух в глубину.

Так вспомогательный десант, вопреки планам, стал основным. Командование, оценив обстановку, тут же принялось развивать успех. В последующие пять дней на занятый участок побережья высадили 15 400 человек с артиллерией и танками, а сам плацдарм, простиравшийся теперь от Мысхако до Станички, вошел в историю как Малая Земля. Он лишил противника возможности использовать порт Новороссийска, а в дальнейшем помог освободить и сам город, но тогда Ставка сочла операцию в целом неудачной. Над адмиралом Ф. С. Октябрьским нависла угроза наказания. Николай Герасимович сумел его спасти, добившись назначения командующим Амурской военной флотилией, а год спустя вернул на Черноморский флот.

Смена командования на отношении к Малой Земле не сказалась, и моряки, с риском идя вдоль занятого противником берега, продолжали доставлять на плацдарм пополнения, боеприпасы, продовольствие, артиллерийские орудия, автомашины и даже танки. Всего же на Малую Землю перевезли 78 тысяч человек — целую армию!..

Флот продолжал действовать и в сердце континента. Корабли речных флотилий обеспечивали огневую поддержку сухопутных войск и снабжение их по водным артериям. Только по Волге за лето 1943 года прошли 8 тысяч судов, доставивших армии более 7 миллионов тонн горюче-смазочных материалов.

«В победе под Курском есть и их вклад, — с похвалой отозвался Верховный главнокомандующий о моряках. — Но темпов подвоза горючего не снижать!»

Моряки наказ выполнили. К исходу лета волжские фарватеры были полностью очищены от мин, а боевые корабли со своими опытными экипажами по железной дороге перемещались к Днепру, где формировалась новая флотилия.

К этому времени опыт десантов у Южной Озерейки и Станички был уже тщательно проанализирован и адмиралом Кузнецовым, и офицерами штабов, и даже учеными академии. План следующей, Новороссийской морской десантной операции составляли скрупулезно,

рассчитывали по минутам, тщательно продумывая каждую деталь.

9 сентября 1943 года последовали удары войск Северо-Кавказского фронта со стороны суши, а в ночь на 10-е в порт и непосредственно сам город Новороссийск высадились морские десанты. Решительно, дерзко и очень умело! Успех операции обеспечили, с одной стороны, мастерство самих десантников, четкая, дружная совместная работа общевойсковых и морских штабов, а с другой — талант блестящего знатока тактики и оперативного искусства генерала И. Е. Петрова³¹, осуществлявшего руководство операцией, а также его заместителя по морской части вице-адмирала А. А. Владимирского³².

Овладение Новороссийском означало удар во фланг и тыл группировке противника на Таманском полуострове и неизбежно вело к развалу всего оборонительного рубежа, известного как «Голубая линия». Сама же морская десантная операция представляла собой часть более крупной, Новороссийско-Таманской, проводимой войсками Северо-Кавказского фронта совместно с Черноморским флотом. В ходе этого наступления моряки потопили почти 90 кораблей и судов противника, а летчики сбили 56 самолетов. Недаром в честь освобождения Новороссийска в Москве прогремел салют!

Адмирал Кузнецов наблюдал его из Кремля, обдумывая следующую десантную операцию, Керченско-Эльтигенскую. Цель — положить начало освобождению Крыма. Но подготовка даже к столь масштабной операции не могла заставить хотя бы на минуту забыть о двух ледоколах, «И. Сталин» и «Ф. Литке», необходимых для проводки союзных конвоев зимой в Белом море.

Вопрос об их переходе из порта Тикси решался Верховным главнокомандующим лично и находился под его контролем.

Тщательно продуманы маршрут, организация охранения, обеспечена высокая секретность, но все же гитлеровское командование узнало о переходе. Ледоколы всегда были желанной целью: уничтожить их — и целые караваны судов окажутся запертыми в северных

портах, а грузопоток будет сорван даже без трудных перехватов конвоев.

На охоту за ледоколами были отправлены крупные силы. Доклады об атаках подводных лодок следовали почти непрерывно, две из них удалось потопить, но путь впереди еще долгий...

Можно ли было в тех условиях решать иные, не связанные с текущими задачами вопросы? Можно и нужно, считал адмирал Кузнецов, думая о будущем флота. В том году Верховный главнокомандующий решил, взяв за образец старые кадетские корпуса, создать суворовские военные училища. Мальчики, оставшиеся без родителей вследствие войны, могли получить там прекрасное образование, строгое воспитание и военную подготовку, позволявшую выпускникам в случае необходимости сразу же занимать первичные офицерские должности в стрелковых войсках.

Но отчего же только в стрелковых? В России были не только кадеты, но и гардемарины! Нарком ВМФ тут же выступил с настойчивой инициативой, и почти одновременно с суворовскими были созданы и нахимовские училища, где мальчиков целенаправленно готовили к морской службе. Николай Герасимович вместе с руководством Ленинграда лично выбирал здание для училища, подбирал командные кадры, разъяснял им непротые педагогические задачи, заботился о быте, учебе и воспитании нахимовцев³³...

Сроки Керченско-Эльтигенской операции приближались. Сложность ее состояла в том, что десант здесь изначально лишался своего основного преимущества — внезапности. Возможности войск и флота позволяли нанести удар лишь через сравнительно узкий Керченский пролив, а гитлеровское командование, просчитав обстановку, организовало наиболее прочную оборону именно там.

Но не было бы счастья, да несчастье помогло: противник предпринял все необходимые меры и... тем самым усыпил собственную бдительность. Последнее обстоятельство поначалу способствовало успеху высадки в Эльтигене, начавшейся 28 октября в 5.00 после огне-

вой подготовки. Но в дальнейшем бои приняли характер затяжной и тяжелый.

Гитлеровцам удалось блокировать десант не только со стороны суши, но и с моря. Быстроходные десантные баржи с 88-мм орудиями были опасным противником. К «Огненной земле», как называли плацдарм, прорывались разве что отдельные катера с боеприпасами, пополнением и продовольствием. Да еще выручала авиация, доставившая около 400 тонн грузов. Но именно стойкость защитников плацдарма позволила Азовской флотилии в ночь со 2 на 3 ноября начать успешную высадку в районе Керчи.

А вскоре пришла радостная весть с севера: ледоколы «И. Сталин» и «Ф. Литке» благополучно прибыли к пункту назначения. За время перехода охранением были уничтожены достоверно две подводные лодки противника, еще две предположительно и одна повреждена.

6 декабря последовал приказ об эвакуации эльтигенского десанта. Посадка на катера, 8 из которых погибли, шла под огнем, многим пришлось возвращаться к исходному берегу на подручных средствах. Части десантников удалось, ошеломив противника дерзостью, занять Керчь, удерживать ее несколько суток, а потом закрепиться на горе Митридат. Другая часть, и немалая, имитируя колонну военнопленных, вышла к советскому плацдарму в районе Керчи и соединилась с войсками Отдельной Приморской армии.

Моряки доставляли туда все необходимое, проявляя чудеса изобретательности и храбрости: противник уже подтянул к Керчи несколько десятков быстроходных десантных барж, этих «морских танков». А поскольку советская промышленность была занята производством танков обычных, сухопутных, катерам Азовской флотилии то и дело приходилось вступать в неравный бой. Но плацдарм держался прочно, уверенно, что позволило Генеральному штабу приступить к разработке операции по освобождению Крыма, в замысле которой нашли отражение все предложения адмирала Кузнецова.

А пока внимание его вновь обратилось к северному крылу гигантского фронта, где готовилась операция по

окончательной ликвидации блокады Ленинграда. При этом Балтийский флот согласно решению генерала Л. А. Говорова обеспечивал переброску на Ораниенбаумский плацдарм войск 2-й ударной армии общей численностью почти в 54 000 человек, 2300 единиц авто-тракторной техники, сотни танков и артиллерийских орудий.

Под новый, 1944 год верные своим традициям англичане вновь преподнесли подарок: в бою у мыса Нордкап их снаряды и торпеды отправили на дно «карманный» линкор «Шарнхорст», вышедший было поохотиться на конвои. Хорошее предзнаменование в свете предстоящего снятия блокады Ленинграда!

Утром 14 января 1944 года 2-я ударная армия перешла в наступление. В огневой подготовке участвовали 305-мм орудия линкора «Марат» и форта «Красная Горка»; разрывы их снарядов были слышны за 20 километров! Следующим утром огневая подготовка началась и на красносельском направлении. Наряду с полевой артиллерией в ней участвовали более 200 орудий боевых кораблей, береговых батарей и железнодорожных установок флота.

Точный и сокрушительный огонь деморализовал противника. В ходе операции гитлеровские войска понесли значительные потери и были отброшены на 65 километров. Блокада Ленинграда была ликвидирована полностью и окончательно!

Признанием заслуг народного комиссара Военно-морского флота стало присвоение ему в феврале 1944 года звания «адмирал флота», а затем, 31 марта, утверждение в должности главнокомандующего этим видом Вооруженных сил.

Вскоре, 8 апреля, началась битва за Крым. Со стороны Перекопа удар нанесли войска 4-го Украинского фронта, а с Керченского полуострова навстречу им двинулась Отдельная Приморская армия во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской флотилией.

10 апреля пришло сообщение об освобождении Одессы и подвиге морского десанта под командованием старшего лейтенанта Ольшанского. Двое суток непрерыв-

ных боев, 18 отраженных атак противника, 700 уничтоженных гитлеровцев... Звания Героя Советского Союза были удостоены все 68 десантников. А менее чем через месяц советские моряки вернулись и в город русской морской славы, Севастополь; силы флота эффективно содействовали войскам 4-го Украинского фронта, обеспечивали надежную блокаду гитлеровского гарнизона с моря. На дно отправились 78 кораблей и судов противника, в том числе такие, как «Гейзерих», «Тейя» и «Тотила», на борту каждого из которых находились по несколько тысяч солдат и офицеров. Хорошо поработала и морская авиация: ее летчики в воздушных боях сбили 80 самолетов «люфтваффе».

31 мая главнокомандующему ВМФ было присвоено самое высокое военно-морское звание «адмирал флота Советского Союза».

Черноморский флот перебазировался на побережье Крыма. Следующая задача — содействие приморскому флангу 3-го Украинского фронта в ходе Ясско-Кишиневской наступательной операции и форсирования Дуная. Отсюда и новое название Азовской флотилии: теперь она стала Дунайской, ибо сомнений в достижении целей не было.

Тем временем Северный флот готовился к приему пополнения. В июле 1943 года Италия капитулировала, и флот ее, в соответствии с соглашением, подлежал разделу между союзниками. Но поскольку немедленное решение вопроса вполне могло настроить итальянцев против англичан и американцев, раздел отложили до конца войны. Советскому Союзу в качестве компенсации его доли предложили выдавший виды британский линкор «Ройял Соверин», 8 столь же бывалых эсминцев, четыре подводные лодки и американский крейсер «Милуоки». Разумеется, тоже далеко не новый. Тем не менее в совокупности эти корабли представляли довольно внушительную силу, и пренебрегать ею не следовало.

Адмирал Кузнецов отправился на Северный флот и лично руководил подбором экипажей, чья общая численность достигала трех тысяч человек. Верность адмиральского глаза сказалась, когда экипажи прибыли

в Англию и поразили своей квалификацией британских специалистов. «Русские прислали не моряков, а передетых инженеров», — писали газеты.

Работа шла быстро, и 17 июля 1944 года корабли под советскими флагами вышли в море, чтобы в составе охранения сопровождать очередной северный конвой. Гитлеровские подводные лодки атаковали настойчиво и яростно. И хотя две из них эсминец под командованием капитана 3-го ранга Л. Г. Андреева потопил, интенсивность атак не ослабевала.

Решение адмирала Кузнецова изменило ситуацию. По его приказу на борьбу с подводными лодками противника вышли все торпедные катера Северного флота, а морская авиация нанесла мощный удар по пунктам базирования.

Корабли прибыли без потерь. Линкор «Архангельск» и крейсер «Мурманск» (так теперь назывались бывшие «Ройял Соверин» и «Милуоки») использовались для противовоздушной обороны. Старые эсминцы сослужили хорошую службу, так как их противолодочное вооружение и приборное оборудование были вполне современными.

Советские Вооруженные силы наносили противнику один стратегический удар за другим, и в каждом из них участвовали силы флотов, речных флотилий, морская авиация, бригады и батальоны морской пехоты.

В июне 1944 года Ладужская флотилия высадила оперативный десант в устье реки Тулоксы. Огневую поддержку оказывали 18 бронекатеров и речных кораблей, а с воздуха высадку обеспечивали 234 самолета. Продуманная организация, четкое взаимодействие и целеустремленность обеспечили успех.

Тогда же одержала первую победу и только что созданная Чудская озерная флотилия. 13 июня два советских бронекатера встретили четыре катера противника в северной части озера. Бой маленьких кораблей проходил в полном соответствии с тактикой броненосных флотов XIX века: были здесь и кильватерная колонна, и прорезание неприятельского строя, и даже таран. Один из фашистских катеров отправился на дно Чуд-

ского озера, другие, получив повреждения, спешно ретировались.

Месяц спустя десант Онежской флотилии освободил Петрозаводск, а корабли Днепровской достигли Пинска. Впереди — русла Вислы и Одера. Как научились воевать, как выросло боевое мастерство матросов и офицеров!

На южном фланге в соответствии с планом Яско-Кишиневской операции самолеты Черноморского флота наносили удары по военно-морским базам Констанца и Сулина. К 25 августа бомбы и торпеды уничтожили более 50 кораблей и судов противника. Констанца как военно-морская база перестала существовать, а из Сулины гитлеровцы были вынуждены увести уцелевшие корабли, затопив поврежденные на рейде.

К этому времени Дунайская флотилия уже высадила на противоположный берег реки крупный десант (8100 человек с артиллерией, танками и мотоциклами), с ходу устремившийся в глубину обороны противника. Чуть позже последовала высадка у Жебрыаны. За три часа боя десантники овладели городом, уничтожили 1500 солдат и офицеров противника, еще 4400 захватили в плен, отрезав пути отхода приморской группировке фашистских войск. Собственные потери — 28 человек. Каков уровень военного искусства!

Черноморцы будто состязались с моряками Северного флота, одержавшими 19 августа крупную победу в бою у Варангер-фьорда. Менее чем за час 14 торпедных катеров бригады капитана 1-го ранга А. В. Кузьмина потопили там два эсминца, два транспорта, три тральщика, 7 сторожевых кораблей и катеров противника. При этом собственные потери составили всего один катер!

Черноморский флот уступать в доблести братьям по оружию не собирался. При содействии его удачных десантов были освобождены Вилково, Констанца, Варна, Бургас. Овладение главными портами Румынии и Болгарии означало полное изгнание противника из акватории Черного моря.

И снова внимание на Север. «Шарнхорст» лежал на дне, но другой линкор, «Тирпиц», все еще не давал

покою лордам адмиралтейства. Британские сверхмалые подводные лодки подвели под укrywшийся в норвежском фьорде линкор мощный заряд, летчики угостили его 15 попаданиями авиабомб, но бронированное «чудище» демонстрировало чудеса живучести. Опасения, что оно залижет раны и вылезет из норы, были реальны.

Для окончательного решения вопроса британским инженерам пришлось сконструировать специальную авиабомбу, а штабным офицерам вместе с советскими коллегами запланировать масштабную воздушную операцию. В этой работе лично участвовал и адмирал Кузнецов.

11 сентября более 40 тяжелых бомбардировщиков «ланкастер», поднявшись с аэродрома Лузимаут, взяли курс на Норвегию. Цель — «Тирпиц». Но низкая облачность закрыла его стоянку, и самолеты приземлились в районе Архангельска, где их подготовили к очередному вылету.

Следующим днем «ланкастеры» повторили налет. Небо над «Тирпицем» прояснилось, но германская система оповещения сработала безупречно, и линкор мгновенно скрылся в густой дымовой завесе. Бомбометание прошло почти наугад.

Опять неудача? Утешила британская агентурная разведка: согласно ее скорому донесению одна из бомб все же пробила борт линкора и взорвалась в районе килля. Там зияла огромная пробоина, в которую хлынула вода. Девять месяцев ремонта как минимум «Тирпицу» были обеспечены!

Англичане ликовали. Все участники операции, в том числе и советские, получили награды от короля...

Осень 1944 года принесла новые победы на суше и на море. И как всегда, заботы о зимней навигации. На этот раз непосредственное руководство переходом конвоя с ледоколами осуществлял командующий Беломорской флотилией вице-адмирал Ю. А. Пантелеев. Он разработал детальный план операции, доложил его командующему ВМФ и попросил разрешения соблюдать полное радиомолчание во время перехода.

Николай Герасимович согласился. Он знал, что именно этот прием помог японской эскадре незаметно проделать огромный путь от острова Итуруп до Пёрл-Харбора. Так почему бы не использовать чужой опыт в интересах Советского Союза?

В октябре конвой из 24 кораблей и судов покинул порты Заполярья. Вскоре Верховный главнокомандующий поинтересовался местом его нахождения, но ответа на радиозапросы не было. Беспокойство нарастало и в урочный день достигло предела: конвоя не было!

Правда, спустя сутки корабли объявились в Молотовске. Все до единого, без потерь. Причиной небольшой задержки стал обычный шторм, о чем вице-адмирал Пантелеев и доложил наркомку по телефону.

— Почему вы не ответили на две радиограммы, командующего флотом и мою? — услышал он в ответ голос человека, находившегося под впечатлением недавней встречи со Сталиным. — Почему молчали?

— Товарищ нарком, — произнес вице-адмирал, — вы мне лично в Москве приказали соблюдать полное радиомолчание, и я не осмелился нарушить ваш приказ.

Некоторое время в трубке слышалось тяжелое дыхание, затем прозвучало:

— Правильно сделали. У меня все...

1945 год начался сражением на дипломатическом фронте. Ялтинской конференции предстояло определить контуры послевоенного устройства в мире и решить вопросы заключительного этапа войны. А нарком ВМФ должен был обеспечить глав делегаций надежной связью, подготовить аэродромы и стоянки для кораблей с обслуживающим персоналом. Но главным оставалось личное участие в переговорах.

Первое заседание состоялось вечером 4 февраля. Союзники интересовались, скоро ли советские войска освободят Данциг: там находился крупный центр гитлеровского подводного флота, наносившего большой ущерб Великобритании. Участники конференции еще не знали, что советская подводная лодка С-13 капитана 3-го ранга А. И. Маринеско дерзкой атакой потопила

огромный лайнер «Вильгельм Густлов», а чуть позже — и «Генерал Штойбен», на борту которых находились экипажи новейших подводных кораблей противника и специалисты учебного отряда. Основным же вопросом, волновавшим американцев и англичан, было участие СССР в войне с Японией. Перспективы секретных работ над атомной бомбой пока еще оставались туманными, и победа на Дальнем Востоке, по расчетам специалистов, могла потребовать еще года два времени, немалых усилий и более миллиона человеческих жизней.

Стороны пришли к соглашению, в соответствии с которым Советскому Союзу возвращались права, утраченные в результате нападения Японии в 1904 году, включая южную часть острова Сахалин и все прилегающие к нему острова, обеспечивались преимущественные интересы в интернационализированном Дайрене. Восстанавливалась также и аренда Порт-Артура. Особое внимание адмирала Кузнецова привлекал третий пункт соглашения; он гласил о передаче СССР Курильских островов, имеющих исключительно важное стратегическое значение.

Военно-морские интересы союзников представляли два известных адмирала — британский Э. Каннингхэм, стяжавший славу победами на Средиземноморье, и американский Э. Кинг, «архитектор победы на Тихом океане». Оба старые морские волки, бывалые, опытные, настоящие знатоки своего дела.

Советский адмирал постарался выяснить, не предусматривают ли военно-морские силы США ведение боевых действий в этом районе. Ведь японский флот, несмотря на потери, насчитывает 500 кораблей и представляет внушительную силу. Оказалось, что рассчитывать следует лишь на собственные возможности. Правда, американская сторона обещала предоставить на время кампании 250 различных кораблей, до фрегата включительно, — разумеется, с возвратом (но поставила впоследствии только 10).

11 февраля конференция завершила работу. Президент Рузвельт отбыл на родину, британский премьер-

министр немного задержался, чтобы поклониться могиле своего родственника, Джона Черчилля, на английском кладбище в Севастополе, адмиралы вернулись к обычным делам...

Советские армии стремительно шли на запад, а вместе с ними шли и корабли речных флотилий. Они участвовали в освобождении Белграда, Будапешта, Вены и Берлина. С честью выполнили свои задачи флоты Балтийский и Северный; Черноморский, внося достойный вклад в освобождение Южной Европы, к этому времени уже был выведен из числа действующих.

9 мая прогремели залпы салюта Победы. А накануне, 8-го, президент Г. Трумэн, сменивший скончавшегося Ф. Д. Рузвельта, предпринял шаг резкий и неожиданный. Ни с кем не советуясь, он подписал приказ о значительном сокращении поставок в СССР.

Недружелюбный жест встревожил многих трезвомыслящих политиков, в том числе и в США. Гарри Гопкинс, несмотря на ухудшение здоровья, вылетел в Москву, чтобы смягчить ненужное обострение отношений: приближалась Потсдамская конференция.

Столица же ликовала, как и вся страна. Апофеозом торжества стал Парад Победы 24 июня 1945 года. Чекая шаг, срывая аплодисменты, прошел в тот день по брусчатке Красной площади и сводный полк моряков. А после, на праздничном приеме в Георгиевском зале Кремля, Николай Герасимович выслушал немало теплых слов от прославленных маршалов и генералов: почти каждому из них довелось взаимодействовать с флотами и флотилиями, почти у каждого в составе были морские бригады и батальоны. Да и сам Верховный главнокомандующий, поднимая бокал, предложил «выпить за тех, кто нам очень нужен во время войны, но о ком потом быстро забывают». Думалось ли тогда, что слова тоста окажутся пророческими?

Подготовка к Дальневосточной военной кампании велась напряженно, в глубокой тайне, параллельно с кампанией дипломатической — участием в работе Потсдамской конференции. Здесь Николай Герасимович снова встретил американского адмирала Э. Кинга;

тот и предложил избрать советского коллегу председателем комитета по разделу трофейного флота фашистской Германии.

Вопрос стоял крайне остро. Уинстон Черчилль считал, что поскольку Великобритания больше всех пострадала от гитлеровского флота на море, то и большая часть трофеев должна принадлежать ей. На предложение разделить все поровну он реагировал весьма болезненно, тогда глава советской делегации посоветовал отложить решение вопроса. Сэру Уинстону предстояло ехать в Англию, где приближались очередные выборы, а победить на них, по расчетам Сталина, должны были лейбористы.

Так и вышло. И хотя британский дипломат Робертсон делал все, чтобы его стране досталась бóльшая часть кораблей, без поддержки Черчилля ему было трудно противостоять двум адмиралам, советскому и американскому.

Позиция США объяснялась просто: Россия, даже получив треть трофейного флота, еще не скоро станет океанской державой, если станет ею вообще. А вот Британия как бы не возродила свою былую морскую мощь! Нет, отныне на океанских просторах у Соединенных Штатов конкурента быть не должно! Да и зачем получать меньше, если есть возможность получить больше?

В конце концов трофейный флот разделили на три примерно равные части, а затем кинули жребий. С легкой руки адмирала Кузнецова Советский Союз получил 696 кораблей и судов, США — 590, а Великобритания — 505. Многие из полученных тогда кораблей еще долго служили под советским флагом, а прекрасные четырехмачтовые барки «Крузенштерн» и «Седов» на полных парусах вошли в XXI век.

Теперь вылет из предместий Берлина в Читу, к маршалу А. М. Василевскому. Противник был весьма серьезный, держался вызывающе, до сих пор не упускал случая обстрелять советские торговые суда, а число задержанных им с 1941 года транспортов приближалось к двум сотням. Соотношение же сил довольно асимметрично: из надводных кораблей основных классов Тихоокеанский флот располагал только двумя крейсерами,

лидером и 12 эсминцами. Зато имелось 78 подводных лодок, а число самолетов морской авиации удалось довести до полутора тысяч.

Адмирал Кузнецов постарался усилить флот моряками с опытом войны на западе. Тщательно были рассчитаны, составлены, согласованы с действиями сухопутных войск и авиации планы, налажена интенсивная боевая подготовка, в ходе которой особенно оттачивалась высадка морских десантов...

8 августа советское правительство объявило Японии войну. К этому времени флот уже пребывал в готовности. Результаты первых же атак с воздуха и с моря оправдали самые смелые ожидания: менее чем за 48 часов летчики морской авиации уничтожили и повредили более 30 кораблей противника. Десанты, несмотря на штормовую погоду, захватили порты Юкки и Расин.

Соотношение потерь — 1:40 — более чем красноречиво говорило об уровне боевого мастерства советских матросов, старшин и офицеров, об искусстве командиров и штабов.

К 16 августа пал и наиболее укрепленный порт, Сейсин, где бои с гарнизоном в 4000 человек носили особенно напряженный характер.

В ходе боя за высадку наиболее отличились капитан 3-го ранга Г. В. Терновский и 25 моряков-добровольцев, сквозь штормовые волны пришедшие на помощь передовому отряду.

«Это тот самый офицер, который еще под Новороссийском предложил устанавливать «катюши» на торпедные катера», — вспомнил адмирал Кузнецов, подписывая представление к званию Героя Советского Союза...

Поступали донесения об успешных действиях воздушных десантов флота по овладению Дайреном и Порт-Артуром, а Николай Герасимович уже думал над планами следующих операций. После освобождения Южного Сахалина с трудной высадкой в порту Отомари на очереди были острова Курильской гряды. Развита в инженерном отношении оборона, танки, базовая авиация на 9 аэродромах, артиллерия, гарнизоны общей численностью до 8000 человек...

17 августа десантные отряды в сопровождении боевых кораблей вышли из Петропавловска и взяли курс на остров Шумшу. Густой туман способствовал внезапности. Моряки в холодной воде где шли, а где плыли к берегу. Противник, опомнившись, открыл сильный огонь, но тут боевые корабли обрушили на него свои снаряды, а в небе загудели эскадрильи советских бомбардировщиков.

Не менее блестяще, чем Тихоокеанский флот, действовала и Амурская военная речная флотилия, получившая к началу кампании новые, удачные мониторы и бронекатера. Укомплектованные моряками, прошедшими бои на Волге, Днепре и Дунае, они исключительно четко взаимодействовали с сухопутными войсками, оказав им существенную помощь в овладении городами Цзямусы и Саньсин. Высадка же десанта с целью захвата важной базы противника Фуцзинь на реке Сунгари была отмечена особо, ибо с точки зрения военного искусства заслуживала самую высокую оценку.

18 августа поступило сообщение о капитуляции Квантунской армии. Корабли Амурской флотилии прибыли в Харбин. Сунгариская флотилия противника была захвачена и разоружена. Тем не менее сопротивление продолжалось, и на ключевом острове Курильской гряды сломить его удалось лишь к 22 августа. За ним последовали остальные острова, да так быстро, что Верховный главнокомандующий в шутку напомнил по телефону: «Не вздумайте высаживаться на Хоккайдо!»

К 1 сентября флот полностью выполнил свои задачи, а на следующий день на борту американского линкора «Миссури» состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии. Заслуги моряков в кампании были высоко отмечены: 43 из них стали Героями Советского Союза. А 14 сентября Золотая Звезда засияла и на груди адмирала Кузнецова.

В это время Николай Герасимович уже вернулся в Москву: Верховный главнокомандующий вызвал его для решения вопросов о новой кораблестроительной программе еще до окончания боевых действий. Работа

предстояла титаническая. Флот Советского Союза, так и не успев стать океанским, в ходе войны понес большие потери, — только среди надводных кораблей они достигали 50%.

К осени 1945 года Вооруженные силы СССР действительно были первыми в мире на суше; но на море... Увы, положение дел на море являло совсем иную картину. США, закончив боевые действия, имели 29 ударных и 79 эскортных авианосцев, 23 линкора, 75 крейсеров и 872 эсминца. Британский флот хотя и уступил пальму первенства американскому, но выглядел также внушительно: 51 авианосец, 14 линкоров, 62 крейсера!

Советский Союз располагал только тремя старыми линкорами и 9 также не новыми крейсерами; еще 48 эсминцев с предельно изношенными механизмами — вот и все надводные силы. Что же касается авианосцев, ставших в ходе войны подлинными властителями морей, то их не было вовсе.

Адмирал Кузнецов понимал, что без новых кораблей будущий океанский флот немыслим. К таким же выводам пришли ученые Военно-морской академии и специалисты Главного морского штаба.

5 сентября нарком ВМФ на заседании политбюро уже докладывал план, согласно которому предлагалось построить 9 больших и 6 малых авианосцев. Но мешал шум в зале: это Н. С. Хрущев сопровождал его речь своими комментариями, а потом и вовсе стал перебивать докладчика. Не помогло даже замечание Сталина. И тут терпению адмирала пришел конец.

— Послушайте, Никита Сергеевич! — воскликнул он. — Вы мне мешаете докладывать, ведь вы ничего не понимаете в этом вопросе!

Хрущев замолчал, затаив обиду.

Споры о плане разгорелись жаркие, и камнем преткновения различных мнений стали именно авианосцы. Решающее слово принадлежало Сталину, а он, отдавая должное военно-морской мощи как инструменту внешней политики и в то же время трезво оценивая возможности послевоенной страны, пришел к выводу, что об океанской стратегии в ближайшей перспективе даже

речи быть не может. Но и к «москитному» флоту возвращаться не стоит.

Основой могущества флота на данном этапе должны были стать мощные артиллерийские корабли, взаимодействующие с авиацией берегового базирования. А коль скоро они будут находиться под прикрытием своих истребителей, то... заодно были отклонены и предложения по усилению ПВО корабельных группировок.

В окончательном виде программа предусматривала строительство четырех тяжелых и 30 легких крейсеров, 188 эсминцев, более 300 подводных лодок, а также сотен различных катеров и вспомогательных кораблей. Ответственность за ее осуществление была возложена на Л. П. Берия; освобожденный к этому времени от руководства НКВД, он стал заместителем председателя Совета народных комиссаров, курируя оборонную промышленность и в первую очередь «ядерный проект».

Адмирал Кузнецов смог все же отстоять если не строительство, то хотя бы плановое проектирование авианосцев. Что ж, это тоже шаг на пути к океанскому флоту.

Осуществление кораблестроительной программы шло с большим трудом: послевоенная разруха влияла на все стороны жизни, в том числе и на быт моряков. А о людях главнокомандующий ВМФ никогда не забывал. Он часто посещал военные городки, при общении узнавал о нуждах матросов и офицеров. «Беседовать с ним, — вспоминали моряки, — было легко, полезно и интересно».

В одном из гарнизонов Николай Герасимович обнаружил недостаток продовольствия для семей офицеров и распорядился выдать им по два пайка из неприкосновенного запаса.

«Благополучие моряков для меня выше, чем мое собственное благополучие», — ответил он на предупреждение о возможных неприятностях. А они ждать себя не заставили: «сигналы о самоуправстве» дошли до самого Сталина. К счастью, обошлось...

Между тем основания для опасений имелись: в пер-

вый же послевоенный год аресту подверглись 945 руководителей армии и флота. А вскоре грянули организационные изменения. В феврале 1946 года наркомат ВМФ был упразднен, его структуры включили в наркомат вооруженных сил, преобразованный в министерство обороны. Таким образом, адмирал Кузнецов лишился права прямого обращения к главе государства.

Н. А. Булганин, замещавший в ту пору должность министра, не преминул указать бывшему наркому на изменение его статуса, причем способом весьма своеобразным: приказал выселить несколько управлений флота из их помещений. Тогда Николай Герасимович, нарушая субординацию, все же обратился к Сталину и получил поддержку.

Булганин пришел в ярость, заявил, что «знает, как варится кухня», и обещал запомнить этот случай.

Адмирал скорее всего особого значения его словам не придал. Забот и без того хватало. Например, нужно было организовать прием и перегон в черноморскую базу итальянского линкора «Джулио Чезаре», подлежащего передаче СССР.

Между тем группа политиков, оттесненных в силу обстоятельств от центра власти в предыдущие годы талантливыми военачальниками и руководителями народного хозяйства, перешла в решительное наступление с использованием всех органически присущих им способов «подковерной борьбы». Цель — высшие посты в государстве и партии после ухода Сталина. Возможные конкуренты безжалостно устранялись.

В 1946 году был смещен с поста главнокомандующего сухопутных войск маршал Г. К. Жуков. Отношения между прославленным полководцем и «моряком № 1» теплыми, к сожалению, никогда не были. Возможно, на взгляды маршала повлиял кто-либо из старых военных специалистов, считавших флот виновником неудач еще царской России, или сказались особенности служебного пути и формирования оперативно-стратегических воззрений. Да и независимое положение наркома ВМФ, обладавшего к тому же твердым характером, вряд ли могло не раздражать властного военачальника,

когда он возглавлял Генеральный штаб, а позже был заместителем Верховного главнокомандующего.

В тот июньский день заседание Высшего военного совета обернулось для Г. К. Жукова настоящим ударом еще и потому, что он подвергся атаке со стороны тех, от кого подобного никак не ожидал. А вот адмирал Кузнецов от обвинений воздержался. Позже Георгий Константинович высказал ему за это признательность. Казалось, в отношениях выдающихся военачальников грядут благоприятные перемены, но увы...

Примерно тогда же адмиралу Кузнецову позвонил Сталин и предложил разделить Балтийский флот на два самостоятельных.

Николай Герасимович попросил пару дней для тщательного изучения вопроса, а затем, ссылаясь на общее мнение членов Главного морского штаба, ответил, что на данном театре целесообразно иметь одного оперативного начальника. О том, что в основе странной идеи могут лежать соображения характера отнюдь не военно-стратегического, а чисто политического, — например, связанные с подготовкой «Ленинградского дела», — он и не думал.

Последствия «недальновидности» наступили скоро, ибо «кухня», которой угрожал Н. А. Булганин, «варилась» непрерывно. В первые дни 1947 года адмирал Кузнецов был отстранен от должности и назначен с понижением начальником управления военноморских учебных заведений. Флот возглавил адмирал И. С. Юмашев.

Телефоны смолкли, как по команде. Немногие теперь осмеливались поддерживать общение с опальным адмиралом. Зато появилось свободное время, и Николай Герасимович впервые за многие годы поехал отдыхать на Рижское взморье.

Как-то жарким днем он, разумеется в штатском, зашел в станционный буфет поселка Дзинтари. В зале царил веселый шум, а все столики были заняты молодыми лейтенантами, только что закончившими военноморское училище. Увидев бывшего главнокомандующего, офицеры дружно встали и замерли в положении «смир-

но». Николай Герасимович смутился, тихо сказал «спасибо», вышел на платформу и долго стоял, глядя на море...

А судьба уже готовила очередной удар. Все началось с жалобы капитана 1-го ранга В. И. Алферова, что сконструированную им торпеду три года назад передали англичанам на правах взаимной информации. На самом деле торпеда оказалась итальянской, купленной еще в 1935 году и производившейся в СССР по лицензии. Отечественным в ней был только парашют с поворотным тросом.

В 1944 году адмирал Кузнецов действительно обменял ее на британский электромагнитный трал, ибо противник засыпал Финский залив магнитными минами. Когда же специалисты включили новый трал, на Красногорском рейде Кронштадта одновременно грянули, 17 взрывов!

Что и говорить, сделка выгодная. Но она послужила толчком для возбуждения так называемого «адмиральского дела», в ходе которого «всплыла» и другая торпеда, куда более опасная...

30 июня в районе Койвисто подводная лодка противника готовилась атаковать стоявшие на рейде советские эсминцы. Намерениям ее помешали катера — «морские охотники». Первый из них погиб — попадание торпеды, выпущенной уходившей подводной лодкой, было необъяснимым, но очевидным. Зато второму катеру удалось накрыть противника глубинными бомбами.

Вскоре на поверхность всплыли шестеро уцелевших членов экипажа во главе с командиром, корветтен-капитаном Вернером Шмидтом. Его странное поведение на допросе — о вооружении подводной лодки он явно говорить не желал — и повышенное внимание противника к месту потопления вызвали определенные подозрения.

Лодку с риском для жизни обследовали водолазы и при первой же возможности подняли и отбуксировали в Кронштадт. Тогда-то и открылась тайна: торпеды с гидроакустической системой самонаведения! От этих новинок уже пострадали 24 британских корабля и транс-

порта, в том числе и те, что шли в Советский Союз с важными грузами.

Последнее обстоятельство делало передачу торпеды союзникам целесообразной. Кроме того, «информационный бартер» давал возможность получить новые радиолокационные и гидроакустические станции, в работе над которыми все еще чувствовалось некоторое отставание. Самым же главным было то, что торпеду передали с личного разрешения Верховного главнокомандующего. Но об этом обстоятельстве адмирал Кузнецов предпочел умолчать, несмотря на откровенно наводящие вопросы председателя суда чести маршала Л. А. Говорова.

Прославленный военачальник счел вину бывшего главнокомандующего ВМФ, а также адмиралов Л. М. Галлера, В. А. Алафузова и вице-адмирала Г. А. Степанова недоказанной, с чем и отбыл в Кремль для доклада.

Казалось бы, в деле можно ставить точку, но нет! В кампанию активно включился Н. А. Булганин, ставший к этому времени военным министром. 3 февраля 1948 года генерал-полковник В. В. Ульрих, известный по громким политическим процессам, огласил решение военной коллегии Верховного суда СССР: В. А. Алафузова и Г. А. Степанова приговорить к 10 годам лишения свободы, Л. М. Галлера — к четырем. Что же касается Н. Г. Кузнецова, то коллегия постановила ходатайствовать о снижении его в звании до контр-адмирала.

— Почему вы не сказали суду, что я разрешил вам показать в Кронштадте союзникам немецкую подводную лодку и снять чертежи с новейших немецких торпед? — сурово спросил Сталин при личной встрече. — Или вы забыли об этом?

— Я не хотел ссылаться на вас, — ответил адмирал. — Меня бы суд не понял.

Генералиссимус отправил его в Хабаровск заместителем командующего войсками Дальнего Востока по морской части.

Кто-то из прежних знакомых отвернулся от опального адмирала, кто-то злорадствовал, кому-то даже сей-

час не давали покоя его авторитет и заслуги. Иначе откуда взяться таким, например, кляузам, что-де во время Потсдамской конференции адмирал Кузнецов вывез ценные предметы из дома, в котором располагался? К счастью, Николай Герасимович, «сын своего времени», принял и сдал находившееся в особняке имущество по описи, а потому легко отшел обвинение. Да и обыск, проведенный у него даче с целью обнаружения «предметов роскоши», тоже ничего не дал.

Но были и другие люди, такие как маршал Р. Я. Малиновский, знавший Николая Герасимовича еще по Испании. В 1950 году он представил своего заместителя по ВМС к ордену Красной Звезды. Уже за новые заслуги! А вскоре контр-адмирал Кузнецов был назначен командующим 5-м Военно-морским, или Южно-Тихоокеанским, флотом.

Хорошо знакомое дело пошло, и год спустя он уже привыкал к званию «вице-адмирал». В Москве же очередная реорганизация привела к воссозданию самостоятельного военно-морского министерства. Сначала его возглавил адмирал И. С. Юмашев, но довольно скоро Сталин, вплотную занимавшийся строительством «Большого флота», пришел к выводу, что руководить столь сложным процессом должен не просто очень хороший строевой командир, но человек с подлинно стратегическим кругозором и концептуальным мышлением.

Весть о возвращении любимого главнокомандующего морские офицеры встретили как праздник. Чувство надежды и радости им давало то, что во главе флота вновь оказался прекрасный специалист, человек большого ума и чуткой души.

Вместе с должностью вернулись и погоны адмирала флота; сам же Николай Герасимович немедленно обратился к Сталину с ходатайством о невинно пострадавших соратниках. Но удалось добиться лишь облегчения условий содержания узников.

Задачи перед военно-морским министром стояли масштабные, и адмирал сразу же приступил к их решению. Первым шагом стал доклад с хорошо продуманными предложениями о создании так называемого «сба-

лансированного флота», где надводные корабли различных классов, подводные лодки, морская авиация, береговые части и инфраструктура находились бы в строгом, научно обоснованном соотношении. Кроме того, он вновь поднял вопрос о строительстве авианосцев и оснащении флота средствами ПВО в большом количестве и лучшего качества.

Основания действовать без промедления имелись, причем достаточно веские. И Кузнецову, и тем более самому Сталину было хорошо известно, какие планы отработывают на учениях бывшие союзники.

Адмирал ясно понимал значение новых средств вооруженной борьбы на море. Использование атомной энергетики в кораблестроении, прежде всего подводном, развитие радиоэлектронных и гидроакустических средств, системы связи и управления, различные аспекты революции в военном деле, связанной с появлением ядерного оружия, — он успевал, внимательно изучив проблемные вопросы, затем руководить процессом внедрения нового на основе прочных, фундаментальных знаний.

Особое внимание министр уделял ракетному оружию. Работы здесь велись предельно интенсивно, и все же, согласно трезвой оценке обстановки, требовалось еще не менее 10 лет, чтобы ракеты различных классов и назначения достигли необходимой степени совершенства.

Следовательно, в ближайшей перспективе основой флота должны были стать тяжелые крейсера типа «Сталинград». При водоизмещении в 36 тысяч тонн они будут настолько стремительны, что смогут настигать и громить в океанских просторах более легкие корабли противника, уходить от более крупных, а у родных берегов, взаимодействуя с морской авиацией, зададут «трепку» кому угодно.

Главной же «изюминкой» этих кораблей являлись 9 305-мм орудий, установить которые предложил сам Сталин. И дело не только в мощном «линкорном» калибре, который в недалеком будущем обеспечит применение даже ядерных снарядов. Дальность огня этих

пушек, весьма точных и скорострельных, превышала 127 километров! Что же касается противовоздушной мощи советских крейсеров, то она как минимум будет эквивалентна двум зенитно-артиллерийским полкам.

Строительство уникальных кораблей велось высокими темпами, в строжайшей тайне и под личным контролем Сталина. Еще немного, и морские волны омоют их бронированные борта, через несколько лет за ними последуют авианосцы, атомные подводные лодки, и Россия, наконец, вернет себе статус океанской державы!

Но 5 марта 1953 года Сталина не стало, и строительство сверхкрейсеров почти сразу же прекратилось. Постарались новый председатель Совета министров Г. М. Маленков и, в еще большей степени, его первый заместитель Л. П. Берия. Занятый хлопотным «ядерным проектом», он смотрел на работы по крейсерам как на досадную помеху. Теперь же, когда Лаврентий Павлович заодно вернул себе и руководство министерством внутренних дел, ему подавно стало не до «корабликов».

Отношения военно-морского министра и нового руководства страны не складывались. Например, вызывают его в Кремль и спрашивают, как он смотрит на то, чтобы политическое управление ВМФ возглавил генерал Л. И. Брежнев.

— Брежнев? Я такого моряка не знаю, — отвечает адмирал.

Назначение все же состоялось. Правда, Леонид Ильич оставался в должности недолго и вскоре перешел в Главное политическое управление советской армии. Он не знал моря, а моряки не знали его.

Зато Николай Герасимович смог, используя политическую ситуацию, добиться освобождения В. А. Алафузова и Г. А. Степанова. Они были реабилитированы и вновь привлечены к работе на флоте. К сожалению, Л. М. Галлер этого дня не дождался...

Военно-морское министерство вновь слили с военным, и начальником адмирала Кузнецова стал Н. А. Булганин, не питавший к нему иных чувств, кро-

ме отрицательных. Работать с ним было чрезвычайно трудно, и все же Николай Герасимович не уставал доказывать необходимость строительства авианосцев и создания океанского флота. Но добиться удалось только продолжения проектных работ по легкому авианосцу, вооруженному группой из 40 палубных самолетов «тигр» на основе серийного истребителя МиГ-19 и двух вертолетов Ми-1.

Возможно, с Г. К. Жуковым будет иначе? Ведь он по достоинству оценил позицию адмирала на заседании Высшего военного совета в июне 1946 года... Но прославленный маршал, сменивший ушедшего на должность председателя Совета министров Н. А. Булганина, повел себя неожиданно.

«Так вы, стало быть, выступали против меня? Это вам даром не пройдет!» — резко бросил он при одной из первых встреч. Позже выяснилось, что Н. А. Булганин сообщил военачальнику, будто адмирал Кузнецов возражал против его назначения.

Соотношение сил складывалось явно не в пользу главнокомандующего ВМФ. Против него трое самых влиятельных лиц государства. За — авторитет среди моряков, доброе имя да бывшие заслуги. Но и в условиях почти безнадежных он продолжал биться за дело всей своей жизни, за большой океанский флот России.

Несмотря ни на что, работы над проектом легкого авианосца все же продолжались, а конструкторское бюро А. Н. Туполева завершало создание палубного штурмовика Ту-91, призванного расширить возможности будущего корабля. «Плавучие аэродромы» пока отсутствовали, но самолет благодаря большому радиусу действия и бомбовой нагрузке в полторы тонны вполне мог решать задачи и с береговых.

Машина, по мнению специалистов, получилась весьма удачной, но во время правительственного показа авиационной техники произошла неприятность. Когда Н. С. Хрущев остановился перед штурмовиком, прозванным за лобастый вид «бычком», офицер, делавший пояснения, допустил роковую ошибку. Вместо фразы «штурмовой удар самолетного вооружения эквивалент-

тен залпу крейсера из восьми орудий калибра 203,2 мм» он сказал:

— Этот самолет заменяет тяжелый крейсер.

— Зачем же тогда крейсера?! — возмущенно воскликнул Хрущев.

Он произнес ряд нелестных эпитетов в адрес штурмовика, заявил, что все сказанное об этом самолете чушь, и направился к следующему экспонату.

Создатели обреченной машины молча переживали случившееся, а неутомимый Никита Сергеевич уже распекал авиационного конструктора А. С. Яковлева за то, что тот опубликовал книгу воспоминаний.

— Вы что, писатель? Вы конструктор, вот и конструируйте! Каждый должен заниматься своим делом. Вон если бы я занимался не своим делом, знаете, что со мной бы сделали? Меня бы с работы сняли!

Зато демонстрация ракетного оружия на Черноморском полигоне произвела на Хрущева самое благоприятное впечатление: удара крылатой ракеты «Комета», причем лишь с инертной боевой частью³⁴, не выдержала даже броня недостроенного тяжелого крейсера. Но эффект оказался совсем не тот, которого бы хотелось адмиралу.

— Все это, — сказал Хрущев о больших кораблях, — теперь годится только для парадов.

Затем, уже в Севастополе, на совещании, где присутствовали маршал Жуков и другие руководители Вооруженных сил, он окончательно расставил точки в вопросах строительства будущего флота. Главными родами сил объявлялись подводные лодки и морская ракетноносная авиация берегового базирования. Надводным кораблям Хрущев отвел роль вспомогательную, десантные и вовсе отверг, авианосцы же назвал «оружием агрессии».

Осознание того, что враждебный триумвират всегда будет перечеркивать планы создания сбалансированного океанского флота, привело Кузнецова к сердечному приступу и побудило подать рапорт о переводе на другую должность.

Просьба осталась без ответа. Но не потому, что могущественные недоброжелатели считали его незаме-

мым. Напротив, только они желали при этом не проводить адмирала с почетом и уважением, но изгнать с позором и унижением. Нужно было всего лишь дождаться подходящего случая, а за ним, к сожалению, дело не стало.

Поздним вечером 29 октября 1955 года в Севастополе подорвался и погиб линкор «Новороссийск», бывший «Джулио Цезаре», унеся с собой сотни человеческих жизней³⁵. О причинах взрывов — то ли сработала старая донная немецкая мина (их, весом почти в тонну, даже в начале XXI века извлекали со дна севастопольской бухты), то ли «черный князь» Юнио Валерио Боргезе сдержал, по слухам, данную на шпаге клятву, что «Джулио Цезаре», гордость итальянского флота, не будет ходить под советским флагом, то ли, прячась за известным диверсантом, сработала какая-либо иная спецслужба — спорить будут еще долго. Сам Николай Герасимович, опираясь на свои богатейшие морской опыт и знания, считал, что скорее всего имела место диверсия.

Так или иначе, происшествия подобного рода всегда были удобным поводом, чтобы — при желании, конечно, — избавиться от неугодного лица. И хотя главнокомандующий ВМФ находился в санатории, где завершал курс лечения, а значит, даже формально не мог отвечать за случившееся, 7 февраля 1956 года он был понижен в звании до вице-адмирала, а днем позже снят с должности.

Военачальник стойко перенес очередные удары судьбы. Недоброжелатели пытаются унижить его формулировками в официальных документах и даже опускаются до того, что отказывают в праве считаться ветераном войны? Пытаются стереть память о его заслугах? Что ж, время рассудит...

Опальный адмирал сел за письменный стол: теперь по крайней мере можно было осуществить давнюю мечту, добавив к знакомым языкам еще и английский. Лингвистические способности не подвели. Довольно скоро из-под его пера вышли переводы статей по морской тематике и даже книга американского подводни-

ка Джеймса Калверта «Подо льдом к полюсу». Работы пользовались успехом: ведь писал их блестящий знаток военно-морского дела, прекрасно знакомый с предметом.

Мелочная травля продолжалась, но, к огорчению недоброжелателей, от Николая Герасимовича отвернулись далеко не все. В числе друзей, посещавших его дом, были маршалы А. М. Василевский и С. М. Буденный, адмиралы Ю. А. Пантелеев и С. Г. Кучеров, любимец советского народа артист И. С. Козловский, а также академик, историк и дипломат И. М. Майский. Он то и посоветовал адмиралу заняться написанием воспоминаний.

А тем временем в «высших сферах» продолжалась борьба, начавшаяся еще при жизни Сталина.

Сначала Л. П. Берия и Г. М. Маленков избавились от наиболее опасных конкурентов, А. А. Жданова и Н. А. Вознесенского, затем Г. М. Маленков и Н. С. Хрущев, с помощью Г. К. Жукова свергли Л. П. Берия. И наконец с помощью того же Г. К. Жукова, вряд ли догадывавшегося о своей роли, Н. С. Хрущев разгромил «антипартийную группу» в составе Г. М. Маленкова, В. М. Молотова, Н. А. Булганина и «примкнувшего к ним Шипилова». А вскоре настал черед и самого маршала Жукова. В октябре 1957 года он был обвинен в бонапартизме и отправлен, по сути, в ссылку.

В эти годы на долю флота выпали тяжелые испытания. Никита Сергеевич принялся крушить его сразу же после отстранения адмирала Кузнецова. Строительство новых крейсеров остановилось; их, в том числе и почти готовых, ожидала участь металлолома. Отправились на слом и три еще сравнительно новых крейсера, находившихся в строю.

Всего же, таким образом, с 1953 по 1960 год в результате непродуманных, волюнтаристских действий страна лишилась трех тяжелых крейсеров типа «Сталинград», способных долгие годы оставаться гордостью флота, и 10 легких, обладавших для своего времени весьма высокими характеристиками. Объем вложенных и, соответственно, напрасно потерянных средств — 7,2 миллиарда

рублей в ценах 1948 года. В то же время стоимость всех потерь советского флота в годы войны не превышала 3,6 миллиарда рублей!

Таким образом, деятельность Н. С. Хрущева лишь на этом направлении причинила ущерб в два раза больший, нежели все гитлеровские бомбы, торпеды и снаряды³⁶. Но уничтожались и другие надводные корабли, в том числе речные мониторы с мощными современными орудиями, береговые объекты и даже самолеты морской авиации, так что реальная величина ущерба намного превышает указанную сумму.

Потеряны были не только деньги, но и результаты 10-летнего труда, время, необходимое для создания океанского флота, была заложена хроническая несбалансированность будущих Военно-морских сил страны.

Разделавшись с флотом, Никита Сергеевич взялся за сухопутные войска и авиацию. Шли в переплавку танки, артиллерийские орудия, уничтожались новые, только что с заводов, самолеты...

Быть может, Хрущева чему-либо научил Карибский кризис? Тогда вдруг выяснилось, что в Советском Союзе нет кораблей, способных эскортировать на Кубу транспорты с баллистическими ракетами и обеспечить переход четырех подводных лодок, буквально затравленных противолодочными силами США.

Если Никита Сергеевич и понял что-нибудь, то слишком поздно. Неуклюжие «скачки» в области политики, экономики и военного строительства закончились отстранением его от власти на октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 года. Новому руководству страны пришлось восполнять огромный ущерб от «пляски слона в лавке с майсенским фарфором», часто начиная с нуля. Таким образом, гигантская сумма прямых потерь от «реформ» возросла на еще более значительную величину, став одной из причин системного кризиса, грянувшего два десятилетия спустя.

Но тогда, во второй половине 60-х годов, Николай Герасимович мог лишь радоваться, глядя, как начинают претворяться в жизнь его мечты, в том числе и о строительстве авианосцев. Разумеется, крейсер «Ки-

ев» трудно было считать полноценным представителем кораблей данного класса, но во всяком случае это уже шаг в нужном направлении. А со страниц военной печати и в академических аудиториях все чаще звучал термин «сбалансированный флот», — правда, без упоминаний о его авторе.

Опального адмирала по-прежнему старались держать в тени. Вдруг он вернется и встанет к штурвалу флота? Ведь для военачальника такого уровня возраст — лишь пора зрелой мудрости, профессиональной и человеческой.

Николай Герасимович же, внимательно наблюдая за происходящим на флоте и в стране, освоив пишущую машинку, трудился над переводом книги Ч. Нимитца и З. Поттера «Война на море». В 1966 году вышла первая книга его воспоминаний — «Накануне», имевшая большой успех, а за ней, почти сразу же, «На дальних меридианах» и «На флотах боевая тревога».

«Значение тобой написанного будет возрастать с годами», — отметил адмирал И. С. Исаков, давний оппонент, и оказался прав. Творчество опального флотоводца заслужило высокую оценку и широкого круга читателей, и таких признанных мастеров слова, как Константин Симонов.

Литературные успехи вызывали еще большее раздражение недоброжелателей — приказ о забвении хотя и не отменялся, но и не выполнялся. Даже Л. И. Брежнев назвал имя адмирала Кузнецова среди имен выдающихся полководцев Великой Отечественной войны. Правда, на этом восстановление справедливости и закончилось. Должно быть, воспоминания Леонида Ильича о том, как он в 1953 году возглавлял политическое управление ВМФ, тоже не относились к числу «любимых».

Как бы там ни было, но пишущая машинка опального адмирала продолжала стучать, читатели охотились за книгами популярного автора, а голос его звучал в МГУ имени М. В. Ломоносова, в московском Доме ученых, в научно-исследовательских институтах и библиотеках — везде, где люди хотели встретиться со свидетелем

лем эпохи и участником великих событий. И слушали, затаив дыхание.

Было в те годы и то, что радовало помимо творчества: флот, его любовь и его детище, действительно постепенно превращался в океанский.

Независимо от личного отношения руководство страны и Вооруженных сил шло по пути, некогда начертанному адмиралом Кузнецовым. Атомные, ракетные, подводные лодки, эскадры разнородных сил, десантные корабли, части морской пехоты, морская ракетно-авиация, тяжелые авианесущие крейсера. Конечно, самолеты Як-38 не являются настоящими палубными истребителями или штурмовиками, но начало положено...

Адмирал заканчивал работу над книгой «Курсом к победе», когда почувствовал внезапное недомогание. Творчество заставляло погружаться в события 30-летней давности и вновь переживать былое. Выдержать это не всякому, даже здоровому, сердцу было под силу.

Путь последнего труда к читателю был нелегок и тернист, и все же в 1975 году книга увидела свет. Но порадоваться успеху адмирал не успел. Сердце остановилось раньше, 6 декабря 1974 года.

Завистники и недоброжелатели хотели, чтобы прощание с заслуженным человеком прошло незаметно и скромно.

Однако А. Н. Косыгин распорядился о траурной церемонии на Новодевичьем кладбище. А среди проводивших адмирала в последний путь были прославленные военачальники, известные деятели науки и культуры, офицеры различных видов Вооруженных сил и конечно же моряки, седые ветераны и совсем юные.

Вот когда началась настоящая борьба! С требованием восстановить честное имя адмирала выступили Маршал Советского Союза А. М. Василевский и великий певец И. С. Козловский. Письма с ходатайствами об отмене несправедливых решений шли непрерывным потоком.

Но те, кому не давала покоя даже память о флотоводце, сопротивлялись еще долго. Лишь 26 июля 1988

года указом президиума Верховного Совета СССР Н. Г. Кузнецов был восстановлен в звании адмирала флота Советского Союза. А 4 октября 1992 года имя его засияло на борту нового тяжелого авианесущего крейсера.

Тогда для флота России — в который уж раз за одно столетие — вновь наступали тяжелые времена. Но гордый корабль с именем великого человека стал символом надежды и возрождения морского могущества страны.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский

— Сдать оружие! Под стражу! — резко, одна за другой, прозвучали команды. — В трибунал!

Конвоиры примкнули штыки и зашагали по дороге на Волковыск, где денно и ночью трудился орган революционного правосудия...

Красноармейцы шли медленно — им спешить некуда, а уж арестованному тем более. До Волковыска четыре версты с лишним. Есть время вспомнить среднее Поволжье и село Покровское, где он, Александр Василевский, появился на свет 30 сентября 1895 года в семье сельского священника отца Михаила и где прошло его детство. Братьев и сестер у Александра было семеро, денег всегда не хватало, а потому всем, невзирая на возраст, приходилось с раннего утра и до вечера работать в огороде и в поле.

Вспомнилось и духовное училище в Кинешме, которое он, собираясь следовать по стопам отца, окончил в 1909 году, и Костромская семинария, чьи стены были им оставлены с началом Первой мировой войны — неожиданно и для близких, и для него самого. Будто таинственный приказ получил на служение Отечеству и ослушаться не посмел. А вскоре еще одна неожиданность: учеба в Московском Алексеевском пехотном училище, третьем по рангу в России, куда в мирное время попасть было бы ох как непросто!

Труды А. В. Суворова, М. И. Кутузова, М. Д. Скобелева... Юнкер изучал их сверх программы, понимая, что четырех месяцев ускоренного обучения едва хватит,

чтобы постичь азы военной науки. Юго-Западный фронт, первый опыт позиционных боев и первые заслуги, отмеченные назначением на должность командира роты...

Арестованный вздохнул, невольно расправив плечи: вспомнился 1916 год, Брусиловский прорыв. Полки и дивизии шли вперед так, будто вернулись славные времена Суворова. Александр, юный поручик, возглавил в те дни стрелковый батальон! Тогда сподвижник легендарного Скобелева, русский генерал граф фон Келлер, успешно громивший войска австрийского генерала Балтина, взял огромной рукой бравого офицера за плечо и, улыбаясь, сказал: «Еще два года войны, и все вчерашние прапорщики станут у нас генералами!»

Революционные события застали штабс-капитана Василевского в Румынии — эта страна после двухлетних колебаний решила объявить войну Германии, чтобы не опоздать на «пир победителей». Вот только треть румынской армии тут же оказалась в плену, Бухарест пал, и русским войскам пришлось поспешить на помощь союзнику. Василевский вспомнил порядки, а вернее, отсутствие таковых, царившее в румынских частях. Но февральские события 1917 года принесли развал и в русскую армию.

О дисциплине забыли, солдатскими массами командовали разношерстные агитаторы, а между боевыми товарищами-офицерами будто черная кошка пробежала. Неудивительно, что июньское наступление, вместо того чтобы принести России долгожданную победу, провалилось на всех фронтах, в том числе и в Румынии.

Смотреть на агонию великой армии было больно. Штабс-капитан Василевский взял отпуск и поехал домой.

Путь был долог и небезопасен, ибо лежал через Украину, где хозяйничали националисты, а политическая обстановка накалялась с каждым днем. Вот наконец и родной дом. Прощай, оружие. Военная карьера, столь успешно начатая, казалось, закончилась навсегда.

Вскоре после возвращения Василевского вызвали в уездный военный отдел Кинешмы и вручили телеграфное сообщение. Вот это новость! Он, штабс-капитан

Василевский, общим собранием 409-го полка избран его командиром. Теперь ему предписывалось немедленно вернуться в Румынию, чтобы вступить в командование частью.

В военном отделе выбор коллектива полка оценили, ибо такое доверие солдат не каждому офицеру удастся заслужить, но тут же объяснили, почему от поездки в Румынию следует воздержаться. Дело в том, что националистическая рада Украины везде, кроме Харькова, свергла Советы, заявила о неподчинении Петрограду, вступила в союз с донским атаманом Калединым и договорилась с командующим Румынским фронтом генералом Щербачевым, что его войска сливаются с Юго-Западным фронтом и образуют единый, Украинский, подвластный лишь раде. Командовать, разумеется, будет генерал Щербачев.

Так что 409-й полк может быть втянут в антисоветскую авантюру, а вместе с ним и он, Василевский. Лучше здесь оставаться: в стране вводится всеобщее военное обучение, опытный инструктор не помешает.

Все четко, как на уроке политграмоты.

Устройство винтовки, строевая подготовка, основы внутренней службы... Дела шли неплохо, но чувства удовлетворения не было: он со своим опытом командира батальона способен научить гораздо большему. Почему же ему не поручают ничего более сложного, чем обучение рытью окопов? Не потому ли, что не доверяют — и как офицеру царской армии, и как выходцу из семьи священника — служителя культа, как ныне принято говорить. А разве можно работать в обстановке недоверия?

Случайно прочитав объявление в газете о наборе учителей для работы в сельских школах Тульской области, Василевский во второй раз простился с военной службой. Работал с энтузиазмом, загружая свой день до предела. Казалось, вот оно, его место в жизни! Но ничто, ни удачные уроки, ни привязанность сельских ребятшек, ни уважение коллег не могли заменить того, что уже так глубоко вошло в кровь и плоть: воинского служения Отечеству.

В мае 1919 года Александр Василевский снова встал в строй. На этот раз рядом оказались люди, прежде служившие офицерами или унтер-офицерами. Отношения строились на доверии, и не было обиды на то, что в новой армии для него, прежде носившего погоны штабс-капитана, нашлась должность всего лишь помощника командира взвода. Впрочем, три месяца спустя он был уже командиром батальона, защищавшего подступы к Туле от приближавшихся войск генерала Деникина.

Командующий 13-й армией красных, в котором Александр Василевский узнал своего знакомого по Румынскому фронту ротмистра Анатолия Ильича Геккера, приготовил глубоко эшелонированную оборону, но до сражения дело не дошло. В конце октября Белая армия потерпела жестокое поражение под Орлом и Кромами, после чего покатила на юг.

К этому времени Василевский уже командовал полком. Он был доволен частью, состоявшей из опытных солдат, унтер-офицеров и офицеров старой царской армии.

Вскоре полк получил новый приказ и в составе дивизии двинулся в Себежский уезд Витебской губернии, на Западный фронт. Противник здесь был другой — регулярная армия Польши. Эта страна, чья территория прежде входила в состав Австро-Венгрии, Германии и России, лишь недавно стала независимой, но сразу же заявила о желании расширить владения «от можа до можа» (то есть от моря Балтийского до моря Черного). Разумеется, за счет Украины и все той же России. Вместе с польскими войсками выступили и армии прибалтийских государств, решивших воспользоваться временной слабостью великого соседа и решить свои территориальные проблемы.

Незадолго перед убытием на Польский фронт Александр Михайлович попросил освободить его от должности, занимать которую в 25 лет не позволяли, с одной стороны, скромность и порядочность — не менее достойные товарищи могут заподозрить в карьеризме, а с другой — профессиональная ответственность. Ведь командиру полка, кроме всего прочего, нужна и обычная житейская мудрость, а она приходит только с годами.

Начались служебные перемещения, в результате он оказался помощником командира полка в бригаде, которой командовал... 25-летний революционер Отто Юрьевич Калнин. В военном деле он разбирался слабо.

Бригада прибыла из Вильно в Волковыск 18 августа. По городу тянулись тылы отходивших войск Красной армии. Обозы, артиллерийские парки, кухни... Группами шли красноармейцы — почерневшие, изможденные, многие в окровавленных повязках. Смотреть было больно.

Что же произошло? Ведь еще совсем недавно Красная армия, развивая победное наступление, почти достигла Варшавы. Еще немного, и она пожмет братскую руку германского пролетариата, а там выйдут на баррикады потомки парижских коммунаров, и мечта о мировой революции станет явью!

Позже стало известно, что красноармейские дивизии, прошедшие с боями более 500 километров, уставшие, лишенные пополнения, снабжения и боеприпасов, при обходе Варшавы с севера внезапно получили мощный фланговый контрудар. Положение усугубилось тем, что командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский самоустранился от руководства войсками именно тогда, когда они более всего нуждались в твердом и надежном управлении. Потом он объяснил, что переживал неудачу три дня подряд, запершись в своем штабном вагоне.

Тонкость чувств Тухачевского и амбиции председателя революционного Военного совета Троцкого обошлись республике дорого. Потери только пленными превышали 80 тысяч человек. Думать теперь приходилось не о знаменах революции над европейскими столицами, а о защите советских границ от польских войск.

Дивизия, развернувшись с марша, встретила удар окрыленного победой противника. Соседний полк не выдержал натиска и отступил. Тогда Василевский во главе стрелкового батальона внезапной контратакой во фланг заставил польских легионеров отойти и закрыл брешь в боевом порядке.

Вскоре он был вызван в штаб бригады, где получил приказ вступить в командование отступившим полком

и немедленно восстановить утраченное положение. Пришлось объяснять командиру бригады, что для восстановления обороны следует взять полк из резерва — для того он и существует, — а собрать разбежавшийся полк быстро не удастся. Но профессиональный революционер не желал слушать профессионального военного, и произошло то, что произошло...

Конвоиры сочувственно поглядывали на арестованного. Вот он, Волковыск, почти уже рядом. А там, известно, суд у трибунала короткий, приговор один: «Именем пролетарской революции...» Цокот копыт заставил обернуться.

— Василевского ведете? Кто старший? — Вестовой протянул письменное распоряжение.

— Ну, теперь пойдем быстрее, — сказал повеселевший начальник конвоя. — Приказано обратно в штаб доставить.

Вернувшись, Василевский вновь предстал перед командиром бригады, услышал прежний приказ, но в ответ повторил прежние доводы. Тогда Отто Калнин отстранил его от должности помощника командира полка и назначил с понижением — командиром взвода в его же часть.

Поздней ночью, размышляя о сложных изгибах военного пути, Василевский вернулся в свой полк. Если что и радовало, так это отношение товарищей — оно ничуть не изменилось. А утром он уже сражался, вместе с бойцами своего взвода не давая противнику обойти открытый фланг.

Прошло несколько дней, и опальный командир взвода был вызван в штаб дивизии. Он узнал, что все обвинения в его адрес сняты как необоснованные, и более того, за умелые действия в боях он представлен к награждению орденом Красного Знамени! Штаб дивизии Александр Михайлович покинул в должности командира батальона, вновь размышляя о зигзагах военной судьбы, причудливых и непредсказуемых. Снова тяжелые бои в окружении и полуокружении, отход через болота Полесья, чудом найденные выходы из безнадежных ситуаций...

Боевые действия прекратились в октябре 1920 года, когда в Риге были подписаны предварительные условия мира между Польшей и РСФСР. При этом граница проходила на 50–100 километров западнее той, которую советское правительство предлагало установить еще весной.

«Что ж, битву под Варшавой мы проиграли, но войну все-таки выиграли!» — думал Василевский.

Пауза была недолгой. Войска переключились на борьбу с расплодившимися в смутное время бандами, подчас такими крупными, что для ликвидации их требовались батальоны, полки и бригады...

Гражданская война, погрузившая страну в пучину экономической разрухи, наконец закончилась. Армия сокращалась, многие командиры увольнялись или оставались в кадрах, занимая должности гораздо ниже прежних. Василевскому предложили возглавить дивизионную школу младшего командного состава в Московском военном округе, а в 1924 году он стал командиром полка. Багаж теоретических знаний пополнил на годичных курсах «Выстрел». Слава этого учебного заведения уже начинала греметь в Вооруженных силах. Особенно хорошо была поставлена огневая подготовка, руководство которой осуществлял бывший генерал царской армии М. Н. Филатов — советские маршалы и десятилетия спустя с глубоким уважением произносили его имя. Достаточно сказать, что занятия с молодыми командирами проводили такие светила оружейного дела, как Ф. В. Федоров, В. А. Дегтярев, Ф. В. Токарев.

После успешного окончания курсов Александр Михайлович получил назначение — снова на должность командира полка, но теперь другого, отстающего. Настолько расстроился, что отправился на прием к командующему Московским военным округом И. П. Уборевичу.

— Рассматривайте назначение как знак особого доверия, — сказал тот. — Командование надеется, что вы сумеете вывести часть из постоянного прорыва...

Надежды командующего оправдались — уже осенью 1930 года 144-й полк был признан лучшим в дивизии.

А тем временем гигантская страна выходила из разрухи. Один за другим вводились в строй гигантские заводы, освещались светом новых электростанций города и села, тысячами выходили на поля тракторы — казалось, сам воздух был напоен духом великих строек, свершений, открытий. В армии тоже были заметны перемены — улучшался быт, войска получали модернизированные винтовки, новые пулеметы, артиллерийские орудия, в ходе учений над головами пехоты все чаще пролетали краснозвездные самолеты, а на парадах грохотали танки.

Техническая реконструкция обусловила появление новых взглядов на ведение боя и операции. Теоретическая мысль напряженно работала в поисках ответов на вызов времени, давая их в трудах А. А. Свечина, Б. М. Шапошникова, А. К. Коленковского. Особое место занимала работа В. К. Триандафиллова «Характер операций современных армий», где оперативно-стратегические проблемы освещались с учетом последних требований военного искусства, широкого применения авиации, бронетанковых и воздушно-десантных войск. Она стала настольной книгой передовых офицеров Красной армии.

Но сам Владимир Кариакевич Триандафиллов, будучи начальником оперативного управления и заместителем начальника штаба РККА, понимал, что его теория «глубокого наступательного боя и операции» станет силой лишь в том случае, если будет проверена и освоена командованием и внедрена в практику боевой подготовки войск. С этой целью он, оставаясь на прежнем посту, стажировался еще и в должности командира корпуса.

Неизменно полной энергии, бодрости, творческого энтузиазма, он вызывал такой же духовный подъем в подчиненных, давал им чувство уверенности в успехе, умело сочетал работу по исследованию проблем стратегического характера с заботой о повседневном обучении и жизни солдат. В лице командира 144-го полка А. М. Василевского Владимир Кариакевич встретил исполнительного помощника, но вскоре обратил внимание и на его мощный интеллектуальный потенциал.

Василевский в свою очередь оказался учеником способным и благодарным. В ходе частых бесед он перенимал не только мысли и полезные советы выдающегося теоретика, но и нечто более важное — стиль и метод мышления. В течение двух лет он прошел настоящую и, как считал всю жизнь, очень ценную школу.

Полк часто привлекался к проведению длительных войсковых учений с целью отработки новых форм и способов ведения боя, освоения боевой техники и вооружения. Однажды осенью 1930 года после больших и удачных маневров Триандафиллов предупредил подчиненного, что в ближайшее время он, Василевский, в интересах дела будет переведен в центральный аппарат наркомата обороны. Новость не обрадовала. Александр Михайлович успел привыкнуть и к полку, и к небольшому русскому городу Вышний Волочек, месту дислокации части. Но, как он сам не раз говорил, командирская доля едва ли не самая переменчивая.

Весной 1931 года, несмотря на все просьбы оставить его в прежней дивизии, он получил приказ о назначении во вновь сформированное управление боевой подготовки РККА. Уезжал с тяжелым сердцем. Разве можно сравнить живую жизнь стрельбищ и учебных полей с рутинной кабинетной работой?

Мрачные настроения развеял все тот же Триандафиллов. Их встреча произошла случайно, на улице в Сокольниках, и, несмотря на разницу в служебном положении, была столь же простой и сердечной, как и все предыдущие. Увы, этой встрече суждено было стать последней: 12 июня 1931 года выдающийся русский военный теоретик трагически погиб в авиационной катастрофе. О тяжелой утрате скорбела вся армия...

Некоторое время спустя Василевский убедился, что и в вопросах его будущей службы наставник был совершенно прав: она оказалась далеко не кабинетной. Новое управление было создано, пожалуй, не столько для контроля боевой подготовки, сколько для отработки новых форм ведения общевойскового боя и операции, в основе которых лежала теория Триандафиллова. Они проверялись в ходе многочисленных учений различного мас-

штаба и уровня — так что в войска приходилось выезжать часто, — закреплялись в боевых уставах и наставлениях, внедрялись в армейскую учебную практику.

Все это лишь способствовало профессиональному росту, так же как и ознакомление с новейшей военной техникой и вооружением, выезды на артиллерийские, танковые, инженерные полигоны и в соответствующие институты.

Офицеры управления работали интенсивно — энтузиазм поиска подкреплялся сознанием того, что зарубежная печать все громче трубила о «крестовом походе против советской России». В Германии к власти пришел Адольф Гитлер, открыто провозгласивший свои цели в программной книге «Майн кампф», а на Дальнем Востоке Япония уже разожгла очаг войны, захватив Маньчжурию. Красная армия готовилась, как говорил А. А. Свечин, предоставить сомнительную честь первого выстрела врагу, а затем отразить агрессию могучим быстрым контрударом и бить захватчиков на их же территории, используя последние достижения военной науки и техники.

Но внедрение новейшей теории давалось нелегко. В ходе масштабных опытных учений далеко не все было гладко с применением бронетанковых и воздушно-десантных войск, организацией и поддержанием управления и взаимодействия. Возникла необходимость усилить штабы округов специалистами, хорошо знакомыми с передовыми взглядами на ведение боя и операции. Пришлось и Василевскому в очередной раз сменить место службы — в 1934 году он стал начальником отдела боевой подготовки штаба Приволжского военного округа.

Деятельность на новом посту захватывала и увлекала, ибо армия менялась на глазах. Появились танки Т-26, БТ, Т-28, автоматические винтовки Симонова, зенитные пушки и пулеметы, современные типы самолетов. Совершенствовалось и управление Вооруженными силами — был создан Генеральный штаб, а осенью 1936 года начала работу академия Генерального штаба. В числе слушателей первого набора в нее был зачислен и полковник А. М. Василевский.

Подготовку специалистов высшей квалификации вели такие светила военной науки, как А. А. Свечин, В. А. Меликов, Н. И. Трубецкой, Д. М. Карбышев, читал в стенах академии лекции и А. Н. Толстой.

Товарищами по учебе были И. Х. Баграмян, А. И. Антонов, Н. Ф. Ватутин, Л. А. Говоров, Г. К. Маландин, а всего в том году аудитории приняли 137 человек. Но лишь каждый четвертый из них смог закончить обучение.

Угли классовых битв тогда еще не остыли. Они рдели, готовые при благоприятных условиях вновь опалить страну жарким пламенем. Достаточно сказать, что во Франции находились 400 тысяч отнюдь не питавших теплых чувств к советской власти эмигрантов, 130 тысяч — в Сирии, 90 тысяч — в Польше, десятки тысяч располагались в Румынии, Германии, Болгарии, Югославии. Вчерашние противники по Гражданской войне были еще молоды, полны сил, обладали изрядным военным опытом, знаниями и не утратили надежд на реванш.

Они даже сохранили структуры частей и соединений — так, во Франции располагался 1-й армейский корпус, в Болгарии — Донской казачий корпус, в Югославии — Кавалерийская и Кубанская казачья дивизии, еще две дальневосточные бригады разместились в Маньчжурии. Действовало не менее 12 училищ, курсов и школ, где можно было получить не только среднее, но и высшее военное образование, позволявших изучать артиллерию, инженерное дело, современную военную технику.

Не все эмигранты были столь благородны, чтобы отрицать даже мысль о возможности сотрудничества с зарубежными спецслужбами, и оказывались в руках тех, для кого борьба с коммунизмом служила только ширмой для борьбы с Россией.

Все это не могло не обострять атмосферу подозрительности, порождало бескомпромиссность, жестокость в борьбе, вызывало излишнее рвение при выявлении врагов, а то и просто желание свести личные счета. При этом страдали и те, кто никогда ни к каким заговорам отношения не имел.

Так, маршал Тухачевский еще в 1930 году пытался уничтожить бывшего генерала царской и комбрига Красной армии А. А. Свечина за критику в его адрес по поводу бездарно проигранного сражения за Варшаву. Тогда военного ученого от расправы спас К. Е. Ворошилов, теперь же, на волне всеобщего повышения бдительности, попытка удалась. Тот, кого называли «русским Клаузевицем», был обвинен в военно-монархическом заговоре и уничтожен в застенках. А вскоре и самому Тухачевскому пришлось отвечать на вопросы сотрудников НКВД.

Такое было время!

О том, как сильно репрессии ударили по высшим командным кадрам, можно судить хотя бы по тому, что ряд выпускников 1937 года в звании «полковник» получили назначения на должности начальников штабов военных округов, а многие вчерашние слушатели стали преподавателями той самой академии, которую только что окончили. В их числе оказался и полковник Василевский, крайне удивленный приказом возглавить кафедру тыла, ибо специально в данной области никогда не работал.

Несколько озадаченный, Александр Михайлович тем не менее приступил к подбору преподавателей и подготовке учебно-методических материалов к новому учебному году, как вдруг... последовало новое назначение. На этот раз собственно в Генеральный штаб, начальником отделения оперативной подготовки высшего командного состава РККА. И работать ему пришлось под непосредственным руководством самого маршала Б. М. Шапошникова, крупнейшего знатока штабной службы.

Оттачивался опыт, расширялся кругозор, увеличивались знания. Пожалуй, именно тогда завершилось становление подготовки военного специалиста высочайшего класса: теперь он мыслил категориями не только тактическими и оперативными, но и стратегическими. И с особой ясностью видел, как сгущаются тучи войны у границ СССР.

В марте 1938 года Германия захватила Австрию и включила ее в состав рейха, а в июле японские войска

предприняли вооруженное нападение на советскую территорию в районе озера Хасан. Генеральный штаб расценил эту акцию как разведку боем с целью выяснить степень боеспособности советских Вооруженных сил. Поэтому с контрнаступлением не затягивали — оно началось 2 августа, а неделю спустя группировка противника в составе двух пехотных дивизий, нескольких отдельных, в том числе танковых и кавалерийских частей, несмотря на поддержку 70 самолетов, была разбита и выброшена за пределы советских границ.

Вскоре опасность нависла над Чехословакией. Войска Киевского особого военного округа пришли в движение — Советский Союз собирался совместно с Францией оказать предусмотренную договором помощь, но печально знаменитое Мюнхенское соглашение сорвало оборону страны. В распоряжении Гитлера оказались одни из лучших военных предприятий Европы.

Убедившись в нежелании Англии, Франции и Польши совместно противостоять угрозе, Советский Союз принял предложение Германии заключить пакт о ненападении. Планы врагов России — втянуть ее в войну с опасным противником один на один³⁷ — были сорваны.

На Дальнем Востоке советскому правительству также удалось повернуть события в более выгодном для себя направлении. Потерпев поражение в боях на озере Халхин-Гол, Япония была вынуждена 15 сентября 1939 года подписать соглашение о ликвидации конфликта и поискать другой, более подходящий объект для агрессии.

Военный конфликт закончился победой советских войск, но в то же время дал ясно понять, что в предвидении грозных событий стране нужна массовая армия, основанная на принципах всеобщей воинской обязанности. Территориально-милиционная система с ее крохотными вооруженными силами была выгодна в период индустриализации и экономического скачка. Она позволила превратить СССР в одну из крупнейших промышленных держав мира, но теперь ее время прошло.

Закон о всеобщей воинской обязанности был подпи-

сан 1 сентября 1938 года, в день, когда началась Вторая мировая война. Не поздно ли? Ведь для того, чтобы превратить массы одетых в форму людей в полноценные полки, дивизии и корпуса, нужны годы и годы напряженного труда. Василевский, 6 лет командовавший полком, прекрасно понимал, что ускорить этот процесс невозможно, как невозможно приказать плодам созревать намного раньше срока.

Сколько еще времени отпущено стране историей? Сомнений в том, что договоры с Германией и Японией только оттянули решающее столкновение, не было. Вопрос состоял лишь в том, на сколько. Ведь и сейчас Англия и Франция, формально объявив войну Германии, не спешат с военными действиями, ясно давая понять фюреру: иди на восток.

Положение атакованной гитлеровскими войсками Польши между тем стремительно ухудшалось. В середине сентября советские войска перешли границу, взяв под свою защиту население Западной Белоруссии и Западной Украины. При этом была решена и важная задача улучшения стратегического положения страны в предвидении большой войны. Демаркационная линия, с начертанием которой Берлин был вынужден согласиться, проходила примерно на восточном рубеже польской этнической границы.

А в Западной Европе продолжалась «странная война». Военнослужащие враждующих армий регулярно сражались на нейтральной полосе в теннис и волейбол, развлекались на концертах посещавших их звезд эстрады, смотрели кинофильмы — складывалось впечатление, что главным противником для каждой из сторон является скука на передовой. Нацисты при этом стремились усыпить бдительность правительств Англии и Франции, а те, впав в иллюзию самообмана, по-прежнему старались направить агрессию в другую сторону и, более того, строили военные планы против СССР, отводя в них немалую роль государствам Прибалтики. Но замыслам этим не было суждено сбыться.

В 30-е годы XX века влияние марксистского учения, подкрепленного экономическими успехами Советского

Союза, продолжало неуклонно расти, и словосочетание «пролетарский интернационализм» в прибалтийских странах не было для многих пустым звуком. Осенью 1939 года правительства этих стран под давлением демократической общественности заключили договоры с СССР о размещении на их территории советских гарнизонов, аэродромов и военно-морских баз.

Жители Риги, Вильнюса и Таллина встречали советские войска с цветами; сейчас кому-то в это трудно поверить, но сохранились кадры старой кинохроники. А Лондон и Париж перенесли свои надежды в Финляндию. Как по команде, со страниц финских газет громко зазвучали призывы создать «великую Финляндию», — разумеется, за счет соседа. Они не оставляли сомнений в том, с кем будет эта страна, если СССР подвергнется атаке сильным противником.

«Антисоветская военная истерия в маленькой стране?! — воскликнет читатель. — Угроза со стороны Финляндии? Нонсенс!»

Но так ли наивны были финские националисты? Они прекрасно понимали, что от них ждут роли «застрельщика», зачинщика большой антисоветской войны, и надеялись получить за эту роль хорошую плату.

Значит, серьезное улучшение стратегического положения было нужно и здесь: граница проходила в чересчур опасной близости от Ленинграда, так как Финляндия в свое время вышла из состава Российской империи вместе с Карельским перешейком, административно присоединенным к ней императором Александром I.

В этих условиях маршал Шапошников, получив личное указание Сталина, приступил к разработке плана кампании на случай вооруженного конфликта с Финляндией. В качестве помощника он привлек полковника Василевского, чьи способности, аналитический ум, трудолюбие, образованность и волевые качества к этому времени ценил уже чрезвычайно высоко.

План был составлен грамотно и быстро, но Сталин предпочел другой, разработанный командующим Ленинградским военным округом К. А. Мерецковым, ибо он требовал меньше сил для решения тех же задач.

Жизнь показала, что в последнем случае сил и времени пришлось израсходовать больше.

Войска концентрировались на границе и в конце концов, по образному выражению Л. Н. Толстого, в одном месте собралось столько ружей, что они не могли не выстрелить.

Боевые действия начались в конце ноября 1939 года. Вскоре ход событий подтвердил правильность предположений маршала Шапошникова, чей авторитет от этого только вырос. Василевский, сопровождая своего начальника в качестве его временного заместителя для докладов в Кремль, заметил, с каким уважением, рассматривая тот или иной вопрос, говорил Сталин: «А ну, посмотрим, что скажет шапошниковская школа!»

Однажды весной 1940 года в кабинете А. М. Василевского раздался телефонный звонок. Сняв трубку, он узнал голос секретаря Сталина А. Н. Поскребышева и услышал неожиданное приглашение в Кремль к обеду. Александр Михайлович быстро закончил дела и вскоре сидел за столом рядом со своим начальником. Но неожиданности продолжались: один из тостов Сталин предложил за его здоровье, а потом спросил, почему он по окончании семинарии «не пошел в попы».

Смутившись, Александр Михайлович ответил, что ни он сам, ни отец не имели такого желания.

— Так-так, — заметил Сталин, улыбаясь в усы. — Вы не имели желания. А вот мы с Микояном хотели пойти в попы, но нас почему-то не взяли. Почему, не поймем до сих пор. Скажите, пожалуйста, — продолжил он, демонстрируя прекрасное знание биографий офицеров Генерального штаба, — почему вы, да и ваши братья, совершенно не помогаете материально отцу? Насколько мне известно, один ваш брат — врач, другой — агроном, третий — командир, летчик. Я думаю, что все вы могли бы помогать родителям.

— Я порвал всякую связь с родителями с 1926 года, — чистосердечно ответил Александр Михайлович. — И если бы поступил иначе, то, по-видимому, не только не состоял бы в рядах нашей партии, но едва ли служил в рабоче-крестьянской армии и тем более

в системе Генерального штаба. Несколько недель тому назад я впервые за многие годы получил письмо от отца. Немедленно доложил об этом секретарю своей партийной организации. Он потребовал, чтобы впредь в моих взаимоотношениях с родителями сохранялся прежний порядок.

Сталина этот факт удивил. Он сказал, чтобы Василевский немедленно установил с родителями связь, оказывал бы им систематическую материальную помощь и сообщил об этом разрешении в партийную организацию Генерального штаба. А несколько лет спустя, узнав, что мать Василевского умерла и 80-летний отец живет у старшей дочери в Кинешме, посоветовал ему взять отца, а быть может, и сестру к себе.

Сам Василевский полагал, что решение его семейных вопросов не обошлось без маршала Шапошникова, и был искренне признателен своему начальнику. Впрочем, Борис Михайлович скоро уступил свой пост Г. К. Жукову, но вовсе не потому, что Сталин был им недоволен. Советское правительство хотело показать, что делает выводы из уроков «зимней войны», хотя и завершившейся убедительной победой, но прошедшей далеко не так, как боевые действия на Халхин-Голе.

Тем временем англо-французские войска, усыпленные как Гитлером, так и собственными правительствами, потерпели сокрушительное поражение в Западной Европе. Отныне противник в грядущей схватке определился: это фашистская Германия, ибо геополитические амбиции нацизма очевидны. Последние сомнения на этот счет исчезли в ноябре 1940 года, во время визита правительственной делегации во главе с В. М. Молотовым в Берлин, в составе ее был и А. М. Василевский. Теперь он денно и ночью трудился бок о бок с Н. Ф. Ватутиным и Г. К. Маландиным — эти блестящие штабные специалисты вместе с Г. К. Жуковым прибыли из Киевского округа, — ибо предвоенные тучи сгушались.

Сложнейшая задача улучшения стратегического положения своей страны в предвидении большой войны была успешно решена. Но теперь требовалось пересмотр-

реть, а вернее, составить новые планы боевых действий на случай начала войны, успеть провести необходимые мероприятия по оперативному оборудованию театров боевых действий и сделать многое другое.

Основные усилия советских войск предполагалось сосредоточить не на западном, как считал маршал Шапошников, а на юго-западном направлении. Таково было мнение самого Сталина: ведь именно это направление выводит по кратчайшим путям к нефти Кавказа и Каспия, а в ней-то и нуждается прежде всего нацистский рейх для успешной реализации своих далеко идущих планов.

Подготовка велась максимально скрытно, ибо сам ее факт мог быть использован Гитлером как повод для нападения, — это также осложняло работу. И тем не менее командованию Вооруженных сил удалось начать выдвижение из глубины страны группировок, насчитывавших в общей сложности до 28 дивизий, а в начале июня 1941 года призвать из запаса под видом учебных сборов 800 тысяч человек.

Сделано было очень много, численность Вооруженных сил за короткий срок возросла более чем в три раза. Но полноценными частями, соединениями и объединениями вновь созданные формирования могли стать не ранее чем в 1942 году. Их создание могло бы достойно увенчать свершения и достижения прошедшего десятилетия, но часы Истории пробили раньше...

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года А. М. Василевский, как и все остальные сотрудники Генерального штаба, был на своем рабочем месте. Знали: генералы Г. К. Жуков и Н. Ф. Ватутин вместе с наркомом обороны маршалом С. К. Тимошенко поехали в Кремль докладывать Сталину последнюю информацию.

В первом часу ночи заместитель начальника Генерального штаба Н. Ф. Ватутин вернулся и приказал передать в войска директиву о возможном нападении фашистской Германии.

В половине первого ночи зашифрованный текст ушел по каналам связи, но было уже поздно. Не прошло и четырех часов, как штабы округов доложили о бомбо-

вых ударах гитлеровской авиации по советским городам и аэродромам, после чего оперативное управление Генерального штаба превратилось в подобие растревоженного улья.

Непрерывно работали телеграфные аппараты, принимая поток информации, которая тут же наносилась на карты, анализировалась, обобщалась, докладывалась. Людей не хватало, каждому офицеру приходилось работать буквально «в четыре руки», но растерянность, возникшая в первые часы, быстро прошла.

Верховный главнокомандующий в любое время дня и ночи требовал исчерпывающих сведений по различным вопросам, заслушивал предложения к решениям, привлекал к обсуждению узловых проблем. Взвалив на свои плечи огромную ношу, он отдавал делу себя целиком и требовал того же от других.

Боевые действия развертывались так, что о быстрой победе над противником «малой кровью на его территории» в духе М. Н. Тухачевского и других сторонников теории «классовых войн с массовыми восстаниями пролетариата во вражеском тылу» думать уже не приходилось. И здесь прав оказался стратегический гений А. А. Свечин, предупреждавший, что первый удар врага будет страшен, и призывавший готовиться к обороне самым серьезным образом.

В ночь на 30 июля вместо принявшего Резервный фронт Г. К. Жукова начальником Генерального штаба вновь стал маршал Шапошников. Прошло двое суток, и Василевский узнал, что назначается его заместителем и начальником оперативного управления. С тех пор ему по несколько раз в день, сопровождая Шапошникова, приходилось бывать на докладах у Верховного главнокомандующего.

Иногда разговоры были трудными, даже резкими. Так, 7 сентября 1941 года они пытались убедить Сталина оставить Киев и отвести войска Юго-Западного фронта за Днепр, так как с севера, со стороны Смоленска, им в тыл неудержимой лавиной катилась 2-я танковая группа под командованием генерала Гудериана. Верховный выходил из себя и даже терял самообладание, упре-

кая военачальников-генштабистов в том, что они, как и главком юго-западного направления С. М. Буденный, вместо того чтобы бить врага, пытаются уйти от него.

К сожалению, убедить Сталина тогда не удалось, и через 10 дней ситуация обернулась катастрофой на Юго-Западном фронте. Его командование погибло в бою, тяжелая техника и вооружение были потеряны, сотни тысяч солдат и офицеров попали в плен, а те, кому удалось избежать этой участи, небольшими группами пробивались из окружения. Но с тех пор Верховный главнокомандующий начал более внимательно прислушиваться к мнению Генерального штаба.

Во второй половине октября, учитывая приближение линии фронта к Москве, Государственный комитет обороны принял решение об эвакуации ряда правительственных учреждений, в том числе и Генерального штаба во главе с маршалом Шапошниковым. Сам Верховный главнокомандующий твердо отказался покинуть столицу. Обеспечивать его работу должна была лишь небольшая группа офицеров, которую возглавил А. М. Василевский. По сути, им приходилось действовать параллельно с Генеральным штабом. Нагрузка резко возросла, и Александр Михайлович даже не смог проводить Шапошникова, — дел было так много, что 16 октября, в день отъезда Генерального штаба, он был вызван в Ставку, где и проработал до глубокой ночи.

Положение осложнялось день ото дня, но при всей жесткости Верховного главнокомандующего никто не видел на его лице пессимизма, растерянности или неуверенности. Однажды ночью во время телефонного разговора он спросил Василевского, не мог бы тот написать представление на присвоение очередного воинского звания одному из генералов. Василевский, конечно, ответил согласием, спросил, о ком идет речь, смутился, услышав свое имя, и попросил освободить его от этой просьбы.

— Ну хорошо, занимайтесь своими делами, а уж в этом мы как-нибудь без вас обойдемся, — шутливо ответил Сталин.

Воинское звание «генерал-лейтенант» было присвоено на следующий день.

Правда, в столь хорошем настроении Верховный главнокомандующий бывал не всегда, и Александру Михайловичу приходилось выслушивать строгие упреки за то, что и он сам, и его сотрудники спят меньше 6 часов в сутки. Дело было не только в заботе о людях, но в интересах службы — голова у офицеров Генерального штаба всегда должна быть ясной. Сталин сам устанавливал график их отдыха и лично следил за его исполнением.

В конце ноября к Москве стали подходить стратегические резервы, и вскоре в ходе сражения наступил перелом. Советская армия перешла в решительное наступление, нанесла противнику мощные удары на севере, под Тихвином, на центральном направлении, под Москвой и на юге, под Ростовом, что не позволило фашистскому командованию осуществить маневр силами. В столицу возвращались правительственные учреждения, в том числе и Генеральный штаб во главе с маршалом Шапошниковым. К сожалению, именно в это время Борис Михайлович тяжело заболел, и обязанности начальника Генерального штаба были возложены на генерал-лейтенанта Василевского.

Рождение новых замыслов, планирование операций, анализ решений командующих фронтами, контроль действий войск, изучение и обобщение опыта сражений слились в один непрерывный процесс. Одновременно Генеральный штаб вел огромную работу по созданию стратегических резервов, внедрению в практику боевых действий передового опыта, оснащению войск новыми видами оружия и боевой техники. Создавались танковые корпуса и даже армии — первые из них появились уже в мае 1942 года.

Зимнее наступление советской армии заглохло месяцем раньше: враг все еще обладал превосходством в численности личного состава, количестве и качестве вооружения, а главное, в уровне тактического и оперативного мастерства. Стратегическая пауза не могла быть долгой. Стороны готовились к новой кампании,

от победы в которой, что хорошо понимали в Генеральном штабе, зависит дальнейшее поведение Турции и Японии, а также дальнейший ход, а может быть, и исход всей войны в целом.

Верховный главнокомандующий был сторонником активной обороны, которую он понимал как ряд частных операций с относительно неглубокими целями. Шапошников считал, что намерения противника не являются окончательно ясными, а потому предлагал совершенствовать оборону, отложив операции до лета. Жуков в основном разделял его позицию, но решающим было мнение Сталина...

Принятый план содержал внутреннее противоречие, ибо отражал стремление и наступать, и обороняться одновременно. Кроме того, возможный характер действий противника был оценен неверно, и поэтому на западное направление выделили гораздо больше сил, чем на юго-западное. Тут сказались и влияние опыта предыдущей кампании, и результаты дезинформационной операции «Кремль», проведенной фашистским командованием.

Тревожные результаты ждать себя не заставили: 8 мая гитлеровские войска перешли в наступление на Керченском полуострове и в течение нескольких дней нанесли поражение Крымскому фронту, изменив обстановку на юге. Маршал Шапошников заволновался: не есть ли это лампочка индикатора, указывающая, какое стратегическое направление станет в ближайшие месяцы главным?

Вместе с Василевским он поспешил к Верховному главнокомандующему, чтобы убедить его воздержаться от наступательных действий на южном крыле советско-германского фронта.

Рекомендации Генерального штаба были учтены лишь частично: задачи наступления, предстоящего на юго-западном направлении, ограничились освобождением Харькова.

Действия советских войск под командованием маршала Тимошенко начались 12 мая и вначале развивались успешно.

— Вот видите, — упрекал генштабистов Верховный, — а по вашему настоянию чуть было не отменили такую удачную операцию!

Но уже к 19 мая фланговые контрудары гитлеровских дивизий под командованием генералов фон Паулюса и фон Клейста сделали положение критическим. За реку Оскол удалось отвести лишь часть советских войск; характер потерь был таков, что выгодное соотношение сил, как и стратегическая инициатива, здесь надолго оказалось на стороне противника.

Очередная неудача последовала на севере, где в окружении погибала 2-я ударная армия, чей командующий, генерал Власов, как позже выяснилось, встал на путь предательства. Вывести из окружения удалось только часть личного состава без тяжелой техники и вооружения.

Тем не менее 6 апреля 1942 года А. М. Василевскому было присвоено воинское звание «генерал-полковник», а 26 июня последовало его утверждение в должности начальника Генерального штаба: здоровье маршала Б. М. Шапошникова ухудшалось. Верховный главнокомандующий этим дал понять, что высоко ценит и уважает его мнение, а споры... что ж, в них рождается истина.

Прошло всего лишь два дня, и грозные события вновь потрясли советско-германский фронт. Группа армий «Юг» перешла в решительное наступление, чтобы достичь Волги и Кавказа, овладеть нефтью Каспия, отсечь военные поставки для Советского Союза через Иран и создать предпосылки для последующего успешного завершения войны.

Положение стремительно обострялось, и Александр Михайлович проводил гораздо больше времени в войсках, помогая командованию Брянского и Юго-Западного фронтов, нежели в стенах здания Генерального штаба. С июля внимание его было приковано к Сталинграду, и 23 августа, в день массированного воздушного наступления противника на город, он был там, под вражескими бомбами.

Генерал-полковник Василевский координировал действия войск, помогал командованию фронта создать

оборону, организовывал контрудары и прием пополнений вплоть до прибытия Г. К. Жукова, на которого было возложено общее руководство всеми обороняющими подступы к Волге оперативно-стратегическими объединениями.

Особенно тяжелое положение сложилось к середине сентября. Фашистское командование начало решающий штурм, судьба города, казалось, висела на волоске, а спешно собранные пополнения, с потерями переправленные через Волгу, быстро таяли в жарком пламени сражения. Но именно тогда в Ставке Верховного главнокомандования состоялась беседа, во время которой определились и судьба битвы на Волге, и дальнейший ход войны в целом. В ней принимали участие всего лишь три человека: сам Верховный главнокомандующий, его заместитель Г. К. Жуков и начальник Генерального штаба А. М. Василевский.

Нанести мощные удары из районов севернее и южнее Сталинграда, чтобы окружить и уничтожить втянутую в бои за город группировку противника! Замысел был прост, строг и красив.

Успех операции во многом зависел от скрытности ее подготовки, и Сталин лично определял, кого и в какой степени привлекать к планированию. Поэтому изрядную часть кропотливой работы Александру Михайловичу приходилось делать в закрытом кабинете самому; карта, цветные карандаши, циркуль и курвиметр — вот, пожалуй, и все, чем пользовался военачальник, определяя порядок и последовательность разгрома противника в решающей битве войны. А ведь он параллельно руководил и повседневной деятельностью Генерального штаба, и выезжал в район Сталинграда для участия в подготовке ударных группировок.

3 и 10 ноября заместитель Верховного главнокомандующего Г. К. Жуков и начальник Генерального штаба А. М. Василевский провели совещания с управлениями Юго-Западного и Донского фронтов, проверили точность понимания поставленных задач и способов их решения, организацию взаимодействия с артиллерией, танками и авиацией. После этого генерал армии Жуков

получил распоряжение подготовить отвлекающую операцию Калининского и Брянского фронтов, а генерал-полковник Василевский — координировать усилия всех трех оперативно-стратегических объединений сталинградского направления в ходе проведения контрнаступления.

До начала операции оставалось всего два дня, как вдруг последовал внезапный вызов в Москву. О причинах можно было только гадать, но, судя по всему, ожидавший его в Ставке «сюрприз» вряд ли мог быть приятным. Так и случилось.

— Ознакомьтесь, товарищ Василевский, — сказал Верховный, когда он вошел в знакомый кабинет, где члены Государственного комитета обороны в это время обсуждали хозяйственные вопросы.

Трудно сказать, что испытывал Александр Михайлович, читая письмо, подписанное командиром 4-го механизированного корпуса В. Т. Вольским; мол, запланированное наступление, безусловно, обречено на неудачу, и он, как честный член партии, просит отложить операцию или отказаться от нее совсем!

— На мой взгляд, никаких оснований для отмены подготовленной операции не существует, — сказал Василевский.

Утром следующего дня начальник Генерального штаба уже был в Серафимовичах, в штабе Юго-Западного фронта, который играл ведущую роль в первые дни операции, а затем направился в 5-ю танковую армию, наносившую главный удар.

Наступление началось в соответствии с планом, но густой снегопад резко снизил эффективность артиллерийского огня, не позволял использовать штурмовую авиацию. Лишь к 12 часам передовые дивизии смогли преодолеть первую позицию и продвинуться на 2–3 километра. Другие соединения, встретив ожесточенное сопротивление и постоянно подвергаясь контратакам, шли вперед крайне медленно.

Выход был один — ввести в сражение два танковых корпуса, 1-й и 26-й, предназначенные для развития успеха. Новая задача была поставлена соединениям быст-

ро и четко. Их удар взломал оборону противника, и темпы наступления резко возросли.

К исходу дня танкисты продвинулись в глубину до 20 километров, разгромив попавшие под удар румынские части. Наибольший успех выпал на долю 4-й танковой армии под командованием генерала Кравченко: глубина ее продвижения достигла 35 километров.

На следующий день, 20 ноября, в наступление перешел и Сталинградский фронт. Условия погоды были еще более тяжелыми, но благодаря опыту предыдущего дня войска продвинулись на два десятка километров и здесь.

Вечером, докладывая Верховному главнокомандующему о ходе операции, Василевский счел нужным сообщить и об отличных действиях 4-го механизированного корпуса под командованием В. Т. Вольского...

23 ноября в районе Калача встретились воины Сталинградского и Юго-Западного фронтов. Кольцо вокруг вражеской группировки замкнулось! Генерал Василевский немедленно принял меры по созданию внешнего фронта окружения, а затем, по просьбе Сталина, полностью переключился на координацию действий сил, предназначенных для уничтожения окруженного противника.

Задача была не из легких — гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. Позже выяснилось, что в окружение попало 330 тысяч солдат и офицеров противника, то есть в три раза больше, нежели первоначально предполагала разведка.

Кроме того, на первых порах окруженная группировка располагала достаточным количеством тяжелого вооружения и боеприпасов, а свежая память о недавних победах и обещанная фюрером помощь побуждали к стойкому и упорному сопротивлению. Было у противника и пять исправных аэродромов, используя которые рейхсмаршал Геринг пытался организовать снабжение окруженцев по воздуху, привлекая для этого даже бомбардировщики.

Но все же советскому командованию и Генеральному штабу в первую очередь удалось полностью отыгратся

за дезинформационную операцию «Кремль». Даже в начале ноября разведка противника все еще докладывала командованию, что решающую операцию Красная армия готовит на смоленском направлении, а на Волге будет преследовать лишь ограниченную цель, что для развертывания широкого наступления у нее, обескровленной в летних сражениях, просто нет достаточных сил. Только 12 ноября противник смог обнаружить признаки грядущего натиска, но не сумел определить ни его масштаб, ни время, ни направления ударов.

Нет, не напрасными были строгие меры предосторожности, запрещавшие служебную переписку и все телефонные переговоры, связанные с подготовкой операции.

Кольцо окружения неуклонно сжималось, в первой половине декабря удалось организовать и плотную воздушную блокаду противника. Но тем временем на южном и юго-западном фасах внешнего фронта обстановка становилась все более тяжелой.

Стало известно, что там создавалась обладавшая исключительной ударной силой армейская группа «Дон», специально предназначенная для деблокады окруженных войск генерала фон Паулюса. Командовать ею был назначен генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, стяжавший лавры талантливому военачальнику в кампаниях 1941–1942 годов.

Перед А. М. Василевским встала одна из самых сложных задач военного искусства — отражение деблокирующей группировки. А ведь он только что закончил разработку совместной операции двух фронтов, Донского и Сталинградского, по разгрому окруженных в Сталинграде фашистских войск. 11 декабря план был утвержден Ставкой. Особая роль в предстоящем наступлении возлагалась на 2-ю гвардейскую армию под командованием генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского.

Это объединение, созданное из отборных дивизий в районе Тамбова, Раненбурга и Мичуринска, поступало в распоряжение командующего Донским фронтом К. К. Рокоссовского и должно было, завершив передвижение в 165 железнодорожных составах, занять район сосредоточения к 18 декабря. Именно эта дата могла

стать первым днем операции, но Эрих фон Манштейн не замедлил внести свои коррективы.

Утром 12 декабря группа армий «Дон» в составе 30 дивизий с 500 танками при поддержке авиации нанесла сокрушительный удар на узком участке из района Котельниково, прорвала оборону советских войск на внешнем фронте окружения и, тесня их, начала продвигаться на северо-восток, к Сталинграду.

Генерал Василевский смотрел на карту: необходимо срочно перебросить на угрожаемое направление резервы, но это невозможно. Железные дороги перегружены, не успеть. Остается единственный выход — вопреки утвержденному Ставкой плану, направить 2-ю гвардейскую армию не на внутренний, а на внешний фронт окружения, против деблокирующей группировки. Причем действовать надо быстро, иначе будет поздно.

Но Верховный главнокомандующий отказал в его просьбе сразу и категорически: ведь 2-я гвардейская армия предназначена также и для наращивания удара в направлении Ростова-на-Дону, с тем чтобы отрезать не только окруженные в Сталинграде войска, но и всю кавказскую группировку противника. Сама мысль о том, что придется отказаться от столь заманчивого плана, выводила Сталина из себя.

Он резко упрекнул начальника Генерального штаба в вымогательстве резервов Ставки, но тот твердо стоял на своем. В конце концов Верховный главнокомандующий сердито сказал, что вопрос об изменении задач 2-й гвардейской армии будет рассмотрен на заседании Государственного комитета обороны.

Но это потеря нескольких часов, да и то в лучшем случае. Вот когда проверяется мужество! Василевский позвонил на командный пункт Донского фронта. К счастью, на месте был генерал Малиновский, чьи соединения уже стали прибывать в Сталинград. На свой страх и риск Василевский поставил задачу на оборону по рубежу степной реки Мышкова.

Родион Яковлевич лично оценил обстановку, понял масштабы надвигающейся угрозы и, не колеблясь ни минуты, приступил к выполнению поставленной задачи.

Под пронзительными степными ветрами, сквозь ночь и пургу его дивизии двинулись на указанный рубеж.

Прошел час, другой. Василевский мерил шагами комнату. Риск его поступка был действительно велик. Цена — не служебное положение, не карьера, а скорее всего голова!

Он не знал и знать не мог, как решается вопрос на заседании Государственного комитета обороны, но полагал, что нелегко. А там судьба его держалась на волоске. Против изменения задач армии был командующий Донским фронтом К. К. Рокоссовский — он считал, что сумеет разгромить окруженную группировку прежде, чем подойдут танки фон Манштейна. Против был и такой авторитет, как Г. К. Жуков. Он полагал, что даже если фон Паулюс и вырвется из окружения, то ущерб будет меньше, чем тот, который последует в случае отказа от удара 2-й гвардейской армии на ростовском направлении. Все зависело от того, сумеет ли сам Верховный главнокомандующий проницательно оценить обстановку, осознать суровую необходимость и отказаться от столь желанной и многообещающей операции.

Три часа ночи... четыре. Разгружаются эшелоны, все дальше уходят полки Малиновского, все более необратимыми становятся последствия принятого решения. Пять часов утра. Резкий звонок.

Василевский снял трубку, зная, что сейчас прозвучит решение — приговор.

— Черт с вами, — услышал он раздраженный, даже злой голос Сталина, — берите!

18 декабря на реке Мышкова разгорелось ожесточенное сражение, в результате которого попытка противника деблокировать окруженную группировку провалилась, хотя временами танки фон Манштейна были от нее всего в 35 километрах. А затем советские войска сами перешли в наступление.

Боеспособность окруженной группировки стала падать, хотя надежда на спасение была утрачена позже, 10 января, когда войска Донского фронта под командованием К. К. Рокоссовского начали решительное наступление с целью ее разгрома. Моральный дух гитле-

ровских солдат и офицеров начал неуклонно снижаться, и 2 февраля 1943 года прозвучали последние в битве на Волге выстрелы...

Все зимние месяцы нового года генерал Василевский провел на Верхнем Дону, помогая командованию Воронежского и Брянского фронтов осуществлять разработанные Ставкой операции. Только в январе здесь были уничтожены 15 дивизий противника и еще 6 понесли существенные потери. При этом в плену оказались 86 тысяч гитлеровских солдат и офицеров.

Операции следовали одна за другой, непрерывной серией. Голос Левитана все чаще перечислял освобожденные советские города: Воронеж, Касторное, Курск и 16 февраля — Харьков!

Этот день стал для Александра Михайловича знаменательным и по другой причине: именно тогда он прочитал указ президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему высокого воинского звания «Маршал Советского Союза». Новость была тем более неожиданной, что предыдущее воинское звание «генерал армии» военачальник получил всего лишь месяцем раньше.

18 февраля последовал срочный вызов в Москву: успешное зимнее наступление и великая победа в Сталинградской битве позволяли надеяться на скорое изгнание оккупантов. Верховный главнокомандующий стремился максимально использовать успех и потому возложил на маршала Василевского координацию действий Брянского, Центрального, Воронежского фронтов, а также левого крыла Западного с целью разгрома группы «Центр».

Красивый и четкий замысел гигантской операции обещал победу масштабам, прежде военной истории неведомых, и Александр Михайлович был уверен, что скоро придется планировать боевые действия на территории Белоруссии, но внезапное изменение стратегической обстановки вновь заставило сосредоточить внимание на юго-западном направлении.

Один из самых талантливых военачальников Третьего рейха, командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн 19 февраля начал неожиданное контрнаступление и 15 марта сумел вновь

захватить Харьков. Начальнику Генерального штаба пришлось оставить работу над прежними замыслами и по приказу Сталина вместе с маршалом Жуковым выехать на угрожаемое направление.

Напряженная, почти без сна и отдыха неделя, сочетание контрударов с жесткой обороной на выгодных рубежах — и вражеское наступление остановлено. Теперь требовалась глубокая, тщательная оценка обстановки на советско-германском фронте в целом, и Александр Михайлович вылетел в Москву.

В результате контр наступления войск фон Манштейна образовалась огромная дуга с Курском в центре, внутри которой стояли 10 общевойсковых, две танковые и две воздушные армии. Настала стратегическая пауза, и лишь на Кубани продолжались жаркие воздушные сражения, в ходе которых советские летчики медленно, но верно лишали асов Геринга права на господство в воздухе. Обе стороны использовали время для выработки решений на предстоящую кампанию и восполнение сил.

Разведка докладывала о тотальной мобилизации в Германии — под ружье ставили даже 50-летних мужчин, благодаря чему численность войск на Восточном фронте удалось довести до 4,8 миллиона человек. Кроме того, еще 525 тысяч человек насчитывалось в армиях союзников гитлеровского режима. Всего против Советского Союза, по данным разведки, действовали 232 дивизии противника, более 54 тысяч орудий и минометов, почти 6000 танков и штурмовых орудий, около трех тысяч самолетов, а на море — 277 боевых кораблей.

В памяти маршала невольно всплыли другие цифры — прошлогодние. Тогда к началу осени численность фашистских войск составляла 6,2 миллиона человек. Значит, противнику так и не удалось восполнить все свои потери! И тем более не удастся в будущем.

На что же он рассчитывает? Ну конечно же на восстановление мощи бронетанковых войск! Работа в этом направлении развернулась лихорадочная, особенно после доклада, сделанного 9 марта генералом Гудерианом, где тот отметил, что «к сожалению, в настоящее время

у нас нет ни одной полностью боееспособной танковой дивизии».

Неплохо стала работать разведка! Докладывает она также и о спорах среди гитлеровского генералитета, сводящихся к тому, как решительными действиями ослабить силу ожидавшегося летом 1943 года наступления советских войск, после чего вновь завладеть стратегической инициативой и добиться перелома в войне в свою пользу.

Особые надежды при этом возлагаются на новую технику — самолеты «фокке-вульф 190А», «хеншель-129» и особенно тяжелые танки «тигр», «пантера», самоходные орудия «Фердинанд».

Но, спасибо К. А. Мерцкову, новейшие танки врага еще зимой попали в руки советской армии под Ленинградом. Они изучены, обстреляны, советские конструкторы в кратчайшие сроки создали эффективные средства борьбы с ними, которые вот-вот поступят в войска.

Действующая армия насчитывает свыше 6,4 миллиона человек, почти 99 тысяч орудий и минометов, 9580 танков и самоходных орудий, около 8300 боевых самолетов. Такие силы и обладание стратегической инициативой позволяют развернуть крупнейшее наступление. Цель его — окончательно закрепить наметившийся перелом в войне в пользу Советского Союза, разгромить гитлеровские группы армий «Центр» и «Юг», освободить Левобережную Украину с Донбассом и Восточную Белоруссию.

Генеральный штаб приступил к выработке плана уже в конце марта. Закипела бурная, но скрытая от посторонних глаз деятельность. На орловское, курское, харьковское, донбасское направления выводились общевойсковые, танковые, артиллерийские соединения, создавались мощные резервы и накопления вооружений, боевой техники, боеприпасов и горючего. В тылу войск, оборонявшихся на Курской дуге, развертывалось новое мощное оперативно-стратегическое объединение — Степной фронт в составе 6 общевойсковых и одной танковой армии, двух механизированных и 6 танковых корпусов.

Казалось, для организации наступления предусмотрено все, но поступившие в начале апреля сведения заставили срочно пересмотреть почти готовые планы. Советская разведка вскрыла подготовку противника к встречному наступлению и даже установила его дату!

Ставка Верховного главнокомандования оказалась перед дилеммой: наступать или обороняться? И вновь самым тщательным образом анализировались боевые возможности войск своих и противника, кропотливо изучались разнообразные варианты действий. Постепенно и Генеральный штаб, и Ставка склонялись к идее перехода к преднамеренной обороне.

8 апреля, в то время как маршал Василевский излагал точку зрения Генерального штаба Верховному главнокомандующему, тот получил доклад Г. К. Жукова, находившегося на Курской дуге, в войсках Воронежского фронта.

«Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным, — писал маршал. — Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выйдем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника».

— Надо посоветоваться с командующими фронтами, — сказал Сталин, прочитав доклад.

Лишь 12 апреля, после всестороннего учета мнений командующего Центральным фронтом К. К. Рокоссовского и Воронежским — Н. Ф. Ватутина, на совещании в Ставке было принято окончательное решение о преднамеренной обороне.

Началась титаническая работа по созданию на курском направлении многополосной обороны глубиной до 600 километров, выдвижению стратегических резервов, организации специальных и воздушных операций, сосредоточению гигантских запасов материальных средств, активизации действий партизан и наращиванию усилий разведки. Но в поле зрения стратегического руководства была не только оборона.

Одновременно разрабатывалась и другая, наступательная операция, получившая название «Кутузов». Цель ее состояла в том, чтобы в наиболее выгодный момент сражения ударами Центрального, Брянского и левого крыла Западного фронтов разгромить группировку противника на северном фасе Курской дуги и освободить город Орел.

Василевский решал сложнейшие головоломки, оперируя тысячами фактов и цифр над картами в служебном кабинете, но еще больше времени он проводил в войсках, проверяя ход подготовки к грандиозной битве и помогая на месте устранять недостатки.

Закаленные пламенем войны генералы и офицеры отмечали умение начальника Генерального штаба необыкновенно быстро ориентироваться в обстановке, глубоко анализировать решения подчиненных, выслушивать и принимать их аргументированные доводы. Внешне мягкий, умеющий облечь свое решение в форму вежливой просьбы, он подчас исподволь подводил генералов и офицеров к нужным выводам так, что у тех складывалось впечатление, будто они пришли к этому сами, после чего брались за дело с утроенной энергией.

— Вот вы командуете такой массой войск, и у вас это неплохо получается, а сами, наверное, и мухи не обидите, — сказал как-то раз Сталин.

Впрочем, кому, как не Верховному главнокомандующему, было знать о стальной воле своего полководца?

В центре внимания маршала Василевского был Воронежский фронт, чьи действия он как представитель Ставки должен был координировать с войсками фронта Юго-Западного, и конечно же деятельность разведки. А она оказалась на высоте: определены общий замысел противника на летний период, направления его главных ударов, состав ударных группировок и резервов, даже точное время начала наступления.

Правда, Гитлер трижды переносил сроки начала операции, считая свои войска неготовыми, и разведчикам снова приходилось совершать подвиги, выясняя, не отказался ли враг от собственных намерений, не пересмотрел ли планы наступления, а то и всей летней

кампании? А может быть, задержка вызвана «техническими причинами» — не успели сосредоточить нужные соединения, перебросить необходимое вооружение, грузы? Или фюрер просто нервничает — ведь сейчас лето 1943-го, а не 1941-го... Разведка подтверждала вновь и вновь — планы противника остаются в силе, он готов к наступлению, вот только сроки начала операции откладывает. Задержка беспокоила многих, включая Верховного главнокомандующего, но в ночь на 2 июля в Генеральный штаб поступили сведения, что переход фашистских войск в наступление на курском направлении в ближайшие четыре дня неизбежен.

Вскоре эти данные путем захвата пленных подтвердила и тактическая разведка, причем с точностью до часа. То же время — 3 часа ночи 5 июля — называли перебежчики. В ходе совещания с командующим Воронежским фронтом генералом Ватутиным Василевский пришел к решению: провести заранее спланированную артиллерийскую и авиационную контрподготовку.

Позже выяснилось, что эффективность ее превзошла все ожидания: обрушившаяся на изготовившегося к атаке противника лавина огня нарушила систему его управления и взаимодействия, а части первого эшелона понесли такие потери, что их пришлось заменить. На ликвидацию последствий работы советских артиллеристов и летчиков у гитлеровского командования ушло целых три часа!

Великая битва на Курской дуге началась, и маршал Василевский внимательно следил за ее ходом. При всей напряженности титанической схватки неожиданностей быть не должно! Он лично наблюдал за гигантским танковым сражением у Прохоровки, а с переходом советских войск в наступление координировал действия Юго-Западного и Южного фронтов.

Анализ итогов Курской битвы показал, что танковым войскам противника нанесен невосполнимый урон, а значит, отныне он лишился возможности вести стратегическое наступление. Важный вывод не только позволял, но требовал срочно пересмотреть все планы летне-осенней кампании: теперь можно и нужно перехо-

дуть в широкое наступление на фронте от Великих Лук до Черного моря, ставить задачи по освобождению Левобережной Украины, на выход к Днепру и захват плацдарма на его противоположном берегу.

Страна выдержала жестокое испытание. В пламени Курского сражения родилась сверхдержава!

Всего лишь за три месяца, с 7 августа по 5 ноября, были спланированы, подготовлены и осуществлены Смоленская, Донбасская, Чернигово-Припятская, Брянская, Новороссийско-Таманская, Керченская десантная и Мелитопольская операции, а также крупнейшая операция по освобождению Левобережной Украины. Град непрерывных ударов сыпался на противника, без перерывов во времени, не позволяя не только маневрировать резервами, но даже основательно осмыслить происходящее. В каждой из операций действовали два или больше фронтов, а потому маршал Василевский лично принимал участие в их разработке и проведении, как всегда, с высочайшим искусством координируя действия стратегических объединений. Одновременно он поддерживал связь с другими представителями Ставки, общее руководство которыми осуществлял Верховный главнокомандующий.

Успехи советской армии заставили союзников активизировать свои действия, и в разгар Курского сражения они высадились на Сицилии. Успех операции был омрачен гибелью британского солдата от укуса итальянского осла. Неизвестно, наградил ли Муссолини отважное животное — ведь осел был единственным существом, оказавшим сопротивление англо-американским войскам.

А на востоке гитлеровские дивизии продолжали упорно цепляться за каждый метр земли, использовали естественные рубежи обороны и, несмотря на потери, часто переходили в контратаки. Но остановить лавину советского стратегического наступления они уже не могли.

Стремительный выход к Днепру был осуществлен силами четырех фронтов на 700-километровом рубеже. Напряжение боев, казалось, достигло предела. Так,

лишь одна дивизия противника, 11-я пехотная, только за один день, 12 октября, потеряла 80 процентов личного состава!

В то же время число награжденных советских солдат и офицеров красноречиво говорило о высочайшем наступательном порыве, мужестве и возросшем уровне военного искусства войск. Высокого звания Героя Советского Союза были удостоены 438 участников битвы за Днепр.

Пламя сражений переместилось с исходного берега великой реки на противоположный, положив начало освобождению Правобережной Украины. Маршал Василевский, как всегда, был на одном из важнейших направлений — координировал действия 3-го и 4-го Украинских фронтов.

Победоносный год заканчивался. Советские войска, разгромив 118 гитлеровских дивизий, уверенно теснили противника на запад, к государственной границе. В конце декабря Александр Михайлович был вызван в Москву: предстояло выработать окончательное решение по зимней кампании нового, 1944 года. Круг участников этого совещания, по соображениям секретности, был крайне ограничен.

— В настоящее время имеется возможность и необходимость решать задачи вооруженной борьбы по-новому, — сказал Верховный главнокомандующий. — Надо проводить кампании 1944 года не операциями на одном-двух направлениях, а нанесением мощных внезапных ударов то на одном, то на другом участке стратегического фронта, с тем чтобы противник, маневрируя силами и средствами, везде и всюду опаздывал, чтобы он ослаблял плотность войск именно там, где был намечен очередной удар.

Маршал Василевский и присутствовавший на совещании маршал Жуков по достоинству оценили концепцию, выдвинуть которую мог только выдающийся стратег. Затем последовало обсуждение, где именно сосредоточить силы и средства для нового удара по основным силам противника и окончательного разгрома фашистского блока. На всем стратегическом фронте таких рай-

онов было определено 10, а подготовленные и проведенные в них удары по имени автора концепции позже были названы «сталинскими».

А. М. Василевский вместе с Г. К. Жуковым несколько дней проработал в Генеральном штабе над предварительными расчетами, уточнением деталей плана и директивами командующим фронтами, а затем оба выехали в войска. Уровень военных знаний и навыков Верховного главнокомандующего к этому времени был таков, что позволял осуществлять общее руководство операциями фронтов не представителем Ставки, как прежде, а лично им самим через Ставку, Генеральный штаб и даже непосредственно. В наступающем году Александр Михайлович получил задачу координировать действия 3-го и 4-го Украинских фронтов.

Новая серия ярких и, несмотря на зимне-весеннюю распутицу 1944 года, стремительных операций. И вновь, как под Сталинградом, пришлось отстаивать свою точку зрения в жестком споре с Верховным главнокомандующим.

— Ну, знаешь, Александр Михайлович, я от страха чуть под лавку не полез, — сказал, улыбаясь, Ф. И. Толбухин, услышав, как Сталин и Василевский обсуждают план предстоящей операции по телефону.

Но, успокоившись, Сталин согласился с мнением полководца. Фашистские войска на Никопольском плацдарме были уничтожены, и 10 апреля, в день, когда Одесса праздновала освобождение, грудь маршала украсил недавно учрежденный высший военный орден «Победа». И первым, кто поздравил Александра Михайловича, был сам Верховный, заметивший при этом, что военачальник награждается не только за освобождение Донбасса и Украины, но и за освобождение Крыма, на который теперь следует обратить особое внимание.

Наказ исполнился скоро: ровно месяц спустя, 10 мая 1944 года, автомобиль маршала Василевского пересек одну из дорог в районе Мекензиевых гор — Александр Михайлович хотел посмотреть на только что освобожденный Севастополь. Взрыв противотанковой мины громыхнул внезапно. Мотор и передние колеса отлетели

в сторону, сидевшие в машине лишь чудом остались живы. Сам начальник Генерального штаба свои ранения серьезными не считал, но медики настояли на его эвакуации в Москву. Там последовал очередной спор с врачами, в котором последние одержали решительную победу и уложили маршала на госпитальную койку. Но и эту вынужденную паузу военачальник постарался использовать в интересах дела.

Перед его мысленным взором еще и еще раз вставали детали предстоящей гигантской операции, цель которой — разгром группы армий «Центр» противника и освобождение Белоруссии. Решение о ее проведении Ставка приняла еще в конце 1943 года, и Генеральный штаб в кратчайшие сроки провел расчеты по требующимся силам, созданию запасов боевой техники, боеприпасов, горючего, снаряжения, продовольствия и других материальных средств. Колоссальная работа, связанная с перегруппировкой войск и доставкой всего необходимого из глубины страны, уже шла в обстановке строжайшей секретности.

Гитлеровские штабисты, несмотря на полученные уроки, по-прежнему недооценивали противника, а потому даже мысли не допускали, что советская армия может наступать по всему фронту. Очередной удар они, как и ранее, ожидали на юге, где и держали главные силы. Оставалось только поддерживать их в этом заблуждении. Лихорадочные оборонительные работы на центральном участке советско-германского фронта и демонстративное «появление» большинства танковых армий на юге — лишь малая часть широкого плана по дезинформации противника относительно истинных намерений советского командования.

Разработка конкретного плана Белорусской операции, как и всей летней кампании в целом, началась в Генеральном штабе еще в апреле, и Василевский вплотную занялся ею, будучи в стенах госпитальной палаты.

Для разгрома группы армий «Центр» привлекались войска 1-го Прибалтийского, 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов, а также Днепровская военная флотилия и крупные силы партизан. Замысел предусматривал од-

новременные удары на лепельском, витебском, богушевском, оршанском, могилевском, свислочском и бобруйском направлениях, окружение и уничтожение противника в районе Витебска и Бобруйска, стремительный перенос усилий в глубину, разгром 4-й гитлеровской армии восточнее Минска и дальнейшее развитие наступления к западной границе.

Мало того: одновременно войска Ленинградского и Карельского фронтов готовили свои наступательные операции, которые, начавшись по времени раньше Белорусской, должны были отвлечь внимание и силы врага с центрального участка.

После всестороннего обсуждения, длившегося целых 10 дней, 30 мая план был утвержден Ставкой. Смелый и грандиозный, он требовал и грандиозных усилий для своего воплощения. Особая нагрузка легла на железные дороги. Она была настолько велика, что при самом строгом контроле за графиком перевозок наступление пришлось перенести с 14 июня на 23-е.

А в тылу фашистских войск уже развертывалась, набирая силу, другая операция: опережая действия регулярной армии, первыми нанесли удары по врагу партизаны. Только за одну ночь с 19 на 20 июня на железных дорогах Белоруссии прогремело 40 тысяч взрывов!

Противник понес значительный ущерб и был существенно ограничен в маневре еще до того, как мощные удары советских войск взломали его оборону на фронте от Новоржева до Ковеля.

Вскоре посыпались донесения о разгромленных вражеских дивизиях, окруженных корпусах, освобожденных городах и районах. Темпы наступления временами превышали 100 километров в сутки, так что офицеры Генерального штаба едва успевали наносить изменения в обстановке на карты масштаба 1:200 000 — именно с ними работал Верховный главнокомандующий, требуя, чтобы ясно было видно положение каждой дивизии.

В середине июля успех Белорусской операции перерос в успех всей летней кампании. Советские армии пошли на запад в гигантской полосе от Балтики до Кар-

пат. Осенью Василевский подвел итоги прошедших месяцев: 23 августа вышла из войны с Советским Союзом и через два дня объявила войну Германии Румыния, 5 сентября вышла из войны Финляндия, а 8-го — Болгария и тут же объявила войну Третьему рейху. Советские войска стояли перед Восточной Пруссией, на Висле и в Карпатах.

Новый, 1945 год маршал встретил в Прибалтике, готовя Восточно-Прусскую наступательную операцию. Темпы наступления здесь не могли быть столь высокими, как в Белоруссии, ибо вся ее территория, по сути дела, была превращена в сплошной укрепленный район, состоявший из долговременных фортификационных сооружений, противотанковых заграждений и минных полей.

Порой сухие цифры способны рассказать о накале боев красноречивее самых ярких слов: лишь за первые два дня наступления, 13 и 14 января, войска двух фронтов израсходовали около двух тысяч вагонов боеприпасов, для доставки которых после перегрузки потребовалось бы 100 тысяч автомобилей.

Однако досадный случай чуть было не прервал руководство успешно начатой операцией.

Вечером 18 января 1945 года Василевский ехал на командный пункт генерал-полковника И. Х. Баграмяна. Вдруг на дороге показалась машина, с огромной скоростью мчавшаяся навстречу. За рулем сидел офицер. Водитель не успел ни отвернуть, ни остановиться; удар страшной силы выбросил всех на дорогу. Александр Михайлович с трудом поднялся на ноги; сильно болели голова и бок. (Как оказалось, у него были сломаны два ребра.) Перед ним стоял бледный, как полотно, старший лейтенант и протягивал свой пистолет.

— Товарищ маршал, — голос срывался, — расстреляйте меня, я этого заслуживаю!

— Уберите оружие, — приказал маршал, — и немедленно отправляйтесь в часть. Доложите о случившемся командиру.

Тем же вечером Василевский, прибыв в управление группы, собрался прилечь — мучили сильные боли,

но тут ему доложили: виновный в происшествии офицер, командир разведывательной роты, арестован, его ожидает трибунал. Маршал счел необходимым заступиться. Офицер был освобожден и в ту же ночь блестяще провел сложный поиск в тылу противника. Позже старший лейтенант был удостоен звания Героя Советского Союза, а маршал Василевский никому и никогда больше не называл фамилии виновника происшествия.

В начале февраля в связи с отъездом Сталина на Ялтинскую конференцию Василевский получил приказ прибыть в Москву, чтобы вернуться к обязанностям начальника Генерального штаба и заместителя народного комиссара обороны. Таким образом, на время отсутствия Верховного главнокомандующего он принял на себя ответственность за руководство ведением войны в целом.

Если общая обстановка на советско-германском фронте говорила, что окончательная победа — лишь вопрос времени, то ход операции в Восточной Пруссии это время отдалял. Здесь сказывалось отсутствие генерального «дирижера», способного заставить сразу несколько фронтов слаженно сыграть стратегическую симфонию.

Верховный главнокомандующий обдумал положение на северном фланге фронта, в ночь на 16 февраля рекомендовал Александру Михайловичу снова выехать в Восточную Пруссию. При этом речь шла не только о ближайших стратегических задачах: маршалу Василевскому предлагалось наметить там две-три лучшие армии для последующей переброски на Дальний Восток.

Тогда же полководец впервые услышал, что через два-три месяца после капитуляции фашистской Германии, возможно, именно ему придется руководить всеми советскими войсками на этом огромном театре военных действий. В ответ Александр Михайлович попросил освободить его от обязанностей начальника Генерального штаба, так как большую часть времени он все равно проводил на фронтах.

— А вас не обидит такое решение? Мы подумаем, — ответил Сталин, вскинув удивленный взгляд. — А пока отдохните дня два, побудьте с семьей, сходите в театр...

Василевский воспользовался советом и тем же вечером вместе с женой, Екатериной Васильевной, отправился в Большой театр. Во время спектакля к нему подошел адъютант и сообщил, что Верховный главнокомандующий просит его к телефону. Подойдя к аппарату, Александр Михайлович услышал грустный голос Сталина и узнал о гибели командующего 3-м Белорусским фронтом генерала армии И. Д. Черняховского.

— Во главе Третьего Белорусского фронта Ставка намерена поставить вас, — сказал в завершение Верховный главнокомандующий.

Потеря была тяжелой. Черняховский, выпускник Академии бронетанковых войск, помимо других необходимых командующему фронтом качеств отличался глубокими знаниями в области разнообразной и сложной боевой техники, что во многом определяло успех вверенных ему объединений.

20 февраля маршал Василевский прибыл в Восточную Пруссию. Он отлично знал не только оперативную, но и тактическую обстановку, был знаком с руководящим составом фронта, армий и далее корпусов, а потому смог сразу приступить к работе. На следующий день соседний 1-й Прибалтийский фронт решением Ставки был на правах отдельной группы войск влит в состав 3-го Белорусского фронта, при этом генерал-полковник И. Х. Баграмян становился заместителем маршала Василевского и командующим Земландской группой войск одновременно. Таким путем, столь же нестандартным, сколь и остроумным, Верховный главнокомандующий решил проблему единого руководства двумя оперативно-стратегическими объединениями.

Обстановка была сложной: накануне, когда Александр Михайлович собирался вылететь из Москвы, гитлеровцы нанесли два встречных удара с целью деблокирования окруженного Кенигсберга — один со стороны самого города, а другой с Земландского полуострова. После трехдневных ожесточенных боев им удалось отеснить советские войска и соединить обе своих группировки коридором.

В битве за Восточную Пруссию противник напрягал все силы, а они были немалые: на подступах к Кенигсбергу, в самом городе и на Земландском полуострове оборонялись до 30 дивизий группы армий «Север», а также отряды службы безопасности СД, штурмовиков СА, военные группы охранников, полевой полиции и даже спортивные группы «Сила через радость».

Опирались они на чрезвычайно развитую в инженерном отношении оборону — так, в одной только хейльсбергской группировке долговременных оборонительных сооружений насчитывалось более 900.

В то же время советские войска здесь давно не получали пополнений, так как главные усилия были сосредоточены на берлинском направлении. По той же причине боеприпасы и новая боевая техника поступали в ограниченном количестве, а отставшие тылы не справлялись с обеспечением частей материальными средствами, особенно горючим. Ударная сила корпусов и дивизий значительно снизилась, и они несли большие потери, буквально прогрызая бетонированную оборону противника.

В этих условиях маршал Василевский рассмотрел все возможные варианты решений и выбрал единственно верное: отказаться от попыток одновременного натиска по всему фронту и перейти к последовательному разгрому основных группировок противника. Конечно, общая продолжительность операции при этом затягивалась, но другого выхода не было...

Первый удар следовало нанести по самой крупной, хейльсбергской группировке. Двадцать дней велась ее тщательная разведка, накапливались боеприпасы, пополнялся боевой состав частей и подразделений, планировались огонь артиллерии и удары авиации, просчитывались задачи войск, организовывалось взаимодействие. Учитывая ограниченность собственных сил, маршал Василевский предусмотрел нанесение двух рассекающих ударов по сходящимся направлениям, с востока и юго-востока, а затем уничтожение противника по частям.

Реализация замысла началась во второй половине марта. Сплошной туман не позволял использовать

авиацию и корректировать огонь артиллерии, весенняя распутица засасывала в грязь колеса орудий, автомобилей, ноги солдат и копыта лошадей, половодье вывело реки из берегов и превратило всю местность в болото, но советские воины упорно пробивались к сердцу вражеской обороны. В ходе двухнедельного наступления хейльсбергская группировка была полностью разгромлена.

Финальный акт сражения маршал наблюдал, находясь в боевых порядках войск. Предчувствуя скорый конец, фашисты бросились к южному берегу залива Фришес-Хаф, к баржам, лодкам и пароходам. Пытаясь отсечь преследующие советские части, они преждевременно взорвали дамбу, и мутные волны хлынули на равнину, утопив тысячи еще пытавшихся сопротивляться солдат и офицеров. А в море тем временем грохотали разрывы бомб, авиационных ракет и снарядов — это советские штурмовики охотились за отходившими судами и баржами.

Противник потерял 93 тысячи человек убитыми и 46 тысяч пленными. Трофеями советских войск стали 600 танков и самоходных установок, 3560 различных артиллерийских орудий, 1440 минометов, 128 самолетов.

Теперь настала очередь Кенигсберга. Всестороннюю подготовку его штурма генерал-полковник И. Х. Баграмян вел параллельно с разгромом хейльсбергской группировки. Разработанный под его руководством подробный план штурма города-крепости с гарнизоном в 130 тысяч человек при более чем четырех тысячах артиллерийских орудий, 100 танках и 170 самолетах был отправлен в Москву еще 16 марта и на следующий же день утвержден.

Противник при обороне города опирался на три тщательно подготовленные позиции. Первая, оборудованная в 6–8 километрах от центра, состояла из нескольких линий сплошных заграждений и минных полей, а в своей основе имела полтора десятка старых, но еще очень прочных фортов, в каждом из которых размещался солидный гарнизон.

По городским окраинам проходила вторая позиция,

включавшая каменные здания, баррикады и железобетонные огневые точки. Третью позицию, опоясывающую центральную часть города, составляли главным образом бастионы, рavelины, башни и крепкие постройки. В центре находилась цитадель, где засели несколько тысяч фашистов.

План предусматривал привлечь к штурму 6 армий, но... численность дивизий в них едва достигала трех тысяч человек, и то после доукомплектования.

Маршал Василевский проверил готовность к штурму: разведаны цели, подготовлен огонь 5 тысяч артиллерийских орудий, в том числе и особой мощности, калибра от 203 до 305 мм, на аэродромах ждут приказа на вылет 2500 самолетов, командиры и штабы тщательно, этап за этапом, отработали все детали предстоящих действий на точном, подробном макете местности.

Отточили свое мастерство, тренируясь в отбитых у противника дотах, рвах и траншеях, инженерно-штурмовые батальоны и штурмовые группы. Они продолжали тренироваться даже после начала огневой подготовки, длившейся на этот раз необычайно долго, целых четыре дня.

Борьба с мощными фортами велась особым методом. Сначала снарядами среднего калибра скашивались деревья, покрывавшие возвышенность, после чего артиллерия крупного калибра начинала раскапывать высоту взрывами. Земля разлеталась, и то, что совсем недавно было живописным холмом, являло на свет свою подлинную сущность — ощерившуюся амбразурами бетонную коробку форта.

— Вот и сняли с волка овечью шкуру, — говорили артиллеристы. — Добивать его будем прямой наводкой из гаубиц большой мощности...

6 апреля методический огонь на разрушение сменился шквалом артиллерийской подготовки, а затем, вслед за сплошной стеной разрывов, вперед двинулись танки и пехота. Во второй половине дня с полной силой стала действовать и авиация. С юга летели самолеты 1-й, с севера 15-й, с востока 3-й воздушных армий, с запада — бомбардировщики Краснознаменного Балтий-

ского флота, а высоко в небе гудели моторы тяжелых машин авиации дальнего действия.

Противник упорно сопротивлялся, пытался перебрасывать с Земландского полуострова резервные пехотные и противотанковые части, но советские войска к вечеру продвинулись на 3—4 километра, блокировали несколько фортов, перерезали железную дорогу Кенигсберг — Пиллау и фактически разрушили единую оборонительную систему города.

Гитлеровцы, исполняя приказ фюрера держаться любой ценой, пытались восстановить управление, привести в порядок потрепанные части, лихорадочно возводили новые укрепления, баррикадировали улицы, чинили разрушенные взрывами мосты.

Второй день штурма стал решающим. Советская авиация обрушила на противника 1500 тонн бомб, а грохот артиллерийских орудий не смолкал ни на минуту. Город напоминал вулкан, развалины домов перегородили улицы, практически полностью лишив обороняющихся свободы маневра.

Наступила ночь, но сражение не прекратилось. В темном небе застрекотали моторы легких ночных бомбардировщиков По-2. Более 1800 вылетов совершили тогда эти незаменимые машины, обрушив на врага 400 тонн бомб. А на земле советские штурмовые отряды и группы атаковали еще днем разведанные объекты. Дорогу открывали саперы. Они снимали вражеские мины, проделывали проходы в заграждениях, подрывали оборонительные сооружения, образуя проломы, в которые устремлялась пехота.

Пылали пожары, с грохотом рушились бетонные сооружения, обреченный враг бешено сопротивлялся, переходя в самоубийственные контратаки, но в пламени, дыму и пыли советские солдаты упорно шли к победе, овладевая квартал за кварталом.

На третий день штурма войска, наступавшие с северо-запада и юга, настолько сблизились, что артиллерийский огонь пришлось прекратить, и воины полагались лишь на стрелковое оружие и на умение вести рукопашную схватку.

8 апреля маршал Василевский, стремясь избежать лишнего кровопролития, обратился к генералам, офицерам и солдатам противника с предложением сложить оружие. Гитлеровцы отказались, но на следующий день, после залпов 5 тысяч орудий и ударов полутора тысяч самолетов начали сдаваться в плен целыми подразделениями. К исходу четвертых суток напряженных боев Кенигсберг пал.

В плен сдались 92 тысячи солдат и офицеров, трофеями советской армии стали 3500 артиллерийских орудий, 90 танков, почти 130 самолетов, множество складов с различным имуществом. В Ставку Верховного главнокомандования полетело радостное донесение, и в ночь на 10 апреля Москва салютовала войскам маршала Василевского 24 залпами из 324 орудий.

Теперь на территории Восточной Пруссии оставалась только земландская группировка противника в составе 8 дивизий, в том числе одной танковой. Советский командующий обратился к ее руководству, указал на безнадежность положения, бессмысленность дальнейшего сопротивления — ведь линия фронта уже проходила у Штеттина, то есть в 450 километрах к западу от Кенигсберга, — и предложил сложить оружие. Полководец гарантировал всем прекратившим сопротивление генералам, офицерам и солдатам жизнь, достаточное питание, медицинскую помощь раненым и больным, достойное обращение и возвращение на родину после войны.

Но ответа не последовало, и маршал Василевский, сосредоточив на направлении главного удара вдвое превосходящие силы, двинул их в наступление. В первый же день оборона противника была прорвана, а 17 апреля после ожесточенного боя советские войска заняли Фишхаузен. Личный представитель Гитлера, гауляйтер Кох, приказав своим солдатам биться до последнего, бежал на личном ледоколе в Данию. Войска 3-го Белорусского фронта, не ослабляя натиск, продолжали освобождение Земландского полуострова. Оставался лишь последний оплот обороны противника, Пиллау, но 25 апреля пал и он, а маршал уже через два дня склонился над карта-

ми противоположного, восточного края Евразийского континента...

Новой задачей, поставленной перед Василевским, был разгром Квантунской армии Японии. Это мощное стратегическое объединение численностью в 1,2 миллиона человек заставляло советское командование даже в самые тяжелые месяцы войны постоянно держать на Дальнем Востоке 20–30 дивизий. Договор о нейтралитете, подписанный в апреле 1941 года, не помешал японским кораблям задержать 178 советских судов и некоторые из них потопить.

Советская разведка знала о существовании и куда более грозных, облеченных в конкретные планы намерений. Так, по варианту военных действий против СССР, разработанному в Токио в 1942 году, предусматривалось отделить от России Дальний Восток и Сибирь, но победа советских войск под Сталинградом заставила японских стратегов отказаться от агрессии.

Советское правительство понимало опасность очага военного пожара на Дальнем Востоке, с одной стороны, и было обязано точно исполнить свои обязательства перед союзниками — с другой.

Еще в декабре 1943 года на Тегеранской конференции трех держав советская делегация дала принципиальное согласие на помощь в войне с Японией. Позже, на Ялтинской конференции в феврале 1945 года, было подписано соглашение по вопросам Дальнего Востока, в соответствии с которым через 2–3 месяца после капитуляции Германии Советский Союз вступал в войну против Японии. Уже в марте — апреле на отдаленный театр военных действий начала поступать новая боевая техника.

Японское руководство в свою очередь летом 1945 года твердо намеревалось продолжать войну, не допустить высадки союзников на японские острова, надежно оборонять свои завоевания в Китае и Корее. Основанием для решительности, с которой оно отвергло Потсдамскую декларацию, предложенную США, Великобританией и Китаем, служили вооруженные силы, насчитывавшие к этому времени более 7 миллионов человек, 10 800 самолетов и 500 боевых кораблей.

Правительства США и Великобритании хорошо понимали сложность задачи по завершению войны на Тихом океане. Без участия Советского Союза армии вторжения численностью примерно в 7 миллионов человек потребовалось бы не менее 18 месяцев. Жертвы в битве за острова будут огромны и намного превзойдут все потери, понесенные ранее. Разгром же Квантунской армии лишил Японию самой крупной и боеспособной группировки сухопутных войск, богатых материальных, продовольственных и сырьевых ресурсов Маньчжурии и Кореи, после чего дальнейшее сопротивление становилось бессмысленным.

5 апреля 1945 года Советский Союз денонсировал пакт о ненападении с Японией, а в мае — июне на Дальний Восток непрерывным потоком пошли железнодорожные составы, перебрасывая с запада закаленные, опытные армии. Для руководства ими развертывались три фронтовых управления. На западной границе Маньчжурии — Забайкальский фронт под командованием Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. На восточной границе — 1-й Дальневосточный во главе с Маршалом Советского Союза К. А. Мерецковым, а на северо-восточной границе готовился к боевым действиям 2-й Дальневосточный фронт, который возглавил хорошо знакомый маршалу Василевскому генерал армии М. А. Пуркаев.

Кроме того, для участия в грандиозной операции привлекались корабли Тихоокеанского флота под командованием адмирала И. С. Юмашева. Непосредственное руководство всеми военно-морскими силами возглавил прибывший на Дальний Восток адмирал Н. Г. Кузнецов.

Таким образом, для разгрома Квантунской армии в короткий срок была создана мощная группировка, насчитывавшая более 1,5 миллиона человек, 26 тысяч орудий и минометов, 5,5 тысячи танков и самоходно-артиллерийских установок, 3,8 тысячи боевых самолетов, около 200 боевых кораблей основных классов. И вся эта масса людей и техники подчинялась главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому.

Полководец обдумал замысел предстоящей операции еще весной — сама конфигурация границ подсказала идею окружения и разгрома Квантунской армии по частям. Но для этого сначала требовалось прорвать линию из укрепленных районов, достигавших 100 километров по фронту и 40 в глубину, опиравшихся на мощные форты да еще в условиях труднодоступной местности. Задача, решение которой в другое время стоило бы немалой крови, больших затрат сил и огромного расхода материальных средств, тем более что вряд ли масштабная подготовка Советского Союза могла быть осуществлена в полной тайне от японской разведки.

Но сейчас на границах Маньчжурии изготовилась к удару, несомненно, лучшая армия из всех, что когда-либо знала история. Велики были боевой опыт солдат, мастерство офицеров, искусство штабов, качество оружия и боевой техники, а во главе группировки стоял подлинный стратегический гений.

«Вы должны в совершенстве овладеть всеми принципами, всеми приемами ведения боя и операции и лишь после этого можете смело... поступать наоборот», — говорил, наставляя будущих военачальников, А. А. Свечин. Словно иллюстрируя парадоксальную мысль учителя советских полководцев, наступление началось 9 августа, ночью, в плохую погоду... без огневой подготовки! Тактическая внезапность была достигнута. Сама же дата начала кампании, указанная в полученной директиве, говорила союзникам о том, насколько точно СССР исполняет свои обязательства. Ведь после капитуляции фашистской Германии прошло ровно три месяца!

Противник отчаянно сопротивлялся, используя свойства труднопроходимой местности, железобетонные сооружения, отряды противотанковых и противопехотных смертников-камикадзе. Но войска всех трех фронтов все же рассекли оборону противника во многих местах, глубоко охватывая и окружая очаги сопротивления. График и темпы наступления не только выдерживались, но зачастую опережались.

К 11 августа соединения Забайкальского фронта достигли западных склонов Большого Хингана, а передовые части форсировали его и вышли на центральную Маньчжурскую равнину, совершив подвиг, не имевший аналогов в современной войне. Три дня спустя, к исходу 14 августа, продвижение войск Забайкальского фронта составляло 400 километров; советские дивизии шли к столице Маньчжурии, Чанчуню, и крупнейшему промышленному центру Мукдену.

Тем временем войска 1-го Дальневосточного фронта, наступая в сложных условиях горно-таежной местности, прорвали сильную полосу обороны, напомилавшую линию Маннергейма, но с еще более мощными фортификационными сооружениями, овладели 7 укрепленными районами и продвинулись в глубину на 150 километров. Успешно развивались боевые действия и в полосе 2-го Дальневосточного фронта — его войска уже громили противника на подступах к Цицикару и Цзямусы.

Правительство Японии расценило поворот событий на Дальнем Востоке как окончательное крушение своих замыслов.

«Вступление сегодня утром в войну Советского Союза, — заявил 9 августа премьер-министр Судзюки, — ставит нас в окончательно безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны».

В это же время, 6 и 9 августа, по приказу президента США Трумэна на японские города Хиросиму и Нагасаки были сброшены атомные бомбы. Как видно, военной необходимости в подобной акции не было, что вполне официально подтвердила созданная год спустя правительственная комиссия США. Главная цель состояла в том, чтобы показать другим странам, и прежде всего Советскому Союзу, каким сверхоружием обладают теперь США и кто отныне будет устанавливать новый мировой порядок. Что бы там ни было, но на действиях войск маршала Василевского это никак не отразилось.

Совершенно неожиданными для противника оказались высадки советских воздушных десантов на Южном

Сахалине и удивительных по быстроте и смелости морских десантов на острова Итуруп, Кунашир и Шикотан. А на континенте стремительно наступавшие советские танки настолько оторвались от тыловых частей, что горючее для них пришлось доставлять военно-транспортной авиацией.

14 августа правительство Японии приняло решение о капитуляции и на следующий день ушло в отставку. Но приказ о прекращении сопротивления не последовал, — должно быть, его забыли отдать, не до того, — и советские войска были вынуждены продолжать наступление. Краснозвездные самолеты полностью господствовали в воздухе, а корабли Тихоокеанского флота — на море, прочно закрепив за собой побережье Северной Кореи. Квантунская армия терпела сокрушительное поражение, и 17 августа ее главнокомандующий, генерал Отодзо Ямада, отдал приказ о начале переговоров с главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке.

Многие части или не были извещены об этом, или не пожелали подчиниться приказу, а потому продолжали яростное сопротивление. Японские пехотинцы часто переходили в контратаки со штыками наперевес, чтобы, оказавшись среди советских солдат, взорвать на себе осколочные мины, а противотанковые камикадзе в желтых, начиненных взрывчаткой поясах старались незаметно подобраться к боевым машинам и внезапно броситься под стальные гусеницы.

Тем не менее маршал Василевский видел, что сопротивление японских войск, несмотря на крайнее упорство и жесточенность, уже дезорганизовано, а раз так, можно смело идти на риск, непозволительный в борьбе с расчетливым, твердо управляющим своими частями противником. По его приказу советские войска на всех фронтах перешли к действиям специально сформированными подвижными отрядами из танков, самоходно-артиллерийских установок, пехоты на автомобилях и кавалерии. Они стремительно, не боясь отрыва от главных сил, выдвигались к жизненно важным и промышленным центрам, блокировали их гарнизоны, а за-

тем, как правило, принимали капитуляцию. С этой же целью широко применялись воздушные десанты — они были высажены в Мукдене, Чанчуне, Порт-Артуре, Дальнем, Харбине и Гирине.

19 августа японские войска начали повсеместно складывать оружие. В плену оказались почти 600 тысяч солдат и офицеров, в том числе 146 генералов.

Военная кампания на Дальнем Востоке увенчалась блестящей победой, избавившей от гибели сотни тысяч американских и британских солдат — ведь согласно плану Пентагона в ноябре 1945 года должна была состояться высадка на остров Кюсю, а в марте 1946-го — на остров Хонсю. Поэтому от неисчерпаемых бедствий и страданий были избавлены также и миллионы японских граждан.

Исход кампании на Дальнем Востоке имел поистине всемирно-историческое значение, ибо его прямым следствием стало провозглашение уже 17 августа независимой Индонезийской республики, 2 сентября, в день, когда японский министр иностранных дел Мамору и начальник генерального штаба Есидзиро подписывали акт о безоговорочной капитуляции, президент Хо Ши Мин провозгласил демократическую республику Вьетнам.

«Красная армия пришла помочь китайскому народу изгнать агрессоров, — писал в те дни Мао Цзэдун. — Такого еще не было в истории Китая. Значение этого события неопределимо».

После капитуляции Японии главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке отправился в Порт-Артур. Бывший кадровый офицер царской армии, он пришел на старое кладбище, чтобы поклониться праху солдат и матросов, погибших в Русско-японскую войну 1904–1905 годов.

Появление представительной группы военных вызвало настоящее смятение чувств у зрителя кладбища; ведь их форма была так похожа на ту, что когда-то, будучи полковником русской армии, носил и он. Оркестр заиграл траурный марш, и старый офицер, посвятивший остаток своих дней уходу за могилами героев,

зашелся в рыданиях. Маршал Советского Союза, благодаря полководческому гению которого нога Русского Солдата спустя 40 лет вновь ступила на землю Порт-Артура, тоже не смог сдержать слез... Великая Отечественная война закончилась Великой победой, но служба Родине продолжалась, и дел у Василевского не убавилось. Вскоре он вновь возглавил Генеральный штаб, а в 1949 году став министром Вооруженных сил СССР, немало потрудился, закладывая основы их дальнейшего развития на многие годы вперед.

Александр Михайлович никогда не проявлял политических амбиций, но глубокий ум, дальновидность, знания и кругозор стратега невольно заставляли тех, кто пришел на смену Сталину, чувствовать свою несостоятельность, а непререкаемый авторитет маршала в армии и народе их просто пугал. В 1953 году министром обороны СССР был назначен Н. А. Булганин, деятель больше партийно-хозяйственный, чем военный, А. М. Василевский стал его заместителем. Он оставался в этой должности и после того, как Булганина сменил Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Грозные на полях сражений полководцы не желали замечать интриг политиков, а между тем Н. С. Хрущев был весьма последователен в устранении наиболее крупных и ярких военачальников, чья слава и авторитет могли представлять опасность. В 1956 году был снят со своего поста главнокомандующий Военно-морскими силами СССР адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов, годом позже смещен маршал Г. К. Жуков и уволен маршал А. М. Василевский.

Теперь никто не мог помешать нанесению тяжелых ударов по флоту, авиации, бронетанковым войскам, ствольной артиллерии, разрушению стройной системы управления оборонной промышленностью, бездумному сокращению Вооруженных сил — всему тому, что лишь по недостатку общего и специального образования могло казаться военной реформой. А еще теперь можно было, ради сиюминутного эффекта, делать «подарки» в виде политых кровью русских солдат территорий...

Маршал Василевский, к счастью, увидел, как исправлялись ошибки, как менялся облик оснащенных новой боевой техникой армии и флота, ибо судьба отпустила ему еще 20 лет земной жизни, которые он посвятил обобщению своего богатого опыта и передаче его новым поколениям защитников Отечества. Страна и армия простились с ним под звуки пушечного салюта 5 декабря 1977 года у Кремлевской стены.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Масштабная операция по дезинформации советского военно-политического руководства проводилась в соответствии с директивой Главного штаба вермахта от 1 февраля 1941 года. Одновременно населению Германии внушалась мысль о том, что Советский Союз готовится нанести удар, а союзникам рейха — что операции вермахта на западе требуют усиления обороны на востоке и к мобилизации следует приступить уже теперь.

² В 1906–1907 гг. секретарь Московского комитета РСДРП(б).

³ Прославился бальзамированием тела Ленина, затем возглавлял лабораторию при Мавзолее. Сочетал знания марксизма и эзотерических учений Востока.

⁴ От моря до моря.

⁵ 1-я Конная армия, главная ударная сила Юго-Западного фронта.

⁶ Пригодные к боевому применению безоткатные орудия появились только к исходу Второй мировой войны. Они заняли нишу основного противотанкового средства мотопехотных батальонов и отчасти рот, а в 70-х годах XX века уступили место противотанковым управляемым ракетам.

⁷ Партийное и хозяйственное руководство Ленинграда, в котором Л. П. Берия и его союзники видели наиболее мощного соперника в будущей борьбе за власть, оклеветанное и репрессированное в рамках так называемого «Ленинградского дела».

⁸ Высшее научное учреждение, объединявшее ученых, работавших в области применения артиллерии и создания артиллерийских систем.

⁹ Как известно, Матиас Руст совершил следующую подобную посадку, причем в гораздо более благоприятных погодных условиях, 28 мая 1987 года, или почти на 45 лет позже. Так что пальма первенства бесспорно принадлежит советским авиаторам.

¹⁰ Максимальная скорость Me-262 достигала 870 км/час, а дальность полета — 850 км; советского МиГ-13 — 825 км/час и 1818 км соответственно.

¹¹ Истребители МиГ-13 до 1950 года состояли на вооружении ВВС Краснознаменного Балтийского и Северного флотов.

¹² По современной терминологии — крылатая ракета.

¹³ Этот своеобразный рекорд применения оружия подобного класса по войсковым объектам оперативно-тактического звена был превзойден только в 1991 году, во время кампании американских войск против Ирака.

¹⁴ Аэций, Флавий — римский полководец V века. В 451 году объединенные силы Западной Европы под его командованием нанесли поражение полчищам гуннов Атиллы в битве на Каталаунских полях. Был убит императором Валентинианом III, опасавшимся усиления власти и влияния полководца.

¹⁵ Воротынский Михаил Иванович — видный русский полководец XVI века. В 1572 году в битве при Молоди (50 км южнее Москвы) нанес сокрушительное поражение 110-тысячному войску крымского хана Девлет-Гирея. По приказу царя Ивана Грозного был арестован, подвергнут пыткам и скончался по дороге к месту ссылки.

¹⁶ Велизарий — византийский полководец VI века. В ходе длительных войн сумел в значительной степени восстановить Римскую империю в ее прежних границах. По приказу императора Юстиниана был отстранен от командования, удален от войск, подвергнут изоляции и лишен имущества.

¹⁷ Разумеется, с точки зрения современника.

¹⁸ Институт комиссаров, предназначенный для борьбы с финансовыми злоупотреблениями и хищениями, был создан именно во время правления «короля-солнца», а не в годы Великой французской революции.

¹⁹ Другое дело, что эту задачу никогда нельзя считать решенной окончательно и полностью.

²⁰ В полном соответствии с 15-летним планом восстановления народного хозяйства, выдвинутым в 1946 году.

²¹ Лидер — корабль типа эскадренного миноносца, но большего водоизмещения, с усиленным артиллерийским вооружением.

²² «Непобедимая армада» — крупный испанский воен-

ный флот. В 1588 году потерпел поражение от англичан, затем был уничтожен штормом.

²³ Альмиранте (*исп.*) — адмирал; так испанцы обращались к советскому военному атташе, несмотря на его звание «капитан 1-го ранга».

²⁴ Ютландское сражение — произошло 31 мая — 1 июня 1916 года между британским и германским флотами у п-ова Ютландия в Северном море. С обеих сторон участвовало около 250 кораблей, в т.ч. 50 линкоров. Противники поставленных целей не достигли, но британский флот сохранил господство на море.

²⁵ Монитор — бронированный низкобортный корабль, имеющий несколько орудий крупного калибра, предназначенный для нанесения ударов по береговым объектам противника, уничтожения его кораблей в прибрежных районах, на реках и озерах.

²⁶ Брандер (*ист.*) — судно с горючим материалом, применявшееся для поджога кораблей противника.

²⁷ «Берег — корабль — берег» — метод десантирования с пересадкой на десантно-высадочные средства, при помощи которых подразделения доставляются к пунктам высадки.

²⁸ Название конвоев определяли инициалы британского штабного офицера, ведавшего их проводкой, — P.Q. Edwards.

²⁹ «Бисмарк» — германский линкор. Во время первого выхода на коммуникации в Атлантике получил повреждение от британской авиационной торпеды, 27 мая 1942 года был добит английскими кораблями, перевернулся и затонул.

³⁰ Из них 13 в британской зоне ответственности.

³¹ И. Е. Петров — командующий Северо-Кавказским фронтом.

³² А. А. Владимирский — командующий Черноморским флотом.

³³ Нахимовское военно-морское училище в Ленинграде открылось 21 июня 1944 года.

³⁴ Инертная боевая часть — содержит лишь весовой эквивалент взрывчатого вещества из цемента, асфальта и т. п.

³⁵ Вместе с членами экипажей других кораблей, высланных для оказания помощи, погибли более 800 человек.

³⁶ Потери советского ВМФ в кораблях основных классов в годы войны составили 1 легкий крейсер, 31 лидер и эсминец, 86 подводных лодок.

³⁷ Впрочем, почему «один на один»? Вот что сказал министр информации Чехословакии Ваврчек, выступая по радио через несколько часов после подписания Мюнхенского договора: «Несомненно, великая Россия готова вступить в военные действия. Но вся Европа, включая Францию и Великобританию, считала бы эту войну войной большевизма с Европой, и тогда, вероятно, вся Европа выступила бы против России и против нас». Следует полагать, что Япония и Турция при таком повороте событий также вряд ли остались бы посторонними наблюдателями.

Оглавление

От автора	5
Маршал Советского Союза К. А. Мерецков	8
Маршал Советского Союза Л. А. Говоров	26
Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян	44
Генерал армии И. Д. Черняховский	66
Генерал армии Н. Ф. Ватутин	77
Маршал Советского Союза И. С. Конев	92
Маршал Советского Союза А. И. Еременко	105
Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский	115
Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин	123
Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский	150
Маршал Советского Союза Г. К. Жуков	163
Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов	177
Главный маршал авиации А. А. Новиков	259
Генерал армии А. В. Хрулев	323
Адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов	371
Маршал Советского Союза А. М. Василевский	450
<i>Примечания</i>	506

Литературно-художественное издание

Щукин Вадим Тимофеевич
ПОЛКОВОДЦЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Ведущий редактор *А. В. Варламов*
Художественный редактор *О. Н. Адаскина*
Технический редактор *Е. П. Кудиярова*
Корректор *И. Н. Мокина*
Компьютерная верстка *Е. Л. Бондаревой*
Компьютерный дизайн *В. А. Воронина*

ООО «Издательство АСТ»
141100, РФ, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие
«Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54,
тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

НАШИ КНИГИ ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ

буква

в Москве:

- м. Бауманская, ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. Каховская, Чонгарский б-р., д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. Китай-город, ул. Маросейка, д. 4/2, стр. 1, т. (495) 624-37-33 (30-34)
- м. Коломенское, ТЦ пр. Андропова, вл. 25, т. (499) 612-60-31
- м. Коньково, ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. Новые Черемушки, ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, т. (495) 739-63-52
- м. Парк Культуры, Зубовский б-р, 17, т. (495) 246-99-76
- м. Перово, ул. 2-я Владимирская, 52, т. (495) 306-18-97
- м. Петровско-Разумовская, ТК «ХЛ», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. Преображенская площадь, ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. Сокол, ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, т. (495) 781-40-76
- м. Тимирязевская, Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. Университет, Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. Царицыно, ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. Щелковская, ул. Уральская, д. 2
- м. Щукинская, ТЦ «Щука», ул. Щукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- Московская область, г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10

в регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Екатеринбург, ТРК «Парк Хаус», ул. Сулимова, д. 50, т. (343) 216-55-02
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, т. (3412) 90-38-31
- г. Краснодар, ТЦ «Красная площадь», ул. Дзержинского, д. 100, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- г. Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- г. Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- г. Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- г. Новосибирск, ТЦ «Мега», ул. Ватутина, д. 44, т. (383) 230-12-91
- г. Пермь, ТЦ «7 пятниц», ул. Революции, д. 60/1, т. (342) 233-40-49
- г. Ростов, ТЦ «Мега», Новочеркасское ш., д. 33, т. (863) 265-83-34
- г. Самара, ТЦ «Космопорт», ул. Дыбенко, д. 30
- г. Санкт-Петербург, ТЦ «Академический», Гражданский пр., д. 41, т. (812) 380-17-84
- г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 185, т. (812) 766-22-88
- г. Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22

Книги издательской группы АСТ Вы можете также заказать и получить по почте
в любом уголке России.

Пишите: 107140, Москва, а/я 140. Звоните: (495) 744-29-17
ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

МЫ ИЗДАЕМ НАСТОЯЩИЕ КНИГИ

История знает немало примеров поражений крупных, хорошо подготовленных армий лишь потому, что во главе их стояли личности, не соответствующие масштабу решаемых задач. И наоборот: благодаря талантливому военачальнику, в трудный час оказавшемуся во главе войска, часто одерживались победы над более сильным и опытным противником. Вот почему образ полководца, как бы концентрирующего в себе общенародное чувство патриотизма и любви к Родине, всегда являлся величиной национально-исторического значения.

В годы Великой Отечественной войны таланты советских полководцев начали раскрываться в самое тяжелое время, – когда возникла угроза уничтожения страны.

От сражения к сражению, от победы к победе приобретали опыт и уверенность военачальники Красной Армии. Они сумели одержать верх над германскими профессионалами высочайшего класса, подняв на небывалую высоту воинскую славу своего Отечества.

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-067139-7

9 785170 671397